Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

На правах рукописи

Соколова Анна Дмитриевна

Городская похоронная культура в идеологии и практиках довоенного СССР: историко-антропологический анализ

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук
по специальности 07. 00. 07 —
этнография, этнология и антропология

Москва
2021

Оглавление

Введение *4*

Актуальность темы исследования **4**

Степень разработанности темы **18**

Объект и предмет исследования **33**

Цели и задачи исследования **36**

Научная новизна **37**

Теоретическая и практическая значимость работы **39**

Методология и методы исследования **40**

Материалы и источники **43**

Положения, выносимые на защиту **50**

Степень достоверности и апробация результатов **52**

Структура диссертации **52**

Глава 1. Советская похоронная культура и проблема десемантизации смерти *54*

1.1 Похоронная реформа 1918 года **54**

1.2 Похоронные реформы в Европе в XVIII — XIX веках **58**

1.3 Нормативное регулирование и похоронные реформы в Российской Империи **63**

1.4 Последствия похоронных реформ и советский микрокосм **79**

Глава 2 Революционные похороны *93*

2.1 Жанр публичных похорон и революционное движение **93**

2.2 Гражданские похороны и возможность отказа от церковных обрядов **106**

2.3 Похороны жертв революции на Марсовом Поле **112**

2.4 Новая гражданская обрядность **122**

2.5 Практика красных похорон **131**

2.6 Похоронные практики и конструирование советской субъективности **147**

Глава 3 Смерть в утопии: кладбище в пространстве социалистического города *155*

3.1 Новый рациональный советский город **156**

3.2 Кладбища в старых городах **159**

3.3 Кладбища как общественные пространства советских городов **169**

3.4 Кремация как мортальная практика для города будущего **188**

Глава 4. Кремация как новая погребальная практика *201*

4.1 Европейская дискуссия о кремации XIX века **205**

4.2 Биологизация и десакрализация смерти и мертвого тела **210**

4.3 Опыт катастрофы **216**

4.4 Эмансипация похорон от церкви: европейский контекст **231**

4.5 Строительство Петроградского крематория **238**

4.6 Первый Советский крематорий ... **257**
4.7 Общественное мнение и кремация ... **261**
4.8 Головокружение от успехов ... **269**
4.9 Кремационное движение в СССР и советская идеология ... **273**
Глава 5 Советская реформа похоронного администрирования ... ***278***
5.1 Муниципализация похоронного дела и похоронный кризис 1919 года ... **281**
5.2 Антирелигиозная кампания и похоронная инфраструктура ... **285**
5.3 Новое администрирование и похоронный кризис ... **289**
5.4 Классовый принцип оплаты погребения и реконструкция похоронного дела ... **312**
Глава 6 Дистопия советской смерти ... ***325***
6.1 Деволюция советской похоронной реформы к низовому регулированию и частным практикам ... **326**
6.2 Развитие кремации. Кремация как практика чистоты ... **338**
6.3 Бессмысленность обычных похорон как норма: две утопии советской смерти ... **357**
6.4 Ревизии похоронного дела в послевоенный период ... **368**
Заключение ... ***390***
Библиография ... ***393***
Литература ... **393**
Источники ... **411**
Архивные материалы ... **430**

Введение

Актуальность темы исследования

Сегодня сложно представить себе, что без малого сто лет назад семейные обряды (крестины, свадьбы, похороны) занимали в обществе совсем иное, гораздо более важное, место. «...Среди городских обывателей создавалось явно антисоветское и чуть ли не погромное настроение. Это настроение еще усилилось тем, что все попы забастовали, отказываясь совершать обряды и богослужения»[1], — так описывает корреспондент газеты «Безбожник» последствия «поповской стачки» в Перми в 1918 году. Отказ священников совершать обряды стал результатом конфликта пермского епископа и Губчека. Во время напряженного противостояния верующих и коммунистов обе стороны поочередно устраивали митинги. В результате на большевистском митинге была принята резолюция, «резко осуждающая поповскую противосоветскую работу и стачку попов, требующая от попов немедленного прекращения стачки и просьбой к Сов. Власти принять меры, чтобы попы на время стачки были бы лишены продовольствия, ибо — “кто не трудится, тот да не ест”»[2]. Священники потерпели поражение и были вынуждены прекратить стачку. Отказ священников совершать обряды практически парализовал жизнь в городе, и революционная власть была вынуждена требовать прекращения стачки и возобновления богослужений, чтобы восстановить порядок.

Как видно из истории «поповской стачки», в российском обществе начала XX века эти ритуалы не находились в приватной сфере, как сейчас, а были в гораздо большей степени *публичным социальным действием*. Похоронный ритуал, который будет находиться в центре этого исследования, не только включал в себя большой круг лиц, далеко выходящий за пределы

[1] ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 11. Л. 22 — 25. Здесь и далее в цитатах из документов орфография и пунктуация сохранены. Названия всех использованных архивных дел даны в разделе «Архивные материалы» в конце работы.
[2] Там же.

родственников, но и становился *общественным событием*: его наблюдали, обсуждали, описывали в дневниках и письмах десятки людей, никак не связанных с умершим. Люди легко «считывали» социальный контекст происходящего — кем был покойный, каково было его общественное и материальное положение, отношения с родственниками, и даже политические взгляды. Похоронный ритуал, таким образом, был не только религиозным обрядом, но и социальным актом, действие которого могло распространяться за пределы семьи или небольшой социальной группы.

Будучи неотъемлемой частью общественной жизни рубежа XIX-XX веков, семейные обряды имели ярко выраженный сословный и конфессиональный характер. Каждая смена семейного статуса, будь то рождение ребенка, свадьба или смерть, должна была оформляться той конфессией и тем приходом, к которым принадлежала семья, в соответствии с правилами, присущими тому или иному сословию. Что касается похорон, то они должны были совершаться на кладбище той конфессии, к которой был приписан умерший. Такая тесная связь семейных обрядов с религиозными и сословными институтами также усиливала их социальный характер, делая их не только семейным, но и общественным событием.

В течение всего Советского периода общество, в особенности городское, претерпело многочисленные изменения, связанные не только напрямую с большевистской идеологией, но и с отходом от традиционного уклада, отказом от сословной организации, урбанизацией, развитием промышленности. В контексте данного исследования самым важным изменением стал существенный сдвиг похоронных практик, наряду с другими обрядами жизненного цикла, из публичной сферы в приватную. Важнейшим следствием этого процесса стало то, что непосредственный сценарий проведения похоронного ритуала более не был предписан ни тем положением, которое занимала семья покойного в обществе, ни формальной принадлежностью к той или иной конфессии, а зависел лишь от воли и

благосостояния самого покойного или его близких. Более того, в городах похороны в социальном контексте стали практически незаметны. Почти пропали похоронные процессии с колесницами и факельщиками, публичный вынос тела и прощание с покойным, обязательность религиозных обрядов; по виду катафального транспорта мы, как правило, больше не можем ничего сказать о покойном и том месте, которое он занимал в обществе, небольшие по-своему уютные конфессиональные кладбища в городской черте сменились огромными кварталами новых кладбищ в пригородах. К настоящему времени почти исчезли и другие социальные приметы смерти — нет больше специальной траурной одежды или даже отдельных символов траура, нет объявлений о смерти и похоронах, практически исчез жанр газетных некрологов.

Похоронная культура русских, как и других народов бывшего Союза, стала не просто более универсальной, простой, аскетичной. Умирание, смерть и похороны — из закономерного итога любой жизни и события, которому подходит понятный каждому вид поведения, стали чередой событий, вызывающих неловкость, поскольку никто больше не имеет четкой, прописанной и проверенной поколениями программы действий, которая вписывала бы смерть и похороны в социальный контекст. Экспликация похорон в общественной жизни минимизирована настолько, что даже иносказательная сама по себе надпись «ритуал» на автобусах-катафалках уменьшилась до незаметной таблички, а подчас и вообще отсутствует. Даже этот эвфемизм стал для нас «неудобным».

Несомненно, вытеснение похоронных практик из публичного пространства не уникальная черта Российского общества. Ф. Арьес полагал, что вытеснение смерти, или перевернутая смерть, является важнейшей чертой современности, которая «изгоняет смерть, если только речь не идет о выдающихся деятелях государства. Ничто не оповещает в городе прохожих о том, что что-то произошло. <…> Смерть больше не вносит в ритм жизни

общества паузу. Человек исчезает мгновенно. В городах все отныне происходит так, словно никто больше не умирает»[3]. Еще жестче эти изменения определяет Ж. Бодрийяр: «сегодня быть мёртвым — ненормально, и это нечто новое. Быть мёртвым — совершенно немыслимая аномалия, по сравнению с ней всё остальное пустяки. Смерть — это антиобщественное, неисправимо отклоняющееся поведение. Мертвым больше не отводится никакого места, никакого пространства/времени, им не найти пристанища, их теперь отбрасывают в радикальную утопию — даже не скапливают в кладбищенской ограде, а развеивают в дым»[4].

Однако, сравнивая похоронные практики крупных российских городов с тем, какое место занимает смерть в других индустриальных и постиндустриальных странах, можно увидеть, что там похороны в гораздо большей степени, чем у нас, продолжают быть вписаны в социальный контекст и в повседневность. Так, например, в некоторых штатах Америки правила дорожного движения отдельно регулируют действия водителей при встрече с траурным кортежем. Также как при встрече с полицией, скорой или пожарными, водитель должен остановиться и пропустить похоронный кортеж, маркированный специальными лиловыми лентами. Во многих европейских странах городские газеты постоянно публикуют некрологи и извещения о смерти частных лиц, а объявления о смерти и похоронах вывешиваются не только на дверях дома, но и по всему району, где жил умерший. Ничего подобного нет в России уже на протяжении ста лет.

Я полагаю, что данная особенность современной похоронной культуры в России имеет корни в Советском периоде и обусловлена не случайным совпадением обстоятельств, а является продуктом базовых концептов, лежащих в основе советского проекта в целом. Анализ практик обращения с мертвым телом в раннесоветский период может, таким образом, служить

[3] Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 455.
[4] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 234.

своеобразной линзой, фокусирующей широкий круг социальных, культурных, политических феноменов. Анализ советской похоронной культуры позволяет объяснить те из них, которые ранее казались аналитически непроницаемыми, странными, парадоксальными. Как я покажу ниже, то, что казалось результатом простой некомпетентности и глупости, или идеологической оголтелости, социального дирижизма и зловещей манипуляции людьми, в действительности было некоторым набором внутренних черт советского проекта, которые структурировали его изнутри, заставляли развиваться в определенном направлении. Эти основания советского проекта были связаны не столько с социалистической идеологией нового режима, сколько с принципиально новыми антропологическими константами, лежавшими в основании нового миропонимания, которое исповедовали большевики.

Утопический проект строительства нового общества предполагал формирование нового совершенного человека[5], который будет свободен от изъянов прежнего мира. Образ этого человека, который должен будет жить в прекрасном мире коммунизма, порождал новую интерпретацию человека, вокруг которой «пересобиралось» общество. Не будет преувеличением сказать, что важнейшей частью этой интерпретации было новое понимание человеческой мортальности. Нарочито атеистическое мировоззрение сторонников большевизма, предполагало принципиально новое понимание факта конечности человеческой природы. Старые категории, основанные на христианском представлении о бессмертии души, последующем воскресении из мертвых, были неприемлемы для нового режима, что вызывало необходимость переопределения всего комплекса представлений о

[5] Утопический советский проект стал предметом анализа многих исследователей. См., например: Stites R. Revolutionary dreams: Utopian vision and experimental life in the Russian revolution. N. Y.: Oxford University Press, 1991. 344 p.; Слезкин Ю. Дом правительства. Сага о русской революции. М.: Corpus, 2019. 976 с.; Wood E.A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 328 p.; Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 2003. 474 p.

человеческом бытии, пусть даже новые идеи разделяло и меньшинство населения.

Новое понимание человеческого бытия и мортальности было отнюдь не периферийной характеристикой социального порядка, создаваемого большевиками. В конце концов, сколь утопичными не были бы идеи реформаторов, от факта физической конечности земной жизни каждого человека никуда не уйти, а гражданская война и сопутствовавшие ей эпидемии постоянно напоминали об этом печальном факте. Впрочем, гораздо более важной является социальная роль смерти как важнейшего общественного явления[6]. Для того, чтобы похоронная культура и практики обращения и утилизации мертвых тел могли служить инструментами анализа и понимания советского общества, очевидно, что смерть и мортальные практики необходимо рассматривать не с точки зрения метафизических представлений и не как набор частных семейно-родственных переживаний, а как социальный акт.

Рассматривая смерть и практики обращения с мертвым телом как социальное явление, я предполагаю, что смерть не является только биологическим актом прекращения жизни, она формирует собой набор базовых практик, определяющих и структурирующих поведение коллектива. Вслед за Р. Герцем и А. ван Геннепом я предлагаю поставить в центр внимания переходный характер похоронных обрядов. Наряду с другими переходными обрядами, ритуалы обращения с мертвым телом призваны не только и даже не столько обеспечить успешный переход самого умершего в иной мир, сколько способствуют смене статусов тех, кто остался в живых. Каждый член общества, принимающий участие в обряде, таким образом не только вносит свою лепту в отделение умершего от общности живых, но и обретает вместе с

[6] См. также: Соколова А. Д. Замечания о значении “Death Studies” в современной науке // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 4. С. 243-245.

тем новый статус, сначала связанный с ограничениями переходного периода (траур), а потом с успешной ре-интеграцией в сообщество живых[7]. «Каждая перемена статуса человека при движении из группы в группу предполагает серьезную перемену в отношении общества к нему — перемену, которая происходит постепенно и требует времени, простого факта физической смерти недостаточно, чтобы смерть была сполна осознана: образ умершего все еще остается частью существующего миропорядка и отделяется от него мало-помалу в ходе целой серии разлук. Мы не в состоянии сразу признать того, кто умер, мертвым: слишком сильно он слился с нами и слишком много мы вложили в него самих себя, да и жизнь в коллективе формирует связи, которые в один день не оборвешь»[8].

Однако, социальная сущность мортальных практик этим не исчерпывается, поскольку смерть любого члена общества создает брешь в ткани общественных отношений. С точки зрения Герца, смерть уничтожает не просто человека, но социальную сущность, созданную в процессе длительных отношений между людьми[9]. Эта сущность стала результатом долгой и кропотливой работы всего коллектива, поэтому общество, сталкиваясь со смертью одного из своих членов, не просто теряет одну из своих составных частей, смерть подрывает сами устои существования общества, для восстановления которых требуются усилия и время[10]. Группе нужны действия, чтобы сфокусировать внимание своих членов, чтобы направить работу их воображения в определенное русло, чтобы заставить их поверить в то, что общество может продолжать существование после этого вызова[11]. «Смерть как общественный феномен представляет собой двунаправленный и болезненный процесс медленного разрушения и синтеза. И лишь когда этот процесс завершен, социум, вновь обретя покой, может праздновать победу над

[7] Геннеп А, ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 134-150.
[8] Герц Р. Смерть и правая рука. М., 2019. С. 165.
[9] Там же. С. 155.
[10] Там же. С. 157.
[11] Там же. С. 169.

смертью»[12]. Именно поэтому «какой бы момент религиозной эволюции мы ни рассматривали, понятие смерти всегда связано с понятием воскресения, а за изгнанием следует новая реинтеграция»[13]. Для социального сознания смерть является не одномоментным событием, а отдельным эпизодом социального процесса[14].

Т. Лакер развивает идеи, высказанные в начале XX века ван Геннепом и Герцем. В своей работе, символически названной «Работа мертвых», он утверждает, что «смерти в культуре уделяется время, потому что требуется время для того, чтобы прореха в социальной ткани была залатана, и чтобы мертвые выполнили свою работу по созданию, восстановлению, утверждению или же нарушению социального порядка, частью которого они были»[15].

По мнению Лакера, именно практики обращения с мертвыми телами, забота живых о мертвых является признаком того, что мы как биологический вид вышли из природы в культуру, именно это является нашим базовым отличием от других видов[16]. Мертвое тело, полагает Лакер, имеет значение везде и всегда, вне зависимости от религиозных или идеологических обстоятельств, и даже в отсутствии каких бы то ни было убеждений вообще. Он полагает, что это фундаментальное значение мертвого тела в культуре обусловлено тем, что «живым нужны мертвые гораздо больше, чем мертвым нужны живые», потому что не только живые люди, но и «мертвые создают социальные миры»[17]. Проводя постоянно эту работу, мертвые, по утверждению Лакера, создают нашу цивилизацию[18]. Похоронный обряд и другие практики обращения с мертвыми телами являются наиболее

[12] Там же. С. 177.
[13] Там же. С. 159.
[14] Герц Р. Коллективное представление о смерти // Р. Герц. Смерть и правая рука: пер. с фр. М.: ARS PRESS, 2019. С. 155-177.
[15] Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 10. Здесь и далее цитаты из работ на иностранных языках даны в моем переводе.
[16] Там же. P. 8-9.
[17] Там же. P. 1.
[18] Там же. P. 80.

консервативным элементом культуры, поэтому, когда в них происходят изменения, они всегда имеют какое-то значение — они в определенной степени свидетельствуют о внутреннем развитии общества, о том направлении, в котором оно движется, и о том, как меняется его самосознание[19]. Именно поэтому стремительные изменения практик обращения с мертвыми телами, произошедшие в раннесоветское время так важны для понимания всего советского проекта, и того, какие именно изменения происходили в обществе в этот период.

Смена доминирующего дискурса с христианского на марксистский радикально меняла и трансцендентные основания, лежавшие в основе представлений о человеке. Ф. Энгельс, один из основоположников нового учения, так определял сущность человеческой смертности: «Смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образовывавших его субстанцию, либо умершее тело оставляет после себя некий жизненный принцип, нечто более или менее тождественное с душой, принцип, который переживает все живые организмы, а не только человека»[20]. Но много ли людей, которые способны оставить после себя «принцип, который переживет все живые организмы»? По Энгельсу вывод из этой посылки был очевиден: поскольку таких людей, способных оставить после себя «жизненный принцип» единицы, то для большинства смерть — лишь разложение физического тела на набор химических составных частей, и тогда обряд похорон для них просто не имеет никакого смысла. Но что значит признать, что смерть человека — это тотальный конец? Как в таком случае прощаться с умершими? Зачем нужны похороны как таковые?

[19] Там же. P. 93-94.
[20] Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 610-611.

Ответ на эти вопросы не был простым даже для самых идейно выдержанных атеистов и большевиков. Публицист В. В. Вересаев посвятил поиску ответов на эти вопросы отдельную работу. Ясно чувствуя ту семантическую пропасть, которую открывает перед мыслящим человеком отказ от традиционной трактовки похоронного ритуала, Вересаев выражается максимально прямолинейно:

«Умирает человек. В прежнее время похоронный обряд имел совершенно ясный смысл. Люди собирались к гробу умершего, чтобы помолиться за упокой его души: сам труп представлял из себя нечто таинственное и священное, как храм, в котором жила бессмертная душа человека. А «храм оставленный — все храм». Для нас, в настоящее время, живой человек есть лишь известная комбинация физиологических, химических и физических процессов. Умер человек — данная комбинация распадается, и человек, как таковой, исчезает, превращается в ничто. Остается туша гниющего мяса. Какое к ней может быть разумное отношение? Такое же как при жизни человека — к его отбросам. Говоря словами кн. Андрея Болконского в «Войне и Мире», следует взять эту тушу за голову и за ноги и бросить в яму, чтоб она не воняла под носом. Как к отбросам, с отвращением, и относится к трупу всякая живая тварь, кроме человека. Мы же кладем это разлагающееся тело в ящик определенной формы, обтянутый красной материей, ставим у ящика почетный караул, сменяющийся через каждые десять минут (подумаешь, — нашли, что караулить!); для вящего почета несем до могилы, кряхтя и обливаясь потом, тяжелый ящик на плечах, а сзади едут пустые дроги. Играет музыка. Для чего все это? Какой в этом смысл?»[21].

«Работа мертвых», то есть социальная роль практик обращения с мертвыми телами, бинарна. Для мертвых ее смысл заключается в обряде

[21] Вересаев В. В. Об обрядах старых и новых. М.: «Новая Москва», 1926. С. 6.

перехода из мира живых в общество мертвых. Христианский обряд, о котором писал Вересаев, основан на представлении о бессмертии души, которая покидает тело умершего человека для того, чтобы продолжить свою вечную жизнь. В то же время для живых похоронные практики играют важнейшую терапевтическую роль, помогая им адаптироваться к ситуации утраты и, пережив ее, вернуться к прежней жизни. Вересаев, как и другие раннесоветские пропагандисты и публицисты, признает эту бинарность. Он призывает отказаться от первой части, связанной с идеей продолжения жизни за гробом, но сохранить терапевтическую роль обряда, насытив ее новым содержанием.

Опыт показывает, что обе эти функции похоронных практик тесно связаны, и одна не работает без другой. Если отказаться от первой части, признать умершее тело лишь «тушей гниющего мяса», разрушится и вторая, терапевтическая составляющая похорон. Похоронный ритуал, даже исполненный в соответствии с лучшими образцами советской культуры, не приносит облегчения и успокоения. Вот как В. Вересаев описывает пустоту и фрустрацию от присутствия на красных похоронах:

«*Умерла старая партийная работница. <…> В большом Красном зале Московского Комитета РКП, на Большой Дмитровке, на красном возвышении среди огромного ковра стоял гроб. По углам ковра — четыре больших пальмы, вокруг их кадок — белые хризантемы. Вечер. Яркое электричество, тишина, пустой зал. Почетный караул. Это было красиво и величественно, — эти четыре неподвижно вытянувшиеся, строгие фигуры на страже останков умершего своего товарища. Гуськом, неслышно вереницею, посетители шли вокруг гроба и выходили обратно в ту же дверь. <…> Приходили новые друзья. Остановятся перед гробом, смотрят на покойницу. Потом отойдут, сядут у стены, как мы, и сидят, и смотрят. Нет сил так сидеть, в этом бездеятельном, ни на что не отвлекаемом молчании. Чувствуется, — нужно что — то делать, нужно всем соединиться в каком*

— то общем, всех об'единяющем деле, в чем — то, что дало бы выход теснящему сердце горю.

Так было весь вечер, и всю ночь, и весь следующий день, и всю следующую ночь. На третий день хоронили. <…> С десяти часов посторонних удалили из зала, последний час предоставлено было провести с покойницею ее друзьям и близким. И опять мы сидели в молчании, и не знали, что делать, и, не отрывая глаз, смотрели в лицо умершей. И еще сильнее чувствовалась потребность в чем — то, что дало бы выход тому, что было в душе»[22].

Хотя атеистические взгляды большевиков предполагали, что похоронный обряд можно легко очистить от религиозной составляющей, на практике оказалось, что просто и безболезненно удалить из него семантику, связанную с переходным характером похорон, невозможно. Оказалось, что при отказе от семантики перехода, лежащей в основе похоронного ритуала, исчезает вообще всякий смысл обращения с мертвыми телами. Одновременно и редукция похоронной культуры к набору санитарных мероприятий, которая казалась очевидной наиболее радикально настроенным большевикам, также оказывается недостаточной. Между тем основы мировоззрения большевиков не давали возможности предложить никакой альтернативной семантики смерти, кроме абстрактной «жизни в памяти потомков». Хотя эта суррогатная форма бессмертия получила большое развитие в советской массовой культуре, став, в частности, важнейшим основанием соцреализма в советской литературе[23], ее символического содержания явно не хватало для создания работающего похоронного ритуала для простого советского человека. Дизайн, символика и процедура похоронного ритуала оставались крайне

[22] Там же. С. 9-11.
[23] Подробнее об этом см. Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. 293 p.

редуцированными, выхолощенными, никакого адаптивного потенциала, связанного с травмой смерти, они не несли:

«*Пришли на кладбище, поставили гроб на краю могилы. И начались — речи. Обычное похоронное хвалебное пустословие. И тупо, пусто становилось в голове от этих речей. Народу было много, — все кругом чернело народом. И каждая речь как будто отшибала от могилы по волне; кончалась речь, — и люди толпами устремлялись прочь. Не могли достоять полчаса, — а ведь шли, не отставали, всю далекую дорогу! После последней речи у могилы осталась небольшая кучка ближайших друзей…*

<…> А возьмите вы похороны уже самых рядовых, простых граждан: какое тут непроходимое убожество, какая серость и трезвость обряда! И какая недоуменная растерянность присутствующих! Приходят люди — и решительно не знают, что им делать. Чувство, которое привело их к гробу, остается неоформленным, путей для его проявления не дается. В лучшем случае — плохенький, полулюбительский оркестр и опять — речи. Но что же можно сказать такого, что действительно бы потрясло сердца, о рядовом враче, транспортнике или металлисте? Будет набор напыщенных и преувеличенных похвал, которые будут только резать ухо своею фальшивостью»[24].

При всех попытках насытить этот новый ритуал смыслами, сделать его менее «фальшивым», с каждым поколением он приобретал все в большей и большей степени характер ритуала власти. Не находя удовлетворения в этом новом обряде, большая часть населения либо воспроизводила в той или иной форме части традиционного (православного, мусульманского, иудейского и т. д.) обряда, либо совершала набор действий по утилизации тела, не сформированный в единый обряд. Для того, чтобы практики обращения с мертвыми телами продолжали работать как эффективный механизм

[24] Вересаев В. В. Об обрядах старых и новых. М.: «Новая Москва», 1926. С. 9-11.

пересобирания коллектива, травмированного утратой своей части, необходим консенсус, заставляющий людей бессознательно действовать тем или иным образом при столкновении со смертью. Однако за прошедшие сто лет семантическая лакуна, возникшая в раннесоветскую эпоху вокруг и внутри мортальных практик, не только не сошла на нет, но, напротив, лишь увеличилась, выйдя далеко за пределы высоко идеологизированных групп большевиков. Растерянность многих наших современников перед смертью отчасти наследует десемантизации смерти — одному из ключевых процессов в истории советской мортальности. Многие люди не знают, как надо обходиться не только с теми, кто умер сейчас, но и с теми, кто умер уже давно, и даже очень давно. Это непонимание способствует бесконечным войнам памяти вокруг погибших в советский период, будь то Великая Отечественная война, ГУЛАГ или какие-то иные сходные по масштабам феномены[25]. При отсутствии единой семантики смерти не происходит пересборки общества, ведущей ко всеобщему примирению и восстановлению общности живых.

Внутренний смысл смерти как социального процесса состоит в том, чтобы пересобрать коллективное тело после утраты одной из его частей, сформировать в его членах уверенность в том, что опасность миновала, функции социума восстановлены и жизнь продолжается. В этом смысле нет принципиальной разницы между похоронами как индивидуальным и коллективным обрядом. В обоих случаях это обряд перехода. По утверждению Д. Дэвиса, хотя смерть разрушает социальное бытие, связанное с конкретным индивидом, в ответ на это, создавая «успешное» сообщество мертвых, аналогичное обществу живых, общество регулярно воссоздает само себя[26]. Рассмотренная в данной работе история трансформаций ритуалов обращения с мертвыми телами показывает, что в советской России старый обряд перехода

[25] О поиске компромисса в современных практиках коммеморации Великой Отечественной войны см. также: Архипова А.С., Доронин Д.Ю., Кирзюк А.А., Радченко Д.А., Соколова А.Д., Титков А.С., Югай Е.Ф. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация дня победы // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 84-122.

[26] Дуглас Д., Герц Р. Социальное торжество над смертью // Герц Р. Смерть и правая рука: пер. с фр. М.: ARS PRESS, 2019. С. 229-232.

был отвергнут как не соответствующий новому пониманию человека, а новый не сформировался.

Степень разработанности темы

История похоронной культуры является достаточно разработанной областью в таких дисциплинах как death studies, культурная история, историческая антропология, этнология и этнография.

Наиболее ранними из книг, оказавших влияние на мое исследование, стали работы А. ван Геннепа[27] и Р. Герца[28], написанные в первой четверти XX века. Хотя эти исследователи не испытали взаимного влияния, их идеи во многом сходны. Оба они рассматривают смерть и похоронные ритуалы как социальное действие, цель которого необходимо искать в обществе живых. Ритуалы смерти и вся похоронная культура в целом, вне зависимости от религиозной принадлежности или того исторического этапа, на котором находится общество, призваны по их мнению стабилизировать общество, находящееся перед лицом утраты одного из своих членов, создать тот путь, идя по которому общество в целом и отдельные его индивиды не впадают в апатию, но продолжают жить и восстанавливают устойчивые социальные структуры, возвращаясь к исходному состоянию.

Одной из первых, но по-прежнему влиятельных работ в этой области, стала изданная в 1977 году книга французского историка Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти». Арьес утверждает, что отношение общества к смерти и мортальные практики отражают представления о человеке, характерные для того или иного периода развития общества. Арьес прослеживает изменения в отношении к смерти в западноевропейском обществе с древнейших времен до настоящего времени, и выделяет пять этапов этих изменений. По мнению

[27] Геннеп А, ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. 198 с.
[28] Герц Р. Смерть и правая рука: пер. с фр. М.: ARS PRESS, 2019. 264 с.

Арьеса похоронные ритуалы — это своего рода защита человечества от постоянного и устрашающего нападения неконтролируемой природы[29].

Значительное место в такого рода исследованиях занимает фундаментальная монография американского культурного историка Т. Лакера «The work of the dead. A cultural history of mortal remains», которая представляет собой подробнейшее исследование того, как меняется место мертвых тел и связанных с ними практик в западной культуре со средних веков до настоящего времени. Лакер начинает свою работу с истории древнегреческого философа Диогена, который завещал своим ученикам после смерти не хоронить его тело, а просто выкинуть его прочь, как мусор. Постоянно возвращаясь к этому сюжету, Лакер пытается понять, почему мертвые тела людей, которые не имеют никаких чувств, не сохраняют свою форму, и достаточно быстро превращаются из знакомых и родных образов в пугающие разлагающиеся объекты, почему эти мертвые тела во всех известных культурах удостаиваются такой заботы, и ни один известный народ не идет путем, предложенным Диогеном. Лакер приходит к выводу, что причиной этого является та работа, которую совершают в нашей культуре мертвые тела, то есть, иначе говоря, социальная функция смерти. По мнению Лакера, смерть и мертвые тела имеют определенные функции во всех обществах, однако, эти функции не монолитны, и меняются вместе с остальными элементами культуры. Лакер обращает особое внимание на те колоссальные изменения, которые происходят в культуре при переходе к новому времени, как с меняющимся представлением о человеке, его месте в мире, с развитием медицины, науки и технологий, меняются и мортальные практики, постепенно создавая те формы, которые являются доминирующими сегодня[30]. Работа Лакера рассматривает историю похоронной культуры в

[29] Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти: пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
[30] Laqueur, T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton: Princeton University Press, 2015. 711 p.

крайне широком контексте, несомненно, оставляя в стороне многочисленные детали.

Английский религиовед и теолог Д. Дэвис также рассматривает похоронную культуру как механизм, который помогает обществу противостоять разрушительным социальным эффектам, связанным с феноменом смерти. В своей работе «Death, ritual and belief: the rhetoric of funerary rites» Дэвис работает с концептом «слово против смерти». Он также рассматривает погребальные ритуалы как адаптивный ответ общества на смерть, и отдельно выделяет ритуальный язык как важнейшую форму этой реакции.[31]

В качестве отдельного блока можно выделить исследования, посвященные истории кремации в различных культурах. Несмотря на то, что эти работы фокусируются лишь на одном, наиболее модерном виде погребения, рассматривая различные истории появления, легализации и распространения кремации, исследователи включают в свой анализ самый широкий спектр явлений похоронной культуры. Работа П. Джаппа «From dust to ashes. Cremation and the British way of death" представляет собой культурную историю кремации в Англии. Автор показывает, как практика кремации появляется в Британии в середине XIX века, и несмотря на активное сопротивление Церкви, постепенно ко второй половине XX века становится доминирующим методом утилизации мертвых тел в стране. Однако, работа Джаппа отнюдь не ограничивается узким рассмотрением истории кремации. Для того, чтобы показать, как в британском обществе появляется сам запрос на новую погребальную практику и какие именно факторы приводят в конечном счете к ее легализации и популяризации, Джапп анализирует значительный спектр явлений, связанных с историей здравоохранения, права, градостроительной политики, военной истории[32]. С. Протеро в книге «Purified

[31] Davies D. J. Death, ritual and belief: the rhetoric of funerary rites. Continuum International Publishing Group, London, 2002, 320 p.
[32] Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. 252 p.

by fire. A history of cremation in America» проводит аналогичную работу в рамках изучения истории общества Соединенных штатов Америки. В отличие от Джаппа, который уделает большое внимание вопросу о противостоянии новой практике со стороны Церкви, Протеро утверждает, что распространение кремации в Америке было связано с запросом на новую практику, которая бы соответствовала специфическим американским представлениям о смерти. Развитие идей кремации происходило во многом внутри христианских общин, и новая практика воспринималась скорее, как возвращение к старым, более совершенным традициям[33]. Не менее важным представляется специальное исследование истории кремации в Румынии[34]. Отдельно стоит отметить также фундаментальный труд «Encyclopedia of cremation» под редакцией Д. Дэвиса, представляющий собой всесторонний справочник по всем аспектам истории и практики кремационного движения в новое и новейшее время[35].

Среди региональных исследований истории похоронной культуры следует отметить две работы по немецкой истории. Немецкий историк Н. Фишер рассматривает социальную историю кладбищ в Германии с XVIII до XX века как переход от церковных кладбищ (погостов) к кремации[36]. Американский историк М. Блэк анализирует более узкий временной период — с конца 1920-х по начало 1960-х годов, и ограничивает свой анализ лишь историей Берлина. Однако, круг вопросов, который она очерчивает, гораздо шире, в сравнении с Фишером. Рассматривая представления и практики, связанные со смертью в наиболее турбулентный период немецкой истории, Блэк прослеживает то, в какой степени эти практики испытывали влияние больших исторических потрясений и идеологических переломов. В то же

[33] Prothero S. Purified by Fire: A History of Cremation in America. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001. 280 p.
[34] Rotar, M. History of modern cremation in Romania. England: Newcastle Upon Tyne, Cambridge Scholar Publishing, 2013. 480 p.
[35] Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. 517 p.
[36] Fischer N. Vom Gottesacker zum Krematorium. Eine Sozialgeschichte der Friedhöfe in Deutschland seit dem 18. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1996. 256 s.

время Блэк предлагает проследить и обратную связь — влияние мортального дискурса и практик на изменения в немецкой политике и обществе XX века[37].

Таким образом, культурная история похоронной культуры в целом и отдельных ее проявлений в других странах является достаточно разработанной темой. Однако, трансформации похоронной культуры в России недостаточно вписаны в мировой контекст. Долгое время едва ли не единственными исследованиями, касавшимися похоронной культуры в России, оставались отдельные статьи об истории введения новой обрядности в СССР. Эти работы периода Холодной Войны, написанные западными авторами, чей доступ к источникам был крайне ограничен, заслуживают тем не менее внимания. Так, К. Биннс рассматривает создание новой гражданской похоронной обрядности в одном ряду с другими общественными церемониями — календарными праздниками, «паломничествами», институциональными праздниками, семейными обрядами — одновременно как инструмент и признак социальных изменений. Автор полагает, что новые церемонии отражали как меняющиеся властные, так и статусные отношения и процесс адаптации и приспособления революционного режима к национальным традициям, потребностям и реалиям «простых людей»[38]. Более поздние работы о социалистической обрядности, также как правило не рассматривали отдельно изменения похоронного обряда в советское время[39].

---

[37] Блэк М. Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии: пер. с англ. М.: НЛО, 2015. 408 с.

[38] Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part I // Man (New series). 1979. № 14. P. 585-606; Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part II // Man (New series). 1980. № 15. P. 170-187; McDowell J. Soviet civil ceremonies // Journal for the Scientific Study of Religion. 1974. Vol. 13. No. 3. P. 265-279.

[39] Байбурин А.К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с. Байбурин А.К. Советские обряды и ритуал торжественного вручения паспорта // Классический фольклор сегодня: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б.Н. Путилова. Санкт-Петербург, 14-17 сентября 2009 г. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. С. 404-428; Хвостова Г. Использование социалистической обрядности для преодоления религиозности населения. // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 5(73). С. 127-138; Smolkin-Rothrock V.A. Sacred Space is Never Empty: Scientific Atheism, Socialist Rituals, and the Soviet Way of Life (1954-1991). Berkeley: University of California, 2010. 254 p.; Шлихта Н. «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950-е — 1960-е гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3-4(30). С. 380-407; Жидкова Е.

В качестве исключения можно привести работу В. Смолкин «Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии», в которой автор обращается непосредственно к проблеме похоронного обряда в Советской культуре. Смолкин приходит к выводу о том, что в советской культуре, сформированной на атеистических началах, проблема ритуального оформления «обыкновенной» смерти оставалась критически важной на протяжение всего Советского периода[40]. Отмечу также работы Н. С. Полищук, в которых дан взвешенный и сохранивший значение анализ формирования и первых случаев традиции революционных похорон[41] и С. Г. Маслинской (Леонтьевой) о феномене пионерских похорон в 1920-е гг.[42], которые позволяют увидеть советские идеологизированные похороны в более широкой перспективе.

Небольшое количество социологических, экономических и фольклористических работ посвящены изменению роли похоронных агентов в социуме, социальной нише, которую занимают работники похоронных служб, и особенностям этой профессии. Авторы отмечают, что эти трансформации происходят под влиянием целого ряда причин, в том числе — изменения законодательной базы и экономической ситуации[43].

Значительно внимание исследователи уделяют теме традиционного похоронного обряда. Истории похоронных практик допетровской Москвы

советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3-4(30) С. 408-429.

[40] Смолкин-Ротрок В. Проблема «Обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3-4(30). С. 430-462.

[41] Полищук Н.С. У истоков советских праздников // Советская этнография. 1987. №6. С.3-15; Полищук Н.С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. 1991. №6. С.25-39.

[42] Маслинская (Леонтьева) С.Г. «По-пионерски жил, по-пионерски похоронен»: материалы к истории гражданских похорон 1920-х гг. // Живая Старина. 2012. № 3. С.49 — 52.

[43] Добровольская В.Е. Прескрипции, бытующие среди кладбищенских работников // Фольклор малых социальных групп. М., 2008. С. 126-133; Филиппова С.В. Структурные изменения института ритуальных услуг в современном российском обществе // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2008. № 3(34). С. 276-282; Антонова А.С., Сюткин Г.Н. Региональные проблемы нормативно-правового обеспечения ритуально-похоронного дела // Вестник академии. 2012. № 1(31). С. 73-76; Елютина М.Э., Филиппова С.В. Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 86-94.

посвящена работа Д. Х. Кайзера. На основе записей иностранных путешественников автор реконструирует практики того времени, касающиеся смерти, умирания, похорон и поминовения. Хотя значительное внимание уделено похоронам знатных людей и царей, в работе также содержатся некоторые сведения и о похоронах простых москвичей[44]. Необходимо отметить работы, в центре которых — семантика традиционного обряда. Одна из наиболее ранних работ такого рода — «Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки»[45] Д. К. Зеленина. На обширном и разнообразном этнографическом материале Зеленин анализирует особый способ поминовения людей, умерших неестественной смертью, а также народные представления о посмертной участи таких людей. Впервые опубликованная в 1916 году, эта работа важна для понимания семантики и состояния традиционного похоронно-поминального обряда в период, непосредственно предшествовавший трансформациям, описанным в моей работе. Кроме того, Зеленин уделяет внимание и вопросам нормативного регулирования похоронных практик, что также было крайне важно для меня. Исследование Зеленина об отношении к «нечистым» покойникам на современном материале продолжают исследования Е. А. Уорнер[46]. Отметим специально фундаментальную работу О.А. Седаковой «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян», посвященную структуре и семантике отдельных элементов погребальной обрядности восточных и южных славян[47]. Составленные автором обобщенные схемы погребального и поминального обрядов славян, являются точкой отсчета для

[44] Kaiser, D.H. 1992. Death and dying in early modern Russia // Major Problems in Early Modern Russian History / Ed. by Kollman, N.S. Garland, London: Articles-Garlan, 1992. P. 217-258

[45] Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. — М.: Индрик, 1995. — 432 с.

[46] Warner E. A. Russian Peasant Beliefs Concerning the Unclean Dead and Drought, Within the Context of the Agricultural Year // Folklore. No 122(2). P. 155-175. Warner, E.A. Russian Peasant Beliefs and Practices Concerning Death and the Supernatural Collected in Novosokol'niki Region, Pskov Province Russia, 1995. Part I: The Restless Dead, Wizards and Spirit Beings // Folklore. 2000. Vol. 111(2). P. 67-90. Warner E.A. Russian Peasant Beliefs and Practices, Concerning Death and the Supernatural Collected in Novosokol'niki Region, Pskov Province, Russia, 1995. Part II: Death in Natural Circumstances // Folklore. 2000. Vol. 111(2). P. 255-281.

[47] Седакова, О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. — М.: Индрик, 2004. — 320с.

понимания трансформации структуры обряда. Рассматривая Похоронный обряд в первую очередь как обряд перехода, Седакова анализирует его как своего рода текст, повествующий о пути, который проходит умерший, перемещаясь из нашего мира в мир иной, подробным образом характеризуя роли как живых, так и умерших в этом долгом пути[48]. Большое внимание семантике традиционного похоронного обряда уделено А.К. Байбуриным в его работе «Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов», в которой похоронный и поминальный обряды также рассматриваются в контексте продолжающихся отношений между живыми и умершими[49].

Ряд работ посвящен анализу состояния традиционного похоронно-поминального обряда в Советский период. Эти работы написаны преимущественно на сельском материале. Хотя авторы прослеживают определенные изменения, все они сходятся в том, что похоронный обряд оказался наиболее устойчивым среди всех обрядов жизненного цикла, и сохранился наиболее полным образом. Г. А. Носова, исследуя на материалах Владимирской области «бытовое православие» 1960-х годов, фиксирует важные сведения о состоянии сельского похоронного обряда в середине XX в.[50]. Отмечу также более поздние ее работы, выполненные на материале других регионов[51]. Отмечу также, сборник статей о похоронно-поминальных обычаях и обрядах, опубликованный сотрудниками ИЭА РАН[52]. Для нашего исследования наиболее важными оказались работы И.А. Кремлевой[53] и

[48] Седакова, О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

[49] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.

[50] Носова, Г.А. Бытовое православие (на материалах Владимирской области): Дис. … канд. ист. наук. — М., 1969. — 227с.

[51] Носова, Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. — М.: ИНИОН РАН, 1993. — 254 с.; Носова, Г.А. Русский традиционный похоронный обряд: современные формы // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. — М.: ИЭА РАН, 1993. — С. 84 — 122.

[52] Похоронно-поминальные обычаи и обряды. — М.: ИЭА РАН, 1993. — 310 с.

[53] Кремлева, И.А. Похоронно-поминальные обряды у русских: традиции и современность // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. — М.: ИЭА РАН, 1993. — С. 8-47.

Т.А. Листовой[54] с точки зрения учета православного фактора в формировании и сохранении традиционной обрядности и Г. А. Носовой[55] в плане результатов и методики проведения этносоциологического опроса по нашей тематики в Орловской и Воронежской областях, а также работа С.А. Иниковой[56] о похоронном обряде духоборцев с точки зрения изучения конфессиональных особенностей похоронного обряда русских. Важными являются также обобщающие работы о русском этносе, включающие разделы о похоронной обрядности[57]. Ряд важных идей о механизмах формирования и сохранения похоронного обряда были высказаны в работах Л.А. Тульцевой[58]. Исследованию преемственности традиционных практик в постсоветский период посвящена работа Дж. Руе-Уиллоби[59]. М. Боухард анализирует преемственность традиционных поминальных практик[60].

Стоит отметить, также ряд работ, рассматривающих комплекс похоронно-поминальной обрядности на границе этнографии и фольклора[61], уделяя особое внимание обрядовому фольклору. Это, в первую очередь,

---

54 Листова, Т.А. Похоронно-поминальные обычаи русских (на материалах Псковской и Смоленской областей) // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. — М.: ИЭА РАН, 1993. — С. 48-83.

55 Носова Г.А. Русский традиционный похоронный обряд: современные формы // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. — М.: ИЭА РАН, 1993. — С. 84-122.

56 Иникова, С.А. Похоронно-поминальный обряд духоборцев // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. — М.: ИЭА РАН, 1993. — С. 123-143.

57 Русские (Серия «Народы и культуры»). — М.: Наука, 1997 — 828с.; Русские рязанского края. М.: Индрик, 2009. — Том 2. — 748 с.

58 Тульцева Л.А. Погребальные и поминальные обычаи // Русские. Этно-социологические очерки. — М.: Наука, 1992. — С. 355-361; Тульцева, Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. — М.: Наука, 1985. — 191 с.; Тульцева, Л.А. Этнографические аспекты изучения религиозного поведения // Советская этнография. — 1979. — №4. — С. 43-57.

59 Rouhier-Willoughby J. Contemporary Urban Russian Funerals: Continuity and Change / J. Rouhier-Willoughby // FOLKLORICA. 2007. Vol. XII. P. 109-128

60 Bouchard M. Graveyards: Russian ritual and belief pertaining to the dead // Religion. October 2004. Vol. 34(4). P. 345-362.

61 Гусев, В.Е. От обряда к народному театру (эволюция святочных игр в покойника) // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. — Л.: Наука, 1974. — С.49-60; Соколова, В.К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической обрядности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. — М.: Наука, 1977. — С. 188-196.

работы Н.Н. Велецкой[62], И.А. Кремлевой[63], Л.Г. Невской[64], О.А. Седаковой[65], И.И. Шангиной[66] и другие.

Важно отметить также обобщающую работу по созданию программ сбора полевого материала по похоронно-поминальным обычаям и обрядам. Программа сбора полевого материала, разработанная И.А. Кремлевой, стала для меня важной основой при первом знакомстве с традиционным похоронным обрядом и его современным бытованием[67].

Вдохновляющими для моего исследования стали работы С. Мохова, посвященные в основном особенностям современного похоронного дела и похоронной культуры в России. В своих работах Мохов также обращается и к Советскому периоду, показывая преемственность между этим периодом и современностью. Автор уделяет особое внимание проблеме похоронной инфраструктуры, показывая, что состояние материальных объектов и качество похоронного обслуживания тесно связано с общим состоянием похоронной культуры и спецификой нормативного регулирования. Отдельный интерес в

---

62 Велецкая, Н.Н. Языческие представления о загробной жизни и рудименты их в славянской народной традиции // Македонски Фолклор. — 1969. — №3-4. — С. 317-326; Велецкая, Н.Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности. // История, искусство и фольклор славянских народов. V международный съезд славистов. — М., 1968. — С. 192-213; Велецкая, Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. — М.: Наука, 1978. — 239 с.

63 Кремлева Обряд «проводов души» в похоронно-поминальном ритуале русского населения Пермской области (конец 19- первой четверти 20в) // Всесоюз. Сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980-81 гг. — Нальчик, 1981. — С.88-89; Кремлева, И.А. Похоронно-поминальная обрядность у старообрядцев Северного Приуралья. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сборник научных трудов п\р Н.Н. Покровского и Р. Морриса. — Новосибирск: Наука, 1992. — С. 202-207; Кремлева, И.А. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области// Полевые исследования института этнографии. — М., 1980. — С. 25-35. Похоронно-поминальные обряды. // На путях из Земли Пермской в Сибирь. — М.: Наука, 1989. — С. 286 — 308; Кремлева, И.А. Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских // Русские: семейный и общественный быт. — М.: Наука, 1989. — С.248-264.

64 Невская, Л.Г. Балто-славянское причитание: реконструкция семантической структуры. // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. — М.: Наука, 1990. — 135 — 146 с.; Невская, Л.Г. Семантика дороги и смешанных представлений в погребальном обряде // Структура текста. — М.: Наука, 1980. — С. 228-239; Невская, Н.Н. Дорога в погребальном обряде. // Конференция «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом, 11 -15 декабря 1978г.»: предварительные материалы. — М.: Наука, 1978. — С. 104-107.

65 Седакова, О.А. Материалы к описанию Полесского погребального обряда // Полесский этнографический сборник. Материалы и исследования. — М., 1983. — С.246-262; Седакова, О.А. Обрядовая терминология и структура обрядового текста: Дисс. … канд. филолог. Наук. — М.,1983. — 188с.

66 Шангина, И.И. К вопросу о пережитках древних верований в быту русских крестьян XIX в. // Этнография народов Восточной Европы (сборник статей). — Л.: изд. ГО СССР, 1977. — С. 118-124.

67 Кремлева, И.А. Программа сбора материала по похоронно-поминальным обычаям и обрядам. // Русские: семейный и общественный быт. п/р М.М. Громыко. — М.: Наука, 1989. — С. 307-327.

работах Мохова для меня представляет идея о том, что многолетняя стабильность дисфункционального состояния похоронной инфраструктуры в России имеет свою внутреннюю рациональность. Этот набор поломок не стремится к исправлению и нормализации, а сам по себе становится ритуальной практикой, осуществляя работу по производству социального порядка[68].

Отдельную группу составляют работы, в которые анализируются политические функции мертвых тел и мортальных практик в Советском Союзе. Одной из ранних работ в этой области стала книга Ж. Бордийяра «Символический обмен и смерть», в которой автор, среди прочего, приходит к выводу о том, что именно контроль над мертвыми в обществе — это способ достижения контроля над живыми и создания социальных иерархий[69]. Эту линию продолжают работы казанского историка С. Малышевой, в особенности ее книга «"На миру красна": инструментализация смерти в Советской России». Автор полагает, что смена политического режима неизбежно влечет за собой создание нового политического порядка и новых социальных иерархий, что в советском случае достигалось через использование похоронных практик. Изменения, произошедшие в похоронной культуре в Советский период, связаны с сознательной работой большевиков по инструментализации смерти, использованию мортальных практик в своих политических целях[70].

К. Мерридейл в книге «Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia» анализирует влияние, которое оказали на похоронную

[68] Мохов С.В. «Идеальные поломки»: Инфраструктура рынка ритуальных услуг и производство социального порядка // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 146-160; Мохов С.В., Зотова В.А. Дело об ограде, столике и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 21-36; Мохов С.В. Пространство и дисфункцианальность инфраструктуры в контексте похоронного ритуала // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 189-212. Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 324 с.

[69] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.

[70] Малышева С. "На миру красна": инструментализация смерти в Советской России. Москва: Новый хронограф, 2019. 464 с.

культуру и культуру памяти в СССР опыт массового насилия и переживание большого числа смертей. Начиная свое исследования с описания драматического похоронного кризиса 1919 года, Мерридейл постепенно все больше и больше уходит от рассмотрения трансформаций похоронных практик, и обращается к вопросу о том, каков психологический эффект от постоянного контакта с огромными масштабами смертей в советской истории, и как он влияет на историческую память и политику[71]. Исторической памяти и политической скорби в контексте мортальных практик также посвящена книга А. Эткинда «Кривое горе. Память о непогребенных»[72].

Важную роль для исследований политических функций мертвых тел в Советской истории играют недавние работы А. Юрчака, посвященные анализу истории сохранения тела Ленина и той роли, которое это тело играло в политической жизни страны после 1924 года[73]. Политическую роль мертвых тел в постсоциалистическом мире, в том числе — применительно к телу Ленина, анализирует К. Вердери[74]. Эти публикации существенно дополняют наше понимание государственных практик, связанных с сохранением тела Ленина, сформированное во многом пионерской работой Н. Тумаркин «Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia»[75].

Внеобрядовые, в том числе — политические и социальные — аспекты похоронной культуры разрабатывают также авторы, анализирующие практики спонтанной мемориализации, в частности Дж. Сантино, Э. Досс, П. Я. Маргри, К. Санчез-Карретеро. Исследователи обращают внимание на перформативный

[71] Merridale C. Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia. New York and London: Penguin Books, 2002. 402 p.
[72] Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М: НЛО, 2016. 328 с.
[73] Yurchak, A. The canon and the mushroom Lenin, sacredness, and Soviet collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory 7 (2): 165 — 198, Yurchak A. Communist Proteins: Lenin's Skin, Astrobiology, and the Origin of Life // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2019. Vol. 20(4). P. 683-715. Yurchak, A. Bodies of Lenin: The Hidden Science of Communist Sovereignty// Representations (2015) 129 (1): 116 — 157.
[74] Verdery K. The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Post-Socialist Change. New York: Columbia University Press, 1999. 208 p.
[75] Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1983. 315 p.

характер таких практик, а также на их важную роль в «работе» эмоций, переживании обществом критических моментов[76].

Наряду с работами, которые прямо или косвенно можно отнести к направлению death studies, необходимо отметить также ряд работ по советской истории, без обращения к которым невозможно увидеть тот более широкий контекст трансформаций, в котором происходили изменения похоронной культуры. Важными для исследования стали работы, анализирующие разнообразные утопические проекты раннесоветского периода. Р. Стайтс анализирует то, как идеалы равенства, общинной жизни, пролетарской морали и поклонения технологиям, провозглашенные революцией, реализовывались в ряде смелых экспериментов первого десятилетия Советской власти - праздниках, символах, научной фантастике, городском планировании и искусстве[77]. К. Пинноу исследует отношение идеологии большевиков к самоубийствам. Он рассматривает отношение различных Советских институтов к этому явлению в контексте проекта по созданию «нового человека»[78]. Э. Вуд обращается к трансформации традиционных гендерных отношений в советский период, чтобы понять, как формируется новое видение роли женщины в советском обществе [79]. Отдельный интерес представляют работы, посвященные советской идеологии научного атеизма. В. Смолкин показывает, что научный атеизм был переосмыслен как альтернативная космология со своим собственным набором позитивных верований, практик и духовных обязательств. Она утверждает, что механическое советское

[76] Grassroots Memorials. The Politics of Memorializing Traumatic Death. / Ed. by Peter Jan Margry and Cristina Sánchez-Carretero. New York, Oxford: Berghahn, 2011. 376 p.; Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death. / Ed.by Jack Santino. Palgrave Macmillan, 2006. 368 p.; Doss E. The Emotional Life of Contemporary Public Memorials: Towards a Theory of Temporary Memorials. Amsterdam University Press, 2008. 52 p.; Deathscapes: Spaces for Death, Dying, Mourning and Remembrance / ed. by Maddrell, A. and Sidaway, J.D. Ashgate Publishing, 2010. 324 p.; Громов, Д. Немцов Мост: стихийная мемориализация. М. ИЭА РАН, 2017. 229 с.

[77]Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution / New York: Oxford University Press, 1991. 344 p.

[78] Pinnow K.M. Lost to the Collective: Suicide and the Promise of Soviet Socialism, 1921 — 1929. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2009. 288 p.

[79]; Wood E.A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 328 p.

руководство осознало, что удаления религии из «священных пространств» советской жизни недостаточно, и это «пустое место» должно быть наполнено новыми смыслами и практиками[80]. В. Хабсбанд обращается к непродолжительной, но яркой истории «Общества воинствующих безбожников». Он приходит к выводу о том, что атеистическая пропаганда была лишь одним из элементов разнообразных социальных, культурных и экономических изменений, с которыми страна столкнулась в период первые годы Советской власти[81]. К. Келли рассматривает судьбу церковных зданий в Петрограде и Ленинграде после декрета об отделении Церкви и Государства[82]. Изменения в похоронной культуре довоенного СССР невозможно рассматривать вне анализа процессов создания и становления нового Советского государства. Находясь на стыке различных административных и идеологических сфер, похоронная культура с одной стороны испытывала их влияние, а с другой — претерпевала те же изменения, что и коммунальная сфера, городское планирование и другие области. Рассматривая трансформации похоронной культуры в раннем СССР как неизбежный результат изменившегося понимания человеческой природы и мортальности среди носителей большевистской идеологии, я вдохновлялась работами исследователей, анализирующих становление и развитие особой советской субъективности[83]. Административную и материальную стороны изменений в похоронной культуре невозможно было бы рассматривать вне контекста работ о коммунальном и муниципальном хозяйстве. Среди этих работ наиболее важной для меня является исследование И. Б. Орлова, посвященное

[80] Smolkin V.A. Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018. 339 p.

[81] Husband W.B. "Godless Communists": Atheism and Society in Soviet Russia, 1917-1932. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000. 258 p.

Kelly C. Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918 — 1988. Illinois: Northern Illinois University Press, 2016. 440 p.

[83] Kotkin, S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1997. 728 p.; Halfin, I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge: Harvard University Press. 2003. 344 p.; Halfin, I., Hellbeck, J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's "Magnetic Mountain" and the State of Soviet Historical Studies // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Bd. 44(3). S. 456-463. Хелльбек Й. «Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи». М.: Издательство НЛО, 2017. 424 с.

становлению системы жилищно-коммунального хозяйства в СССР. Поскольку вся. Похоронная инфраструктура в СССР входила в ведение органов коммунального хозяйства, эта книга представляет собой важное контекстуализирующее исследование, включающее похоронное дело в общую структуру городского муниципального хозяйства наряду с освещением улиц, дорожным строительством, озеленением и проч.[84]. Важный контекст дают также работы по советской жилищной политике рассматриваемого периода, в частности — относительно предела смягчения новых муниципальных принципов, которые стали возможны в период НЭПа[85]. Работа Т. М. Смирновой о функционировании системы детских домов показывает, что крайне схожие процессы потери контроля над администрированием в новых условиях происходят и в такой далекой от похорон области как забота о детях, оставшихся без попечения родителей[86]. Работы по общей социальной истории периода, в первую очередь — работы Ш. Фицпатрик, позволяют включить процессы, происходившие в похоронной культуре, в более широкий контекст социальных трансформаций[87]. Работы о советской культуре В. Паперного и Е. А. Добренко позволили мне говорить о том, что изменения в администрировании похоронной культуры, произошедшие в 1930-е годы, были частью более широкого процесса «отвердевания культуры»[88]. Работы К. Петроне и М.Рольфа о советских праздниках позволили мне размышлять о ритуальной стороне похорон в контексте трансформаций обрядово-

[84] Орлов, И. Коммунальная страна. Становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 344 с.
[85] Matsui, Y. Housing Partnerships, ZhAKTy, or Housing Trusts? A Study of Moscow's Housing Management System, 1917-1937 // Acta Slavica Iaponica. 2009. Vol. 26. P. 109-139.; Кириллова, Е.А. Советская жилищная политика в годы нэпа: квартирный вопрос и домовое самоуправление в Петрограде-Ленинграде // The Soviet and Post-Soviet Review. 2016. Vol. 43(1). С. 5-35.
[86] Смирнова, Т.М. Советский режим и человеческий фактор на примере функционирования системы детских домов. 1917 — 1930-е годы // The Soviet and Post-Soviet Review. 2016. Vol. 43(1). С. 36-66.
[87] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
[88] Паперный, В. Культура два. М.: НЛО, 1996. — 384 с.; Добренко Е.А. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: НЛО, 2008. 416 с.;

праздничной культуры этого периода[89]. Важной для меня стала работа К. Кларк, рассматривающая романы, написанные в стиле социалистического реализма, как важное отражение советской идеологии в целом. Особенно важными для меня стали ее размышления о смерти Героя и его символическом бессмертии в памяти потомков[90]. Работы, анализирующие раннесоветскую архитектуру и градостроительную политику позволили мне понять, как вписывались мортальные пространства в структуру новых и старых советских городов[91].

Объект и предмет исследования

Объектом настоящего исследования является похоронная культура довоенного СССР. Предметом исследования стали изменения практик обращения с мертвыми телами в довоенном СССР. Хотя я включаю в свой анализ некоторые факты из дореволюционной и послевоенной истории, основным фокусом внимания стал период между 1917 и 1940 годами, поскольку именно в это время происходили основные изменения, связанные с формированием нового миропонимания советского человека. Конечно, похоронная культура включает в себя гораздо более широкий круг практик, в том числе похоронные и поминальные обряды, артикулированные представления о смерти и посмертном существовании. Однако, говоря о роли новых представлений о мортальности в советском проекте, я обращаюсь преимущественно к самым базовым практикам обращения с мертвыми телами и их утилизации, поскольку, на мой взгляд, именно этот круг практик в

[89] Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2000. 413 p.; Рольф, М. Советские массовые праздники: пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 439 с.
[90] Clark, K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. 293 p.
[91] Ditchev, I. Communist Urbanization and Conditional Citizenship // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2005. № 9(3). P. 341-354. Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР: пер. с нем. / Сост. Х. Боденшатц, К. Пост. СПб.: Verlagshaus Braun; SCIO Media, 2015. 416 с.; Меерович, М.Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. Иркутск: Издательство ИрГТУ, 2008. 472 с.; Лохова, Н.Н. Архитектурно-планировочное наследие 20-50-х годов XX века в градостроительстве Урала: дис. на соискание учен. степени кандидата архитектуры: 18.00.01 Новосибирск, 1997. 154 с.; Конышева, Е.В.; Меерович, М.Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М.: Ленанд, 2012. 224 с.; Хан-Магомедов, С. Архитектура советского авангарда: в 2 т. Т. 2. М.: Стройиздат, 2001. 712 с.

наибольшей степени испытывал влияние государства и был сформирован большевистскими представлениями о новом человеке и мире будущего. Это связано в первую очередь с тем, что именно практики утилизации мертвых тел оказывались самыми доступными для государственного регулирования из всего обширного комплекса похоронной культуры. Именно поэтому, как я полагаю, эти практики могут многое сказать о советском проекте в целом.

Рассматриваемый исторический период характеризуют сильные общественные и экономические потрясения, распад коллективных связей и быстрый распад социальных структур. Эксцессы, спровоцированные потерей нормы, скачком социального насилия и сильнейшим социальным стрессом не обошли и похоронную культуру. Однако, целью данной работы является исследование нормативности советского проекта, поэтому я говорю о нормативных практиках обращения с мертвыми телами, оставляя в стороне те подчас экстремальные практики, которые были связаны с Гражданской войной, Второй Мировой войной, эпидемиями, голодом и репрессиями. Несомненно, истории миллионов людей, погибших или пропавших без вести на полях сражений и в системе ГУЛАГ, похороненных чужими людьми в братских могилах вдали от дома, серьезно повлияли на советскую и постсоветскую культуру. Однако, помимо этих смертей, ставших предметом изучения историков и материалом для художественного творчества, были и другие смерти — частные смерти обычных людей, умерших у себя дома или в больницах от старости, болезней и эпидемий. Эти смерти — естественный опыт, который переживает каждое поколение, жившее на земле, не менее (если не более) важны для формирования похоронной культуры. Взаимодействие с этими ситуациями, решение разнообразных вопросов о погребении близких родственников, которые вставали перед людьми в непростые раннесоветские годы, стало важнейшим опытом, сформировавшим современное российское общество не в меньшей степени, чем миллионы смертей насильственных. Именно эти повседневные смерти от старости и болезней становились

основным предметом административного регулирования, и именно на этом материале мы можем видеть, какова была нормативность похоронной культуры с точки зрения нового режима.

Советский проект в основе своей был глубоко модернистским, и как следствие — урбанным. Преимущественно городская рабочая среда была основной аудиторией РСДРП(б) еще до 1917 года. После прихода к власти, большевики, невзирая на риторику о «смычке города и деревни», не сильно изменили эту позицию. Все городское и модерное в советском дискурсе было прогрессивным, в то время как деревенское, традиционное было отсталым, наполненным дефектами и пережитками. К области пережитков относилась и вся похоронная культура, в том числе кладбища, как часть прошлого мира с его кривыми улицами, сточными канавами и лаптями. Борьба с пережитками[92] традиционной культуры была важнейшей частью работы по созданию нового человека и общества. Именно поэтому в фокусе исследования находится не сохранение народных традиций[93], а процесс отхода от них. Я говорю о том, что происходит с похоронной культурой в городской среде, когда растущая урбанизация смешивает городское и вчерашнее сельское население, а также о том, как изменяется похоронная культура в ситуации высокой социальной волатильности, когда люди оказывались за рамками привычной общинной и сословной жизни.

Советский проект по сути своей был интернационалистским, и в некотором смысле наднациональным, не нацеленным на ту или иную конкретную национальную или этническую группу. Для людей, разрабатывавших и проводивших в жизнь похоронные реформы 1920-х годов, этническая специфика похоронной культуры не имела никакой ценности, а

[92] Алымов С.С. Понятие «Пережиток» и советские социальные науки в 1950 — 1960-е гг. // Антропологический форум. 2012. №16. С. 261-287.

[93] Ритуал, в том числе и похоронный, в традиционной культуре — давно и хорошо исследуемая тема. См., например: Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 100-122; Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.; Седакова О.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: ИЭА РАН, 1993. 310 с.

вводимые инновации должны были разрушить имеющиеся различия. Однако, несмотря на присутствие людей самой разной этнической и конфессиональной принадлежности среди чиновников наркоматов здравоохранения, просвещения, коммунального хозяйства, Моссовета и Петросовета (Ленсовета), публицистов, пропагандистов и т. д., их общая риторика при обсуждении похоронных реформ отсылала к обобщенному образу «русских похорон». В то же время большая часть имеющегося у меня материала касается Москвы и Петрограда (Ленинграда), подавляющее большинство населения которых к 1917 году были русскими православного вероисповедания. Несмотря на ограниченность материала, отдельные сведения по регионам с доминированием других этнических и конфессиональных групп говорят о том, что ситуация там не отличалась принципиальным образом от ситуации в Москве или Петрограде (Ленинграде). Поэтому, признавая всю условность и ограниченность такого подхода, речь в данном исследовании пойдет в основном о русском населении, традиционно исповедовавшем православие. В контексте, подразумевающем отношения государства с религиозными конфессиями, я обычно использую слово «Церковь», как правило имея в виду не конкретно Православную церковь, а, в первую очередь, церковь как социальный институт.

Цели и задачи исследования

Исходя из такой проблематизации исследования, я ставила перед собой цель выявить основные направления изменений, произошедших в похоронной культуре довоенного СССР, причины и основных акторов этих изменений, а также их последствия для советского человека и советской культуры в целом.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать историю похоронных реформ в Российской Империи и Советской России

2. Проанализировать генезис и развитие практики революционных (красных) похорон

3. Проанализировать историю легализации и развитие практики кремации в раннем СССР в контексте идеологических позиций активистов кремации и гигиенического дискурса рубежа веков.

4. Проанализировать место мортальных пространств в пространстве социалистического города, как в его идеальном представлении, так и в реальной повседневности городов раннего СССР

5. Проанализировать изменения в похоронном администрировании в Советской России и СССР, показать влияния похоронного администрирования и экономических факторов на трансформации похоронной культуры

6. Проследить развитие основных тенденций раннесоветских трансформаций похоронной культуры в послевоенный период.

Научная новизна

Научная новизна работы определяется прежде всего слабой разработанностью самой темы, на что уже указывалось выше. Новым является также и сам подход, выбранный для этой работы. Трансформации похоронной культуры рассматриваются не как осознанная и целенаправленная работа Советской идеологии по трансформации традиционной культуры, а как результат сложных изменений, происходивших в российском обществе как до 1917 года, так и после. Мой анализ имеет транзитивный характер, и рассматривает советский период не отдельно, а как одну из стадий более длительного и масштабного процесса формирования похоронной культуры. В работе прослеживается генеалогия отдельных векторов трансформации похоронной культуры, проводятся аналогии между реформами советского времени и более ранними реформами. В то же время, и последствия советских похоронных реформ рассматриваются в контексте более ранних тенденций развития.

Эволюция похоронной культуры довоенного СССР также не рассматривается изолировано от мировых тенденций этого периода. Важной и новаторской чертой данной работы является то, что я анализирую советский опыт не только как уникальный эксперимент по созданию общества нового типа, но и в контексте тех процессов, который происходили в похоронной культуре Западной Европы в XVIII-XIX веках. Такой подход позволяет с одной стороны более четко уловить уникальные черты советского проекта, а с другой — показать его интернационалистский характер. Проведенный анализ демонстрирует, что политика новых властей в области похоронного дела во многом преследовала цель привести советскую похоронную культуру в соответствие со стандартами индустриально развитых стран того времени. Не менее важно и то, что запрос на модернизацию похоронной сферы в России начал формироваться уже в конце XIX века.

Проследив с одной стороны преемственность эволюции похоронной культуры советского периода с досоветским, а с другой стороны поместив советской опыт в международный контекст, я смогла увидеть те черты похоронной культуры, которые в действительности были уникальны для советского периода. Анализ этих черт дает возможность выявить специфические изменения, произошедшие в советский период и сформировавшие специфическое понимание человека. Наиболее важным здесь является материалистический подход большевистской идеологии к человеческой природе, который в свою очередь приводит к разрушению традиционных смыслов, связанных с человеческой мортальностью и долгим попыткам сформировать новые интерпретации.

В работе впервые предпринята попытка антропологической интерпретации раннесоветской похоронной культуры как совокупности адаптивных социальных практик. Показано, что сбои и нарастающая дисфункциональность в похоронной сфере не являлись лишь проблемой дефицита, управления или сферы обслуживания, а были свидетельством более

серьезных глубинных нарушений механизмов воспроизводства общества. Такая интерпретация позволяет по-новому осмыслить парадоксальные и не всегда прозрачные инициативы этого периода, а также понять динамику трансформаций в этой сфере.

Описанные подходы потребовали от меня привлечение широкого круга источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. В первую очередь речь идет об архивных материалах — документах комиссий и отделов похоронного обеспечения Москвы и Петрограда (Ленинграда), многие из которых, судя по архивным листам использования, были проанализированы впервые.

Все это создает многомерный и комплексный подход, рассматривающий похоронную культуру как часть сложной системы отношений и идеологий. Похоронная культура рассматривается не только как часть обрядовой культуры, но и как часть практик городского и муниципального управление, социальной гигиены, развития технологий и т. д.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая и практическая значимость работы связаны прежде всего с тем, что изменения похоронной культуры, рассмотренные в этом исследовании, являются частью существенных трансформаций отечественной культуры в целом. В работе прослеживаются не только сами трансформации, произошедшие в довоенный период, но и их широкое влияние на последующие периоды, вплоть до современности. Основные проблемные кластеры похоронной культуры и их изменение вслед за меняющимся пониманием природы человеческого бытия, могут быть также применены при анализе постсоветских обществ и шире — процессов, происходящих в разных странах Восточной Европы, входивших в советскую зону влияния. Механизмы, выявленные в данной работе, могут быть также использованы

при анализе процессов в других обществах, проходящих фазу значительной трансформации.

Методология и методы исследования

В основе методологии этого исследования лежит подход культурной (культуральной) истории, предполагающий интерес к ценностям и внутренней рациональности отдельных групп в конкретных местах и в конкретные периоды[94]. Именно поиск внутренней рациональности в риторике и практиках раннесоветской похоронной культуры был основным принципом данной работы, руководствуясь которым я искала основания и предпосылки рассматриваемых явлений не только непосредственно в текстах декретов, инструкций и распоряжений новой власти, но и в процессах, происходивших в Российской Империи, странах Европы и Америке в XVIII, XIX и начале XX веков.

Рассматривая похоронную культуру как наиболее консервативную часть культуры в целом, вслед за Т. Лакером я предполагаю, что конкретные формы похоронной культуры в обществе зависят от той «работы», которую «делают» мертвые в этом обществе. Лакер полагает, что умершие в разных культурах выполняют крайне важную и сходную функцию — «мертвые выполняли свою работу по созданию, воссозданию, представлению или нарушению социального порядка, частью которого они были»[95]. Вслед за А. ван Геннепом[96] и Р. Герцем[97], Лакер утверждает, что социальная функция похоронной культуры выходит далеко за пределы непосредственной задачи утилизации мертвых тел, она состоит в том, чтобы поддерживать стабильность социальных структур, которые оказываются под угрозой перед лицом мортальной природы человека. Конкретные формы похоронных ритуалов и

[94] Бёрк П. Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 11.
[95] Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 10.
[96] Геннеп А, ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. 198 с.
[97] Герц Р. Смерть и правая рука: пер. с фр. М.: ARS PRESS, 2019. 264 с.

похоронной культуры в целом, таким образом, отражают важнейшие представления о человеческой природе и отношениях между живыми, доминирующие в определенный момент жизни данной культуры.

В работе я показываю, что похоронная культура, как наиболее консервативная часть культуры в целом, не может быть изменена декретом или указом, а в деятельности рассматриваемого мной сообщества в целом и его частей — кремационистов, большевиков, администраторов — есть некоторая внутренняя рациональность, связанная с социальными трансформациями, опытом насилия и смерти, со сменой дискурсивных моделей — рациональность, которая сама по себе меняет и культуру, и людей. Для того, чтобы раскрыть эту рациональность, увидеть те глубочайшие изменения в понимании человека и его природы, которые произошли при появлении советской культуры, я обратилась к истории дискурсивных практик раннесоветского периода. Вслед за М. Фуко я полагаю, что дискурсивные практики конструируют или конституируют объекты, о которых говорят, и в конечном счете — культуру или общество как целое[98]. Рассматриваемые в работе дискурсивные практики, конструировавшие изменения в похоронной культуре, не являются насажденными сверху небольшой группой большевиков, пришедших к власти в октябре 1917 года, а отражают сложные и многогранные процессы, происходившие в российском обществе в первой четверти XX века. В этом смысле важной для меня также является теория модерности, описывающая широкий набор сходных изменений в культурах западных обществ в период с XVIII по начало XX века[99]. Именно в наступлении новой модерной парадигмы я вижу причины многих изменений, произошедших в похоронной культуре раннего СССР.

[98] Фуко М. Археология знания: пер. с фр. СПб. ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. С. 61-147.
[99] Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999. 416 с.; Eisenstadt S.N. Comparative civilizations and multiple modernities. Part I. Leiden, Boston: Brill, 2003. 488 p.; Eisenstadt S.N. Comparative civilizations and multiple modernities. Part II. Leiden, Boston: Brill, 2003. 564 p.

Не менее важным подходом в поиске внутренней рациональности изменений похоронной культуры в раннем СССР стало для меня направление исследований советской субъективности. Данное направление предполагает, что процесс создания и развития советского государства не был односторонней работой небольшого советского партийного аппарата. Важнейшей его частью была постоянная работа активных коммунистов, комсомольцев и сочувствующих беспартийных по осознанию себя политическими субъектами и планомерному строительству своей новой большевистской идентичности. Такого рода строительство новой субъективности осуществлялось во многом через овладения навыком «говорения по-большевистски»[100]. Этот процесс перерождения в советского человека, начало новой жизни в новом, еще не построенном обществе, создавал сложные сообщества своих внутри советского общества. Включение в такое сообщество было возможно через членство в партии, а исключение из партии означало не просто веху в политической биографии, а исключение из сообщества новых людей[101]. Данный подход позволил по-новому взглянуть на коммунистические похоронные практики и пространства коммунистических некрополей, увидеть в них не попытку конструирования социального порядка среди всего советского общества, а важнейшую черту советской танатогеографии — попытку создания особого мортального пространства для тех, кто вошел в число «настоящих большевиков».

Описанный выше методологический подход определил конкретные методы, к которым я обращалась в работе. Так, необходимо было провести отбор архивной документации. В ходе работы с данными источниками я прежде всего стремилась сосредоточить внимание на протоколах заседаний, содержащих предельно развернутые обсуждения интересующих меня

[100] Halfin, I., Hellbeck, J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's "Magnetic Mountain" and the State of Soviet Historical Studies // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Bd. 44(3). P. 456-463; Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. California: University of California Press, 1997. 728 p.
[101] Halfin I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge: Harvard University Press. 2003. 344 p.

вопросов, а не только фактологические данные, представленные вне соответствующего контекста. При этом я обращалась не только к «профильным» фондам похоронных отделов, но и фондам смежных и вышестоящих организаций — наркомата здравоохранения, архитектурных организаций, наркомата контроля, Совета народных комиссаров. Это позволило мне выйти за пределы статистических показателей и применить к имеющемуся материалу дискурсивный анализ. Кроме того, для меня было важно не ограничиваться административным нарративом об управлении похоронной сферой, а рассматривать его в контексте более широких дискурсивных практик советского периода. С этой целью я обращала особое внимание на художественную литературу и публицистику. Работа с этими источниками позволила расширить возможности применения дискурсивного анализа, поскольку они дали представление о становлении и развитии официального дискурса и советского мета-нарратива. Я также широко применяла визуальный анализ, выявляя специфику символического ландшафта раннесоветской похоронной культуры через анализ траурных венков, надгробных памятников, траурных фотографий и других артефактов. Для понимания международного культурного контекста рассматриваемых процессов я применяла компаративный и сравнительно-исторический анализ.

Материалы и источники

Изложенная выше методология потребовала привлечения широкого круга источников, среди которых были протоколы заседаний различных учреждений, статистические и финансовые отчеты, экономические документы, ревизии и отчеты органов контроля, юридические документы, эго-документы, художественная литература, публицистика и пресса. Особенностью этих источников было то, что интересующая меня информация была представлена в них в разрозненном виде. По большей части они не содержали развернутых нарративов, и во многих из них похоронная тема была периферийной. Наиболее цельные нарративы были представлены в

ревизионных документах и публицистических памфлетах, однако, это специфические тексты, описывающие исключительно проблемные стороны похоронной культуры. Совокупность сведений, полученных из этих отрывочных и разрозненных источников, позволила увидеть процесс формирования и эволюцию дискурсивных практик, административные практики, стратегии и тактики государственного управления, восприятие происходивших трансформаций современниками.

Основную базу источников составили архивные материалы о похоронном деле в крупнейших Советских городах — Москве и Ленинграде (Петрограде). Наиболее полным и последовательным источником для меня стали материалы о работе похоронного отдела Московского коммунального хозяйства, отложившиеся в фондах Государственного архива Московской области (ГАМО) (Фонд 4557 — Отдел коммунального хозяйства Моссовета (Московское коммунальное хозяйство. МКХ) г. Москва 1917 — 1929 гг.), а также материалы о работе похоронных служб Петрограда (Ленинграда) из фондов Центрального городского архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПБ) (Фонд Р-2815 — Комиссариат здравоохранения союза коммун северной области. Петроград. 1918-1919, и Фонд Р-3183 — Подотдел хозяйственных предприятий Петроградского губернского отдела коммунального хозяйства. Петроград. 1921 — 1924 г.).

В отличие от более привычных для историко-антропологических исследований биографических материалов, документы этих фондов представляют собой по большей части годовые отчеты и протоколы рабочих заседаний отделов, отвечавших в разных городах и в разное время за похоронное администрирование. Таким образом, документы зачастую не содержали единого связного нарратива, и представляли собой достаточно разрозненные свидетельства о тех практических проблемах, с которыми сталкивались похоронные администраторы в разное время. Кроме того, в зависимости от того, подчинялся ли похоронный отдел в данное время

учреждениям здравоохранения или коммунального хозяйства, зависело присутствие на заседаниях специалистов по здравоохранению, социальной гигиене, коммунальному хозяйству, инженеров и других специалистов, каждый из которых приходил на заседания со своим профессиональным видением тех проблем, с которыми сталкивались похоронные администраторы. Более того, для каждый из этих узких специалистов видел по-разному основную проблему в похоронном деле, и поэтому решения, которые они предлагали, были направлены на разные задачи. Важной задачей в работе с этими материалами для меня было выявить те общие представления и подходы, которые объединяли этих специалистов разного профиля.

Хотя протоколы заседаний похоронных отделов не содержат развернутых нарративов, они позволили увидеть похоронное администрирование в динамике. Изучив подшивки протоколов производственных собраний разных отделов за многие годы, я увидела, как менялся язык администраторов, приоритеты развития похоронного хозяйства, какие силы, организации и личности в разные годы были наиболее влиятельны в этой сфере, какие организации составляли круг деловой коммуникации отделов. Все это позволило не только проследить изменения внутри похоронной культуры, но и оценить то место, которое занимала похоронная сфера в дискурсивных практиках рассматриваемого периода.

Помимо краткой записи заседаний, к протоколам также подшивались некоторые из документов, которые обсуждались на заседаниях. Среди них были письма, газетные вырезки, отчеты, проекты и выписки из протоколов заседаний смежных структур. Все эти документы помогли воссоздать контекст, в котором принимались решения в похоронной сфере. Кроме того, среди этих дополнительных документов зачастую были развернутые описания, создававшие фактуру происходивших процессов. Особое значение среди этих материалов для меня имели проекты развития похоронной отрасли, которые в разные годы создавались в Московском похоронном отделе. Эти

проекты отталкивались от конкретного состояния и проблем похоронного дела и были написаны внутри определенной системы взглядов, выражая зачастую самые радикальные пути развития, однако та степень, в которой проекты были и могли быть реализованы, показывает реальную границу утопических мечтаний раннесоветского периода.

Среди документов похоронных отделов я также работала с делами по личному составу. В основном объеме это были анкеты рабочих и служащих отделов — сотни анкет о возрасте, социальном происхождении, послужном списке, заполненные бисерным почерком. Несомненно, за каждой анкетой скрывается большая человеческая история, которая чаще всего нам недоступна. Однако, кое-что мы все-таки можем увидеть. Пожилые женщины без образования и опыта работы, которые устраиваются на тяжелые кладбищенские работы, молодые партийцы, которые приходят на решение самых сложных и нерешаемых задач, а затем быстро переходят на новые места службы, юная машинистка, которая увольняется из похоронного отдела для того, чтобы поступить актрисой в Московский художественный театр, текучка кадров и постоянные штрафы и выговоры рабочим за опоздания, коррупцию и алкоголизм. Все эти разрозненные данные позволяют увидеть круг людей, которые занимались похоронным администрированием в Москве и Петрограде (Ленинграде). Дела по личному составу содержали также важные свидетельства о командировках рабочих и служащих. Помимо обычных служебных командировок, например, в Петроград для обмена опытом похоронного администрирования или по вопросам строительства крематория, среди них были командировочные листы в «продовольственные экспедиции» и по организации производственного снабжения. Эти отдельные листы позволили увидеть, как именно на низовом уровне могла решаться проблема нехватки гробов и древесины, и также текучка кадров, вызванная перебоями в продовольственном снабжении.

Рабочие документы похоронных отделов содержали также статистические данные о числе умерших, о наличии свободных мест на кладбищах, о работе сотрудников отделов. Сравнение этих данных за разные годы позволило говорить о динамике происходивших процессов, а также о реальной нагрузке похоронных организаций в разные годы. Финансовая документация отделов (отчеты, сметы, планы, ходатайства о выделении кредитов и т. д.) позволили говорить об экономических основаниях похоронного дела, и перевести разговор о трансформациях похоронной культуры из плоскости число идеологической в практическую. Работа с этими документами открывает исследователю сугубо практическую сторону похоронного дела.

Не менее важны для меня были фонды вышестоящих организаций, отложившиеся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГА РФ). Эти документы относятся, в основном, к концу 1930-х и 1940-м годам, и содержат материалы ревизий похоронного дела в городах РСФСР и проекты улучшения похоронного обслуживания гражданского населения. Документы такого рода отложились в фонде А-259 (Совет Министров РСФСР (Совмин РСФСР)), А-314 (Главное управление коммунального хозяйства при совете народных комиссаров РСФСР; Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР), А-339 (Министерство государственного контроля РСФСР). Наряду с подробными ревизиями московских кладбищ 1919 года, отложившимися в фондах ГАМО, эти документы представляют собой подробные описания работы похоронной инфраструктуры, прежде всего — кладбищ и кладбищенского персонала, а также — магазинов похоронных принадлежностей. Ценность этих документов не только в том, что они зачастую содержат голоса рядовых граждан, столкнувшихся с проблемами в ходе похорон, но и в том, что, критикуя разного рода несовершенства похоронного дела, они формируют желаемую нормативную картину.

Для изучения истории кремационного движения в СССР, помимо документов из фондов, о которых я писала выше, для меня были ценными документы Общества распространения и развития идей кремации, отложившиеся в Государственном Архиве Российской федерации (ГА РФ) (Фонды Р-3316 (Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК СССР)), Р-393 (Народный комиссариат внутренних дел РСФР (НКВД РСФСР)), А-482 — Министерство здравоохранения РСФСР (Минздрав РСФСР). 112 — Особое присутствие Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах. И Российского государственного архива экономики (РГАЭ) (Фонд 2266 — Управление городского и сельского строительства Главного комитета Государственных сооружений ВСНХ РСФСР /Архитстрой/).

Помимо этого часть материалов была получена в фондах Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ), как советского, так и досоветского периодов (Фонды **Р-5407** — Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР (Редакция газеты «Безбожник»), **539** — Водовозов Василий Васильевич, публицист, сотрудник журналов «Неделя» и «Русское богатство», газеты «Северный вестник», народник, член партии «Трудовая группа», **579** — Милюков Павел Николаевич, историк, лидер Конституционно-демократической партии, депутат III и IV Государственных Дум, министр иностранных дел временного правительства, **5451** — Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС), **Р-1235** — Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК)). Государственного архива Владимирской области (ГАВО) (Фонд Р-19 — Исполнительный комитет Владимирского городского Совета народных депутатов), Государственного архива Московской области (ГАМО) (Фонд 4570 — Комиссия по вопросам культа при Московском областном Совете

рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Москва 1929 — 1935 гг.).

Помимо прочего я также работала с многочисленными юридическими документами — декретами, законами, инструкциями и локальными постановлениями. Незаменимым инструментом в этой работе для меня стал интернет портал «Консультант Плюс» (http://www.consultant.ru/), содержащий базу данных Советских и Российских нормативно-правовых актов разного уровня. Эти документы позволили судить о том, как развивалось нормативное видение похоронной сферы на протяжении всего советского периода.

Для анализа того, как воспринимались изменения похоронной культуры, я обращалась к эго-документам — дневникам и мемуарам. В этой работе неоценимым источником для меня стали материалы проекта «Прожито» (www.prozhito.org). Благодаря исследовательским инструментам проекта я смогла проанализировать множество дневников, как вошедших в итоговый тест работы, так и оставшихся за ее пределами. Речь идет о дневниках К.Ф. Измайлова, И.И. Шитца, Ф.Ф. Фидлера, А.В. Орешникова, Н.П. Окунева, А.В. Жиркевича, Н.М. Дружинина, Ю.В. Готье, а также Е.Н. Николаева, М. и И. Даевых, М.М. Богословского, Л.Б. Мартыновой, А.К. Гладкова, В.А. Городцова, Ф.А. Григорьева, Н.Л. Давыдовой, Д.А. Милютина, С.А. Пионтковского, С.В. Дрыжаковой, М.Л. Казем-Бек, В.Г. Короленко, Н.С. Луговской, В.Г. Малахиевой-Мирович, А.Г. Манькова, О. Бессарабовой, П.Е. Мельгуновой-Степановой, Т. Найденовой, А.А.Половцева, М.М. Пришвина, С.С. Прокофьева, А.Ф. Стародубова, Н.С. Таганцева, В.А. Теляковского, Л.В. Шапориной, О.Г. Шереметевой. Согласно требованиям по оформлению диссертационных исследований, в данной работе цитаты из дневниковых записей были перепроверены, а ссылки на дневники даны по оригинальным источникам. Дневниковые свидетельства позволили увидеть каким было отношение к процессам трансформации похоронной культуры среди широкого круга частных лиц. Описывая интимную историю смерти и похорон

своих родных и близких, а также свои регулярные посещения могил родных, авторы дневников показывали, как разные изменения в похоронном администрировании отражались на их практиках, как они воспринимали новые решения властей по этим вопросам. Кроме того, особенно ценными для меня были дневники А. В. Жиркевича и К. Ф. Измайлова, поскольку в них можно быть увидеть рефлексию акторов похоронного дела. Также эти документы были крайне важны для описания становления и развития традиции политических похорон в XIX веке.

Важнейшим источником для данной работы стала советская художественная литература, публицистика, газетные статьи и пропагандистские материалы. Эти материалы позволили контекстуализировать архивные материалы, в том числе — увидеть какими были самые смелые фантазии большевистских идеологов, и как именно происходили трансформации похоронной сферы на низовом уровне.

К сожалению, в связи с отдаленностью рассматриваемого периода, привычный для антропологии метод устных интервью не подошел для данного исследования, однако, отдельные устные воспоминания моих родственников, знакомых и коллег старшего поколения, хотя и не составили отдельного корпуса источников, но помогли

лучше понять интересующие меня проблемы.

Положения, выносимые на защиту

1. Похоронная культура в раннем СССР существенно отличается как от похоронной культуры в России до революции, так и от похоронной культуры в других странах в рассматриваемый период.

2. Похоронная реформа 1918 года не являлась специфически большевистским проектом, но наследовала той линии трансформаций и

реформ, которая была заложена еще в середине XIX века и в целом соответствовала общеевропейской повестке модернизации администрирования и практик в похоронном деле.

3. Катастрофические изменения в похоронной культуре, произошедшие после революции, связаны не с основными положениями реформ, а с новым пониманием человека и его мортальности, которое имеет свое основание в материалистическом мировоззрении большевиков. Под влиянием материалистического мировоззрения большевиков смерть человека, его мертвое тело, погребение, а вместе с тем и вся похоронная культура, теряет то значение, которое она имела прежде (связанное представлением о бессмертии души, и основанное на моральной экономике погребения), но не приобретает иного, нового наполнения. Происходит то, что я называю десемантизацией смерти — процесс стремительной потери традиционных смыслов, связанных со смертью, и медленное, постепенное формирование новой семантики смерти.

4. Десемантизация смерти стала ключевым фактором формирования специфической советской похоронной культуры. Тело человека после смерти превращается лишь в набор микроэлементов, а особых мемориальных практик достойны лишь советские герои, приобретающие символическое бессмертие. По этой причине в области радикальных похоронных реформ большевиков консервативный поворот 1930-х годов не имел того эффекта, который он имел в области образования, муниципального управления и культуры. Невозможность наделить повседневную смерть особым (метафизическим) смыслом блокировала любые тенденции и попытки нормализации ситуации.

5. Влияние десемантизаиции смерти было столь велико, что прослеживается не только в раннесоветский период, но и в послевоенный, позднесоветский и даже постсоветский.

Степень достоверности и апробация результатов

Основные идеи и положения диссертации были представлены в устных докладах автора на ряде отечественных и международных конференций, в частности на 16-й международной конференции Александери Института «Life and Death in Russia» (Finland, Helsinki, University of Helsinki, Aleksanteri institute, 26-28 октября 2016), «Религия и Русская революция» (РАНХиГС, МВШСЭН, Журнал «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», Москва, 26 — 28 октября 2017); Slavic-Eurasian Research Center 2017 Winter International Symposium «The Russian Revolution in the Long Twentieth Century» (Hokkaido University, Sapporo, Japan, 7-8 декабря 2017 г.); XLIV ежегодной конференции группы по изучению русской революции Британской Ассоциации славистики (Cardiff University, Cardiff, UK, 4-6 января 2018 г.); XLV ежегодной конференции группы по изучению русской революции Британской Ассоциации славистики (Cardiff University, Cardiff, UK, 3-5 января 2019 г.); XXVI Банных чтениях (НЛО, Москва, 29-20 Марта 2019).

Основные выводы работы были опубликованы в 15 статьях в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, а также в иных публикациях.

Структура диссертации

Диссертационная работа состоит из введения, шести глав и заключения, а также списка использованной литературы и источников. Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. В первой главе рассмотрена похоронная реформа 1918 года в контексте аналогичных процессов в других странах Европы в XVIII-XIX веках и нормативного регулирования похоронного дела в Российской Империи, а также — в связи с новым пониманием человеческой природы, которое было свойственно большевикам. Вторая глава посвящена идеологизированым революционным похоронам. Прослеживается генезис этой традиции в

российском революционном движении в XIX веке, развитие идеи создания особой безрелигиозной гражданской обрядности и практика реального бытования красных похорон. Третья глава рассматривает кладбища как часть городского пространства в контексте советских градостроительных теорий и практик. В четвертой главе анализируется история легализации и распространения кремации в России, прослеживаются сходства и отличия советского кремационного движения от европейского. Пятая глава посвящена влиянию похоронной реформы 1918 года на похоронное администрирование в СССР, рассматривается вопрос о том, как муниципализация и переход к политике социального обеспечения трудящихся изменили культуру и практику похоронного обслуживания населения. В шестой главе рассматриваются долгосрочные последствия похоронных реформ 1918 года, в том числе проблема перехода похоронного обслуживания к низовому регулированию и разрозненному набору частных практик, проблемам похоронного обслуживания гражданского населения в военный и послевоенный периоды.

Глава 1. Советская похоронная культура и проблема десемантизации смерти

1.1 Похоронная реформа 1918 года

Изменения различных практик обращения с мертвыми телами происходили постепенно и неравномерно на протяжении всего советского периода. Однако, какими бы ни были эти изменения, все они имели общую точку отсчета. Триггером этих изменений стала похоронная реформа 1917 — 1918 годов, закрепленная в нескольких декретах. Все они так или иначе были направлены не столько на изменение похоронных практик, сколько на секуляризацию семейной жизни.

Похоронный обряд, как и другие обряды жизненного цикла, в России до революции юридически находился в руках религиозных организаций. Как отмечает А. К. Байбурин, вероисповедание в Российской Империи вообще было одной из важнейших социальных характеристик, и уж точно имело большее значение, чем этничность[102]. Каждый человек должен был быть погребен в соответствии с правилами той конфессии, к которой он был формально приписан. Влияние религиозных общин касалось не только самого погребения и его регулирования, но и администрирования похорон, управления кладбищами и, конечно, доходами от погребений. Помимо непосредственно отпевания, захоронения и надзора за кладбищами, Церковь также ведала регистрацией смертей. Таким образом, похоронить человека (равно как и зарегистрировать новорожденного или жениться) без участия религиозного института было невозможно. В этом смысле быть «практикующим» атеистом, в буквальном смысле «внерелигиозным»

[102] Как отмечает А. К. Байбурин, именно информация о вероисповедании, наряду с указанием родного языка, заносилась в паспортные данные до революции, что существенно отличалось от советской системы, в которой важнейшей социальной характеристикой стала национальность, а соответствующая графа в паспорте — «пятый пункт» — стала нарицательным обозначением. См.: Байбурин А.К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 55-56, 216-219.

человеком в дореволюционной России было формально невозможно. Подробнее об этом будет написано ниже.

По мнению социолога Тони Уолтера, конкретная форма, которую принимает похоронная культура в той или иной стране, определяется именно архитектурой управления погребением (или тем, кто контролирует и утилизирует мертвые тела)[103]. В дореволюционной России мертвые тела в этом смысле полностью принадлежали Церкви, и именно этот факт диктовал все устройство похоронной культуры и конкретный набор практик обращения с мертвыми телами. Именно на преодоление этого «поповского диктата» и была направлена атеистическая работа, связанная с похоронами. Так, в марте 1917 года В. Д. Бонч-Бруевич писал:

«*Само собой понятно, что из этой основной реформы (Государственной реформы отделения церкви от государства и школы от церкви — А.С.) должны вытекать давножданные свободомыслящими людьми гражданский брак*[104] *и гражданские похороны. <…> Хоронить наших покойников мы также можем гражданским порядком на любом из кладбищ без участия духовенства. Желающие же могут хоронить по-старому, с духовенством, но обязательность таких похорон должна быть отменена совершенно*»[105].

Первым из декретов, косвенно касавшихся практик обращения с мертвыми телами, стал Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 12 декабря 1917 года, который провозглашал создание в Советской Республике новой системы регистрации «актов гражданского состояния», то есть браков, рождений и смертей. Главным и

[103] Walter T. Three Ways to Arrange a Funeral: Mortuary Variation in the Modern West // Mortality. 2005. No.10 (3). 2005. P. 173-192; Walter T. Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban Societies // The British Journal of Sociology. 2012. No. 63(1). P. 123-145.

[104] Под гражданским браком здесь Бонч-Бруевич понимает отношения, зарегистрированные не в Церкви (Церковный брак), а в гражданском институте, таком как ЗАГС.

[105] Бонч-Бруевич В.Д. Отделение церкви от государства // Деятели Октября о религии и церкви (Статьи. Речи. Беседы. Воспоминания). М.: Мысль, 1968. С. 13.

самым важным отличием новой системы от старой стало то, что факт смены семейного статуса теперь должны были регистрировать не церковные, а светские власти — «отделы записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе». Наряду с созданием системы гражданской (то есть не-церковной) регистрации браков и рождений, декрет предписывал передачу регистрации смертей «органам ЗАГС». Акты о смерти должны были регистрироваться в специальных книгах. Ранее эта функция входила в число обязанностей Церкви и других религиозных учреждений. После издания Декрета они обязаны были передать старые регистрационные книги в соответствующие городские, уездные, волостные и земские управы.

Первой строкой Декрета было: «Российская Республика впредь признает лишь гражданские браки». Декрет не просто создавал возможность для совершения любых семейных обрядов вне какой бы то ни было религиозной организации, но делал светскую их форму — регистрацию — единственной легальной. Естественным образом это делало бессмысленной конфессиональную привязку захоронений. Ни отметка о совершенном отпевании, ни принадлежность к конкретной конфессии или приходу более не имела значения — «учреждениям, ведающим кладбищами, отныне запрещается препятствовать погребению в черте кладбищ по обряду гражданских похорон»[106].

Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января (2 февраля) 1918 года подтверждал, что акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью. Уточнялось, что «действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями», а «свободное исполнение религиозных обрядов

[106] Декрет СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. С. 249.

обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики»[107].

Наиболее значимой частью похоронной реформы стал Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 года. Декрет отменял разряды мест погребения, передавал все кладбища, крематории[108] и морги, а также саму организацию похорон в ведение местных Советов, отменял оплату мест на кладбищах, устанавливал одинаковые похороны для всех граждан. При этом отмечалось, что религиозные обряды могут совершаться по желанию родственников за их собственный счет. Декрет еще раз подтверждал необходимость регистрации факта смерти в органах ЗАГС, и делал невозможным погребение без выписки о регистрации. Не менее важным было и то, что с момента публикации декрета все частные похоронные предприятия, не прекращая своей деятельности, со всем их аппаратом, поступали на учет местных Советов Депутатов. Таким образом, все похоронное дело в стране муниципализировалось. Декрет вводил похороны в систему социального страхования, перекладывая таким образом расходы на погребение трудящихся на плечи государства через пособия на погребения[109].

Таким образом, похоронная реформа имела сразу несколько целей. Во-первых, она предполагала отчуждение от Церкви и других «буржуазных» институтов юридического и фактического контроля над мертвыми телами. Созданная система отделов ЗАГС переводила регистрацию смертей в ведение местных советов, так же как муниципализация похоронных бюро, кладбищ,

---

[107] Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. С. 372. Интересно, что в оригинале декрета, подписанном членами СНК, в п.8 органы, регистрирующие гражданское состояние обозначены как «отделы записи рождений, браков и смерти», но последнее слово вычеркнуто. Это хорошо видно на факсимильной копии декрета. Опубликован документ был с учетом данного исправления — без слова «смерти». Впрочем, на практику применения декрета это не оказало влияния, и регистрацией смертей занимались соответствующие гражданские органы. См. факсимильную копию декрета: Декрет о свободе совести, церковный и религиозных обществах [Электронный ресурс] // 1000 документов по Советской и Германской истории.

[108] В этот момент на территории РСФСР не было ни одного крематория.

[109] Декрет СНК о кладбищах и похоронах // Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. Т. 4. С. 163-164.

моргов и иной инфраструктуры передавала им контроль за практическими аспектами погребения. Помимо создания юридической возможности для безрелигиозных похорон, это решение также существенно перераспределяло финансовые потоки, оставляя Церковь в стороне от важного источника дохода — исполнения треб. Во-вторых, реформа предполагала создание единообразных и доступных для всех похорон, поскольку не только уничтожала деление на разряды погребения, но и вводила пособия на погребение. Вместе с другими социальными услугами, такими как обеспечение рабочими местами, жильем, медициной, похороны оказывались в числе «благ по умолчанию» для всех трудящихся страны[110]. Третьей целью была легализация и введение кремации, проекта, который систематически блокировался Синодом до Революции[111].

1.2 Похоронные реформы в Европе в XVIII — XIX веках

Идея полностью реформировать устоявшиеся практики обращения с мертвыми телами может показаться несколько экстравагантной, хотя и отражающей общий революционный пафос большевистского движения. В действительности, ни сама по себе похоронная реформа, ни попытка секуляризации похоронной сферы не были уникальными ни в Российской, ни в мировой истории.

Постепенное реформирование похоронной культуры происходит во всех странах Западной Европы начиная с XVIII века. Хотя этот процесс был крайне неоднородным, в целом, во всех странах он имел общее направление и сходные источники.

Вплоть до XVI века во всех христианских странах местом погребения служило, прежде всего, приходское кладбище[112]. Однако уже в раннее новое

[110] Об уравнительном характере декрета см. также: Паперный В. Культура два. М.: НЛО, 1996. С. 116.
[111] Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. С. 537.
[112] Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 151.

время ситуация постепенно меняется. Кладбища начинают медленно переноситься за пределы церковной ограды. Размышляя над изменением похоронной культуры этого периода, С. Мохов отмечает, что в западноевропейской культуре эти процессы были инициированы новым миропониманием, которое принесла Реформация: «Это становится возможным потому, что в протестантизме происходит пересмотр самого понятия святости (ее источника) и сакрального пространства. В протестантизме храмом является, по сути, любое физическое пространство, где собираются люди для того, чтобы прочитать Слово Божие: протестантизм переносит акцент на человека вместо предметов и мест отправления культа. Таким образом, церковная ограда утрачивает свой сакральный статус: отныне покойника можно хоронить не только в границах освященного храмового пространства»[113]. Тогда же под влиянием усиления роли нуклеарной семьи в противовес общине, изменяется и внешний облик кладбищ. Захоронения становятся более ухоженными и регулярными, появляются семейные склепы.

Хотя определенные изменения начинаются еще в XVI — XVII веках, до середины XVIII века большинство кладбищ оставалось под надзором церковных институций и физически находилось все еще внутри городов[114]. Постепенный или резкий выход похоронного дела из-под церковного контроля, так же, как и перенос кладбищ за городскую черту, был связан с целом рядом причин, наиболее существенной из которых стало новое отношение к человеческой телесности. Тело человека перестает восприниматься как временное вместилище бессмертной души, как особый объект, имеющий божественную природу, в отличие от тел животных. Человек начинает осмысляться и изучаться в одном ряду с другими живыми существами. И если тело человека не является уникальным, то и смерть человека большое ничем не отличается от смерти любого другого существа.

[113] Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. С. 45.
[114] Там же. С. 81.

Само тело начинает восприниматься и анализироваться преимущественно в терминах медицины, а не богословия как это было на протяжение предыдущих столетий. Процесс медикализации смерти достигает апогея в период Просвещения, когда мертвое тело начинает устойчиво восприниматься прежде всего как источник заразы и эпидемий. Растущее гигиеническое недоверие к мертвому телу становится важнейшим триггером переноса кладбищ за городскую черту[115].

Урбанизация и начало промышленного переворота также внесли свою лепту в изменение общественных практик обращения с мертвыми телами. Растущая плотность населения в городах приводила к эпидемиям, росту смертности и все большей перегруженности старых некрополей. Когда-то расположенные на городских окраинах, постепенно они были поглощены новыми городскими районами, и не имели возможности расширять территорию. Церковные погосты, которые даже в городах носили общинный характер, перестали справляться со своими функциями.

Перенос кладбищ за городскую черту начинается повсеместно в Европе со второй половины XVIII века. В то же время начинают появляться муниципальные кладбища, управление которыми осуществляет город, а не Церковь. С 1745 года парламент Парижа предписывает открывать новые кладбища только за городской чертой, в 1784 году муниципальное кладбище появляется в Вене. Иногда эти изменения отражаются даже в языке. Например, в английском языке старые кладбища, расположенные внутри церковных оград, обозначаются как churchyard, а новые, расположенные за городом или просто вне церковной юрисдикции — cemeteries[116].

Изменения, происходившие в разных странах неодновременно и в разной форме, преимущественно были связаны с появлением

[115] Там же. С. 50.
[116] Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 153, 234.

государственного регулирования похоронного дела. Во всех странах проведение похоронных реформ наталкивалось на жесткое сопротивление Церкви, которая на протяжение столетий несла на себе обязанности по утилизации мертвых тел. Но в изменившемся обществе простое механическое воспроизведение старых похоронных традиций оказывалось невозможным. Чаще всего причиной этого становились социальные изменения и различные драматичные события, в ходе которых Церковь переставала справляться с этой функцией также хорошо, как раньше. Речь в первую очередь идет о резком изменении территориальной и временной динамики смертности в Европе, иными словами — о таких изменениях, в результате которых в одном и том же месте резко начинало умирать существенно большее число людей. Причиной этого могли быть войны, социальные конфликты, эпидемии, а также резкие скачки урбанизации, сопровождавшие индустриальную революцию. В новых условиях имеющаяся инфраструктура не справлялась с утилизацией мертвых тел, что требовало срочного реформирования похоронного дела, однако Церковь была не в состоянии его произвести. Правительства разных стран постепенно принимали законы, которые должны были упорядочить похоронное дело, вывести кладбища за пределы городов, и ввести санитарный надзор за погребением. Все эти законы, хотя и в разной мере, ограничивали контроль Церкви над похоронами. Во Франции толчком к проведению реформ становится Революция, в Англии эпидемии и резкая урбанизация, в Германии Реформация и Первая мировая война[117].

Результатом этих изменений стала, с одной стороны, постепенная секуляризация практик обращения с мертвым телом, а с другой — профессионализация и возникновение похоронного дела как отдельного института. В то же самое время постепенно возрастает интерес к кремации,

[117] Trompette P. The Politics of Value in French Funeral Arrangements. Three types of moral calculation // Journal of Cultural Economy. 2013. Vol. 6(4). P. 373-374; Ozouf M. Festivals and the French Revolution. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 1988; Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2005. P. 19-45; Блэк М. Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии: пер. с англ. М.: НЛО, 2015. С. 37

которая в течение второй половины XIX в. легализуется в большинстве Европейских стран.

Это был процесс производства нового социального порядка во всем западном мире на протяжение XVIII — XX вв. Как отмечает Т. Лакер, «те, кто в XVIII, XIX и XX века изменил то, как хоронили и именовали мертвых, или кто выступал за сжигание их в высокотехнологичных печах, ощущали себя вовлеченными в процесс разрушения мира, который они унаследовали от Средневековья и сражений Реформации, и строительства нового мира». Этот процесс носил дуальный характер. «С одной стороны, они воплощали в жизнь разрушительный проект, стремясь уничтожить единство обширной некрогеографии и сокрушить поддерживающие ее институты, которые Церковь навязала, в частности, Европе. Ощущая мертвых основой Церкви и ее могущества, они полагали, что лишение клерикального контроля над мертвыми ослабило бы институциональную власть религиозных организаций и расчистило бы почву для чего-то нового. С другой стороны, было множество созидательных программ: мертвых можно было задействовать при образовании новых мемориальных общин, при установлении нового гражданского порядка или при выдвижении определенных политических или социальных требований. Всё это стало возможно — христианская революция, частичная отмена ее результатов и создание чего-то нового — именно благодаря тому, что долгое время удавалось задействовать мертвых. Мертвые обладают влиянием в современную эпоху, потому что они влияли на реализацию других проектов в другие эпохи в течение длительного времени (longue durée)».[118]

Таким образом, в XVIII-XX вв. европейская похоронная культура претерпела существенные изменения. Она не только в значительной степени секуляризовалась, но и оформилась в отдельный независимый социальный

[118] Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 93.

институт. Реформация и революции в Европе этого периода также существенно повлияли на похоронную культуру, вовлекая ее в строительство нового социального порядка.

1.3 Нормативное регулирование и похоронные реформы в Российской Империи

Аналогичные процессы происходили и в России. Как и многие другие изменения, первые реформы похоронного дела были связаны с Петром Первым, до которого похоронное дело находилось вне всякого государственного регулирования, а все захоронения проводились на переполненных приходских или монастырских кладбищах. Как и в других случаях, Петр стремился приблизить российские реалии к европейской практике. Указы от 1722 и 1723 годов предписывали устраивать новые кладбища не у приходских храмов, как это делалось раньше, а «по Европейскому образцу» — за городом, в сухих местах. Старые кладбища должны были быть закрыты, а могильные камни с них следовало использовать на «всякое строение». В целях экономии древесины предписывалось делать гробы из пиленых досок и запрещалось выдалбливать гробовые колоды[119]. Хотя кладбища и другое похоронное имущество продолжало находиться в руках Церкви, духовных управлений и национальных общин, Петр впервые вводит светский ритуал погребения — особый церемониал похорон военных и государственных деятелей, включавший почетный караул, духовой оркестр, прощальный салют. Тело покойного в этом случае несли не на руках или санях, а водружали на специальный катафалк-колесницу[120].

Очевидно, проблема переполненности старых приходских кладбищ не была решена указами Петра, поскольку аналогичные указы об их закрытии,

[119] Несмотря на формальный запрет во многих регионах эта практика сохранилась вплоть до XX века.
[120] Все о проводах в последний путь: справочник-энциклопедия / сост. и ред. Александр Сазанов. Санкт-Петербург: Издательство Александра Сазанова, 2012. С. 17.

уничтожении и открытии новых кладбищ за пределами городов издавались позже при Елизавете в 1748 году, и при Екатерине в 1771 году[121]. Рост городов и кровопролитная Русско-Турецкая война привели к эпидемии чумы 1770-1771 годов, сделавшей в свою очередь очевидными санитарные проблемы, связанные с похоронным делом. С 1771 года Синод запрещает хоронить на приходских кладбищах во всех городах России. В городских пределах на территории соборов, монастырей и крепостей можно хоронить лишь духовенство, выдающихся светских особ и военачальников. Так же, как и 150 лет спустя после прихода к власти большевиков, старые кладбища должны были быть закрыты для захоронения, и перепланированы в площади и скверы, обнесены оградами и обсажены деревьями, но на практике на территории многих из них появились жилые дома и проезжие части. Взамен закрытых кладбищ создаются новые — на выгонных землях близ городских границ. Указ Сената 1771 года предписывал располагать новые кладбища на расстоянии не менее 100 саженей (213 метров) от последнего жилья в городе. Этот же указ предписывал обносить все кладбища забором или земляным валом «для удержания скотины, чтоб оная не могла заходить на кладбища, лучше поделать около вала рвы поглубже и пошире»[122].

Новые кладбищенские пространства отражали изменившиеся общественные отношения и образ жизни живых людей. Они имели геометрическую планировку, ровные дорожки и аллеи, колодцы и фонтаны, туалеты и гораздо больше напоминали современные им города, чем старые погосты. В центре располагался храм и дома причта, при входе — богадельни. Между могилами пролегала сеть дорожек-улиц. «Деление могильной земли по стоимости на разряды уподоблялось стоимости участков под строительство в настоящем городе — чем ближе к центру, тем дороже. Выработалась и

[121] Там же. С. 18-19.
[122] Там же. С. 17-19.

иерархия мест захоронения, начиная от алтаря и кончая границами кладбища»[123].

Следующим этапом государственного регулирования стала унификация тарифов на погребение. Хотя сами принципы иерархии тарифов и мест захоронения были общими для всех кладбищ страны, конкретные расценки зависели от решения конкретных приходских служащих, и на отдельных кладбищах, преимущественно монастырских, достигали невероятных значений. В 1834 году было опубликовано «Повеление императора Николая I о цене на могилы», которое должно было решить эту проблему и унифицировать тарифы в городах Империи. В реальности решение вопроса затянулось на несколько лет — только в 1841 году Святейшим Синодом было издано «Положение по благоустройству православных кладбищ», в соответствии с которым все участки на кладбищах были разделены на фиксированные разряды. Этот документ определял также предельно допустимые тарифы на погребение по каждому разряду. «Положение» разделяло земли на монастырских кладбищах на 5, а на городских — на 7 разрядов, престижность и стоимость которых зависела от удаленности от храма и центра кладбища. «Первые два разряда не имели фиксированных цен, поскольку «…во внеразрядных местах плата от 100 руб. и дороже». К ним относились участки у храмов. 3-й разряд стоил 20 руб., 4-й — 10 руб., 5-й — 5 руб., 6-й — 50 коп., 7-й — бесплатно. Он предоставлялся для захоронений умерших в тюрьмах, больницах, богадельнях, и самых бедных жителей». Бесплатно на могиле можно было установить только простой деревянный крест, остальные надгробные памятники также имели свою тарифную сетку. Этот принцип тарификации просуществовал в России до самой реформы 1918 года [124].

[123] Там же. С. 20-21. В конце XIX века валы и рвы вокруг кладбищ были ликвидированы и заменены коваными оградами или заборами.
[124] Там же. С. 20-21; Филиппова С.В. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 4. С. 81-82.

Оплата по этим тарифам не была только платой за услугу, а скорее выступала в качестве паевого взноса, включавшего родственников покойного в институциональные отношения с администрацией конкретного кладбища. Эти отношения фиксировались в удостоверении о погребении, выдаваемом администрацией кладбища, в которое вносился регистрационный номер погребения, имя покойного, дата похорон и разряд погребения. Акцизная марка, которая клеилась на удостоверения, легитимировала эти отношения. Взнос, который делали родственники умершего в кассу кладбища, регулировал участие и ответственность сторон в отношении обязанностей по уходу за захоронениями и поддержанием кладбища в должном виде. В обязанности вкладчиков (то есть родственников) входило следить за сохранностью памятников и оград на могилах. После того как памятник ветшал и приходил в негодность, администрация кладбища не несла ответственность за целостность захоронения, и могла производить обновление участка и новые захоронения на нем. Таким образом, договор действовал лишь до тех пор, пока родные интересовались погребением.[125].

Вносившаяся при погребении плата фиксировала срок, в течение которого персонал кладбища берет на себя уход за могилой. Все отношения между родными и персоналом кладбища (могильщиками, сторожами, рабочими и прислугой, богоделками[126]) могли осуществляться лишь через кладбищенскую контору. Запрещалось также привлекать к работам на кладбище третьих лиц, то есть независимые конторы, без согласования с администрацией. Даже для того, чтобы собственноручно проводить какие-то работы с могилами своих близких, например, «теплить на них лампады, очищать от мусора, украшать цветами, приобретенными на стороне»,

[125] Там же. С. 20-21.

[126] Богаделки — жительницы богаделен, приютов для нищих, больных, оставшихся без средств к существованию. В богадельнях, располагавшихся на кладбищах, часто жили пожилые представители духовенства и их родственники и родственницы, которые участвовали в уходе за кладбищами.

необходимо было уведомить контору кладбища и действовать в соответствии с ее указаниями[127].

Таким образом, погребальные тарифы, разделенные по разрядам, были не просто сборами, но оформляли отношения, в соответствии с которыми часть прав на захоронение отчуждалась у родственников в пользу администрации кладбища. Последнее в свою очередь брало на себя ответственность по уходу за могилами, и устанавливало свою монополию на производство работ и получение доходов в этой сфере. При этом, полученные доходы распределялись таким образом, что покрывали работы по бесплатным захоронениям, общему благоустройству кладбищ, а также составляли отчисления на сирот и бедных духовного звания[128].

Через 16 лет после унификации тарифов на погребение произошла общая кодификация похоронного законодательства, которое составило 5 главу Устава Врачебного в редакции 1857 года. В целом Устав аккумулировал предыдущие разрозненные указы о содержании кладбищ, предписывая открывать кладбища за городом, отдельно для православных и представителей иных конфессий. Кладбища должны были быть огорожены насыпью и рвом, иметь церкви или часовни. Устав отдельно прописывал, что «кладбища при каждом городе устрояются общим иждивением обывателей его», подчеркивая, таким образом, тот факт, что кладбищенское дело является общим благом сообщества, состояние которого зависит от участия каждого из его членов. Устав также регулировал глубину могил, расстояние между ними[129]. Впоследствии с небольшими изменениями этот устав переиздавался в 1899 и 1905 году. Устав 1905 года уточнял, что участки, отведенные под кладбища, не могут быть использованы для других целей, а старые, опустевшие

[127] Там же.
[128] Там же.
[129] Устав врачебный [Электронный ресурс] // Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. Т. 13. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении, и врачебные. С. 158-162.

кладбища не могут быть использованы под застройку или сельскохозяйственную деятельность[130].

Таким образом сложилась система нормативного регулирования, в соответствии с которой все практики обращения с мертвыми телами оказались разделены между несколькими акторами. Родные умерших, совершая погребение на том или ином кладбище, вносили взносы в его пользу, становясь его членами-пайщиками. Духовные власти владели кладбищами, в их ведение входил уход за ними, выдача разрешений на погребение. Доход от погребений шел на содержание кладбищенского причта и территории кладбища. К причту относились настоятель церкви, дьяконы, писарь, могильщики, сторожа, садовник, метельщики. Сама же кладбищенская земля принадлежала городу или общине. Вопросы об устройстве, планировке, расширении кладбищ решались губернаторами. Ремесленная управа выдавала разрешения на изготовление похоронных принадлежностей. К середине XIX века стало ясно, что духовные власти мало пекутся о порядках на некрополях, и большая часть забот ложится на владельцев кладбищенской земли — городские власти — думу или управу. Размеры каждого кладбища, прирезка к нему земли находились в ведении губернаторов, которые должны были согласовать свои действия с епархиальным советом и получить разрешение Министерства внутренних дел. Для помощи в надсмотре за старыми и большими кладбищами с середины XIX века стали вводить кладбищенские попечительства, занимавшиеся сбором средств и обустройством некрополей. Эти попечительства брали на себя часть функций духовного ведомства: уборку территории, оплату работы служащих, выдачу вместе с духовенством разрешения на захоронение. Попечительства действовали и как похоронные агентства, беря на себя все хлопоты по устройству похорон. При кладбищах

[130] Устав врачебный, изд. 1905 г. и по прод. 1912 и 1913 г.г., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постатейными разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями / сост. Л. А. Колычев. Петроград: издание юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1915. С. 272-281.

также часто находились богадельни, в которых проживали от 5 до 30 человек, в основном, престарелых священников, их вдов и просто пожилых женщин [131].

На вторую половину XIX века в России приходится бурный промышленный рост и связанный с ним резкий рывок урбанизации. Тысячи семей перебираются в быстро растущие города, отрываются от общинного образа жизни и полностью меняют свою жизнь. В Западной Европе эти события происходили значительно раньше, существенно изменив похоронное дело и его нормативный статус. Теперь те же аналогичные процессы коснулись и России. Города росли, с притоком населения в них росла и абсолютная смертность[132]. Старые кладбища, лишенные возможности расширять свою территорию, переполнялись, оставаясь при этом в пределах старых городов. Их санитарное состояние ухудшалось. Кладбища в конце XIX века «были крайне запущены. За деньгами, которые получала церковь за погребальную деятельность, никто не следил. Часто кладбища были переполнены, могилы хаотично раскиданы по территории, список захороненных людей велся неаккуратно»[133]. Даже в столице империи, Санкт Петербурге состояние кладбищ было удручающим: «Митрофаньевское кладбище громадно; мы шли версты полторы или две, прежде чем достигли могилы, приготовленной для Саши, и в течение всего пути, куда бы ни обращался наш взор, всюду мы видели только одинаковые деревянные кресты и маленькие кучки земли, возвышающиеся над водой... Быть похороненной на таком кладбище — все равно что быть брошенной в болото, утонуть в грязной воде, исчезнуть в бесконечном множестве могил... Отыскать знакомый крест почти нельзя…»[134].

[131] Все о проводах в последний путь: справочник-энциклопедия / сост. и ред. Александр Сазанов. Санкт-Петербург: Издательство Александра Сазанова, 2012. С. 17-18.
[132] Под абсолютной смертностью понимают общее число умерших за определенное время, под относительной — число умерших относительно общего числа жителей, как правило показатель относительной смертности рассчитывается на 1000 жителей.
[133] Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. С. 200.
[134] Казем-Бек М.Л. Дневники. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2016. С. 165-166.

Такого рода ужасающее и антисанитарное состояние большинства кладбищ, даже в крупнейших городах страны, имело свои истоки в сложной и неоднозначной системе администрирования. Введенное раньше разделение сфер ответственности между церковными и гражданскими властями к концу XIX столетия, с ростом городов и изменением поведения их жителей, становилось фактором скорее деструктивным, тормозящим и разрушающим. Кроме того, в это же время стремительно развивалось частное похоронное дело, которое к концу XIX века превратилось в сильный самостоятельный экономический институт, интересы которого вступали в конфликт с институтом кладбищенских служащих, заинтересованных в удержании монополии на управление и благоустройство кладбищ. Решение проблемы предполагало диалог между городскими и церковными властями, а также частными похоронными ремесленниками. Но в таком диалоге Церковь была заинтересована менее всего.

По мнению многих современников, захоронения на кладбищах служили средством обогащения кладбищенского клира, который умело его использовал и преумножал. Так, например, в предисловии к монументальному компендиуму «Русский провинциальный некрополь», созданному по заказу великого князя Николая Михайловича, говорится «Эти правила [правила установленные церковной кладбищенской администрацией — А.С.], “всецело направленные лишь к тому, чтобы получить как можно более денег с публики при всяком случае”, предупреждают, что “могилы с крестами и памятниками сохраняются до 30 лет”, а затем продаются (так прямо и сказано) другим лицам, если только их не будут посещать родственники погребенных и служить по ним панихиды, обращаясь для этого к кладбищенскому духовенству»[135].

[135] Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. С. 203.

Подобный подход кладбищенского клира был следствием тех отношений между родственниками умерших и конторой кладбища, которые были описаны выше. Паевое участие родственников в делах кладбища предполагало, что именно причт является основным актором кладбищенского благоустройства, удерживающим монополию как на производство работ, так и на доходы от них. Однако с момента унификации тарифов на погребение, которые создали эту систему, обстоятельства существенно изменились. Если в середине XIX века никто не претендовал на нарушение этой монополии, она работала и была удобной для всех, то уже к 1880-м годам как светские власти, так и частные предприниматели были уже заинтересованы в перестройке всей системы.

В 1887 году Московской Городской Думой была образована «Комиссия для рассмотрения вопроса об устройстве новых кладбищ и об участии города в надзоре за правильным производством погребений и всех вообще вопросов, относящихся до упорядочивания кладбищ, существующих в Москве». Комиссия не инициировала существенных изменений в похоронном деле, но зафиксировала текущие проблемы состояния кладбищ второго по величине города Империи: «Комиссия нашла, что кладбища неблагоустроены, не имеют плана захоронения, содержатся не в должном порядке, хотя кладбища имеют значительные доходы, которых было бы достаточно на покрытие, чтобы содержать их в порядке. На четырех кладбищах, а именно на Даниловском, Пятницком, Лазаревском, Миусском, 7 разряда, предназначенного для бесплатного погребения беднейших жителей гор. Москвы, не существует. Некоторые кладбища, как например, Даниловское , весьма переполнены. <…> Вместе с тем комиссия признала, что Гор. Управление не может принять самостоятельно какие-либо меры для упорядочения кладбищ, ибо они не находятся в его заведывании, обратила внимание на отсутствие санитарного надзора и находила желательным устройство новых кладбищ Город.

Управлением»[136]. Рассмотрев доклад Комиссии, Дума ходатайствовала перед Правительством о подчинении всех кладбищ Москвы столичному санитарному надзору, а также о том, чтобы средства, собираемые конторами кладбищ, тратились на их благоустройство. Часть кладбищ была признана Комиссией переполненными, однако, Городская Дума отклонила ходатайство об их закрытии. Комиссия, таким образом, стремилась, с одной стороны, ввести внецерковный санитарный контроль над состояниями кладбищ, а с другой — обязать причт и духовенство значительно больше заботиться о порядке и внешнем виде кладбищ. В конечном счете церковным властям было предписано обнести кладбища «приличными оградами», провести размежевание территорий, проложив дорожки и обозначив зоны с разными разрядами, и увеличить таксу на погребение, для того чтобы иметь больше средств к благоустройству кладбищ[137]. Хотя эти меры постепенно реализовывались вплоть до революции, они не смогли существенно изменить положение дел. Все те же самые проблемы — переполненность кладбищ, плохое их состояние, отсутствие оград и учета захоронений и т.д. — отмечались и при проведении реформы в 1918 году.

Другой линией напряжения стали отношения кладбищенского причта с частными торговцами похоронными принадлежностями. К началу XX века они составляли уже хорошо развитый рынок. С конца XIX века в больших городах появляются лавки гробовщиков и похоронные бюро, а к началу XX века они работают уже практически во всех городах[138]. Всего за два десятилетия перед революцией похоронное дело достигло серьезных масштабов[139], однако, его полноценное развитие существенно тормозилось тем, что кладбищенский клир делал все от него зависящее, чтобы не допустить независимых частных агентов к работе на кладбищах. Несомненно, это

[136] Канализация г. Москвы, очистка, водостоки, бани и кладбища / Под ред. П.В. Сытина. — М.: Издание МКХ, 1925. С. 71-72.
[137] Там же. С. 73.
[138] Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. С. 206.
[139] Там же. С. 210.

приводило к серьезным конфликтам. Так, в марте 1914 года группа московских торговцев похоронными принадлежностями обратилась к депутатам Государственной Думы и Митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию за защитой «от натиска духовнаго ведомства»[140]. Как видно из материалов дела, кладбищенское хозяйство превратилось для клира в настоящий бизнес: «На Лазаревском кладбище, например, причт сдает в аренду под дома кладбищенскую землю, принадлежащую городу. На Ваганьковском кладбище о. Н. Н. Любимов устроил целую фабрику для изготовления крестов, памятников, решеток и пр. Между могилами поставлена кузница. Для расширения своего предприятия о. Любимов проектирует купить лесное имение и поставить на нем лесопилку, которая должна будет обслуживать надмогильными крестами всю московскую епархию»[141]. «Торгово-промышленные заведения» на кладбищах не только занимаются производством похоронных принадлежностей, но также и скупкой, и перепродажей монументов[142]. При этом приходской клир не просто наращивает обороты своего бизнеса, но и активно препятствует работе конкурентов. Для этого используются как экономические инструменты давления, так и методы, которые мы сегодня назвали бы черным пиаром. На кладбищах были «введены своего рода таможенныя пошлины», которыми облагались сторонние конторы. Таким образом, пользоваться услугами кладбищенских предприятий было в несколько раз дешевле. При этом, в устах клира эта разница в цене относилась не на введенные ими же пошлины, а на счет крохоборства частных торговцев: «кладбищенские конторы, кроме объявлений в газетах, раздают прихожанам летучки с такими примечаниями: "заказы в конторе несравненно выгоднее, чем у барышников-торговцев за воротами кладбища»». Используя доступ к церковной прессе, духовенство стремится очернить торговцев в глазах прихожан: «К услугам духовенства духовные журналы, в роде "Церковности", где ремесленники и торговцы по

[140] ГАРФ. Ф.579. Оп. 1. Д. 302. Л. 1.
[141] Там же. Л. 2.
[142] Там же. Л. 3.

изготовлению памятников и пр. обзываются развратниками, пьяницами и т. п. Делается все это с целью опорочить ни в чем не повинных тружеников и приумножить собственные доходы. Между прочим, четырьмя ремесленниками подана жалоба на "Церковность" по обвинению этого органа в клевете в печати». По-видимому, даже таких радикальных мер оказывается недостаточно, и отдельных «ремесленников» просто приказывают не пускать на кладбища[143].

Так же, как и Комиссия Московской Городской Думы, торговцы видят единственный путь решения проблемы — «передача в ведение города всех московских кладбищ». Торговцы активно апеллируют к светским судебным властям в разрешении своих проблем, и суды, как правило, принимают решения в их пользу. Одновременно торговцы пытаются апеллировать к тому, что торговая деятельность духовенства происходит «вопреки ясному запрету церковных канонов <…>, которыми пресвитерам и клирикам не дозволено заниматься откупами и торговлей, и вопреки многочисленным указаниям светских законов»[144], однако эти аргументы оказываются гораздо менее действенными.

Материалы дела о конфликте между торговцами и кладбищенским духовенством подробно очерчивают размах «коммерческой деятельности нашего кладбищенскаго духовенства»: «Обороты кладбищенского духовенства достигают огромных размеров. Так, например, Ваганьковское кладбище в год делает около 100.000 руб. оборота»[145]. «На земле Ваганькова кладбища, от самых врат по дороге к церкви, непосредственно рядом с могилами, открыты 3 склада под навесами для продажных монументов, 2 открытые площадки для них же, малярная мастерская, контора садоводства. И в южной части кладбища <…> каменная кузнечная мастерская, с горном,

[143] Там же. Л. 2.
[144] Там же. Л. 3.
[145] Там же. Л. 2.

слесарной и сборочной <…>, каменнотесной мастерской под навесом, шлифовальная мастерская, паяльная, казарма для рабочих, оранжерея, парники, огороды декоративных растений. При означенных заведениях содержится штат, доходящий по временам до 50 человек»[146]. Эта коммерческая деятельность не «имеет никаких приказчичьих и промысловых свидетельств», а следовательно, за нее не платятся налоги, хотя она и не подпадает под налоговые льготы для духовенства. Несомненно, в случае судебного или налогового разбирательства, духовенство должно было бы заплатить значительные штрафы[147]. При таком размахе коммерческой деятельности состояние Ваганьковского кладбища вполне могло бы быть образцовым, однако, свидетельств о том, что оно существенно отличалось от остальных в лучшую сторону, у нас нет.

Как видим, пути развития похоронного дела в течение XVIII и XIX века в России развивались в целом в том же направлении, что и в других странах Европы, хотя и с известным отставанием. Необходимость проведения реформ в этой области диктовалась, помимо общей деградации контролируемой Церковью похоронной сферы, растущей напряженностью между церковными и светскими участниками похоронного дела. В России первое предложение о такой реформе было представлено на рассмотрение в 1909 году, но было блокировано Синодом[148]. Вскоре, в 1913 году, в Министерстве внутренних дел был разработан новый похоронный устав, в котором предлагались пути выхода из сложившегося кризисного состояния похоронной сферы. В общем проект нового устава предлагал изменения, которые в той или иной степени уже были реализованы в других европейских странах. В отличие от более ранних компендиумов указов о похоронном деле, собранных во Врачебном уставе, новый документ был отдельным «Постановлением об устройстве кладбищ и крематориев, о погребении и регистрации умерших». Отметим, что

[146] Там же. Л. 3 об.
[147] Там же. Л. 4.
[148] Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. С. 537.

статьи Врачебного устава представляли собой свод отдельных разрозненных постановлений и указов, принятых различными монархами в период с первой половины XVIII по середину XIX века. Положения этих статей никак не аргументировались. Многие статьи регулировали не столько вопросы погребения умерших, сколько действия духовенства в этой ситуации. В новом же проекте вопрос о погребении умерших формулируется в принципиально других терминах, озвученных в Преамбуле, в которой погребение усопших четко определяется как прежде всего санитарная проблема. В силу этого все нормативные положения, согласно Проекту, должны в первую очередь «согласовываться с данными современной гигиены», в то время как статьи, «касающиеся обрядов, устройства церквей на кладбищах, обязанностей священников» должны быть исключены как «собственно к санитарному делу не относящиеся». Примечателен и другой пассаж, в котором отмечалось, что «существенным пробелом действующего у нас законодательства, с точки зрения современных взглядов на это дело, является отсутствие в нем каких-либо указаний на допустимость или недопустимость способа захоронения путем сожжения трупов, а также отсутствие установления обязательной регистрации умерших для всех хотя бы губернских городов Империи»[149]. Преамбула также включает пространный обзор «законоположения иностранных государств» — Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, Франции, перечень современных санитарных требований по устройству кладбищ, исторический обзор практики кремации, историю ее введения в разных странах Европы и статистику по кремации в разных странах с 1878 года. Отдельные разделы посвящены юридическому обоснованию допустимости практики кремации и необходимости регистрации умерших. Основной текст положения состоит из 4-х глав, определяющих устройство кладбищ, правила погребения, кремацию и регистрацию умерших[150]. Существенными новшествами Положения по отношению к более раннему

[149] ГА РФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 443. Л. 10.
[150] Там же. Л. 10-40.

Врачебному Уставу должно было стать перераспределение зон ответственности в вопросе о контроле над мертвыми телами от церковных властей к гражданским. Гражданские власти получали полномочия по регистрации и учету смертей, новая практика кремации, входящая в противоречие с представлениями Синода, также оказывалась под контролем светских властей. Таким образом, проект, если бы он был одобрен, создавал бы отдельный сегмент похоронной сферы, полностью независимый от религиозных институтов.

Таким образом, накануне 1917 года основные противоречия по вопросу о решении проблем в похоронном деле пролегали по линии противостояния гражданских и церковных властей. Церковные власти стремились сохранить свою монополию как на само кладбищенское пространство, так и на символическое (кремации) и юридическое (обязательная регистрация смертей светскими органами) оформление практик обращения с мертвыми телами. Светские власти, в свою очередь, стремились получить контроль над санитарным состоянием кладбищ, что должно было разрешить проблему их плачевного состояния. Проект нового положения был представлен на рассмотрение Государственной Думы в 1914 году, но также был блокирован Синодом[151]. Дальнейшее рассмотрение этого вопроса было отложено в связи с начавшейся Первой мировой войной.

Нельзя сказать, что Церковь просто закрывала глаза на существующие проблемы. Она осознавала свою важную институциональную роль в социальной работе по утилизации мертвых тел, однако механизм церковной бюрократии был ничуть не более готов к реформам, чем неповоротливая машина всего государства. Церковь ограничивалась тем, что подробно прописывала права различных действующих сторон внутри похоронной сферы. Так, «Настольная книга для священно-церковно-служителей»

[151] Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. С. 537. ГА РФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 443. Л. 10-40.

очерчивала тот спектр услуг, которые могла предоставлять «контора по устройству похорон» и те сферы, в которые она вторгаться не имела права. К первым относилась доставка гробов и принадлежностей к ним (подушки, саваны, одежды для умерших, катафалки, подушки для знаков отличия), услуги носильщиков, прислуги, организация присутствия полиции в случае такой необходимости, транспортировка тела на кладбище, обустройство могил на кладбище. К действиям, которые не могли входить в сферу деятельности контор относились — «поручения по постановке покровов на усопших, свечей, подсвечников, как для панихид, так и для отпеваний, <…> венчиков и разрешительных молитв»[152]. Церковь также старалась всеми возможными способами сдержать выход похоронной культуры за пределы обрядовой сферы, особенно противясь использованию похорон как политической площадки, в частности, запрещая наносить надписи на траурные венки[153].

Определенная потребность в изменении похоронных практик ощущалась до революции и внутри самой Церкви. Об этом свидетельствуют, в частности, документы Поместного собора Православной Церкви 1917 — 1918 годов. Одним из важных вопросов, обсуждавшихся на заседаниях Подотдела о погребении и поминовении, был вопрос о кремации. Здесь наряду с традиционным отрицанием нового вида погребения были и более мягкие формулировки, утверждавшие, что «отношение к сожжению не должно быть безусловно отрицательным и слишком категорическим»[154]. Более того, разногласие в данном вопросе было настолько сильно, что подотдел решил воздержаться от принятия самостоятельного решения, отложив его до будущего (но так и не состоявшегося) обсуждения на общем заседании Отдела

[152] Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей: (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Киев: тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. С. 1293.
[153] Там же. С. 1330.
[154] Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. С. 538.

о церковной дисциплине, в который входил подотдел о погребении и поминовении.

Таким образом, к началу второго десятилетия XX века городские власти и частные предприниматели сходились в мнении, что церковное доминирование в похоронном деле необходимо существенно ограничить. Более того, и сама Церковь ощущала необходимость изменений в похоронной сфере. Однако Первая Мировая война, общенациональный кризис и последовавший коллапс государства не дали развиться секулярным тенденциям похоронного администрирования. Между тем, большевики и создаваемое ими новое идеологизированное государство, хотя и использовали радикально отличную риторику, фактически этим тенденциям наследовали. Как мы увидим ниже, инициативы Советской власти в области похорон лишь внешне выглядели «революционно», в действительности же многие положения нового похоронного законодательства отсылают к дискуссиям и инициативам дореволюционной поры.

1.4 Последствия похоронных реформ и советский микрокосм

В отношении похоронного дела ни методы реформ большевиков, ни их конкретное содержание не были уникальны. Фактически, основные положения реформы 1918 года уже содержались в проекте «Постановления об устройстве кладбищ и крематориев» 1913 года и лежали в русле тех изменений, которые происходили во всех странах Европы в этот период. Однако, если методы и идеи большевиков и не были уникальны, то результаты оказались поистине невиданными. Еще осенью 1917 года в российских городах существовала, хотя и имевшая изъяны, но в целом работающая похоронная система, а уже к весне 1918 года в главных городах страны похоронное дело и кладбищенское администрирование пришло в абсолютный упадок и негодность. Морги и больницы были переполнены трупами, непогребенные тела лежали на кладбищах, могильщики саботировали работу,

на кладбищах селились люди и пасся скот, получить документы на погребение было крайне сложно. Распад затронул абсолютно все сферы, ставшие объектом утопического реформирования 1917-1918 годов[155] и похоронное дело здесь не стало исключением (наоборот — одним из наиболее ярких примеров стремительной деградации муниципальной сферы). Но если последовавший в первой половине 20-х годов переход к НЭП и позволил восстановить многие сегменты муниципальной сферы, попытка восстановить старые порядки в кладбищенском хозяйстве, воспроизведя модернизированные дореволюционные схемы в новых реалиях, предпринятая в 1923 году, не привела к существенному улучшению ситуации. Кладбища продолжали находиться в упадке. Истории похоронного кризиса 1919 года, путям выхода из него, а также подчас парадоксальным результатам этих усилий посвящена глава 5.

Вопрос о том, почему предпринятая в 20-х годах попытка реформировать похоронное администрирование в утилитарном ключе еще больше усугубила дисфункциональность этой важной сферы жизни, не имеет однозначного ответа. С одной стороны, поставив в центр всей реформы задачу удалить Церковь из института похоронного обеспечения, большевики игнорировали внутреннюю логику этого института и ту инфраструктурную роль, которую в ней играла Церковь. Идеологи реформ, в соответствии с общим направлением своих мыслей, полагали, что похоронное дело является лишь инструментом обогащения для Церкви, которая манипулирует родными умерших для извлечения сверхприбылей. При этом, в восприятии большевиков отношения между Церковью и родственниками умерших находились в плоскости веры и обрядов. Деление похорон на разряды

[155] Смирнова Т.М. Советский режим и человеческий фактор на примере функционирования системы детских домов. 1917 — 1930-е годы // The Soviet and Post-Soviet Review. 2016. No 43. С. 36 — 66. Кириллова Е.А. Советская жилищная политика в годы нэпа: квартирный вопрос и домовое самоуправление в Петрограде-Ленинграде // The Soviet and Post-Soviet Review. 2016. No 43. С. 5 — 35; Matsui, Y. Housing Partnerships, ZhAKTy, or Housing Trusts? A Study of Moscow's Housing Management System, 1917-1937 // Acta Slavica Iaponica. 2009. Vol. 26. P. 109-139; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. С. 64 — 67.

представлялось им проявлением социального неравенства, свойственного сословному обществу Российской Империи.

Фактически они полагали, что Церковь в этой конструкции является отжившим паразитическим элементом, который можно просто изъять из нее, не повредив работу всего механизма. При этом они игнорировали реальную функцию, которую играла Церковь. В той многоакторной конфигурации, которая сложилась в похоронном деле к началу века, роль Церкви отнюдь не была связана исключительно с обрядами или религиозной верой. Гораздо важней был тот факт, что работа похоронного дела как интегрированного социального института замыкалась именно на Церковь, именно в сфере ее управления находились экономические основы похоронного дела, которые позволяли ей функционировать. Система разрядов погребения, хотя и была связана с идеями церковного благочестия, которые делали места около церкви более ценными, чем места на периферии кладбища, на практике была нацелена на то, чтобы за счет более дорогих разрядов обслуживать более дешевые и бесплатные, и также создавать фонд для благоустройства и санитарного обслуживания кладбищ. Похоронное дело в этой системе действовало как полноценный социальный институт, подчиненный институциональной логике, в основе которого лежал концепт общего блага, доступ к которому получали все семьи, ставшие членами-пайщиками кладбища. Вступая в эти отношения, они заключали договор именно с Церковью в лице кладбищенского причта. Таким образом, на практике, механически удаляя из этой системы Церковь и связанное с ней разделение на разряды, реформы разрушали похоронное дело как институт. После того как сами основы похоронного дела были уничтожены, не удивительно, что все кладбищенское хозяйство молниеносно пришло в упадок.

Подобный ракурс рассмотрения реформы и ее последствий, на мой взгляд, достаточно убедительно объясняет упадок и деградацию, последовавшую за муниципализацией похоронного дела. Однако он не

объясняет, почему в похоронном деле не произошла реставрация, как, например, в системе образования в 1930-е годы. Почему после попытки восстановить диверсифицированные тарифы на погребение и вернуть кладбища в управление общин верующих, которая была предпринята в 1923 году, состояние кладбищ существенно не улучшилось?

Я полагаю, что причины этого лежат не во внутренней логике и изначальной концепции реформ. Как уже было сказано раньше, общая логика реформ, основные ее идеи, в общем следовали тому вектору, который был намечен еще до 1917 года. Конечно, конкретная механика реформ, проведенных большевиками, была гораздо более резкой и бескомпромиссной, чем, если бы она была проведена при прежнем режиме. По-видимому, при более мягком варианте реформирования основной фокус делался бы не на механическом изъятии Церкви из системы, а на постепенном и более плавном перераспределении полномочий между светскими и религиозными властями, при том, что основные положения реформ, по сути, были бы такими же. Более того, позже, в попытке спасти положение и скорректировать санитарные последствия провалившейся реформы, большевики пойдут именно на такое компромиссное смягчение своей антиклерикальной позиции.

Однако, введение новых тарифов и допуск религиозных общин на кладбища продолжались недолго. С середины 1930-х годов похоронное дело выпадает из системы государственного обеспечения и регулирования. После принятия «Сталинской конституции» 1936 года, декларировавшей создание бесклассового общества, новая система тарифов, основанная на принадлежности к тому или иному классу, отменяется. Кладбища передаются в ведение местных советов, и всякий надзор и финансирование их прекращается. Одновременно с этим практически прекращается работа похоронных бюро и производства похоронных принадлежностей. Вся отрасль, которая еще недавно, даже после реформы 1918 года, была полноценно работающим институтом, переходит на уровень низового управления,

распадается на индивидуальных акторов, каждый из которых выполняет свою работу лишь по совместительству с какой-то иной, официальной деятельностью.

Превращение похоронного дела в набор практик самообеспечения, произошедший повсеместно начиная со второй половины 1930-х годов, не может быть объяснен исключительно в контексте реформ 1918 года. Я полагаю, что объяснение этому факту можно найти, если посмотреть на развитие практик обращения с мертвыми телами не с точки зрения похоронного администрирования и работы похоронных бюро, а с другой, возможно, менее очевидной стороны — со стороны городского планирования и того места, которое в нем занимала новая практика кремации. Речь об этом пойдет в главе 3.

Подобная смена оптики показывает, что проблемы в похоронном деле были связаны не с тем, что в новых принципах похоронного администрирования были скрытые дефекты, а в том, что для нового человека в том новом мире, который строился после революции, место для смерти было вообще не предусмотрено. Утопия, населенная здоровыми людьми, болезни которых могут быть побеждены, если построить правильную систему здравоохранения, и чей голод навсегда удовлетворен, если синтезировать еду прямо на заводах, обречена не только вытеснять смерть, но и всячески не замечать ее. Не удивительно, что в новых советских городах, спроектированных для жизни в новом мире, для кладбищ просто не находится места, а новой практикой обращения с мертвыми телами становится очищающая кремация, которая превращает неуместный труп в два килограмма стерильно белой пудры. Все старое, умирающее, больное — это характерные эпитеты прошлого, побежденного мира, которые существуют в настоящем лишь в форме пережитков, с которыми необходимо бороться. Сам по себе проект создания нового человека представлялся не как синтез, а как его «собирание» — постепенное и планомерное очищение от идей прошлой

культуры, «пережитков»[156]. Новый мир и новый человек в советской риторике всегда связаны с эпитетами здоровья, молодости, витальности. Характернейшим образом это демонстрируют парады физкультурников, на которых стройными рядами, играя молодыми здоровыми телами, шествуют те самые «новые люди», съехавшиеся в столицу со всего Союза[157].

В вытесняющей смерть утопии кладбища — эти громоздкие и семантически нагруженные пространства смерти — выглядят в высшей степени неуместно. В символьном пространстве нового советского города кладбищу места не находится вообще (его место занимает напоминающий фабрику крематорий, вписанный в оптимистичный заводской ландшафт, см. главы 3 и 4). Между тем в реальной жизни, в которой *событие смерти* происходит каждый день, вписать это событие в советский нарратив (нарратив частного, семейного ритуала, или *нарратив города* с его публичными шествиями и коллективными манифестациями) оказалось задачей поистине нерешаемой и сопряженной с непреодолимым препятствием, а именно — отсутствием у смерти коллективно переживаемой семантики. Это отчетливо видно в риторике советских идеологов относительно новой практики красных похорон, о которой пойдет речь во второй главе. Хотя очевидно, что старые практики обрамления смерти, тесно связанные с христианским вероучением, не подходят для убежденных коммунистов, новые найти сложно, да и сама необходимость их не очевидна. Должна ли смерть коммуниста быть обставлена какими-то «коммунистическими обрядностями» или лучше переработать его тело в какое-то полезное сырье — мыло или удобрения, как это происходит после смерти животных? И если обряд все-таки нужен, то что, собственно, он символизирует, если смерть человека это всего лишь начало распада его тела на множество микроэлементов? Пытаясь найти новую форму для не вполне понятной цели, идеологи упирались в пустоту.

---

[156] Богданов А. А. Новый мир: Собирание человека // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 28-46.

[157] Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2000. P. 23-46.

В дискуссию о новых обрядах, в том числе и о похоронном, включаются самые видные большевики. Троцкий в книге «Культура переходного периода» в 1923 году отводит отдельный раздел апологии новых красных обрядов, включая и похоронный. В региональной прессе в течение всех 1920-х годов повсеместно публикуются заметки с подробным описанием красных похорон. Сама эта дискуссия о новых похоронах на страницах газет и брошюр, на диспутах и заседаниях, экскурсии в крематорий и мавзолей — свидетельство рефлексии общества, которое напряженно ищет новую форму прощания с мертвыми телами, которая отражала бы новые, создающиеся на глазах представления о человеке и социальных отношениях. Одновременно это и признак возрастающего вакуума, неудовлетворенности теми решениями, которые возникают в ходе эволюции советского проекта.

Нерешительность советских идеологов в деле повсеместного внедрения «красных похорон» сталкивается с прямым запросом «снизу». Рядовые рабочие и крестьяне ищут новые формы, которые могли бы заполнить вакуум и неудовлетворенность в процессе десемантизации смерти. И в этом случае они вынуждены давать прямой ответ на вопрос, который для них самих не так очевиден. Прекрасный образец такого рода дает фельетон Михаила Кольцова «Мое преступление» 1926 года:

«*Сегодня пришли ко мне два брата Каравайченковы, два великана в пимах и малицах, дышали на меня морозом, здоровьем и волнением, донимали меня полтора часа, слушали мои заверения и не ушли, пока не выговорились и не доказали своей беды.*

Приехали братья из Вологодской губернии по земельному делу судиться от деревни за очень нужные клинья с какими-то очень дерзкими выселками. А заодно зашли по точному адресу, на особой бумажечке за голенищем, к Кольцову Михаилу — получить от него список безбожной советской литургии для умерших честных беспартийных крестьян. А также

полный порядок красных октябрин и наименование революционных вождей для крестьянских младенцев на каждый день в году.

Не знаю, какой шустрый селькор твердо убедил деревню, что у меня безбожная литургия есть и напечатана и продается за полтора рубля. Посланцы были тверды, настойчивы, совали полтора рубля, ввиду отказа предлагали пожертвовать полсотни на Красный Крест, а главное — доказывали безвыходность положения.

— Выручите, дорогой партийный товарищ! Нам ведь не зря адрес даден — толковый человек давал. В вас видим спеца по этому делу! Нам и на клинья наплевать, пропади они к черту, но только в сельсовет доставить красные списки на безбожные требы: вся деревня стонет. Поп — первейший спекулянт, без меня, говорит, не обойдетесь. Даже старики почти никто не верует, но все же литературка непременно нужна для помощи. У нас комсомол—сущие молодцы-пройдохи, за все ребятки берутся. Но сами поймите: без поваренной книжки — ни хоронить, ни октябрить. Дверь узка в могилу, а вот и той нет. Мертвым телом хоть забор подпирай. И в сороковины, когда поминать, — ни речей, ни песен не приготовлено: такая обида с пустыми руками возвращаться, прямо до слез. Поп засмеет, все каркал, что без него не обойдемся, вот и выходит правда!

Я убеждал Каравайченковых, что все это ерунда и сущие пустяки. Что не в обрядах дело, а в избе-читальне, в ликвидации неграмотности, в сельскохозяйственном кооперативе, в комитете взаимопомощи, в коллективной запашке, в борьбе с самогоном, в тракторе, в агрономе, в газете, в кино, в кольцевой почте. Гости мерно кивали маятниками голов, полностью подтверждали. Но младший не удержался и, потупив глаза, неспокойно перебил:

— Фабричных все-таки с похоронным маршем провожаете. Крестьянство в полном тоже праве жить по новой форме. Обойдение в правах получается.

Ходоки вышли вместе со мной, и я, передовой, свободный от предрассудков и прочего такого человек, совершил акт мещанства и интеллектуальной отсталости в масштабе целого села. Помогал в писчебумажном магазине покупать портреты вождей, красные абажуры, ленты, лозунги, плакаты: «Соблюдай чистоту», «Кончил дело — уходи», «Все в Осоавиахим», заведомо зная, что названные предметы послужат для устройства каких-то безбожных литургий, советских отпеваний и красных поминок.

Может быть, картон «Кончил дело — уходи» будет колыхаться в головах у покойника. Может быть, затейливая картинка с самолетами и противогазами будет красоваться над почтительно склоненными головами новобрачных. Может быть, плакат «Просят не курить» будет торчать перед голубыми глазками неграмотного новорожденного младенца... Все равно! Пусть. Я пошел на преступление и пока не раскаиваюсь в нем.

Потому что братья Каравайченковы из вологодской деревни забирали свои самонужнейшие покупки со спокойной радостной твердостью.

Они знали, что делают, и не мне было смущать их ясные, обдуманные затеи.

Потому что мне казалось настоящим мещанством и настоящей интеллигентщиной отвращать людей от их безусловно революционных действий, конкретных поступков во имя далекой, пока бесплотной идеи.

Потому что, если затерянные лесные труженики хотят выбраться из ямы тьмы и суеверий, надо не приказать им прыгать, а подставить ступеньку или подать руку помощи»[158].

Несмотря на активную поддержку видных большевиков, проект красных похорон ожидаемо провалился. По самым смелым подсчетам, по новому обряду хоронили не более 7-8% умерших, при этом некоторой части из них новые похороны полагались «по званию», а не были «велением сердца».

[158] Кольцов, М. Фельетоны и очерки. М.: Правда, 1956. С. 105-107.

Невостребованность красных похорон как нового универсального похоронного обряда говорит о том, что предложенная новыми идеологами рефлексия была непродуктивной, не давала рецептов и не порождала никаких императивов. Новые красные похороны не только не дали никаких «организованных, закрепленных форм для выражения чувства»[159], и не привели к «готовым, художественно — закрепленным руслам для проявления теснящихся в душе чувств»[160], но ставили в тупик, вызывая «мысль об убогости современного нашего похоронного обряда»[161]. Люди, для которых «старые обряды» остались в прошлом, идейные атеисты и коммунисты, оказались в ситуации неразрешимого парадокса. С одной стороны, природа советской утопии полностью исключала наделение смерти не только позитивным, но каким-либо вообще смыслом. С другой, в ситуации утопической, десемантизированной смерти (и провоцируемой этим травмы) механизм адаптации к ней, подразумевающий коллективно переживаемую семантику смерти, тоже не мог сформироваться. Сначала в высоко идеологизированных сообществах, а потом и в масштабах всего советского общества похороны как адаптивный пересобирающий коллективность механизм переставал работать. Рядовые советские похороны становились все более дисфункциональным актом.

Смерть в новой десемантизированной парадигме оказывается бесконечной пустотой, которая снимает все привычные социальные ограничения. Недаром именно в 20-е и 30-е годы в среде коммунистов происходит много самоубийств. Воспринимая Новую экономическую политику как предательство, перестав ощущать надежду на скорейшее наступление нового коммунистического будущего, многие даже самые преданные адепты революции предпочитали покончить с собой. Жизнь без надежды оказаться в новом мире не имела смысла, и никаких культурных или социальных механизмов, препятствовавших самоубийству, также не

159 Там же. С. 30.
160 Тамжев В. С. Об обрядах старых и новых. М.: Новая Москва, 1926. С. 18.
161 Там же. С. 9.

оставалось. Как отмечает К. Пинноу, в этот период самоубийства рассматривались не как личная экзистенциальная драма, а как отдельная проблема, требующая внимания со стороны Советского государства, большевистской партии и множества экспертов. Выстраивая модель для противостояния этому разрушительному явлению, большевистский аппарат предлагает рассматривать суицид как социальный дефект, общественную проблему, возникающую при столкновении старого мира и нового, проблему, которая, как и смерть, должна исчезнуть с наступлением нового мира. Неудивительно поэтому, что после формального наступления этого «общества будущего» в 1936 году, вопрос о самоубийствах и их причинах полностью исчезает из советского аналитического аппарата[162].

Современные исследования смерти и умирания, равно как и наш личный опыт, говорят нам о том, что каждый здоровый индивид стремится адаптироваться к факту конечности собственной жизни. Для описания этой адаптации социальный психиатр Р. Дж. Лифтон предлагает использовать концепт символического бессмертия (symbolic immortality). По его мнению, здоровые люди стремятся к ощущению непрерывности жизни или бессмертия с помощью определенного набора символических средств. В тех же случаях, когда это чувство развито недостаточно или эти средства не работают, они испытывают психическое оцепенение и глубокие эмоциональные трудности. По мнению Лифтона, достижение чувства символического бессмертия является необходимым условием для психического здоровья. Лифтон описывает пять механизмов, при помощи которых люди достигают чувства символического бессмертия, и использование которых позволяет существенно снизить уровень тревожности, связанный с осознанием своей смертности, взять свою мортальность под контроль. Одним из механизмов достижения символического бессмертия, который описывает Лифтон, является творческое действие, основанное на осознании того факта, что работы художников,

[162] Pinnow K.M. Lost to the Collective: Suicide and the Promise of Soviet Socialism, 1921 — 1929. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2009. P. 22, 235-238.

писателей и музыкантов продолжат свое существование и после смерти создателей[163]. Именно такой механизм — жизнь в памяти потомков -- становится основным способом адаптации к факту смерти в советском обществе. Жизнь в памяти потомков становится нормативным вариантом советского символического бессмертия, что было сполна реализовано в произведениях социалистического реализма, в которых индивидуальная смерть всегда проходила процедуру символической формализации («умер на посту», «умер во имя идеалов», «погиб в борьбе» и т. д.) и встраивалась в механизмы памяти. Как показала К. Кларк в своем исследовании советского романа, смерть (или угроза смерти) героя занимает особое место в соцреализме. «В советском романе либо герой действительно умирает и продолжает жить символически, либо он умирает символически и продолжает жить в реальной жизни. Но различие между «символическим» и «фактическим» теряет свое значение, когда признается, что в обоих случаях самое важное значение смерти — символическое. Любая индивидуальная смерть просто имитирует парадигмы, которые можно найти в великих моментах советской истории — революции, гражданской войне и так далее. В частности, поскольку герой умирает в теле, но живет в духе, этот акт является всего лишь отражением идеи — смерти Ленина в 1924 году, которая в Советском Союзе является высшей точкой отсчета для любого обряда легитимации, и также подписывает все ритуалы смерти и преображения. Смерть героя — просто отражение предшествующей и более существенной формы. Этот факт способствует необычайной степени деперсонализации в изображении героя. Живет ли он после смерти или нет, не имеет большого значения, поскольку индивидуальная трагедия не является исторической трагедией»[164].

[163] Bryant, C.D. (Ed.). Handbook of Death and Dying / C.D. Bryant. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2003. P. 173-175.
[164] Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. P. 178-182. Также о поисках символического бессмертия см. Слезкин Ю. Дом правительства. Сага о русской революции. М.: Corpus, 2019. 976 с.

Новая мортальная рамка, создающая символическое бессмертие и преодолевающая смерть через жизнь в делах и в памяти потомков, до определенной степени работала как адаптивный механизм. Однако, она полностью оставляла в стороне собственно материальность смерти, ее фактичность -- наличие трупа и необходимость совершать над ним определенные и непростые действия, а также брать на себя обязательства по уходу за материальными объектами, связанными с мертвецами (кладбищами, могилами, памятниками). Парадигма «дел, живущих в памяти потомков» сглаживала социальную травму десемантизации смерти, но лишь частично: физическая и символическая компоненты смерти — кладбища, ритуал, вообще вся похоронная инфраструктура, оставались за ее пределами, более того — еще больше обессмысливались, поскольку для дел, живущих в памяти потомков (единственно ценное, что оставляли мертвецы), они не были необходимы (за исключением, конечно же, общественно значимых мемориалов, таких как мавзолей Ленина, некрополь у Кремлевской стены и т.д., выполняющих функцию точки сборки советского суперколлектива).

Начавшись в 1917 году с пристального внимания и большого интереса нового государства, трансформации похоронной культуры раннесоветского периода происходили под влиянием все более и более ослабевающего интереса и отхода государства от регулирования этой сферы. Новое понимание человека и общества привели к обессмысливанию смерти не только как личного, но и коллективно переживаемого события, попытки же найти новые смыслы («память потомков») оказались успешными лишь частично.

В раннесоветском обществе единственным способом адаптивного переживания смерти стало ее отрицание (например, через вытеснение частной смерти и связанной с ней семантики из общественных пространств, или через такие радикальные способы, как суицид), в том числе отрицание, которое парадоксальным образом было реализовано через концепт бессмертия

(«жизнь в памяти потомков»). Новая мортальная рамка постепенно свела на нет вопрос о том, каковы должны быть «хорошие» практики обращения с мертвыми телами, вопрос, который так волновал умы советских идеологов, публицистов, сельских и рабочих корреспондентов еще в начале 1920-х годов. В последующих главах будут рассмотрены утопические проекты реформирования похоронной культуры, представлявшиеся значимыми в момент прихода к власти большевиков, а также показано, как к середине 1930-х годов каждый из них постепенно потерял свое значение для государства и полностью растворился в новых реалиях эпохи зрелого сталинизма.

Глава 2 Революционные похороны

2.1 Жанр публичных похорон и революционное движение

Частные похороны в дореволюционной России были строго конфессиональными. В дополнение к описанной во введении системе похоронного администрирования, в которой важнейшую роль играли религиозные институты, сам способ погребения и обряд также были строго детерминированы конфессиональной принадлежностью умершего. Для лиц православного вероисповедания это означало, что похоронить человека без священника, минуя церковное отпевание, было практически невозможно[165]. Обязательным было участие священника в похоронной процессии. Регламентировалось и само устройство похоронной процессии, надписи на траурных венках, внешний вид и одежда умершего[166]. Другой важнейшей чертой похоронной культуры в дореволюционной России был ее публичный характер. Разделенные на разряды и чины погребения в зависимости от сословной принадлежности и благосостояния умершего, похороны, в какой бы среде они ни происходили, редко когда были частным семейным делом. В крестьянских похоронах вся община оказывалась включена в похоронные ритуалы, помогая семье умершего с приготовлением поминок, уборкой дома, выносом тела и рытьем могилы. В городах торжественная траурная процессия из дома умершего в церковь и на кладбище становилась заметным общественным явлением. Публичность похорон позволяла близким и родственникам умершего продолжать действовать как часть своей сословной группы, хоронить человека не только как члена семьи, но и как члена общины или сословия. Количество лошадей, пышность убранства и траурной

[165] Случаи, в которых совершить отпевание невозможно по объективным причинам оговаривались отдельно.
[166] Подробнее об этом см. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей: (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Киев: тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. С. 1289-1373.

колесницы считывались как важнейшие маркеры, позволявшие говорить о благосостояния семьи и том уважении, которое родственники оказывают покойному, заказывая похороны по тому или иному разряду. Однако, к середине XIX века становится очевидно, что у публичности похорон есть еще одна дополнительная валентность, выходящая далеко за пределы собственно похоронного обряда и узких сословных групп. Формируется особая, параллельная основному похоронно-поминальному обряду группа практик, посредством которых стали выражаться смыслы, изначально этому обряду не присущие. Речь идет об использовании похоронного обряда как средства политической манифестации.

Использование публичных похорон для политических манифестаций без сомнения стало результатом нарастания внутренних конфликтов в российском обществе. Усиление цензуры, последовательный отказ от конституционных реформ с одной стороны, и рост революционного движения с другой, оставляли все меньше и меньше возможностей для открытого политического высказывания. В поисках площадки для сравнительно безопасного политического действия общество неслучайно обращается именно к похоронам, в которых как таковая обрядовая функция все больше совмещалась или даже замещалась перформативной[167]. Такое использование похорон не было уникальным явлением. Так, например, во второй половине XVIII века во Франции была отмечена волна «похоронных бунтов», во время которых городская беднота добивалась удовлетворения определенных

[167] О перформативной функции публичных похоронных практик см. Santino, J. (Ed.) Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. 358 p.; Grassroots Memorials. The Politics of Memorializing Traumatic Death. / ed. by P. J. Margry and C. Sánchez-Carretero. New York, Oxford: Berghahn, 2011. 376 p. О перформативном характере публичных похоронных практик в современной России см. также: Sokolova A. When Ritual Becomes Protest: Crossing Bridge of Russian Mourning // Javnost. 2020. Т. 27. № 1. С. 48-64; Соколова А. Спонтанная мемориализация в городском ландшафте: случай ярославского «Локомотива» // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32. № 1. С. 67-106; Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 137-151.

политических требований, используя похороны как предлог для выступлений[168].

Похороны неслучайно становятся уникальной публичной площадкой для политического высказывания в ситуации отсутствия политических и гражданских свобод. Несмотря на строго прописанный церемониал православных похорон, сама по себе традиционная практика публичного выражения скорби создавала дополнительные возможности для высказывания. Многообразие символики в похоронах, траурные венки с лентами, традиция плачей и причитаний, сама по себе похоронная процессия и надгробные речи — все это давало множество возможностей для того, чтобы выразить свою позицию, а главное — позволяло открыто собираться огромной толпе единомышленников. К привычным символам могли добавляться и специфические — отсылающие к биографии покойного или его взглядам. Так, на похоронах Достоевского «женские курсы хотели вместо венков нести на подушках цепи <…>, в память того, что он был закован в кандалы»[169].

Такого рода тенденции вызывали в свою очередь все новые и новые формальные ограничения в похоронном ритуале. Так, практика использовать траурные венки для политических лозунгов приводит к официальному запрету «при следовании погребальных шествий в церковь для отпевания и на кладбища для погребения, <…> ношение венков с надписями или без оных, а равно и иных знаков и эмблем, не имеющих церковного или государственно-официального значения»[170]. Данный запрет был наложен специальным Синодальным распоряжением и, по свидетельству современников, стал

[168] Tamason, C. A. From Mortuary to Cemetery: Funeral Riots and Funeral Demonstrations in Lille, 1779-1870. // Social Science History. 1980. 4(1). 15-31.
[169] Запись из дневника А.В. Богданович от 13 февраля 1881 г. (См.: Богданович А. И. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. С. 53.)
[170] Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей: (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Киев: тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. С. 1330.

прямым следствием политических демонстраций на похоронах[171]. После похорон И. С. Тургенева в дополнение к этому был введен запрет нести гроб на руках до кладбища[172].

Отдельные случаи похорон, выходивших за рамки Устава Русской Православной Церкви, фиксируются исследователями с середины XIX века. Первые же случаи подобного рода обнаруживают устойчивую тенденцию к использованию похорон как удобной площадки для выражения оппозиционной политической позиции: похоронная процессия стихийно превращалась в политическую демонстрацию, при этом лозунги часто украшали траурные венки, а шествие оканчивалось так называемой «гражданской панихидой», то есть речами, произносимыми на кладбище у могилы. Поводом для неклассических похорон во всех этих случаях был общественный резонанс, связанный с личностью, обстоятельствами и/или самим фактом смерти усопшего. В похоронах такого типа принимали участие лишь отдельные слои общества — в первую очередь студенты и другая «прогрессивно настроенная молодежь», которые устраивали «гражданскую панихиду» или демонстрацию стихийно. Такие похороны значительно отличались от классического православного погребения. Однако, в некоторых случаях, например, на похоронах Некрасова, гражданская панихида сочеталась с церковным отпеванием. В других — например, при погребении многих революционеров, погибших в 1905 году, церковного отпевания не происходило. Объединяло все эти случаи также то, как реагировала власть и общество еще до собственно события похорон. После известия о смерти человека, вокруг смерти которого могла сформироваться манифестация, власть предпринимала усилия, направленные на то, чтобы снизить возможный резонанс, утаить маршрут перемещения тела или место отпевания, сделать

[171] Запись из дневника А.А. Половцева от 13 марта 1886 г. (См.: Половцев А.А. Дневник Государственного секретаря: в 2 т. Том I. 1883 — 1886. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 430-431.)
[172] Запись из дневника Ф.Ф. Фидлера от 31 января 1904 г. (См.: Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. М.: НЛО, 2008. С. 366.)

похороны как можно менее людными, ввести дополнительные обязательные занятия в университетах и т. д.

Возможно, первыми публичными похоронами, привлекшими особое внимание властей и ставшими поводом для стечения огромного числа людей, стали похороны А. С. Пушкина в январе 1837 года. Хотя во время похорон Пушкина не высказывались политические лозунги, проститься с поэтом пришло более 50 тысяч человек, а антифранцузские настроения, распространившиеся в связи с французским подданством Жоржа Шарля Дантеса, заставили власти предполагать возможность демонстраций и даже массовых беспорядков в связи с похоронами. По всей видимости именно этот факт и личное отношение Николая I к поэту как в вольнодумцу, который смущал умы молодежи, наряду с официальным запретом дуэлей, стал причиной того, что отпевание Пушкина было в последний момент тайно перенесено из Исаакиевского собора[173] в небольшую Конюшенную церковь. Само отпевание состоялось в час ночи, после чего гроб с телом поэта был перевезен для захоронения в Святогорском монастыре под Псковом, со специальным предписанием: «чтобы при сем случае не было никакого особливого изъявления, никакой встречи, словом никакой церемонии, кроме того, что обыкновенно по нашему церковному обряду исполняется при погребении тела дворянина»[174].

Усилия властей, направленные на то, чтобы похороны Пушкина прошли как можно тише и малолюднее, увенчались успехом, но этот эпизод следует рассматривать скорей как прелюдию публичных политизированных похорон в России. Хотя, по мнению В. Г. Короленко, лишь тайные похороны

[173] Здесь речь идет не о современном Исаакиевском соборе, а о церкви в здании Адмиралтейства, прихожанином которой был Пушкин.

[174] Вересаев В.В. Пушкин в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Московский рабочий, 1984. С. 628-629. См. также: Вересаев В.В. Указ. соч. С. 610-624; Яцмирский А.И. Святые горы — место вечного упокоения Пушкина // Пушкин: в 6 т. СПб.: Издание Брокгауз-Ефрон, 1915. Т. 6. Письма… 1825-1837. Дополнения к письмам. С. 325-344; Левкович Я.Л. В.А. Жуковский и последняя дуэль Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1989. Т. 13. С. 146-156.

(«Тело самого Пушкина, как известно, было выволочено из Петербурга подобным же образом [так же как тайно вывозили тело Грибоедова — А.С.], бесчестно и тайно»)[175] позволили сдержать массовые публичные выступления в 1837 году. Как бы то ни было, исследователи однозначно сходятся в том, что первыми по-настоящему *особенными* похоронами стали похороны Н. А. Некрасова в 1887 году[176]. По мнению исследовательницы «красной обрядности» Н. С. Полищук, «первыми "невиданными... и по многолюдству, и по внешнему виду" были похороны Н. А. Некрасова (декабрь 1887г.). Именно на них впервые была нарушена традиционная структура траурной процессии: священник — колесница с покойным (или гроб на руках) — провожающие. На похоронах Н. А. Некрасова процессию "стихийно" возглавила толпа молодежи с несколькими огромными венками, "украшенными надписями"...»[177].

По воспоминаниям В. Г. Короленко, бывшего свидетелем этих похорон, то действие, которое производили работы Некрасова на молодежь, сделало неизбежным выступления на его похоронах:

«*Когда он умер (27 декабря 1877 г.), то, разумеется, его похороны не могли пройти без внушительной демонстрации. В этом случае чувства молодежи совпадали с чувствами всего образованного общества, и Петербург еще никогда не видел ничего подобного. Вынос начался в 9 часов утра, а с Новодевичьего кладбища огромная толпа разошлась только в сумерки. Полиция, конечно, была очень озабочена*»[178].

Новый ритуал публичного политического прощания развивается на протяжение всей второй половины XIX века. Похороны актера Александра Мартынова (1960), писателей Добролюбова (1861), Достоевского (1881),

[175] Короленко В.Г. Похороны Некрасова и речь Достоевского на его могиле // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 356.
[176] Полищук Н. С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. 1991. № 6. С. 34.
[177] Там же.
[178] Короленко В.Г. Похороны Некрасова и речь Достоевского на его могиле // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 197-200.

Тургенева (1883), Салтыкова-Щедрина (1889) и Шелгунова (1891) сопровождались демонстрациями десятков тысяч людей. Напор толпы, по воспоминаниям современников, был столь силен, что полиции приходилось лишь отступать в сторону. Поняв, что «публичные похороны харизматических идеологов-мыслителей стали неотъемлемой чертой русской общественной жизни»[179], власти старались делать все возможное для того, чтобы свести к минимуму политическое содержание публичных похорон и\или не допустить их огласки. Так, например, после смерти Тургенева, который скончался после продолжительной болезни во Франции, «шеф полиции Плеве запретил распространять какую бы то ни было информацию о маршруте поезда, дабы избежать «торжественных встреч»; также принимались меры к тому, чтобы рассеять общественный ажиотаж вокруг похорон. Некий офицер в то время написал, аргументируя необходимость цензуровать репортажи газетных корреспондентов, посылаемые в Петербург: «Нет сомнения, что они будут телеграфировать в Санкт-Петербург о том, что тело Тургенева проследовало через Псков, и о встрече его в городе, и я заранее уверен, что они попытаются придать всем этим вещам как можно более широкое и торжественное значение, значение, которого они в действительности не имеют»» [180].

Хотя наиболее известными были и остаются публичные похороны писателей и общественных деятелей, уже во второй половине XIX века в политическую демонстрацию могли перерасти и похороны менее известных людей. В апреле 1876 года похороны бывшего студента Медико-хирургической академии Чернышева, умершего от туберкулеза после двух лет, проведенных в тюрьме, переросли в политическую демонстрацию при участии студентов Академии и женских курсов. Это событие воспринималось как настолько важное, что ему было посвящено отдельное совещание с участием Императора Александра II, великих князей, наследника цесаревича,

[179] Никелл У. Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России // Новое литературное обозрение. 2000. № 44(4). С. 46.
[180] Там же. С. 47.

министров внутренних дел и юстиции, шефа жандармов, петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова и др. В качестве одной из мер, для предотвращения подобных выступлений в будущем, предлагалось «установить законодательным порядком то, что существует во всех государствах, —именно предоставить полицейскому начальству право своей властью установлять и объявлять известного рода правила или запрещения касательно соблюдения внешнего порядка и благочиния, с тем притом, чтобы установлены были в законе и наказания за нарушения подобных полицейских распоряжений»[181].

Поводом к манифестации могли стать и похороны человека, совсем далекого от политики. Так, в 1903 году в Петербурге на фоне сложных отношений с учителями покончил с собой воспитанник одной из гимназий. «Тогда 8 класс возмутился и решил устроить демонстрацию. По всем гимназиям были разосланы приглашения прибыть на похороны и в день их со всех концов города явились толпы гимназистов. <…> Шествие выстроилось грандиозное. Один из очевидцев уверял, что позади гроба развевалось знамя с надписью «еще одна жертва педагогической рутины». На Литейном мосту шествие было остановлено полицией и отрядом казаков; приказа разойтись молодежь, конечно, не послушалась, и произошла свалка. Гроб, который несли на руках, опрокинули в грязь, в ход пошли кулаки и нагайки и — шествие было разогнано. <…> много арестованных и сильно пострадавших»[182].

Так или иначе, но ко второй половине XIX века использование похорон известных людей для политических выступлений воспринималось скорее, как норма, и полиция, и власти предвидели такого рода выступления и готовились к ним. Ко времени первой русской революции в 1905 году это была уже хорошо сложившаяся практика гражданского и политического акта, которая в

[181] Запись из дневника Д.А. Милютина от 8 апреля 1876 г. (См.: Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876 — 1878. М.: РОССПЭН, 2009. С. кни70-72.)
[182] Запись из дневника С.Р. Минцлова от 30 ноября 1903 г. (См.: Минцлов, С. Р. Петербург в 1903-1910-х гг. / С. Р. Минцлов. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2012. С. 38.)

ситуации революции приняла невероятный размах. Как отмечалось в 1910 году в редакторской статье «Вестника Европы», посвященной смерти и похоронам С.А. Муромцева, «со времени политического «пробуждения» России похороны тех, кто «поднялся над морем посредственности и оставил след в сознании нации», становятся общественными событиями огромной важности»[183].

Описание похорон публициста и теоретика народничества Н. К. Михайловского в феврале 1904 года свидетельствует о том, что канон политических похорон к этому времени окончательно сформировался:

«*Собралась толпа народу, какой я не видел с похорон Тургенева: городовой, окинув площадь опытным взглядом, сказал мне, что здесь от четырех до пяти тысяч человек. Множество студенток и курсисток (одна страшнее другой!). И что было запрещено после похорон Тургенева: весь долгий путь до Волкова кладбища гроб несли на плечах (так что блеск светлого металла был виден издалека и со всех сторон); взявшись за руки, студенты образовали вокруг гроба широкую цепь, тогда как другая толпа учащихся обоего пола шла впереди и всю дорогу пела «Святый Боже» и «Вечная память» [И для пробы: «Не бил барабан» — Ф.]. Сзади, на катафалке, покрытом балдахином, висел — среди прочих — венок из голубых металлических цветов, украшенный белыми лентами, на которых можно было прочитать надпись: «От сидящих в доме предварительного заключения». На балдахине слева — другой крест, увитый красными лентами с надписью: «От интеллигентного пролетариата». За катафалком следовали три подводы, доверху груженные венками (в основном — металлическими) с*

[183] Никелл У. Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России // Новое литературное обозрение. 2000. № 44(4). С. 46.

лентами. Полиция (в том числе конная) была сама любезность и ни во что не вмешивалась, так что царил образцовый порядок»[184].

Отдельный интерес в этом описании представляет упоминание песни «Не бил барабан», которую, наряду с традиционными православными песнопениями, пели манифестанты. Эта песня — известный с 1820-х годов романс «На погребение английского генерала Сира Джона Мура» — была написана в 1826 году поэтом И.И. Козловым, музыку к ней написал композитор А.Е. Варламов. Стихотворение Козлова, в свою очередь, было переводом на русский язык стихотворения Чарльза Вольфа «Погребение Сэра Джона Мура в Корунье», написанного в 1816 году. Довольно быстро новый романс получил популярность в военных кругах и начал использоваться как траурный марш. В 1870-х годах поэт А. Архангельский (А. А. Амосов) написал новые стихи на музыку этого широко известного траурного марша. Позднее, в 1890-х годах текст песни был переработан так, что «песня зазвучала во втором лице множественного числа — речь в ней уже идет от имени тех, кто вслед за безвременно погибшими продолжает борьбу за правое дело»[185]. Именно в этой редакции старый романс получил большую известность, став одним из главных революционных гимнов в России, популярность которого в революционном движении могла сравниться разве только в Марсельезой:

"Вы жертвою пали"

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
За честь его, жизнь и свободу!

[184] Запись из дневника Ф.Ф. Фидлера от 31 января 1904 г. (См.: Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. М.: НЛО, 2008. С. 366-367.)
[185] Друскин М.С. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Русская революционная песня. СПб.: Издательство «Композитор», 2012. С. 401-406.

Порой изнывали по тюрьмам сырым,
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи уж давно изрекли,
И шли вы, гремя кандалами.

Идете, усталые, цепью гремя,
Закованы руки и ноги,
Спокойно и гордо свой взор устремя,
Вперед по пустынной дороге.

Нагрелися цепи от знойных лучей
И в тело впилися змеями,
И каплет на землю горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Уж чертит рука роковая!

Настанет пора — и проснется народ,
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Ваш доблестный путь, благородный! [186]

Эта песня стала символом революционной борьбы задолго до прихода к власти большевиков. По воспоминаниям Н. К. Крупской именно ее стихийно запели большевики во главе с Лениным в Женеве 10 января 1905 года, узнав о кровавом воскресенье: «Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели "Вы жертвою пали...", лица были сосредоточены. Всех охватило сознание, что революция уже началась... что

[186] Песни борьбы и свободы: Сборник. Б.М. , 1926. С. 10-11.

теперь совсем уже близко то время, когда "падет произвол, и восстанет народ, великий, могучий, свободный...»[187]. Неудивительно, что именно эта песня звучала во время похорон жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 года. Эта же песня звучала на Красной площади во время похорон Ленина в 1924 году[188]. Перепечатка и хранение, не говоря уже о публичном исполнении этого похоронного марша в дореволюционной России сулили серьезные проблемы. Так, например, рассказ А. Серафимовича «Похоронный марш», в котором толпа манифестантов распевает «Мы жертвою пали» послужил причиной ареста девятой книги сборника товарищества "Знание", в котором он был напечатан. Судебная палата постановила наложить арест на все экземпляры книги, а страницы с рассказом уничтожить.[189] Таким образом, пытаясь «для пробы» исполнить «Не бил барабан», манифестанты воспроизводили мотив похоронного марша, заменив слова на более безопасные. Такое использование Марша показывает, что даже звуковой ряд нового похоронного обряда к 1904 году был уже сформирован.

Образцовый порядок без участия полиции на политизированных похоронах с десятками тысяч участников часто отмечают мемуаристы, более того, именно в отсутствии полиции они видят причину порядка, а не наоборот («полиция почти отсутствовала и порядков не наводила, а потому он был образцовый»[190]). Как пишет У. Никелл о похоронах Ф. М. Достоевского, «эта спонтанная, органичная реакция, выходящая за рамки распоряжений правительства, а порой и прямо противоречащая им, свидетельствовала о политической самостоятельности русского общества и дала правительству понять, что оно не властно удержать символический смысл смерти Достоевского в узде официальной идеологии»[191]. Именно возможность выйти

[187] Лебединский А. Через огненные годы. Песни революции и гражданской войны. М.: Знание, 1967. С. 27.
[188] Там же. С. 28.
[189] Серафимович А.С. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2. Произведения 1902-1906. С. 657-658.
[190] Запись из дневника С.Р. Минцлова от 30 ноября 1903 г. (См.: Минцлов, С. Р. Петербург в 1903-1910-х гг. / С. Р. Минцлов. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2012. С. 127.)
[191] Никелл У. Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России // Новое литературное обозрение. 2000. № 44(4). С. 46.

за формальные ограничения текущей официальной идеологии придавала публичным похоронам такую силу. При этом политизация похорон совсем не воспринималась как прерогатива какой-то конкретной политической силы. В отдельных случаях политизированы могли быть и похороны монархически настроенных граждан. Так, директор Императорских театров Владимир Теляковский описывает похороны пензенского губернатора С. В. Александровского 14 февраля 1907 года также как глубоко политизированные. Он утверждает, что «между венками был один венок от Союза русского народа и будто на лентах было кровью написано. Священник говорил проповедь с политическим оттенком. Была масса присутствующих и венков»[192].

Революция 1905 года стала катализатором огромного числа похорон, имевших уже открыто политический характер. Наиболее ярким примером такого рода стали похороны студента Н. Э. Баумана 20 октября 1905 года в Москве[193]: «...к полудню около Училища собралось до пятнадцати тысяч человек. Вынос тела состоялся в двенадцать часов дня, причем процессия проследовала в таком порядке: впереди всех вслед за гробом шла организованная из студентов и рабочих боевая дружина, замыкавшаяся санитарным отрядом, организованным из студентов и курсисток; далее следовали флагоносцы, неся флаги и знамена с различными надписями; процессию замыкали студенты с венками от различных революционных и оппозиционных организаций и частных лиц. В качестве охранителей порядка ехали студенты, одетые в маршальские костюмы. Процессию сопровождали все собравшиеся к Техническому Училищу, причем большинство имели в петлицах и на головных уборах красные ленты. Демонстранты несли лозунг,

[192] Запись из дневника В.А. Теляковского от 14 февраля 1907 г. (См.: Теляковский В.А. Дневники Директора Императорских театров. 1906—1909. Петербург. М.: "АРТ", 2011. С.126).)
[193] Запись из дневника А.В. Живаго от 22 октября 1905 г. (См.: Живаго А.В. Дневник А. В. Живаго: театральные заметки (1874-1912). М.: Государственный Центральный театральный музей, 2016. С. 107); Прокофьев В.А. Дубровинский. М.: Молодая гвардия, 1969. С.136-137.

который в советские времена из фотографий тщательно вычищался: "требуем созыва Учредительного собрания"»[194].

Таким образом, революционное движение в России XIX-начала XX века широко использовало похороны как важный перформативный акт. При этом с каждым поколением революционеров политическое значение публичных похорон усиливалось, достигнув апогея к моменту революции 1905 года.

2.2 Гражданские похороны и возможность отказа от церковных обрядов

Хотя политический подтекст был наиболее яркой чертой публичных похорон, не менее важным был их открытый выход за пределы православного обряда. Большая часть публичных похорон не была безрелигиозными и тем более — антирелигиозными. Политические лозунги, гражданская панихида у могилы, многолюдность и стихийность сочетались в них с церковным отпеванием, «Вечной памятью» и присутствием духовенства. Так, например, похороны известного деятеля либерального направления и сторонника конституционной монархии первого выборного ректора Московского университета князя С. Н. Трубецкого в Москве и Петербурге в октябре 1905 года сочетали в себе и революционную, и православную символику: «Невский залили толпы в сопровождении духовенства: несли на руках один профессорский гроб, направляясь к вокзалу: впереди же шло море зелени; развевались кровавые атласные ленты»[195]. «Алые ленты венков, ярко оттеняя зелень листьев, проливались над морем черных голов. Перед каждой церковью обнажались головы и многочисленные хоры пели «Вечная память». Во главе процессии на длинном древке несли пучок алых цветов, и ленты, ниспадая,

[194] Николай Эрнестович Бауман // [Персональная страница И. Л. Волчкевича] / Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. [Москва.]
[195] Белый, А. Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1981. С. 77.

развевались»[196]. «Было много красных венков, и все время пели «Марсельезу», впечатление страшно сильное»[197].

Сочетание публичных политических похорон и православных традиций не ограничивалось политически активной и протестной средой. Священники также использовали этот прием. Выше уже шла речь о похоронах пензенского губернатора в 1907 году, на которых священник «говорил проповедь с политическим оттенком». Однако, политические взгляды духовенства были различными, и не все они поддерживали программу Союза Русского Народа. Так же, как и остальные подданные Империи, в соответствии со своими личными взглядами священники могли принимать участие в политизации похорон отдельных людей. Так, например, после убийства в 1906 году экономиста, политического деятеля, члена партии Кадетов и депутата Первой Государственной Думы М.Я. Герценштейна, священник кафедрального Софийского собора в Вологде Тихон Шаламов, отец писателя Варлама Шаламова, выступил в соборе с речью и отслужил панихиду по погибшему. Убийство Герценштейна было организовано террористами, связанными с право-монархистским Союзом Русского народа, и помимо политической имело еще и антисемитский характер. Его похороны сопровождались массовыми выступлениями и демонстрациями. Таким образом, выступая с проповедью, Шаламов вторгался в самую острую повестку того времени. Речь Шаламова вызвала большой общественный резонанс, была перепечатана в местной либеральной газете «Северная земля» [198]. По утверждению историка В. Есипова, «Прямых санкций за эту горячую

[196] Белый, А. Князь С.Н. Трубецкой // Весы. 1905. № 9-10. С. 80.

[197] Запись из дневника Т. Найденовой от 17 октября (4 октября) 1905 г. (см. Найденов А.А. Альбом фотографий 1889-1915. Семейная хроника. Дневник Тани Найденовой 1904-1907. М.: Близнецы, 2001. С.327.)

[198] «Однако первая же проповедь отца вызвала усиленное внимание духовной цензуры. Вологда — город «черной сотни», где бывали еврейские погромы. Отец самым резким образом выступал в соборе против погромов, а когда в Петербурге был убит председатель Думы депутат Герценштейн, отец отслужил публичную панихиду по Герценштейну. Эта панихида отражена в истории русского революционного движения — не один отец поступил таким же образом. Отец был отстранен от службы в соборе и направлен в какую-то другую церковь, кажется, Александра Невского. Отец обжаловал решение местных церковных властей, и с этого времени начинается длительная, активная борьба с архиереями, которые, на грех, приезжали один черносотеннее другого». (См.: Шаламов В.Т. Четвертая Вологда. Вологда: Грифон, 1994. С. 59-60.)

«крамольную» проповедь со стороны епархиального управления не зафиксировано, но без последствий она не могла остаться: карьера о. Тихона затормозилась, он остался на службе в Софийском соборе четвертым, рядовым священником. Затем, в 1917 году, был выведен за штат, и так и не удостоился, с учетом хотя бы своих миссионерских заслуг, сана протоиерея»[199].

Такая сложная контаминация различных политических течений, светского, антирелигиозного, безрелигиозного и церковного, еще раз подчеркивает неоднородность новой практики публичных политических похорон, ее незамкнутость внутри какого-либо одного идейного направления. В этом смысле ситуация напоминает сложную мозаичную картину отношений православия и революционного движения, которая во всей полноте открылась после Февральской революции 1917 года. В эссе «Революция как красная пасха» Б. Колоницкий показывает, что в 1917 году революция отнюдь не всеми воспринималась как тотальный отказ от религии: «Одни священники упорно продолжали «поминать» царя в церкви, даже рискуя потерять свободу, другие же украшали себя красными бантами, и не всегда это было проявлением оппортунизма. Символы революции проникали и во внутреннее убранство церквей, верующие энтузиасты революции прикрепляли красные ленты к иконам. Для сторонников и для противников революции восприятие грандиозного переворота было нередко не только политическим, но и глубоким религиозным переживанием»[200].

Присутствие нетрадиционных, необрядовых символов, таких, например, как алые ленты, и тем более пение «Марсельезы» придавало похоронам оттенок вольнодумства и революционности. Примечательно, что традиции российских публичных политических похорон во многом сходны с теми образцами, которые дала Великая Французская революция. Французский

[199] Есипов В.В. Шаламов. — М.: Молодая гвардия, 2012. С. 22-47.
[200] Колоницкий, Б.И. Революция как красная пасха // #1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт- Петербурге, 2017. С. 61.

историк революционных праздников М. Озуф отмечает присутствие во всех революционных торжествах трагической, мрачной ноты. Начиная с 1772 года «смерть окончательно становится средоточием революционных праздников». Среди всех революционных торжеств именно торжественные траурные церемонии (похороны Мирабо, Вольтера, Марата и других) получают наибольший резонанс и затмевают важнейшие сконструированные торжества, такие как праздник Федерации. При этом центром таких церемоний становится массовое шествие, разбитое на колонны, с флагами и транспарантами, материя кроваво-красного цвета, которая используется в оформлении шествия, символические предметы, траурные ленты, воинские почести и военный оркестр[201]. Хотя прямых свидетельств стремления воспроизводить эти образцы у нас нет, значение опыта Великой Французской революции для революционного движения в России несомненно, так же как и очевидно сходство важнейших структурных элементов новых похоронных практик. Траурные шествия 1917 года, в которые вовлекались тысячи людей, практически повторяют торжественные траурные церемонии Французской революции. Примером могут служить похороны Жертв революции на Марсовом поле, подробнее описанные ниже. Участники церемонии, разделенные на колонны, несущие в руках красные флаги и транспаранты, воинские почести — весь тщательно разработанный церемониал испытал явное влияние истории Французской революции[202]. Безусловно, демонстративный отказ от привычных христианских религиозных церемоний, инициированный лидерами Французской Революции, также крайне схож с идеями некоторых течений русской революции.

Возможно, единственным случаем открыто и провокационно безрелигиозных похорон стали похороны Льва Толстого в ноябре 1910 года.

[201] Озуф М. Революционный праздник: 1789-1799: пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 111-115. См. также: Ben-Amos A. Funerals, politics, and memory in modern France, 1789-1996. Oxford: Oxford University Press, 2000. 440 p.

[202] О преемственности мортальных практик русских революционеров от французских см. также. Андреева Л.А. Культ революционных мучеников и культ В.И. Ленина // Общественные науки и современность. 2018. № 5. С. 102-114.

После отлучения от Церкви в 1901 году, будущие похороны известного писателя не раз обсуждались в церковных и государственных кругах, и заранее воспринимались как проблема. По мнению У. Никелла, Синодальный акт об отлучении Толстого от Церкви был призван очернить Толстого и тем самым подорвать его нравственный авторитет. Однако на практике он не только не умалил его популярности, но напротив способствовал ее росту. Поэтому вопрос о том, как именно пройдут похороны Толстого, был не только частным делом семьи, а становился важным политическим вопросом. Когда в 1901-1902 годах Толстой серьезно заболел, этот вопрос обсуждался на самом высоком уровне. Первым решением Синода было похоронить Толстого по христианскому обряду, но с отправлением лишь тех ритуалов, которые предназначены для неверующих. Однако, спустя небольшое время было принято другое решение — предпринять все возможное, чтобы Толстой мог быть похоронен как обычный православный. «Победоносцев распорядился, чтобы подле умирающего Толстого присутствовал священник, дабы в последнюю минуту склонить писателя к возвращению в лоно православной церкви — а, возможно, и просто сфальсифицировать его покаянную исповедь. Рассчитывая, что священника оставят с Толстым наедине, авторы плана предполагали затем сообщить всему миру, что на смертном одре писатель покаялся — вне зависимости от его реального решения»[203].

Несомненно, сама возможность безрелигиозного погребения в случае с Толстым создавала важный прецедент в глазах тех, кто стремился к переменам и требовал ослабления государственного и церковного регулирования частной жизни. Настроения общества были хорошо известны властям: когда стало ясно, что Толстой умирает, на станцию Астапово было направлено сразу несколько человек, которые должны были убедить писателя примириться с Церковью. Примирения, однако, не произошло. Более того, перед своим уходом и смертью, писатель оставил подробные инструкции насчет своих

[203] Никелл У. Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России // Новое литературное обозрение. 2000. № 44(4). С. 34-61.

похорон, которые не предусматривали никакого участия в них Церкви. Толстой был похоронен 10 (23) ноября 1910 года в Ясной Поляне при участии нескольких тысяч человек без церковного отпевания и вне кладбища.

После известия о болезни и возможной смерти Толстого власть на всех уровнях предпринимала многочисленные меры для того, чтобы похороны писателя не переросли в масштабные политические выступления. «Гроб везли в никак не помеченном багажном вагоне особого поезда, а станции, через которые он следовал, оцепляли либо удаляли с них людей»[204]. Несмотря на все предосторожности, смерть Толстого вызвала широкий отклик молодежи в Москве и других городах. Студенты и курсистки в течение нескольких дней пытались устроить демонстрацию в память о Толстом, но все попытки были пресечены полицией[205]. Хотя похороны и смерть Л.Н. Толстого активно использовались для политической агитации[206], главным источником протеста стало отлучение писателя от Церкви и невозможность совершить привычные религиозные обряды. Студенческие волнения в связи с похоронами Толстого были протестом против отлучения его от церкви. Хотя сам писатель отрицательно относился к проведению религиозных обрядов на своих похоронах, группы студентов и курсисток в больших городах пели «Вечную память»[207] и пытались организовать панихиду по усопшему. В большинстве церквей они встречали отказ, и панихида была организована только в армянской церкви в Санкт-Петербурге[208].

[204] Там же.
[205] Московские ведомости, 25 ноября 1910 г. [Электронный ресурс] // Газетные старости.
[206] Лифшиц Г.М. Политическая борьба вокруг смерти Толстого // Лев Толстой. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 69. Кн. 2. С. 328-329; Никелл У. Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России // Новое литературное обозрение. 2000. № 44(4). С. 34-61.
[207] Там же.
[208] Лифшиц Г.М. Политическая борьба вокруг смерти Толстого // Лев Толстой. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 69. Кн. 2. С. 321-402.

2.3 Похороны жертв революции на Марсовом Поле

К 1917 году практика использования похорон воспринималась всеми политическими силами как канон политической агитации и значимая часть политической жизни в условиях цензуры.

Похороны Некрасова, Толстого, жертв революции 1905 года были новаторскими прежде всего с точки зрения организации похоронной процессии. Несмотря на политизацию, все они оставались индивидуальными (хоронили какого-то одного человека), а могилы не превращались в политически значимые памятники. В противовес этому похороны жертв Февральской революции 1917 года были превращены в масштабное политическое, мемориальное и художественное действо.

Инициатором торжественных похорон выступил А. Ф. Керенский. Первоначально жертв революции предполагалось похоронить на Дворцовой площади. Против этой идеи активно высказывался Максим Горький, который 6 (19) марта предложил для этой цели площадь Казанского собора[209]. В результате 10 (23) марта архитекторы И. А. Фомин и Л. В. Руднев представили Совету рабочих депутатов «картины-проекты фантастических памятников "жертвам", однако не на площади Зимнего дворца, а на Марсовом поле, и это произвело такое впечатление, что наконец "товарищи" сдались и решили, что погребение состоится там»[210]. По свидетельству художника Александра Бенуа, в подготовке знамен для погребального шествия принимали участие художники Марк Шагал, Мстислав Добужинский, Георгий Нарбут.[211]

Для организации похорон была создана «комиссия по похоронам жертв революции», которая разработала особый «церемониал похорон жертв

[209] Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916 — 1917 — 1918. М.: Русский путь, 2003. С. 156.
[210] Там же.
[211] Там же.

революции», а также отпечатала тираж информационных листовок для граждан Петрограда[212].

Похоронная процессия была организована в колонны, которые двигались из шести различных пунктов. На Марсовом поле были вырыты четыре братские могилы для 184 человек. Красные гробы с телами погибших укладывались в могилы в строгом геометрическом порядке при помощи специальных приспособлений, при этом в честь каждого из погибших Петропавловская крепость салютовала пушечным выстрелом. На трибуне находились ветераны революционного движения В. И. Засулич, Г. А. Лопатин, В. Н. Фигнер[213].

Французский посол Морис Палеолог подробно описывает впечатления от похорон в своем дневнике:

«Сегодня большая церемония на Марсовом поле, где торжественно погребают жертв революционных дней, "народных героев", "мучеников свободы". Длинный ров вырыт вдоль поперечной оси площади. В центре трибуна, задрапированная красным, служит эстрадой для правительства.

Сегодня с утра огромные, нескончаемые шествия с военными оркестрами во главе, пестря черными знаменами, извивались по городу, собрав по больницам двести десять гробов, предназначенных для революционного апофеоза. По самому умеренному расчету число манифестантов превышает девятьсот тысяч. А между тем ни в одном пункте по дороге не было беспорядка или опоздания. Все процессии соблюдали при своем образовании, в пути, при остановках, в своих песнях идеальный порядок. Несмотря на холодный ветер, я хотел видеть, как они будут проходить по Марсову полю. Под небом, закрытым снегом, и под порывами ветра эти бесчисленные толпы, которые медленно двигаются, эскортируя

[212] Там же.
[213] Марсово поле [Электронный ресурс] // Funeral-spb.ru.

красные гробы, представляют зрелище необыкновенно величественное. И еще усиливая трагический эффект, ежеминутно в крепости грохочет пушка. Искусство инсценировки врожденно у русских»[214].

В 1917—1919 годах на площади был воздвигнут памятник «Борцам революции» по проекту архитектора Л. В. Руднева, а само Марсово поле было переименовано в площадь Жертв революции[215]. Позже там продолжались захоронения партийных и советских деятелей, в том числе — М. С. Урицкого и В. Володарского. Захоронения на Марсовом Поле продолжались до 1933 года.

Мемориальный комплекс на Марсовом поле стал первым революционным некрополем в России. После октябрьской революции большевики также следуют этой традиции. Аналогичный некрополь возникает у подножия Кремлевской стены в Москве, где были торжественно захоронены погибшие в боях в октябре 1917 года. Хотя революционные похороны в Москве вызвали куда меньший эффект, чем похороны на Марсовом поле, именно этот некрополь станет впоследствии главным политическим некрополем страны, а протокол траурных мероприятий и похорон тех, кто был удостоен кремлевских похорон, надолго будет определять канон статусных похорон. Идея строительства особых революционных некрополей, стремление собрать тела всех выдающихся деятелей эпохи в одном месте, по всей видимости, имело в себе определенное влияние эпохи Французской революции. Парижский Пантеон, основанный в 1791 году как «Усыпальница великих людей, которые погибли за свободу Франции», был первым некрополем такого рода. Примечательно, что так же, как и многие значимые объекты раннесоветского периода, французский Пантеон был перестроен из здания церкви. Влияние идей и конструктов Великой Французской революции

[214] Запись из дневника М. Палеолог от 5 апреля 1911 г. (См.: Палеолог М. Дневник посла. М.: Захаров, 2003 [Электронный ресурс] // Проект: «Исторические материалы».)
[215] Марсово поле [Электронный ресурс] // Funeral-spb.ru.

не ослабело и в период «зрелого сталинизма», а сама идея строительства аналога французского Пантеона продолжала быть актуальной. В 1953 году после смерти Сталина одновременно с решением о бальзамации и сохранении его тела ЦК КПСС принимает решение о сооружении в Москве «монументального здания — Пантеона — памятника вечной славы великих людей Советской страны». В этот новый мемориал планировалось перенести не только саркофаги с телами Ленина и Сталина, но и «останки выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, захороненных у Кремлевской стены, и открыть доступ в Пантеон для широкой публики» [216]. В 1954 году был проведен конкурс архитектурных проектов[217], а само строительство предполагалось произвести на месте Государственного универсального магазина (ГУМ) на Красной площади. Однако, с приходом к власти Хрущева и отходом от политики сталинизма этот проект был заморожен.

Продолжая традицию, заложенную в марте 1917 года в Петрограде, захоронения у Кремлевской стены в Москве вплоть до середины 1920-х годов были коллективными. Первое захоронение в октябре 1917 года, так же, как и похороны жертв революции в Петрограде, вызывало много вопросов, в первую очередь относительно того, защищали ли в действительности все торжественно похороненные в братских могилах те лозунги, под которыми их хоронили. Процедура опознания тел и принадлежности каждого из погибших к защитникам старого режима или революционерам, по-видимому, в действительности не была проведена достаточно аккуратно. Из 240 тел, захороненных у кремлевской стены в 1917 году, точно известны имена лишь 57 человек[218]. Однако, символичность братских могил объединяла всех захороненных в них в некоторое единство людей, отдавших жизнь за общие

[216] Постановление ЦК КПСС и Совета министров Союза ССР «О сооружении Пантеона — памятника вечной славы великих людей Советской страны» // Вечерняя Москва. 1953. 7 марта (№ 56(8878)). С. 2.
[217] Программа и условия конкурса на лучший проект сооружения в г. Москве Пантеона — памятника вечной славы великих людей Советской страны // Архитектура СССР. 1954. Сентябрь (№ 09). С. 23-34.
[218] Абрамов А.С. У кремлевской стены. М., Политиздат, 1974. С. 52.

идеалы. Дальнейшее захоронение в братских могилах продолжало демонстрировать это единство. Однако в реальности эти захоронения уже не объединяли людей, умерших в одном сражении. В разные годы в коллективных могилах у кремлевской стены торжественно были захоронены И. Арманд (1920 г.), Дж. Рид (1920 г.), В. Воровский (1923 г), В. Ногин (1924 г.) и П. Войков (1927 г.). Отсутствие индивидуального захоронения отнюдь не свидетельствовало о неуважении к умершему, напротив, захоронение в братской могиле революционного некрополя означало высшую почесть, признание заслуг умершего в общем деле революции. Именно поэтому среди захороненных в общих могилах были не только отдельные известные большевики, но и группы людей, имена которых известны сейчас только узким специалистам — рядовые рабочие, члены вооруженных формирований периода революции. Они захоронены в революционном некрополе не как отдельные личности, а как часть большого и мощного революционного потока.

Коллективные захоронения продолжались вплоть до 1927 года и закончились после открытия первого Крематория в Москве. После этого прах видных государственных деятелей, кремированных в Донском крематории, захоранивались непосредственно в кремлевской стене. Всего в кремлевской стене захоронено 115 прахов и, в отличие от похороненных в братских могилах, это все известные люди. Среди них Г.К. Орджоникидзе, С. М. Киров, А. М. Горький, Н. К. Крупская, И. В. Курчатов, С. П. Королев, Ю. А. Гагарин, А. Н. Косыгин, М. В. Келдыш, А. В. Луначарский, Ю. Ларин, Л. Б. Красин, К. Цеткин.

Традиция политической агитации через похоронные ритуалы не исчезла после прихода большевиков к власти. Так же, как при политизированных похоронах XIX века, во время прощания с Лениным зимой 1924 года траурные венки были заполнены политическими высказываниями.

Так, 44% текстов на траурных венках[219], принесенных в Колонный зал Дома Союзов, содержали прямые политические лозунги: «Бессмертен Ленин в коллективном разуме пролетариата»; «Знамя диктатуры рабочего класса, поднятое тобой, в надежных руках!»; «Тело вождя мы навеки хороним, но дело его никогда». Для политической агитации в СССР использовались также смерть и похороны С. М. Кирова: происходили многочисленные собрания на заводах, где принимались коллективные заявления в связи с произошедшими событиями. Эти заявления, чаще всего обращенные лично к Сталину, содержали многочисленные политические призывы к «борьбе с классовым врагом» и «охранять жизнь вождей, как знамя на поле битвы»[220]. К политической агитации во время похорон прибегала и оппозиция второй половины 1920-х годов. Так, траурная панихида у могилы советского дипломата А. А. Иоффе в ноябре 1927 г. в Москве стала одной из последних открытых манифестаций *левой оппозиции,* во время которой Троцкий произнес последнюю публичную речь перед высылкой из СССР[221].

В течение 1917 — 18 годов аналогичные революционные некрополи — коммунистические площадки и кварталы — возникают на кладбищах по всей стране, а торжественные захоронения на них также производятся по образцу похорон на Марсовом поле. Таким образом, перформативный потенциал публичных похорон не теряет свою актуальность и после победы революционного движения. Он позволяет не только превращать похороны в безопасную публичную агитацию, но и создает по всей стране особые публичные локусы, репрезентирующие единство и силу революционного движения, члены которого готовы пожертвовать собой ради победы общего дела.

[219] Ленину. 21-е января 1924. М.: Гознак, 1924. VI. 519 с.
[220] Подробнее см.: Соколова А.Д. Политика и похороны: генезис практики спонтанной мемориализации // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей / сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 163-169.
[221] Иоффе Н.А. Время назад: Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М.: ТОО "Биологические науки", 1992. С. 73-76; Боярчиков А.И. Воспоминания / предисл. В. В. Соловьева. М.: АСТ, 2003. С. 152-157.

Однако, в мире большевистской утопии новый похоронный ритуал приобретает еще одно, более сильное и неожиданное значение. Для революционеров, носителей атеистических взглядов, традиционная семантика похорон как обряда перехода из мира живых в вечный мир умерших была совершенно чуждой. На смену «воскресения из мертвых и жизни будущего века» в христианском понимании, приходит идея строительства мира «светлого будущего» и нового человека, во имя которых приносятся — здесь и сейчас — многочисленные жертвы в ходе революционной борьбы. Каждая такая жертва, таким образом, становилась актом создания нового мира, а революционные похороны — публичной манифестацией такого акта, его дальнейшим развитием. Похороны, лишенные христианской семантики воскрешения, похороны материалистические, представляющие смерть как абсолютный конец и распад человека на сумму микроэлементов, превращаются в акт предельного витализма, в акт создания прекрасного мира будущего. Писатель А. Серафимович так описывает этот «похоронный футуризм» в финале рассказа «Похоронный марш»:

«*Десятки тысяч людей шли, пели гимн смерти, и торжественно и могуче из могильного холода и погребального звона вырастала яркая, молодая, радостная жизнь, и сверкала на солнце, и играла на лицах тысяч людей, и народ, густо черневший вдоль улиц, несмолкаемо и исступленно приветствовал их.*

Кровавая дымка подобралась и растаяла. Исчез приторный привкус и острый, раздражающий запах.

Солнце сияло, и город снова зашумел тысячами задержанных звуков.»[222]

[222] Серафимович А.С. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2. Произведения 1902-1906. С. 307.

Аналогичным образом, в сборнике «У Кремлевской стены», описывающем появление и становление главного революционного некрополя, первое захоронение в нем, произошедшее в октябре 1917 года, предстает как столкновение старого и нового, в противоборстве которых происходит таинство рождения мира и человека будущего, которое рождается именно из глубины похоронного обряда, в котором скорбь по ушедшим товарищам преломляется в новое, витальное чувство. Новый мир как будто вплывает в реалии мира старого на волнах этой похоронной процессии:

«*Так встретились на Красной площади, у Братских могил, два мира — старый, одряхлевший и новый, полный веры в правоту своего справедливого дела. Реакционные церковники не могли понять, что пробудившемуся народу, разорвавшему цепи многовекового гнета, не нужны теперь ни молитвы, ни попы, ни сказки о загробном царстве. Не могли понять, что этот народ, в котором проснулись гигантские творческие силы, хочет сам строить свое светлое будущее на земле*» [223].

«*Безбрежная лавина рабочих, работниц и солдат залила улицы и площади. В их суровых песнях звучали горе утраты, вера в правоту своего великого дела, в победу светлого будущего. Как победный гимн, гремело пророчество: «Кто был ничем, тот станет всем». Многие «бывшие» не рискнули появиться в эти часы на улице и отсиживались дома. «Ворота больших домов на запоре, — писали „Известия Московского Совета“, — За железными решетками толпятся существа, на лицах которых написаны испуг и любопытство… Приближаются новые людские лавины, сурово блестит лес штыков Красной гвардии… Расступайтесь! Новый мир идет!*»[224].

[223] Абрамов А.С. У кремлевской стены. М., Политиздат, 1974. С. 33.
[224] Там же. С. 31.

Таким образом, новые похороны становятся не только площадкой для политического высказывания, но и процессом создания мира будущего. Их семантика, как и семантика смерти, стремительно мигрирует в сторону утопии. Эта парадоксальная, утопическая функция революционных похорон и захоронений переводит их из мортального регистра в витальный. Оба эти свойства революционных похорон в наибольшей степени нашли свое выражение в истории захоронения В. И. Ленина и практиках, связанных с сохранением его тела, создавших уникальный, совершенно особый мортальный локус. Несомненно, похороны Ленина были уникальным событием, экспансия которого в виде новой практики на сколько-нибудь более широкие круги не предполагалась, и эти похороны сами по себе не оказали серьезного влияния на организацию похорон других известных большевиков, за исключением похорон Сталина в 1953 году. Несмотря на тот интерес и отклик, который вызвали похороны Ленина, они тем более не могли стать образцом для подражания для рядовых коммунистов и комсомольцев. В этом вопросе я не согласна с А.К. Байбуриным, который считает похороны Ленина прецедентными для формирования «красных похорон» [225]. Факты «красных похорон» фиксируются задолго до 1924 года, а похороны, описанные до 1924 года и после, не имеют существенных отличий, которые позволили бы говорить о такого рода влиянии. Мумификация и сохранение тела Ленина — были единичным феноменом, повторить который простому человеку было невозможно, да и сама эта идея отсутствовала в публичном дискурсе того времени. Хотя практики, связанные с захоронением Ленина, не оказали существенного влияния на похоронную культуру в целом, в них нашли отражение важнейшие тренды раннесоветской похоронной культуры и революционных похорон.

[225] Байбурин А.К. Советские обряды и ритуал торжественного вручения паспорта // Классический фольклор сегодня: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Путилова. Санкт-Петербург, 14-17 сентября 2009 г. / отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 412, 413.

Беспрецедентные для новой истории Европы похороны Ленина отчетливо высветили вопросы, которые стояли перед победившими революционерами. Какие смыслы могут и должны выражать похороны революционера, и особенно — революционера такого масштаба? Как партия может существовать без своего главного лидера и авторитета, и может ли она продлить существование этого авторитета через особый похоронный обряд? Могут ли похороны «вождя мирового пролетариата» включать в себя какие-то элементы старого похоронного обряда и можно ли полностью отказаться от старых форм в принципе, создав свои, новые, никак не напоминающие старые? Наконец, какое место должно занять захоронение революционного лидера в политической и государственной конструкции?

Исследователи, которые целенаправленно анализировали этот эпизод, в первую очередь обращали внимание на религиозные и политические аспекты решения о консервации и экспонирования тела Ленина. Но в контексте настоящего исследования не так важно, формировался ли вокруг сохраненного тела Ленина политический или квазирелигиозный культ, и стал ли он аналогом почитания христианских мощей или иных религиозных практик[226]. Более важным в контексте утопической семантики смерти и похорон является наблюдение А. Юрчака о том, что важнейшей целью бальзамации тела Ленина была консервация *формы* тела, сохранение подвижности суставов и пластичности тканей, то есть витальных характеристик, отличающих живой организм от мертвого[227]. Мавзолей, таким образом, должен был стать местом констатации факта жизни, а не факта смерти Ленина. Именно эта функция позволяла мавзолею стать «колыбелью свободы всего человечества», как гласил один из лозунгов, предложенных Московским Комитетом Партии по

[226] Об этих аспектах см. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России: пер. с англ. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 285 с.; Эннкер, Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе: пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.; Панченко А.А., Панченко А.М. Осьмое чудо света // Полярность в культуре. СПб.: Альманах «Канун», 1996. С. 166-202.

[227] Yurchak A. Communist Proteins: Lenin's Skin, Astrobiology, and the Origin of Life // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2019. Vol. 20(4). P. 683-715.

случаю смерти Ленина[228]. Продленные в вечность и не оконченные до сих пор, похороны Ленина становятся залогом, инструментом творения нового мира. «Ленин — солнце грядущего» гласил другой лозунг. И как солнце питает новую жизнь, так и практика обращения с телом великого вождя революции, парадоксальным образом сочетающая мортальные и витальные компоненты, питает рождение новой жизни и человека будущего:

«Еще на первомайской демонстрации 1924 г. по бокам Мавзолея были вывешены траурные знамена СССР и Коминтерна. 1 августа 1924 г. под звуки похоронного марша новый Мавзолей был открыт для посещения трудящимися. Слишком свежа была боль утраты… Но усыпальница вождя уже превратилась в нечто большее, чем просто место скорби. Страна Советов, решительно ломая старый мир, с энтузиазмом строила новый. И каждый понимал, что социализм, построенный в боях, будет лучшим памятником Ленину. Сюда, к Мавзолею, приходили, чтобы не только почтить память учителя, но и вдохновиться на великие революционные дела»[229].

2.4 Новая гражданская обрядность

Резонансные, провокативные похороны революционеров и — позже — жертв революции в обеих столицах демонстрировали желание создать новый, альтернативный, построенный на антитезе похоронный обряд для борцов за революцию и строителей нового государства. Новый обряд должен был сочетать в себе две важные черты: декларацию приверженности новому строю и отказ от религиозных символов. Если политическая составляющая нового похоронного ритуала была к этому времени уже хорошо разработана, то нарочито безрелигиозный характер похорон можно считать до определенной степени большевистской новацией. Именно в том, чтобы освободить семейную обрядность от религиозного контроля, сделать возможными

[228] Лозунги МК // Рабочая Москва. 1924. 22 января. (Цит. по... У Великой могилы / под ред. М. Рафеса, М. Моделя, А. Яблоньского. М.: Издание газеты «Красная звезда», 1924. С. 5.).
[229] Абрамов А.С. У кремлевской стены. М., Политиздат, 1974. С 14.

светские, безрелигиозные рождения, свадьбы и похороны, большевистские идеологи видели свою главную задачу. Декреты Советской власти 1917-1918 годов, прямо или косвенно регулировавшие законодательство в области погребения (Декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 12 декабря 1917 г., «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января (2 февраля) 1918 г., «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 г.), имели целью снять конфессиональный контроль над семейной (и в частности — похоронной) обрядностью[230]. Многолетняя сословно-иерархическая система похорон, регулировавшая на государственном уровне стоимость и статусность погребения и определявшая обязательность религиозного похоронного обряда, была упразднена. Участие церкви в похоронах не только перестало быть обязательным, но и в некоторых случаях стало крайне затруднительным, особенно если покойный или кто-то из членов его семьи был человеком партийным[231].

Хорошо развитая традиция политических манифестных похорон и настойчивый антиклерикализм новых властей формировали запрос на создание особой безрелигиозной коммунистической обрядности как в партийной среде, так и среди сочувствующих большевикам. В первые годы после революции опыты «коммунистического ритуала» имели стихийный характер. Однако, уже к концу Гражданской войны сформировались основные сценарии так называемых красных крестин, красных свадеб и красных похорон[232]. В 1920-е годы идея новой обрядности (равно как и праздничной культуры) становится частью государственных агитационных кампаний по атеистической пропаганде и движения за новый быт. Обряды становятся

[230] Подробнее об этом см. Главу 1.
[231] См., например: Сольц А. Бытовой фронт // Безбожник. 1927. № 1. С. 2.
[232] См. описание одного из первых зафиксированных случаев так называемых красных крестин, или октябрин, произошедших в 1923 году в Серове: Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. М.: Наука, 1968. С. 69-70. Хороший пример стихийного характера «красных» обрядов дает также статья: Маслинская С.Г. «По-пионерски жил, по-пионерски похоронен»: материалы к истории гражданских похорон 1920-х гг. // Живая старина. 2012. № 3. С. 49-52.

своеобразной демаркационной линией между старым и новым миром, что хорошо бросается в глаза в публицистике того времени[233].

Новая интерпретация человека была неразрывно связана с реконцептуализацией человеческого бытия, смерти и посмертного существования. Если атеистическое общество отвергает религию и посмертное существование души, то какое идейное наполнение должен иметь похоронный обряд в этом случае? Нужны ли вообще обряды (в том числе и похоронный) новому коммунистическому обществу? Эти вопросы активно обсуждались в публицистике 1920-х годов. В осмыслении того, какими действиями должны сопровождаться рождение, изменения социального статуса при жизни и смерть в новом коммунистическом обществе, не было единого, четкого мнения. Горячим сторонникам новой обрядности Троцкому и Вересаеву противостояла умеренная позиция председателя Союза воинствующих безбожников Емельяна Ярославского.

По мнению Ярославского, необходимо было учитывать организующее и политическое значение «демонстративных революционных похорон»[234], обусловленное в первую очередь задачами антирелигиозной пропаганды. Чрезмерное, почти религиозное значение, которое порой придается красным похоронам, формализованный ритуал, «чуть ли не требник коммунистический»[235], не только искажают первоначальный смысл и задачи новых обрядов, но и позволяют идейным оппонентам задать закономерный вопрос: «Вот вы, мол, боретесь против обрядности, а сами установили массу всяких обрядностей»[236] и «в этой обрядности уже перещеголяли православных»[237]. Внимание молодых активистов к революционным похоронам порой доходит до абсурда: «Я как-то получил записки от одного

[233] См., например: Голубых М. Очерки глухой деревни. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 10-12.
[234] Ярославский Е.М. Как вести антирелигиозную пропаганду: доклад, прочитанный 20-го апреля на 1-м всесоюзном съезде корреспондентов газеты «Безбожник» и Общества друзей газеты «Безбожник». М.: Издательство «Безбожник», 1925. С. 18.
[235] Там же.
[236] Там же. С. 21.
[237] Там же. С. 78.

застрелившегося комсомольца. Так этот комсомолец написал десяток предсмертных записок, и главной его заботой было: "похороните меня с музыкой, с такими-то обрядностями, произнесите на моей могиле речи". Он умирал — умер по пустяку, потому что заразился венерической болезнью, и вместо того, чтобы пойти к хорошему врачу, который бы ему сказал, что можно вылечиться и ничего тут в этом страшного нет и не надо из-за этого кончать самоубийством, — он умирает. Он пишет целый план, как его хоронить, кто должен речи произносить и т. д.»[238]. Это, по мнению Ярославского, страшная чепуха, с которой нужно бороться. Но существуют и «обратные перегибы», связанные с полным отрицанием похорон как таковых, с которыми также необходимо бороться:

«Я знаю, у нас, среди коммунистов, есть товарищи, которые высказываются решительно против революционных похорон. Один товарищ даже написал завещание: когда я умру, я завещаю мой труп отдать в мыловарню и сделать из него мыло, а то у вас развивается "коммунистическое двоеверие". Вы, мол, боретесь против обрядности, а сами установили массу всяких обрядностей...»[239].

В своих выступлениях перед членами Союза воинствующих безбожников Ярославский не дает определенного позитивного ответа по поводу того, какова должна быть работа активистов в области новой обрядности и красных похорон: «Вот эти обрядности и не надо крепко устанавливать, не надо их фиксировать, надо, чтобы здесь было известное творчество масс, революционное творчество, а вовсе не устанавливать ритуал каких-то октябрин, похорон и т. д.»[240]. Делегируя работу в этом направлении абстрактному «творчеству масс», Ярославский ограждает подведомственный

[238] Там же. С. 77-78.
[239] Там же. С. 21.
[240] Там же.

ему Союз воинствующих безбожников от активного участия в пропаганде новых обрядов и борьбы с религиозной обрядностью.

Иной позиции придерживался оппонент Ярославского, харизматичный лидер коммунистической молодежи Лев Троцкий. По его мнению, именно церковная обрядность «держит на привязи» не только верующих, но даже и неверующего или мало верующего человека. Новое Советское государство дало рабочему классу юридическую возможность перестать соблюдать церковные обряды, но простому человеку куда сложнее оторваться от старой обрядности, чем государству. «Жизнь трудовой семьи слишком монотонна и этой монотонностью своей истощает нервную систему»[241], поэтому пролетарской семье совершенно необходимо отметить как-то важные события, происходящие в ней. Советское государство уже выработало свои новые праздники, символы, «свою новую государственную театральность». В частной жизни ситуация совсем иная — революционным членам семьи нечего противопоставить традиционной церковной обрядности. Поэтому активное стремление комсомольской молодежи заменить старую церковную обрядность новой, революционной, советской являлось наиболее открытым, простым и эффективным способом борьбы за новый быт в семье.

Отмечая огромную ценность эстетической, художественной, эмоциональной составляющих обрядов, Троцкий осуждает радикальное отрицание новых обрядов и обрядов вообще. «Жизнь человека, обнаженная от музыки и пения, торжественных собраний, радостных или грустных, смотря по случаю, по поводу, по причине, — будет скучной, пресной. Она и есть квас без изюминки. Так нам, революционерам, коммунистам, которые хотят не ограбить жизнь человека, а обогатить ее, поднять ее, разукрасить, улучшить, нам ли выплескивать из кваса изюминку? Ни в коем случае!»[242]. «Поэтому кто

[241] Троцкий Л.Д. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь, Главполитпросвет, 1923. С. 57.
[242] Троцкий Л.Д. О задачах деревенской молодежи. О новом быте. М.: Новая Москва, 1924. С. 14.

говорит, что в бытовой работе никакой обрядности, понимая под обрядностью не церковные фокусы, а коллективные формы выражения своих чувств, настроений, — тот хватает через край. В борьбе со старым бытом он расшибет себе лоб, нос и другие необходимейшие органы»[243]. Впрочем, при столь высокой оценке новой обрядности Троцкий, как и Ярославский, не считает, что она должна устанавливаться «сверху», поскольку это неминуемо приведет к бюрократизации этих новых явлений. Основой для появления новых обрядов должно стать коллективное творчество масс с привлечением художественной, артистической инициативы. Этот процесс может занять несколько десятилетий, но в результате выведет «на дорогу новых, одухотворенных, облагороженных, проникнутых коллективной театральностью форм быта»[244]. Впрочем, в отличие от Ярославского Троцкий считает, что за этими процессами необходимо пристально следить и осторожно направлять их в нужное русло, в частности, «всякие новые формы, зародыши новых форм и даже намеки на них должны попадать на страницы печати, доводиться до всеобщего сведения, пробуждать фантазию и интерес и тем толкать коллективное творчество новых бытовых форм вперед»[245].

Троцкий отмечает, что среди всех революционных обрядов сложнее всего дело обстоит с погребением, поскольку «новая театральная обрядность, пропитанная революционной символикой», выступает на сцену только в случае похорон высокостатусного человека, лишь в этих случаях появляются красные знамена, ружейные залпы и революционный похоронный марш. В остальных же случаях консервативно настроенные родственники получают преимущество, и совершается религиозный обряд.

Наиболее радикальную позицию по вопросу семейной обрядности занимал писатель и публицист В. В. Вересаев. В своем очерке 1926 года «Об

[243] Там же.
[244] Троцкий Л.Д. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь, Главполитпросвет, 1923. С. 60.
[245] Там же.

обрядах старых и новых (к художественному оформлению быта)» он рассматривает преимущественно самый трудный случай новой обрядности — красные похороны. Вересаев отмечал: «Великое, совершенно незаменимое значение обряда заключается в том, что переполняющие нашу душу чувства он направляет в определенное русло и этим до чрезвычайности облегчает проявление наших чувств»[246]. Прежняя, церковная, обрядность великолепно справлялась с этими задачами, сейчас же, когда старый ритуал потерял актуальность, «на его месте не осталось ровно ничего»[247]. Безрелигиозные обряды, складывающиеся стихийным образом, Вересаев считал неспособными справиться с этой задачей, поскольку они «поражают, убивают душу своею убогостью и бездарностью»[248]. Вересаев последовательно рассматривает несколько красных похорон, в которых довелось участвовать ему самому либо его близким друзьям. Первые — похороны старой партийной работницы. Похороны были не рядовыми: прощание проходило в большом Красном зале Московского комитета РКП, был заказан оркестр, деятельность и репутация покойной позволили произнести достаточно содержательные речи во время гражданской панихиды на могиле.

Несмотря на это, похороны оставили ощущение гнетущей пустоты — все время «чувствовалась потребность в чем-то, что дало бы выход тому, что было на душе»[249]. Вересаев отлично отдает себе отчет в том, что при похоронах рядовых граждан, пусть и самых достойных, ситуация еще хуже: «что же можно сказать такого, что действительно бы потрясло сердце, о рядовом враче, транспортнике или металлисте? Будет набор напыщенных и преувеличенных похвал, которые будут только резать ухо своей фальшивостью»[250]. Именно поэтому сущность новой обрядности не должна исчерпываться ее провокативностью и революционностью, поскольку со

[246] Вересаев, В. В. Об обрядах старых и новых. М.: Новая Москва, 1926. С. 7.
[247] Там же. С. 9.
[248] Там же.
[249] Там же. С. 11.
[250] Там же. С. 11.

временем она станет привычным делом и перестанет вызывать какие бы то ни было эмоциональные переживания[251]. «Нужно нечто разнообразное, сложное и величественное. Нужен ритуал, нужно определенное "действо"»[252]. Необходимо употребить весь творческий потенциал Советского государства, лучших, наиболее талантливых его граждан, «новых Пушкиных, Скрябиных, Станиславских» на то, чтобы создать, срежиссировать новую обрядность. И пусть сначала этот новый ритуал будет выглядеть несколько комично[253], со временем к нему привыкнут — и он будет выполнять свою основную роль: «с одной стороны, давать людям готовые, художественно-закрепленные русла для проявления теснящихся в душе чувств, — с другой же стороны организовывать сами эти чувства, направлять, просветлять и углублять их»[254]. Вересаев идет даже дальше: «Представьте, как было бы прекрасно, если бы вместо разных для каждой религии <...> по всему миру <...> — везде были бы одни и те же светлые, утверждающие жизнь, полные веры в будущее обряды, такие же для всех общие, как клич: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"»[255].

Несмотря на большой интерес к новой практике кремации среди большевиков[256], практически во всех обсуждениях новой похоронной обрядности речь о ней не идет. Чаще всего новая похоронная обрядность рассматривается в приложении к традиционному трупоположению. Однако, и при рассмотрении более модерной практики кремации возникает вопрос о необходимости нового ритуального обрамления. Известный архитектор-авангардист К. С. Мельников, предлагая свой конкурсный проект на строительство Донского Крематория, сделал основной акцент не на архитектурных деталях и эскизах, а на внутреннем идейном наполнении

[251] Там же. С. 20.
[252] Там же. С. 12.
[253] Там же. С. 18.
[254] Там же. С. 30.
[255] Там же. С. 30.
[256] Подробнее об этом см. Главу 4.

проекта. По его мнению, «незначительный успех крематорного дела в Европе да и в других странах, объясняется тем, что еще не найдена форма крематорного погребения»[257], и именно архитектурная форма крематория должна создавать сам новый кремационный обряд. В некотором смысле, проект, который предлагает Мельников, перекликается в своей внутренней поэтичности с концепцией обряда Вересаева. Мельников полагает, что кремационное погребение не должно, как это бывает в большинстве случаев, маскироваться под более привычный обряд трупоположения, а значит после прощания гроб не должен опускаться в открывающийся в полу люк. Архитектор полагает, что должна быть создана новая форма, которая позволит создать иной обряд, не имитирующий традиционный, но соответствующий основным «признакам самого дела». К таким важным признакам кремации Мельников относит экономию и механизацию, но прежде всего — медлительность и чинность. И именно в медлительности и чинности он находит основные признаки культа, будь то религиозного или гражданского. Общая форма любого погребального обряда, по его мнению, «состоит в торжественности, величии — покойник является центром всего ритуала». Именно поэтому колесница катафалка должна быть запряжена лошадьми, («я не видел покойника ведомого на автомобиле», отмечает симпатизирующий техническому прогрессу архитектор), а всей процессии должна быть свойственна медленность, «так как быстро скачущих похорон тоже не замечено»[258].

В проекте крематория Мельникова, действительно, сама архитектурная форма создает похоронный обряд:

«Три портала, прикрытых как вуалью стеклянными сенями, ведут в зал. Два боковых из них, чтобы не нарушать торжественности процессий —

[257] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 641. Л. 178.
[258] Там же. Л. 178-178 об.

проходят через ожидальни. Внутри, по середине зала, возвышение, ярко освещенное через купол.

Поставленный гроб на возвышение и окруженный близкими родственниками, виден со всех точек зала. После окончания обряда и прощаний с покойником, делается сигнал к захоронению.

И в то время, когда гроб будет медленно опускаться, сила дневного света начнет тускнуть при помощи опускания верхнего купола.

Продолжение опуска гроба видно через стекла под возвышением, в котором в этот момент, когда кругом будет густой полумрак — зажигается яркий электрический свет.

Всем присутствующим отчетливо и ясно виден гроб и его движение к печи.

Процесс сжигания присутствующие, циркулируя по полумаршам лестниц под возвышением, наблюдают через контрольное окно, и, после окончания, пепел, ссыпанный на их глазах в капсюль — запечатывается родственниками.

Психологические воздействия заканчиваются одновременно с реальными действиями и тем самым замыкается и конец КРЕМАТОРНОГО ПОГРЕБЕНИЯ»[259].

2.5 Практика красных похорон

Приведенные выше размышления публицистов и политиков о том, какими должны стать новые обряды жизненного цикла, конечно, были во многом основаны на реальных случаях красных похорон, свадеб и крестин. Однако, в этих текстах новые обряды описаны абстрактно, и по ним сложно

[259] Там же. Л. 178 об.-179.

судить, что они собой представляли на самом деле, насколько они были востребованы и какова была их аудитория. Изучение этой темы затрудняется тем, что многие этапы эволюции похоронного обряда в раннесоветское время плохо документированы и их приходится восстанавливать по кратким заметкам и некрологам в местной печати, дневникам и мемуарам. Эти публикации дают нам редкую возможность посмотреть на феномен красных похорон глазами современников и понять, какова с их точки зрения была прагматика нового обряда, какие его элементы представлялись особенно важными и как он воспринимался окружающими.

Несмотря на стремление большевистских идеологов к *способу погребения равному для всех,* в реальности похоронный обряд в Советском Союзе 1920-х годов отличался большим разнообразием. В отличие от дореволюционного похоронного обряда, который был полностью регламентирован Уставом Русской православной церкви и сословно-социальным статусом умершего, различные «типы» советского похоронного обряда не зависели напрямую (или по крайней мере полностью) от того, какое место в социальной иерархии занимал человек. Значительно различаются не только похороны активных коммунистов и «бывших людей», но и городских и деревенских, рабочих и служащих, более и менее обеспеченных людей. К сожалению, в силу высокой идеологизированности советского общества многие источники, относящиеся к истории и трансформациям похоронного обряда 1920-х годов, которыми мы располагаем, в значительной степени тенденциозны. Чаще всего они преувеличивают значение новых, революционных форм обрядности и оставляют в стороне свидетельства сохранения традиционных форм.

Судя по газетным публикациям того времени, наиболее массовому источнику наших знаний о красных похоронах, каждый случай коммунистических похорон воспринимался местными сообществами как событие резонансное. Красные похороны собирали большое количество

любопытных[260] — вплоть до нескольких тысяч человек[261], «пришедших посмотреть, как коммунисты хоронят своих товарищей без попа и заунывного пения, без кутьи, поминок и плакальщиц»[262]. В похоронах принимали участие не только жители того населенного пункта, где жил умерший (часто — рабочие-сослуживцы с фабрики или завода), но и жители окрестных деревень[263], как идейно близкие (рабочие, комсомольцы, коммунисты), так и простые крестьяне[264] и беспартийные рабочие[265], «и не только что молодежь, но и мужики, и бабы все пошли, даже старухи и те пошли смотреть»[266]. Корреспонденты часто отмечали, что число участников и зрителей похорон превышало число людей в церкви даже на самые большие религиозные праздники — на Крещение[267] и на Пасху[268].

Организаторами *красных* похорон чаще всего выступали комсомольцы[269], реже — местная ячейка партии[270]. Также к участию в похоронах могли привлекать военные оркестры[271]. Подготовка к похоронам начиналась заранее. Активисты готовили знамена[272], разучивали похоронные марши и «на флаг нашивали черный материал — в честь траура»[273].

---

[260] Комсомолец. Впервые без попа. // Безбожник у станка. 1924. №4. С. 22.
[261] Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. 1923. 22 апреля. С.4; Похороны коммуниста // Призыв. 1920. № 38(191). 2 сентября. С. 4.
[262] Похороны коммуниста // Призыв. 1920. № 38(191). 2 сентября. С. 4.
[263] Там же; Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3; Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 43-45.
[264] Похороны коммуниста // Призыв. 1920. № 38(191). 2 сентября. С. 4.
[265] Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. 1923. 22 апреля. С.4.
[266] Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 43-45.
[267] Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3.
[268] Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 43-45.
[269] Без попов // Красная молодежь. 1920. № 21(44). 21 сентября. С. 3; «Товарищ Коля». Мы чтим память павших // Смена. 1923. 12 июня. С.5; Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3; Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 43-45; Похороны коммуниста // Призыв. 1920. № 38(191). 2 сентября. С. 4.
[270] Похороны коммуниста // Призыв. 1920. № 38(191). 2 сентября. С. 4.
[271] Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 43-45.
[272] Без попов // Красная молодежь. 1920. № 21(44). 21 сентября. С.3.
[273] Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 43-45.

В назначенный час организаторы собирались в помещении Союза молодежи[274] или у дома умершего[275]. В доме у гроба покойного стоял почетный караул[276].

Сама церемония представляла собой торжественное шествие на кладбище: «впереди шли музыканты, потом комсомольцы несли красный гроб, и за телом шли комсомольцы и коммунисты с флагами»[277]. Революционные песни[278] и похоронный марш[279] перемежались с торжественной музыкой в исполнении оркестра[280].

Кульминацией и наиболее значимой частью похорон была так называемая гражданская панихида — торжественно-траурные речи о жизненном пути умершего. Чаще всего она происходила на кладбище у могилы[281], но могла дополняться речами у дома покойного[282] или у клуба[283]. Гроб опускали в могилу под оружейные залпы и звуки оркестра[284].

Местом захоронения обычно являлось кладбище, хотя в отдельных случаях использовался иной локус, семантически связанный с новой властью, например, парк имени 20-ти летнего юбилея РКП(б)[285].

Присутствовала непременная революционная символика — гроб красного цвета[286], красные повязки на рукаве, красные флаги. Несомненно,

---

[274] Без попов // Красная молодежь. 1920. № 21(44). 21 сентября. С.3.
[275] Похороны коммуниста // Призыв. 1920. № 38(191). 2 сентября. С. 4.
[276] Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3.
[277] Мурин, В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 43-45
[278] Без попов // Красная молодежь. 1920. № 21(44). 21 сентября. С.3.
[279] Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. 1923. 22 апреля. С.4; Похороны коммуниста // Призыв. 1920. № 38(191). 2 сентября. С. 4.
[280] Похороны коммуниста // Призыв. 1920. № 38(191). 2 сентября. С. 4; Без попов // Красная молодежь. 1920. № 21(44). 21 сентября. С.3.
[281] Похороны коммуниста // Призыв. 1920. № 38(191). 2 сентября. С. 4; Мурин, В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. С. 43-45
[282] Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 43-45.
[283] Комсомолец. Впервые без попа // Безбожник у станка. 1924. №4. С. 22.
[284] Там же; Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3.
[285] Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. 1923. 22 апреля. С. 4.
[286] Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. 1923. 22 апреля. С. 4; Комсомолец. Впервые без попа // Безбожник у станка. 1924. №4. С. 22; Милин. На смерть товарища // Журнал безбожник у станка. 1923. №3. С. 14; Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3.

символичным являлось не только захоронение в парке, но и остановка траурного поезда у сельского клуба.

Обратный путь с кладбища мог также проходить в форме строевого марша под музыку[287].

В некоторых публикациях описывается и «заочный» ритуал. В этом случае также проводилась гражданская панихида, произносились памятные речи[288] и пелся похоронный марш[289]. Смерть товарищей могла стать поводом к добровольному пожертвованию на увековечение памяти погибших[290].

Новый, стихийно формировавшийся ритуал, резко контрастировавший с традиционными похоронами, в котором «всё было для крестьян ново и ошеломляюще»[291], по-видимому, действительно производил сильное впечатление на окружающих[292]:

«*Никогда я не видывала ничего такого интересного, как на этот раз, когда музыка заиграла, — я даже испугалась, — так громко и хорошо, что все оцепенели. <…> Когда пришли домой, то только и разговора было, что про похороны. Все пять верст только и говорили об этом*»[293].

Впечатление, несомненно, усиливалось из-за отсутствия на похоронах духовенства: «бабы — те говорят, что всем хороши коммунистические похороны, только одним плохи — батюшки нет! Если бы был батюшка, то кажись все стали бы хоронить как Ваганову жену. Мне самой эти похороны понравились куда лучше, чем по-церковному. Там батюшка гнусавит себе что-

[287] Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3.
[288] «Товарищ Коля». Мы чтим память павших // Смена. 1923. 12 июня. С.5.
[289] Памяти погибших // Призыв. 1920. № 42(195). 7 сентября. С. 2; Михаил рабочий. Везде бы так // Призыв. 1920. № 92(244). 5 ноября. С. 3; «Товарищ Коля». Мы чтим память павших // Смена. 1923. 12 июня. С.5.
[290] Памяти погибших // Призыв. 1920. № 42(195). 7 сентября. С. 3.
[291] Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3.
[292] Комсомолец. Впервые без попа // Безбожник у станка. 1924. №4. С. 22; Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3.
[293] Мурин, В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 43-45.

то под нос, и не разберешь ничего интересного; зароют в землю, с тем и конец, а так, как коммунистов хоронят, и умереть не страшно и приятно»[294]. Знамена, песни и оркестр вместо причитаний и плакальщиц в похоронной процессии, по-видимому, несколько меняли восприятие похорон, делая их менее депрессивным мероприятием:

Зарывали, хоронили
И никто не плакал,
Потому что хоронили
По-советски, с флагами[295].

В заметках видно, что проведение похорон по новому «обряду» являлось своеобразным вызовом обществу. Например: «Революционные похороны — прямой ответ ее родителей, беспартийных рабочих Кольчугинского завода. “По какой дороге пошла — пусть той и кончит” — сказал ее отец-рабочий»[296]. В данном случае позиция отца умершей не вполне ясна, поскольку выражение «пойти по дорожке» обладает отчетливым отрицательным смыслом. Впрочем, такое толкование лишь усиливает провокативный характер похорон. Зачастую новый похоронный обряд четко разделял деревенское общество на два лагеря — стариков и баб, все еще

[294] Там же.
[295] Там же. Частушки о красных похоронах акцентируют внимание на тех же аспектах нового ритуала, что и газетные публикации — отсутствии священства и траурный митинг на могиле.
Комсомолия в деревне
Что накомсомолила:
Без попа и без трезвона
Хоронить позволила (См.: Большаков А.М. Деревня после Октября. Л.: Прибой, 1925. С. 328.)

Хороша наша деревня,
Среди улицы тропа.
Мою милку хоронили
По-советски, без попа. (См.: Мурин, В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 43-45.)

Умирай, моя милая,
Я тебя в гроб положу,
Сам могилу вырою,
На могиле речь скажу. (См.: Там же.)
[296] Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. 1923. 22 апреля. С. 4.

увлеченных *поповским дурманом*, и молодежь, которая приходит к выводу, «что с музыкой лучше, чем с попом» [297]. Тем важнее были для агитаторов обратные примеры, такие как 65-летний крестьянин Г. В. Блохин, принесший председателю ВИКа заявление «Запиши в книге, чтоб в случае моей смерти меня родственники без попа хоронили. На родственников и не глядите, они еще в поповской обман верят»[298].

Интересно, что именно в середине 20-х годов в крупных городах Советского Союза возникла практика «пионерских похорон», когда дети-пионеры хоронили своих сверстников сами без участия взрослых[299]. Основной источник информации об этой практике — публикации в детской и взрослой региональной периодике. В заметках, написанных деткорами, пионерские похороны предстают результатом детской самодеятельности, при этом активность детей такова, что родители как бы отходят на второй план — они пассивны, полностью передают инициативу в руки товарищам покойного ребенка. «Дети 1920-х гг. в точности копируют взрослый красный похоронный обряд, воспроизводя и структуру, и набор ритуальных ролей (исполнители песен, траурные риторы, и вакантные/нулевые роли — отсутствие священников), и колористическую гамму, и музыкальное сопровождение. У детей, живущих в крупных промышленных центрах, в частности Ленинграде, был опыт наблюдения за публичными показательными похоронами революционеров»[300]. Это свидетельствует о достаточно серьезном отклике, который получила идея «красных похорон» среди отдельных групп населения, прежде всего внутри сильно идеологизированных сообществ.

Несмотря на то, что авторы газетных заметок стараются нарисовать как можно более широкий круг лиц, похороненных по новому обряду — это не

[297] Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3.
[298] Горький, А. Молодым пример // Журнал безбожник у станка. 1924. №9. С. 18.
[299] Маслинская С.Г. «По-пионерски жил, по-пионерски похоронен»: материалы к истории гражданских похорон 1920-х гг. // Живая старина. 2012. № 3. С.49-52.
[300] Там же.

только коммунисты и комсомольцы, но и дети, и старики, и беспартийные, и рабочие, и крестьяне — *красные похороны* все же оставались скорее политической манифестацией крайне узкого круга политизированной молодежи и в 1920-е годы широкого распространения не получили[301]. Судя по газетным заметкам, красные похороны устраивались преимущественно для представителей идеологизированных групп — комсомольцев[302], коммунистов[303] или членов их семей[304]. Анализ дневниковых записей 1920-х годов также свидетельствует о том, что подавляющее большинство упоминаний о красных похоронах вне зависимости от личной оценки автора также относится к случаям погребения лиц с активной политической позицией. Активные коммунисты — партийцы, комсомольцы, пионеры — составляли небольшую прослойку в обществе 1920-х годов. Число комсомольцев, партийцев и пионеров было невелико, хотя и имело тенденцию к увеличению. В 1922 году по всей стране насчитывалось 514 800 членов партии, в 1923 году — 485 600, а к 1924 году число членов партии выросло до 699 700 человек при общем населении СССР 135 миллионов 506 тыс. человек[305]. По всей видимости, реальная степень распространения красных обрядов соотносима со средним числом «революционной молодежи» в Советской России того времени.

Распространение «красной обрядности» среди населения страны с известными оговорками позволяет оценить статистика по Тамбовской губернии. По данным Губ РКИ за 1924 год в Рассказовской волости было зафиксировано 7 случаев гражданских похорон, 2 — октябрин, 13 —

---

[301] А.К. Байбурин также расценивает реальную распространенность «красных обрядов» как крайне низкую. См.: Байбурин А.К. Советские обряды и ритуал торжественного вручения паспорта // Классический фольклор сегодня: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Путилова. Санкт-Петербург, 14-17 сентября 2009 г. / отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 411.

[302] Без попов // Красная молодежь. 1920. № 21(44). 21 сентября. С. 3; Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. 1923. 22 апреля. С. 4; «Товарищ Коля». Мы чтим память павших // Смена. 1923. 12 июня. С.5; Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3.

[303] Похороны коммуниста // Призыв. 1920. № 38(191). 2 сентября. С. 4.

[304] Мурин, В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 43-45.

[305] Большаков А.М. Современная деревня в цифрах. Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период. Л.: Прибой, 1925. С. 101-103, 22.

рождений без крещения, 2 комсомольских свадьбы, 30 случаев свадеб без венчания. За 1 квартал 1927 года во всей губернии в целом было зафиксировано 13 октябрин, 35 красных свадеб и 9 гражданских похорон[306]. Хотя данные по общему числу обрядов за этот период отсутствуют, видно, что число «красных» обрядов выросло. Данные, приведенные выше, по всей видимости, характеризуют в первую очередь сельское население. Показательно, что статистика по Москве за 1925-1926 годы разительно отличается: «На всю Москву в 1925 г. из 66.541 [общее число зарегистрированных актов гражданского состояния за год в городе — А.С.] приходится 34.791 (52,3%) актов, освященных религией, и 31.750 (47,7%) — безбожных. В 1926 г. соотношение таково: из 74.092 (100%) церковных приходится — 36.523 (49,3%) и безбожных, уже больше, — 37.506 (50,7%)»[307]. Автор очерка отдельно также приводит статистику по религиозным и безрелигиозным похоронам: в 1925 г. «без церковного погребения обошлись» 39,9%, а в 1926 г. — 40.4%[308].

Как следует интерпретировать эту статистику? Означают ли эти цифры то, что попытка создать и распространить новую обрядность провалилась? И предполагалось ли вообще ее распространение за пределами круга «настоящих коммунистов»? Некоторые факты говорят в пользу того, что данные практики изначально воспринимались как элитарные, уместные только для «прошедших обращение» — настоящих коммунистов. Но такой подход разделяли не все. В 1923 г. в газете «Безбожник у станка» была опубликована серия заметок. Первая из них — письмо П. Я. Хлынова, атеиста из Московской губ., в котором рассказывается об отказе местной ячейки партии участвовать в организации и проведении гражданских похорон его беспартийного соседа атеиста. В результате сосед был похоронен «с попами».

[306] Безгин В.Б. Старый и новый быт в традиционной крестьянской культуре (советская доколхозная деревня) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX вв.): сборник научных статей. Тамбов: изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 1998. Вып. 2. С. 143.
[307] Лебедев В. Верующая Москва. // Безбожник. 1927. №10. С.4.
[308] Там же.

Корреспондент «Безбожника у станка» считает, что местная ячейка партии поступила неверно, отказавшись участвовать в похоронах беспартийного «хотя бы с целью агитации», поскольку «партия должна бы помочь, должна научить, как обходиться без попов во всех таких случаях»[309]. Спустя несколько номеров журнал опубликовал ответное письмо, в котором говорилось, что «Ячейка отказ мотивировала тем, что “гражданские похороны не должны теперь быть редкостью”. Может быть и “не должны”, но надо считаться с фактами: в деревне они, все-таки, редкость»[310]. Корреспондент, подписавшийся как Городской, считает решительно неверным отказ ячейки партии от участия в похоронах, поскольку «нужно пользоваться всяким случаем и поводом, чтобы убеждать крестьянство в бесполезности, ненужности поповского участия в жизни и смерти и в прочих делах. Надо отказаться от излишней “застенчивости”, надо действовать по своей инициативе. Тогда гражданские похороны, действительно, не будут редкостью, а паразиты-агенты небесных царей — лишены будут возможности вытряхивать у бедняков, порой, последние крохи»[311].

В то же время позиция отрицателей всякой обрядности также, по-видимому, была актуальна и до определенной степени сдерживала распространение «красных похорон». *В* записи от 14 мая 1928 года историк Иван Шитц приводит такое свидетельство:

«В день похорон Цурюпы извозчик, слегка выпивший, рассказывает про своего «башковитого» товарища, который был в большевиках два года, но теперь вышел; этот самый товарищ зазвал его, извозчика, на собрание памяти Цурюпы, где вступил в спор с оратором. Оратор заверял собравшихся, что «личность» не имеет значения, а ее «останки» — вроде как навоз (в передаче извозчика). Ну, товарищ и прицепился. «А коли навоз, зачем

[309] Гражданские похороны. (Письмо из деревни) // Безбожник у станка. 1923. №3. С. 14.
[310] Городской. Еще о гражданских похоронах // Журнал безбожник у станка. 1923. № 6. С. 19.
[311] Там же.

же его в Москву везли; между прочим из-за него в Курске четыре поезда стояли, въехал этот навоз казне в копеечку»[312].

То, что может вызвать вопросы у современных исследователей, было очевидно для современников. Интуитивное понимание, в каких случаях «красные похороны» будут уместны, может свидетельствовать о том, что за короткий промежуток времени новый ритуал вполне укоренился и стал в определенных кругах традицией. Без полувекового развития политических манифестных похорон в рамках российского революционного движения вряд ли такое было возможным.

Уже с первых лет Советской власти формируется круг лиц, для которых "приличными" считаются коммунистические, красные похороны с речами и ружейными залпами. Одновременно возникает более высокий разряд похорон для высших партийных функционеров — в некрополе у кремлевской стены. Круг лиц, которым положены статусные похороны у Кремлевской стены, был очевиден для современников:

«На Кузнецком мосту встретил скромную погребальную процессию. Несколько машин. Автобус. Это хоронят Чичерина, и не на Красной площади, а на каком-то кладбище, словно главбуха треста средней руки»[313].

Когда в 1924 году умирает Ленин, теоретический и, в общем, маргинальный вопрос о необходимости создания нового похоронного ритуала, выходит на передний план. Хотя мало кто из рядовых советских граждан мог прогнозировать вариант сохранения тела вождя, в среде простых партийцев, по всей видимости, было распространено мнение, что похороны Ленина должны радикально отличаться от похорон в «бывшем» мире. Об этом свидетельствуют материалы небольшого сборника «Дети дошкольники о

[312] Шитц И.И. Дневник «Великого перелома» (март 1928 — август 1931). Paris: YMCA-press, 1991. С. 26.
[313] Запись из дневника А.К. Гладкова от 9 июля 1936 г. (См.: Гладков А.К. «Всего я и теперь не понимаю»: из дневников (1936-1940) / Публ., предисл. и комм. С.В. Шумихина // Наше Наследие. 2013. № 106. С. 88).

Ленине», который был составлен из материалов детского творчества, разговоров и игр, собранных группой психологов, которые в течение пяти дней после смерти Владимира Ильича Ленина собирали материал о реакции детей в 45 детских дошкольных учреждениях г. Москвы на смерть и предстоящие похороны. Дети задают воспитателям множество вопросов о том, как именно будут хоронить Ленина и эти вопросы обнаруживают сомнение в том, что его можно хоронить «по-старому»:

«- *Тетя Соня, а, правда, Ленина по всему городу повезут и будут показывать?*

- *А в церковь Ленина повезут?*

- *Ему на гроб коммунисты будут класть по червонцу на свечку?*

- *Ну, и не так. Он и не хочет, чтобы его отпевали.*

- *А ведь его не будут отпевать?*

- *А будет у Ленина крест на могиле?*

-*Нет, у коммунистов крестов не бывает.*

- *Есть ли у Маркса крест на могиле?*

- *А крест на могиле будет?*

- *А на кой?*»[314].

Несмотря на интуитивное понимание нового похоронного ритуала, инерция традиционного похоронного обряда остается крайне значимой даже в высоко идеологизированной среде. Похороны активных революционеров могли содержать значимые элементы религиозного ритуала. Так, например,

[314] Дети дошкольники о Ленине. Репринтное воспроизведение издания 1924 г. — М.: ТО «Красный матрос», 2007. С. 73-74.

при торжественных революционных похоронах красноармейцев Н. Зайцева и Ф. Лаврентьева, погибших при подавлении антибольшевистского крестьянского восстания во Владимире в марте 1918 года, тела покойных в соответствии с православными обычаями были укрыты саванами, а на головы были положены венчики[315]. Хотя на политическом уровне традиционный ритуал чаще всего все же воспринимается как пережиток, на индивидуальном уровне он сохраняется[316]. 20 мая 1923 года в Москве в некрополе у Кремлевской стены был похоронен советский полпред Вацлав Воровский. Организацией похорон по заказу Моссовета занималось товарищество «Похоронное дело». Хотя в целом похороны прошли без накладок, за ними последовала долгая переписка между заказчиком в лице Похоронного подотдела Московского коммунального хозяйства и организаторами похорон. Проблема состояла в том, что Товарищество выставило слишком большой счет за организацию похорон. Большую часть вопросов так или иначе удалось снять, однако в одном пункте стороны никак не могли договориться:

«*По вопросу о фуре с можжевельником, которая, как указано в визе т. Баша, являлась ненужной и не заказывалась, представитель т-ва указывает «в момент сдачи заказа фура действительно не заказывалась, но потом дополнительно, неизвестно кем была затребована по телефону так как предполагалось по пути шествия процессии разбрасывание живых цветов, вследствие чего таковая была выслана*» [317].

[315] Необходима немедленная помощь, иначе губерния превратится в губернию анархии и ужаса [Электронный ресурс] // Зебра ТВ. Новости Владимирской области.

[316] Отметим, что на индивидуальном уровне, особенно в сельской местности, традиционный похоронный обряд или отдельные его элементы сохранились вплоть до последних лет, показав удивительную устойчивость. Подробнее об этом см: Соколова А.Д. Коммерциализация похоронного обряда и новые роли локальных ритуальных специалистов // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 14-25; Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Похоронно-поминальный обряд вне традиционной культуры: тенденции и динамика трансформаций в современной России // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 3-6; Соколова А.Д. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187-202; Сергеева Е.В., Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Распространение и вариативность заговора «Сон Богородицы» в Селивановском районе Владимирской области // Религиоведение. 2009. № 2. С. 37-50.

[317] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8 Д. 634. Л. 1.

Разбрасывание еловых веток по ходу похоронной процессии — один из важных элементов похоронного обряда, который призван обезопасить мир живых от той скверны, которую приносит в него смерть. Конечно, эта семантика была глубоко чужда организаторам похорон Воровского, но среди близкого круга партийцев, которые занимались похоронами, нашелся один человек, который отдал распоряжение о заготовке фуры с ветвями, распоряжение, глубоко укорененное именно в традиционном похоронном обряде.

Год спустя после смерти Ленина, дети обнаруживают готовность к реализации вполне традиционных практик, таких, например, как регулярное поминовение покойного на его могиле:

«*Ленин*
Умер он, трудясь беспощадно,
И Ленина клич не умрет никогда.
Он любит нас и мы его любим
И ходим к нему на могилу всегда.
(ученик школы 1-й ступени[318], Москва, 1925)»[319].

Подавляющее большинство жителей Советской России, однако, продолжали хоронить «по-старому» и не испытывали большого энтузиазма по поводу революционных похорон. Например, в дневниках художника Александра Бенуа мы находим откровенное отрицание и даже отвращение от нового обряда: «Меня будит похоронный марш: опять хоронят коммуниста у нашего Николы Морского. Через несколько минут раздаются звуки Интернационала, очевидно над могилой (ах, как я ненавижу эту пошлятину!).

[318] 10-12 лет.
[319] Дети о Ленине / Сборник под редакцией Н. Сац. М.: Новая Москва, 1925. С.16.

Одно это раскрывает суть всего движения, а еще через несколько минут эскорт почета возвращается под самую развеселую дребедень»[320].

Для приверженцев традиционной обрядности в 1920-е годы возникали самые неожиданные препятствия. Так, например, юрист Николай Таганцев 23 июня 1921 года пишет в своем дневнике «Пришел девятый день, сходил к Симеонию на Моховую, служил отец Сергий; на кладбище после похорон я и до сих пор не попал за отсутствием средств передвижения. На панихиде были почти только свои, потому что в газетах оповестить о панихидах невозможно»[321].

Между тем, атеистические кампании и репрессии против представителей Церкви не сделали традиционный православный похоронный обряд недоступным. Так, например, в 1919 году возможны были не просто традиционные похороны, но даже лития перед Московским университетом на похоронах профессора[322]. Похороны Александра Блока в 1921 году также были публичными (даже массовыми) и совершались по православному обряду. Более того, «вдоль Невского на домах были расклеены белые бумажки [на которых] мелким шрифтом [было] напечатанное извещение: умер Александр Блок, панихиды тогда-то, похороны там-то тогда-то»[323].

Впрочем, в некоторых случаях религиозные похороны были хотя и возможны, но крайне нежелательны по конъюнктурным соображениям. Как было сказано выше, для определенного круга лиц коммунистические похороны становятся практически обязательными. Впрочем, это не означает

[320] Бенуа А.Н. Дневник. 1918-1924. М.: Захаров, 2010. С. 254-255.
[321] Таганцев Н.С. Дневник 1920 — 1921 гг. / Публ. К.В. Таганцева; подгот. текста Н.Б. Орловой-Вальской; коммент. В.Ю. Черняева // Звезда. 1998. № 9. С. 130-157.
[322] Готье Ю.В. Мои заметки / Подготовка к изд. Т. Эммонс, С. Утехин. М.: Терра, 1997. С.304.
[323] Вейдле В.В. Похороны Блока // Новый журнал. № 65. 1961. С. 270.

что не происходило «дублирующей»[324] религиозной церемонии, информация о которой не должна была просочиться в прессу:

«*На днях умер Россолимо (невропатолог). Его «одобрили» (Семашко), но, по-видимому, родные его отпевали. Газетное известие о его похоронах составлено так: вынесли к памятнику Пирогова, Семашко и др. сказали речи; на могилу возложены венки. Вся промежуточная стадия от Пирогова до могилы (где она?) скрыта от читателя. К чему эта нелепая маскировка?*»[325].

Для рядового советского гражданина церковные похороны члена семьи в конце 1920-х годов могли стать причиной неприятностей. Так, главный герой романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» умирает в 1929 году и именно эти соображения заставляют близких отказаться от отпевания:

«Обычай сжигать умерших в крематории к тому времени широко распространился. В надежде на получение пенсии для детей, в заботе об их школьном будущем и из нежелания вредить положению Марины на службе отказались от церковного отпевания и решили ограничиться гражданскою кремацией»[326].

В 1920-е годы похоронный обряд разделяет старый и новый мир, старый и новый быт: прошлый мир, полный религиозных обрядов и предрассудков, и будущий мир "коммунистического завтра". В каких случаях радикальные новации в похоронном обряде и дискуссии, связанные с ним, маркировали распад одной из самых важных и консервативных поведенческих традиций в условиях высокой социальной турбулентности, а в каких — прямо провоцировали его, остается вопросом, требующим дальнейшего

[324] О том, как сочетались религиозные и коммунистические похороны в СССР во второй половине 20 века см. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М.: Наука, 1997. С. 530; Соколова А.Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX — начале XXI вв. (на материалах Владимирской области): дисс. … канд. историч. наук. М., 2013. С. 83-86.

[325] Шитц, И.И. Дневник «Великого перелома» (март 1928 — август 1931) / И.И. Шитц. — Paris: YMCA-press, 1991. С. 59.

[326] Пастернак, Б. Доктор Живаго. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 396.

исследования. В то время, как подавляющее большинство населения продолжало хоронить своих покойников по традиционному, во многом связанном с православной культурой, похоронному обряду, небольшая, но наиболее активная в политическом и социальном смысле прослойка общества находит для себя неприемлемым хоронить своих товарищей традиционным образом, по-старому, «с попами и церковным пением». Но именно эта, хотя и сравнительно небольшая группа — революционная молодежь, партийцы, комсомольцы, пионеры — диктовала определения "общественного идеала". Впрочем, начиная с 1930-х годов интерес идеологов к новой обрядности неожиданно ослабевает и возрождается лишь в 1960-е, когда возобновился активный поиск нового способа адаптации к скорби в условиях государственного атеизма. В 1930-е проблема такой адаптации была всего лишь отложена, но не решена.

2.6 Похоронные практики и конструирование советской субъективности

Гражданские, «красные», похороны были распространены мало и большей частью среди активных коммунистов — членов партии, комсомола или пионерского движения[327]. Более того, коммунистические активисты не стремились к экспансии данной практики за пределы своей узкой группы. Это свидетельство того, что красные похороны (и красная обрядность в целом) представляли собой в 1920-е годы специфическую большевистскую практику, которая имела особое значение, выходящее за пределы собственно похорон. Этот ритуал, который берет свое начало в революционных похоронах XIX века, активно использовался в похоронах жертв революционных событий 1917 года. Однако, и после октября 1917 года он не утратил своей актуальности. Красные похороны, организованные комсомолом и ячейками РКП по всей стране, воспроизводили все основные черты старых революционных похорон.

[327] См. также: Тульцева Л.А. Этнографические аспекты изучения религиозного поведения // Советская этнография. 1979. № 4. С. 50.

Красные гробы, ленты и флаги, оружейные залпы и речи на могиле, — все это подчеркивало преемственность этой практики с похоронами значимых деятелей революционного движения в прошлом, а слова похоронного гимна «Вы жертвою пали в борьбе роковой» свидетельствовало о том, что революционная борьба продолжается, и те, кого хоронят сегодня — ее новые жертвы. В небольших, особенно деревенских сообществах красные похороны для немногочисленных партийных ячеек были также важным способом мирно говорить о своих идеалах, предлагать альтернативную традиционной картину жизни. В то же время, для самих большевиков это было одним из способов конструирования собственной новой идентичности, новой советской субъективности.

Говоря о внутренней рефлексии молодых членов партии как последовательном процессе создания новой большевистской самости (субъективности), И. Халфин и Й. Хелльбек полагают, что это становление воспринималось изнутри как процесс полного внутреннего перерождения[328]. Этот процесс включал в себя последовательную работу над собой, которая заканчивалась ритуализованым вступлением в ряды Партии. Важность этого дня — вступления в Партию — была столь велика, что он воспринимался многими новыми ее членами как день нового рождения. Хотя этот тезис и требует дальнейшей проработки, для нас важно, что на надгробных памятниках 1920-1930-х годов указывалась, помимо даты смерти, не дата рождения, а дата (или год) вступления в Партию[329], а в некоторых случаях указывались все три даты. Коммунистический похоронный обряд, обрамлявший смерть такого рода *новых людей*, неизбежно приводил к созданию особых локусов, объединявших членов нового общества и после смерти. Коммунистические кварталы и площадки на советских кладбищах становятся местами, в которых уместно проведение новых советских

[328] Halfin I., Hellbeck J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's "Magnetic Mountain" and the State of Soviet Historical Studies // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Bd. 44(3). S. 456-463.
[329] Благодарю Игала Халфина за то, что обратил мое внимание на этот факт.

ритуалов. Не случайно, именно внутри них в 1970-е создаются мемориалы, посвященные Великой Отечественной войне. В то же время они семантически очерчивают границы нового коммунистического мира в более традиционном пространстве старых кладбищ.

Новое видение человека и конечности его существования, лежащее в основании коммунистических ритуалов, порождает и другую коллизию. Если с физической жизнью человека его бытие полностью прекращается, под вопросом оказывается не только необходимость ритуала похорон как таковая, но и необходимость могилы. Имеют ли хоть какой-то смысл ее поддержание и посещение? Будет ли иметь какое-то значение индивидуальное захоронение в общинном мире будущего или же коммунистические некрополи должны образовать некое общее место памяти, важное для потомков? Вопрос о том, как следует обращаться с революционными захоронениями, был неизмеримо более сложным и многомерным, чем вопрос о том, каковы должны быть практики обращения с мертвыми телами и обряды. Ведь обряд — это то, что происходит здесь и сейчас, а коммунистические площадки и другие захоронения останутся надолго, переживут переходный период и продолжат существовать в мире будущего.

В сентябре 1924 года на дереве внутри коммунистического квартала Ваганьковского кладбища появилось наивный и слегка нескладный «стихотворный набросок» рабочего Мухина:

Братьям на встречу...

На братских могилах растет пустота,
В изделиях видно, одна простота;
И частные лица срывавшие зло
Топчат могилки чтоб их не было

Стараясь изделать могилки в равнину,
Думая этим открыть их вину;
В камне сорвали вкрепленный портрет,
А кто все проделал виновного нет.

Вам пролетария слово скажу...
Как видеть невежу сейчас укажу;
Идешь сбок могилок, братьев своих,
Увидишь сидящих злодеев на них;

Гони без оглядки... чтоб не было духа;
вот чем окончится эта разруха

К вам приходящие,
Кто станет читать:
Коммунисты, молящие
Прошу не срывать.[330]

Сообщение народовольца Коронина на заседании Общества старых большевиков также ставит вопрос о состоянии «дорогих могил». Кокорин начинает свое выступление с того, что подчеркивает политическую значимость революционного некрополя:

«Что же может сказать и рассказать наше молодое поколение при виде разрушаемых скромных могил революционеров. Какой урок оно извлечет из создаваемого вандализма, основанного при явном попустительстве кладбищенской администрации и духовенства, враждебно настроенного против коммунистов. И не в праве ли оно, это поколение, послать нам горьчайший упрек — и справедливый упрек — в небрежении

[330] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 637. Л. 3.

"коммунистического пантеона". Этим вынужденным выступлением, предисловием, я подчеркиваю психологическую ценность погребенных здесь революционеров» [331].

Он детально описывает состояние «коммунистического квартала» и те угрозы, которым подвержены захоронения: «На нем два ряда могил — это песчаные сыпучие холмики, без дерна, без каких-либо по бокам заграждений, вроде досок, без надписей; просто оголенные холмики, не могущие противостоять погоде, а тем более человеческой ноге, старательно утрамбовывающей могилы. Все совершается просто — хоронят, кладут цветы, венки — и этим заканчивается весь ритуал, а с ним и оканчивается дальнейшее внимание. О надзоре — никакого понятия, как будто не существует вражеского "кладбищенского" фронта, а между тем, могилы в окружении хулиганов и их родителей. Все, что приносится на могилы, постепенно исчезает или превращается в жалкие остатки» [332].

При этом, по словам Коронина, такому разрушению подвергаются лишь коммунистические захоронения:

«По словам завсегдатаев кладбища, похищения венков, портретов и пр. происходит только на могилах "коммунистического квартала"; между тем, тысячи венков и других украшений православного культа, не малой ценности, крепко сохраняются и оберегаются кладбищенской администрацией. Следовательно, только этот «квартал» является, так сказать объектом местного хулиганства. И скорбно было слушать оброненное обывателем погоста слово: "Это — коммунисты". Значит, допустимо тайное оскорбление могил. Прислужники, сидящие у дверей конторы, недалеко ушли от кладбищенских бандитов и явно выражают озлобление: "Так, мол, и на-до": Из ряда могил — скоро могил десять

[331] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 637. Л. 5, 5 об.
[332] Там же.

совершенно исчезнут. При каждом погребении сотни людей, не подлежащих процессии, взбираются на могилы, мнут их, песок осыпается и могилы оседают; при этом могилы уничтожаются погодой, а осенние дожди докончат разрушение. Что же нужно сделать, чтобы сохранить дорогие нам могилы? Как нужно уничтожить хулиганство у могил, — чтобы не было тайного огробления, — чтобы все было в целостности и сохранилось не дни, а годы.[333]

В описании Коронина коммунистический квартал предстает настоящим полем сражения на «кладбищенском фронте» между «озлобленным» и «извращенным» сознанием и «дорогими могилами» «коммунистического пантеона». Он становится не только местом декларации новых смыслов, но и местом сопротивления, столкновения старого мира и нового. Но важней другое. И в пламенной речи Коронина, и в нескладном стихе Мухина могилы революционеров в первую очередь брошены своими же соратниками. В противовес остальным могилам, которые навещают родственники-представители старого мира, о «дорогих могилах» «Коммунистического пантеона» должны заботиться не «частные лица», а «братья», «наше революционное молодое поколение». Могилы революционеров и коммунистов перестают быть индивидуальными захоронениями и становятся коллективным локусом, олицетворяющим победу нового мира над старым. Кладбище с индивидуальными захоронениями — это отживший институт, один из элементов в череде пережитков, от которых нужно избавиться. Неудивительно, что в восприятии Коронина «обыватели погоста» — это старые люди, представители прежнего мира, вступающие с большевиками в конфронтацию. Эту карту разыгрывает не только общество старых большевиков. В 1926 году, настаивая на скорейшем приведении в порядок кладбищ, Московское бюро краеведения направляет в МКХ Моссовета письмо, в котором подчеркивает в первую очередь удручающее

[333] Там же.

состояние могил революционеров. Через призыв привести в порядок эти могилы краеведы надеются благоустроить все кладбища города, но терпят поражение — ценность могил революционеров невозможно было экстраполировать на общее состояние «старорежимных» кладбищ[334].

Коммунистические площадки — большевистские некрополи — часть коллективистской повестки молодого советского государства. Эти захоронения не индивидуализированы, в них покоятся не отдельные люди, а символическая часть нового мира, который через эти локусы получает путь в жизнь. Поэтому на таких площадках так много коллективных захоронений людей, объединенных общим событием смерти — «кремлевцы», «двинцы» и «самокатчики» — группы участников вооруженных столкновений в Москве в октябре 1917 года, захороненные у Кремлевской стены. Порой на таких захоронениях вообще нет имен, только причина их общей героической смерти — «жертвы белогвардейского мятежа».

Раз эти захоронения теряют индивидуальность, то забота о них становится делом Партии. Настоящий, правильный коммунист, вступивший в Партию и зарекомендовавший себя в борьбе за прекрасное будущее, должен быть захоронен коллективно, и это не предусматривало индивидуального переживания, связанного с памятью. По этой причине должна была быть выработана общая мортальная и мемориальная политика, призванная не сохранять кладбище как институт, а создать систему коллективной памяти, поддерживающей и воспроизводящей ряды партийцев. Дальнейшее развитие[335] показало, что такого рода подход привел к тотальной деградации кладбищ, которые, как семантический мортальный локус, уступили место отдельным коллективным мемориалам, самыми важными из которых становятся в позднесоветский период повсеместные мемориалы погибшим в Великой Отечественной войне. Могилы неизвестного солдата в чистом виде

[334] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 652. Л. 112-112 об.
[335] Подробнее об этом см. главу 5.

выражали идею коллективизма и отказ от индивидуальности — один солдат, не носящий никакого имени, олицетворял всех погибших, его могила создавала коллективное место памяти, индивидуализация которой не имела никакого смысла.

Глава 3 Смерть в утопии: кладбище в пространстве социалистического города

Советский проект перестройки человека и общества, создания нового мира включал в себя также и проекты принципиально иного устройства городов, соответствующих обновленному человеку будущего. В 20-х и начале 30-х годов образ социалистического города будущего складывался в контексте конкурирующих утопических моделей человека, своеобразно интерпретировавших как его фундаментальные потребности, так и вариативность его поведения через набор повседневных индивидуальных и коллективных практик. Этот образ, как и порождавший его контекст, формировали новую советскую урбанность — сложносоставной феномен, в котором широкий набор теоретических и практических решений актуализировался, как через профессиональные и публичные дискуссии, так и через набор различных городских политик того времени. Это и перестройка старых и строительство новых городов, и создание новых типов производственных («промзоны») и жилых пространств (дома-коммуны, типовые ячейки жилья), и разработка новых архитектурных объектов (фабрики-кухни, дома культуры, дома отдыха), и проекты городов-садов, и многое другое[336]. Реализуемая утопия социалистического города желала выглядеть, и во многом выглядела предельно рациональной, даже утилитаристкой. Однако десемантизация смерти, ключевой процесс в истории советской мортальности, наложила свой далекий от рациональности отпечаток на развитие раннесоветского городского планирования, которое либо вытесняло смерть в утопию городов без кладбищ, либо парадоксально

[336] Боденшатц Х., Пост К. Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР: пер. с нем. СПб.: Verlagshaus Braun; SCIO Media, 2015; Конышева Е.В., Меерович М.Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М.: Ленанд, 2012; Меерович М.Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. Иркутск: Издательство ИрГТУ, 2008; Рольф М. Советские массовые праздники: пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009; Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1991.

интерпретировало смерть в качестве особого элемента производства — крематория.

3.1 Новый рациональный советский город

Вопросы о несоответствии старого устройства городов прекрасному миру грядущего коммунизма, их противопоставленности деревенским условиям жизни и необходимости преодоления разрыва между городом и деревней активно обсуждались марксистскими авторами со времени публикации работ «Положение рабочего класса в Англии» (1845 г.) и «Анти-Дюринг» (1878 г.) Ф. Энгельса, то есть задолго до Октябрьской революции[337]. Однако, ко второй половине 1920-х годов теоретические размышления и возможности решения этой проблемы в СССР постепенно переходят в практическую плоскость. В центре архитектурных дискуссий рубежа 1920-30 годов оказывается вопрос о планировке соцгородов — новых поселений, специально проектируемых так, чтобы стать средой формирования нового человека. Именно поэтому разрабатываемые градостроительные проекты предполагают жесткую идеологическую и функциональную детерминированность городской планировки и наполнения городов. Центром нового города является промышленное предприятие, а повседневный быт должен быть устроен таким образом, чтобы, с одной стороны, повышать производительность труда, а с другой — формировать у жителей коммунистическое сознание и ценности. Все, что есть в городе, должно быть предельно функционально. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в публицистике и спорах советских урбанистов и дезурбанистов, в их градостроительных проектах и планах, несмотря на исключительно утилитарный тон дискуссий, кладбище как инфраструктурный элемент

[337] Ditchev I. Communist Urbanization and Conditional Citizenship // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2005. № 9(3). P. 341-354.

городской жизни отсутствует[338]. Отсутствовало оно и в реализованных проектах соцгородов.

Статья архитектора А. Зеленко «Город ближайших лет» в сборнике «Города Социализма и социалистическая реконструкция быта» хорошо отражает то скромное место, которое занимает смерть и места захоронений в концептуальном видении города будущего. В центре города, описываемого Зеленко, находится вокзал, рядом с которым высится новая социалистическая гостиница, распределитель продукции и аэропорт. Сразу за площадью начинается парк, покрывающий весь город. В парке рассредоточены жилые дома, ясли, детские сады, школы. За пределами парка расположена площадь для проведения демонстраций и иных общественных мероприятий, центральный дом культуры и советов. В следующей зоне находятся больницы, санатории, дома для престарелых. «А дальше -- увы! — станет и крематорий!» — пишет он в самом конце этого утопического описания[339]. Так, даже в подробном описании устройства города, включающем самые незначительные инфраструктурные объекты, кладбищу как необходимому объекту городского коммунального хозяйства места не остается.

Можно предположить, что отсутствие кладбищ в теоретических работах о соцгородах объясняется лишь тем, что этот вопрос был второстепенным по сравнению с задачей организации коммунального быта или освобождением женщин от «кухонного рабства». Однако кладбища не отмечены и на генеральных планах новых городов[340]. Как отмечает С. Коткин,

---

[338] Меерович М.Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. Иркутск: Издательство ИрГТУ, 2008.

[339] Зеленко А. Город ближайших лет // Города социализма и социалистическая реконструкция быта: сб. ст. / сост. Б. Лунин. М.: Работник просвещения, 1930. С. 60.

[340] См. например: Арбатский В.П. Архитектурно-планировочная организация городского ландшафта в региональных условиях Сибири. Новосибирск, 1988; Лохова Н.Н. Архитектурно-планировочное наследие 20-50-х годов XX века в градостроительстве Урала: дис. на соискание учен. степени кандидата архитектуры: 18.00.01. Новосибирск, 1997; Пожарский А.Е. Сталинград — социалистический город: некоторые вопросы советской архитектуры на примере Сталинграда: автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. М.: [б. и.], 1955. Отметим, что на генеральном плане города Тольятти, который начинает строиться в 1953 году, кладбище уже есть. (См.: Белла Ф. Тольятти. Рождение нового города. Екатеринбург: Татлин, 2014.)

при строительстве Магнитогорска, образцового соцгорода, кладбище вообще не было заложено в проект. Более того, когда в 1929 году в будущем городе разразилась эпидемия скарлатины, главный врач Магнитки обратился к начальству с просьбой об устройстве кладбища в санитарных целях, но получил отказ, мотивированный тем, что лучше будет в будущем построить в новом городе крематорий[341]. В антиутопическом романе Михаила Козырева «Подземные воды» архитектор Галактион Анемподистович Иванов и советский энтузиаст Юрий Степанович Бобров после долгой планировки, согласования в советских инстанциях и перепланировки нового рабочего города, как выяснилось, забыли о том, что городу необходимо кладбище, и строителя, погибшего в результате несчастного случая, пришлось похоронить прямо на центральной площади:

«*На другое утро состоялись торжественные похороны. Похороны эти были обставлены всей возможной пышностью—и двумя оркестрами, и ротой красноармейцев, и венками, и речами, и делегациями от рабочих заречной стороны.*

- Где ж хоронить-то будем, — беспокоился на кануне архитектор. — Все, кажется, предусмотрел, а вот кладбища не предусмотрел. Надо бы прежде наметить. Где ж мы были-то...

Место для кладбища так и не было найдено, и хоронили тут же на площади перед зданием будущего исполкома, чтобы потом поставить на могиле памятник, указывающий всем и каждому из жителей нового города, что постройка его, как всякое человеческое дело, не могла обойтись без жертв»[342].

[341] Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. University of California Press, 1997. P. 374.
[342] Козырев М.Я. Подземные воды. М.: Кооп. издательство писателей «Никитинские субботники», 1928. С. 335-336.

Примечателен сам факт, что советские теоретики и практики городского планирования допускали, что новые социалистические города, в которых будут проживать десятки и даже сотни тысяч человек, могут обойтись без кладбищ. Несомненно, отсутствие кладбища в генплане или на территории гигантской многолетней стройки Магнитогорска не означало его отсутствия в реальной жизни. Так, писатель В. Каверин, много лет спустя описывая свои воспоминания о поездке в Магнитогорск в 1931 году, так писал о высоком уровне смертности на стройке: «… по будущему городу бродили, спотыкаясь, умирающие от голода, мертвенно-бледные женщины в не виданных мною чувашских или мордовских костюмах -- жены или вдовы кулаков, работавших на стройках или тоже умиравших где попало. Кладбище росло скорее, чем комбинат»[343]. Столь показательный разрыв между теорией и реальной жизнью только подчеркивает периферийное место, которое занимали кладбища в градостроительных концепциях того времени.

3.2 Кладбища в старых городах

Если в теоретических работах по архитектуре и планировке новых городов, и даже при их постройке кладбища можно было до определенного момента игнорировать, то в уже существующих городах оставить их без внимания было невозможно, поскольку все они имели большие исторические кладбища с многолетней, порой многовековой историей.

Старые города с точки зрения большевиков безусловно несли на себе печать отживших социальных отношений. Это выражалось как в неразвитости пространств для новых социальных институтов и отношений, таких как дома культуры или парки культуры и отдыха, так и в самом устройстве, картографии городов. Так, в упомянутом выше романе М. Козырева «Подземные воды» старый город с его узкими, кривыми и извилистыми мещанскими улочками противопоставляется проекту будущего города с

[343] Каверин В. Эпилог: Мемуары. М.: Московский рабочий, 1989. С. 97.

широкими и прямыми проспектами. Утопическая рациональность города будущего при этом полностью игнорирует практическую рациональность старого города, обусловленную такими «низменными» факторами, как рельеф местности или роза ветров[344]. Историк Мальте Рольф в книге «Советские массовые праздники» показывает, как введение нового праздничного календаря и распространение таких коллективных практик как демонстрации привели к радикальному переустройству ряда советских городов[345]. Вот как рисует будущее советских городов статья 1931 года из журнала «Советская Архитектура»:

«*…социалистическая реконструкция существующих городов СССР (Москва, Ленинград, Харьков и т. д.) … должна заключаться в систематическом, но экономически безболезненном выводе из городов по мере истечения амортизационных сроков промышленных предприятий, научных институтов, вузов, лабораторий, которые не связаны сырьевой базой или рынком потребления с этими городами. С другой, должно быть прекращено всякое жилищное строительство внутри этих городов и всячески должно проводиться обзеленение всех свободных и освобождающихся частей их. И, наконец, уменьшившаяся в связи с этим потребность в новом жилище должна быть удовлетворена вне городской черты …*»[346].

В 1920-е годы кладбища оказались в ряду объектов, символизирующих старый мир и поэтому не вполне уместных в городской черте. Впрочем, с ростом урбанизации во многих городах Советского Союза старые

---

344 Умрюхина Н. Образ соцгорода в романах М.Я. Козырева («Подземные воды» 1928; «Город энтузиастов» 1931) // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах / под. ред. Д.Н. Замятина. М.: Институт наследия, 2006. Вып. 3. С. 142-160.

345 Рольф М. Советские массовые праздники: пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009.

346 САСС (Сектор архитекторов социалистического строительства). На новом этапе: тезисы // Советская архитектура. 1931. № 1-2. С. 97-102. // Советская архитектура. 1931. № 1-2. С. 97-102. (Цит. по: Меерович М.Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. Иркутск: Издательство ИрГТУ, 2008.)

дореволюционные кладбища, заложенные когда-то на окраинах городов и даже за городом, оказались к этому времени глубоко внутри городской черты, и их дальнейшее расширение ограничивалось городской застройкой. Новые кладбища, заложенные на окраинах Москвы в XVIII веке[347], также постепенно вошли в городскую черту. Ко второй половине XIX века эта ситуация стала критической. Все московские кладбища были переполнены и плохо благоустроены. Дополнительные проблемы создавало то, что они находились в полном ведении духовенства, которое препятствовало всякому вторжению как светских властей, так и частного бизнеса в кладбищенскую жизнь[348].

Кладбищенские территории с обилием зелени, тишиной и уединенностью (пусть даже и пострадавшие в годы военного коммунизма и НЭПа) занимали особое место в городской среде того времени. Старые кладбища, оказавшиеся глубоко внутри городской черты, оказываются в числе немногих зеленых пространств в быстро растущих советских городах. Однако с кладбищенскими территориями был связан целый комплекс проблем, тянувшихся еще с XIX века. Существенной проблемой снова стало переполнение кладбищ, на кладбищах был «такой же кризис жилплощади, как и на настоящей жилплощади»[349]. Согласно данным, собранным отделом похоронно-санитарных мероприятий, предельная емкость больших московских кладбищ, на которые приходилось 98% от общего числа похорон, составляла от 100 до 500 тел при условии захоронения в братских могилах[350]. Фактически это означало, что места на этих кладбищах хватит лишь для того, чтобы захоронить трупы, уже скопившиеся в больницах и моргах города к

---

347 «Похоронные реформы» первой половины XVIII века включали в себя серию запретов хоронить покойников при церквях и монастырях. Несмотря на указы Петра Первого 1723 года и Елизаветы 1748 года, захоронения в городской черте сохранялись до 1771 года, когда в Москве разразилась эпидемия чумы. Это обстоятельство заставило Синод и Сенат внимательнее отнестись к этому вопросу и захоронения были окончательно выведены из городской черты (См.: Канализация г. Москвы, очистка, водостоки, бани и кладбища / ред. П.В. Сытин. М.: Издание МКХ, 1925. С. 69.) Отметим, что аналогичные процессы в Европе происходят незадолго до этого — только в 16-17 веках (благодарю С. Мохова за это наблюдение).

348 Подробнее об этом см. Главу 1.

349 Запись из дневника С.А. Пионтковского от 9 февраля 1929 г. (См.: Дневник историка С.А. Пионтковского (1917-1934) / Сост., ред., ст. и коммент. А.Л. Литвина. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. С. 240.)

350 ЦГА МО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

весне 1919 года. Для новых умерших места фактически не оставалось. Ситуация на других кладбищах, особенно монастырских, была еще более тяжелой.

Несмотря на широкие административные возможности Моссовета, проблема переполненности кладбищ продолжала решаться старыми методами — прирезкой новых территорий к старым кладбищам[351]. Новые территории, прирезаемые к кладбищам, находились за их формальными границами и зачастую использовались окрестными жителями под огороды[352]. Тем не менее, даже в самые сложные моменты похоронного кризиса отдел погребально-санитарных мероприятий не выступает с предложением об открытии новых кладбищ за городской чертой[353].

Одной из важных тем заседаний Похоронного подотдела с момента его создания и до ликвидации МКХ в начале 1930-х годов был вопрос о закрытии ряда кладбищ города, в первую очередь — старых монастырских кладбищ[354]. Это было связано с их переполненностью, что было чревато усилением эпидемий, а также с тем, что монастыри представляли собой капитальные сооружения с большим количеством помещений, которые можно было использовать как для вновь созданных Советских организаций, так и для увеличения жилого фонда. На территориях московских монастырей расположились детские трудовые колонии[355], школы, рабочие поселки,

[351] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 1-1 об; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 632. Л. 2 об.
[352] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 83 об.
[353] Идея открыть новые кладбища появляется только в 1923 году, когда похоронный кризис в целом уже преодолен (См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 52, 64, 75.)
[354] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 3-3 об; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 29 об.
[355] «Был у Серпуховской заставы и решил пройти на кладбище Данилова монастыря, и что же? Когда боком пролез в главные ворота, то перед моим носом, как из земли, выросли два-три охранника. Двое из них в форме городовых. Один в штатской форме, и все они гепеушники. И на площади передо мной, прежде благоустроенной, с цветочными клумбами, теперь заваленной камнями и навозом, копошилось около шестисот, или более, оборванных, до невозможности грязных детей в возрасте от десяти до шестнадцати лет. Все это гоготало, кричало, неистовствовало и просило хлеба». (Запись из дневника Е.Н. Николаева от 21 мая 1931 г. См.: «Исчез человек и нет его, куда девали — никто не знает»: Из конфискованного дневника Е.Н. Николаева // Источник. 1993. № 4. С. 52.)

военные гарнизоны, трудовые лагеря и тюрьмы[356], рабочие клубы и даже столовые[357] и театры[358]. При этом новые постояльцы кладбищ порой не заботятся даже о минимальных приличиях. Так, например, Заведующий п/отд кладбищ Отдела Погребально-Санитарных мероприятий М.С.Р и Кр.Д. И.И. Жукова от 5 февраля 1920 года рисует поистине ужасающую картину повседневности кладбища при Алексеевском монастыре:

«*Около клуба-театра, устроенного 76 внутренней охраны батальоном, где даются разные увеселения, почти ежедневно, от 7 часов вечера до 3-5 часов утра, кроме этого батальона еще другими представителями 210, 78 батальонов и частными лицами, посетителями являются преимущественно лица не принадлежащими к воинскому званию, до 600 человек, и т.к. при этом клубе нет отхожих и неразб мест, то посетителями допускается испражнения между могилами кладбища и вокруг этого дома, где расположен театр, что и замечается в большом размере утром после увеселений, тоже и замечено указанными выше осмотревшими кладбище лицами, что не успели убрать кладбищенскими сторожами, больше всего испражнений на дороге против бывшей трапезной, а также много кустов сломлено и сожжено*»[359].

Живут на кладбищах и «бывшие люди»: «После обеда отправился в 6 ч. к князю на его новую квартиру в Новодевичьем монастыре; он занимает с прислугой маленькую комнату, бывшую келью, в заднем корпусе в правом

---

[356] «Между прочим: хоронили его в «бывшем» Андрониевском монастыре, а теперь правильнее сказать «на тюремном дворе». В монастыре церковных служб нет, «братия» разогнана, и здания церковные переполнены арестованными и военнопленными. Больших хлопот стоило похоронить его именно там. И могилу даже рыли «наместники» монахов — пленные английские солдаты (а может быть и офицеры: уж очень на вид щеголеваты и красивы)». (Запись из дневника Н.П. Окунева от 17 февраля 1920 г. См.: Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917-1924: в 2 кн. Кн. 2. М.: Воениздат, 1997. С. 10.)

[357] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 3; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 4, 11; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 632. Л. 2 об; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 4.

[358] «…сегодня опять зашел в Покровский монастырь и нашел там, за монастырской оградой, новое учреждение, не совсем «приличествующее» святой обители и кладбищу: театр, о чем у монастырских врат гласит широковещательная афиша. Конечно, не монахи додумались до этого, а их постояльцы — военные люди». (Запись из дневника Н.П. Окунева от 9 ноября 1919 г. См.: Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917-1924: в 2 кн. Кн. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 301-302.)

[359] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 624. Л. 48.

углу монастыря. Князь меня встретил у ворот, прошли мимо могил Уваровых, Щербатовых (его отца и матери и др.) <…> Грустное впечатление производит житье среди могил; хотя некоторые памятники повалены, но, в общем, впечатление хорошее; у некоторых могил горят лампады»[360].

Всевозможные организации используют не только бывшие жилые помещения монастырей, но и окружающие территории, в том числе и кладбища. Аналогичным образом заселяются и уплотняются все постройки, хоть сколько-нибудь пригодные для жизни, расположенные и на обычных городских кладбищах. В первую очередь это бывшие дома церковного кладбищенского причта, кладбищенские сторожки, гаражи и т.п. Новая практика проживания на кладбищах, особенно детей, требовала обоснования санитарной безопасности. После многочисленных заседаний и экспертиз появляются санитарные нормы по обновлению и нецелевому использованию кладбищ[361].

Если использование монастырских построек под жилой фонд и советские учреждения в отдельных местах продолжалось до 1980-х годов, то заселение кладбищ воспринималось как временная мера, связанная с чрезвычайными условиями жизни времен гражданской войны и военного коммунизма. Отношения с кладбищенскими поселенцами станут для похоронных администраторов Москвы проблемой на много лет вперед, поскольку люди и организации, обосновавшиеся на территориях московских кладбищ не только не хотели переезжать, вопреки многочисленным ходатайствам МКХ о «выселении чужеродного элемента с кладбищ», но и подавали встречные ходатайства о закрытии кладбищ[362]. Таким образом, кладбища частично выводятся из «неэффективного» земельного фонда, они

[360] Запись из дневника А.В. Орешникова от 18 (5) июля 1925 г. (См.: Орешников А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 2: 1925-1933. М.: Наука, 2011. С. 51.)
[361] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.
[362] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 625; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 632. Л. 2 об.

становятся местом жизни или работы людей, никак не связанных со смертью или похоронами.

Вопрос о расширении функциональности кладбищенских территорий, очевидно, не сразу был принят населением. Многочисленные экспертизы, заседания и заключения по вопросу о санитарной безопасности кладбищ свидетельствуют о том, что это была одна из многих новаций, в которых власть не нашла быстрой поддержки у населения. Показательно, что в пропагандистской брошюре Гвидо Бартеля "Кремация", изданной МКХ в 1925 году, вопреки основной цели работы — пропаганде кремации — целая глава посвящена обоснованию абсолютной безопасности традиционных кладбищ и трупоположения[363].

Утрата Церковью своих позиций и, как следствие, контроля над вопросами смерти и кладбищенских территорий, в кризисных условиях 1918-1920 годов позволяет извлекать из ранее неэффективных территорий московских некрополей максимально возможную пользу. Крайний утилитаризм времен острого топливного кризиса и кризиса снабжения затрагивает и кладбищенские территории, которые начинают стихийно использоваться под сенокосы. Недостаток топлива заставляет людей использовать кресты, деревья и ветхие постройки на кладбищах и даже кресты как дрова[364]:

«*Вот два писателя (первоклассные из непримиримых) в приемной комиссариата нар<одного> просвещения. Комиссар К. — любезен. Обещает: «Мы вам дадим дрова; кладбищенские; мы березы с могил вырубаем —*

[363] Бартель Г. Кремация. М.: М.К.Х., 1925. С. 9-21.

[364] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 16. Очевидно, это происходит не только в Москве. См., например: Записи из дневника А.В. Жиркевича от 1 июля 1921 г. и 7 августа 1922 г. (Жиркевич А.В. Потревоженные тени... Симбирский дневник / сост., предисл. и прим. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. М.: Этерна-принт, 2007. С.529, 625).

хорошие березы». (А возможно, что и кресты, кстати, вырубят. Дерево даже суше, а на что же кресты?)»[365]

«*Семеновском кладбище. Там похоронены двое моих детей, Галя и Миша, умершие в 1898 и 1904 гг. Могилки их были огорожены деревянной решеткой с прочными столбиками, и увы! — нет уже этой загородки: в эту зиму и ее растащили на дрова, таковой же участи подвергнулись на кладбище всякие такие загородки. Крест на их могилке пока пощажен*»[366].

Кладбищенские администраторы пытаются противостоять этому, но и они понимают потребность в дровах, в том числе — служителей кладбищ:

«*Сегодня один из преподавателей командных курсов, человек лет 60, говорил мне, что отсутствие средств не дало ему возможности приобретать яблоки, в то время как другие жрали их десятками. И вот у него появилось желание украсть несколько яблок на базаре. Но если человека образованного тянет к себе так сильно яблоко, то что же должен испытывать бедняк, видящий недоступный ему кусок хлеба. Отсюда, быть может, и кража хлеба на базаре красноармейцами. Тогда как осуждать таких воров? Смотрю же я сам сквозь пальцы, когда сторожиха моего кладбища за неимением дров крадет кресты с кладбища для обогревания жилища и варки пищи*»[367].

---

[365] Запись из дневника З.Н. Гиппиус от 8 сентября 1919 г. (См.: Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9: Дневники 1919-1941. Из публицистики 1907-1917. Воспоминания современников. М.: Русская книга, 2003. С. 53.)

[366] Запись из дневника Н.П. Окунева от 19 апреля 1920 г. (См.: Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917-1924: в 2 кн. Кн. 2. М.: Воениздат, 1997. С. 26.)

[367] Запись из дневника А.В. Жиркевича от 13 октября 1920 г. (См.: Жиркевич А.В. Потревоженные тени... Симбирский дневник / сост., предисл. и прим. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. М.: Этерна-принт, 2007. С. 479.) Судя по дневнику, решение этой проблемы постоянно беспокоило Жиркевича: «Кладбище произвело на меня удручающее впечатление, какого я ожидал: ни одного креста — все срублено на дрова в эту зиму, вероятно, сторожем, сидевшим без дров, а также обывателями, все поросло “травой забвенья”. Остался десяток каменных памятников, которые нельзя было сжечь». (Запись из дневника А.В. Жиркевича от 7 августа 1922 г. См.: Жиркевич А.В. Потревоженные тени... Симбирский дневник / сост., предисл. и прим. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. М.: Этерна-принт, 2007. С. 625.). Справедливости ради надо сказать, что для решения проблемы он предпринимал большие усилия: «Вожусь с получением 1/2 сажени дров для моей кладбищенской сторожихи. Наконец мне дали ордер на право получения дров из городского склада. Но в подводе отказали. Это заставило меня бегать по городу в поисках казенной подводы. Прихожу в городской склад. Оказывается,

Стихийный захват кладбищ советскими организациями и городскими обывателями не был единственной силой, изменявшей внешний вид московских некрополей. Функциональное переосмысление кладбищ трансформирует восприятие не только всей территории, но и отдельных объектов, находящихся на ней. Мрамор, гранит, плиты и склепы, чугунные решетки (ограды) — все эти символы вечности и посмертного существования — также оказываются ненужными в новом мире. С наступлением НЭПа Похоронный подотдел МКХ начинает реализацию залежей мрамора и гранита со своих складов[368], а Госфонд использует надгробия и другие материалы с кладбищ на нужды строительства молодого Советского государства -- на облицовку зданий и мощение улиц и набережных[369]. Наряду с камнем вторично используются и металлы[370].

Несмотря на рациональный пафос функционеров и хозяйственников, такое решение вызывает оторопь обывателей:

«— *Вот посмотрите на Большой театр. Его недавно заново облицевали. Так при этом до того заботились о художественной стороне дела, что не решились облицевать новыми камнями, которые дисгармонировали бы с возрастом здания. Инженеры отправились на*

дров нет и до зимы не будет. Дрова мне тоже чуть ли не из милости дают из склада у вокзала. Придется самому тащиться на вокзал, а оттуда на кладбище, чтобы не лишать сторожиху дров на лето и оградить кладбищенские кресты от ее посягательств. В этих хлопотах о дровах для гадкой бабы я вижу своего рода подвиг доброделания» (Запись из дневника А.В. Жиркевича от 23 апреля 1920 г. См.: Жиркевич А.В. Потревоженные тени... Симбирский дневник / сост., предисл. и прим. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. М.: Этерна-принт, 2007. С. 442.); «9 декабря. Сходил на мое кладбище, занесенное уже наполовину снегом. Несмотря на то что я выхлопотал сторожихе дрова, у нее в квартире нашлись обломки солдатских крестов. Она уверяет, что отобрала их у красноармейцев, а мне кажется, что это ее воровские проделки». (Запись из дневника А.В. Жиркевича от 9 декабря 1919 г. См.: Жиркевич А.В. Потревоженные тени... Симбирский дневник / сост., предисл. и прим. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. М.: Этерна-принт, 2007. С. 426).

[368] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 48-48 об. То же происходит и в Ленинграде. (Запись из дневника А.Г. Манькова от 19 августа 1934 г. См.: Маньков А.Г. Из дневника рядового человека // Звезда. М., 1994. № 5. С.

[369] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 56. Л. 3.

[370] «По всей России идет бешеная ломка железных оград, главным образом, на кладбищах, а также и крестов, чугунных церковных дверей и вообще всего железного и чугунного, так как чугуноплавильные и железоделательные заводы или стоят, или еле влачат свое жалкое существование, о которых, кстати сказать, лишь только гремят в одной лживой макулатуре». (Запись из дневника Е.Н. Николаева от 21 марта 1931 г. См.: «Исчез человек и нет его, куда девали — никто не знает»: Из конфискованного дневника Е.Н. Николаева // Источник. 1993. № 4. С. 51.)

кладбище и отыскали там надмогильные плиты соответствующего года — и теперь видите, как хорошо вышло?

— Правда, правда, — прибавил он, видя, что я с совершенно ошарашенным видом смотрю на него.»[371]

«С*мотреть на эти сваленные в кучу памятники нет сил. Сколько слёз на них было пролито, с какою любовью их ставили на вечные времена, и вот пришел хам и все снес. Зачем? Только для того, чтобы вдоль широкой улицы панели были бы обложены гранитом — и какие граниты! — и мрамором и приезжие туристы восхищались нашей культурой. А рядом в Олонецкой губ. 26 сортов мрамора. Сволочи. И все трусость подлая, желанье выслужиться,*

п

о

к

Вдобавок, инициатива по демонтажу памятников и надгробных плит зачастую сильно опережает реальные потребности строительства, и сваленные

а

з

а

т

ь

,

ч

т

о

в

с

е

м

ж

е

р

[371] Запись из дневника С.С. Прокофьева от 21 января 1927 г. (См.: Прокофьев С.С. Дневник 1907-1933: в 3-х т. Т. 2. Paris: sprkfv, 2002. С. 467.). См. также запись из дневника О.Г. Шереметевой от 18 мая 1927 г. (Шереметева О.Г. Дневник и воспоминания / вступ. ст. Г.И. Вздорнова. М.: Индрик, 2005. С. 110.)

[372] Запись из дневника Л.В. Шапориной от 14 июля 1934 г. (См.: Шапорина Л.В. Дневник: в 2 т. / вступ. ст. В.Н. Сажина, подгот. текста, коммент. В.Ф. Петровой и В.Н. Сажина. Т. 1. М.: НЛО, 2011. С. 165.)

Также: «Прошел на кладбище, был потрясен при виде огромного числа разрушенных памятников, но разрушенных умышленно руками негодяев нового молодого поколения; мои могилы пока целы; сброшен с пьедестала каменный памятник доктора Гринвальда, отца Натальи Александровны. С тяжелым чувством я вышел из монастыря» (запись из дневника А.В. Орешникова от 5 (22) июля 1925 г. См.: Орешников А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 2: 1925-1933. М.: Наука, 2011. С. 48.); «Мы незаметно докатили до Рязани. <…> Оказалось, дорогой памятник, представлявший часовню из чугунных плит, поставленный над останками генерала-лейтенанта Ф.Г. Левицкого и подполковника М.П. Русанова, уничтожен, и могилы их сравнены так, что их и не видно. Срыты и другие многие могилы, что, в общем, произвело на меня глубокое и тяжелое впечатление. Казалось бы, мертвым можно было бы оставить покой и вечную память. Но мудрая “власть на местах” как будто нарочно, наперекор всему делает свое дело разрушения» (запись из дневника В.А. Городцова от 9 сентября 1931 г. См.: Городцов В.А. Дневники. 1928-1944: в 2 кн. / сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых; отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. Кн. 1. М.: Триумф принт, 2015. С. 277-278); «18 июня. Ходил на кладбище Новодевичьего монастыря. Новое кладбище сравнительно в порядке, хотя и на нем много грязи и запустения, указывающие на недостаточность присмотра. Но что представляет из себя Старое кладбище, трудно и передать. Это мерзость запустения и ужас вандализма. Еще недавно самое благоустроенное кладбище в Москве теперь разорено и завалено обломками камней и кирпичей вырытых из склепов и частей разбитых надгробных памятников» (запись из дневника В.А. Городцова от 18 июня 1931 г. См.: Городцов В.А. Дневники. 1928-1944: в 2 кн. / сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых; отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. Кн. 1. М.: Триумф принт, 2015. С. 252); «Надя и Лёля ходили на Калитниковское кладбище на могилу Лёши; кладбище в ужасном виде, видели торчащий из земли гроб» (запись из дневника А.В. Орешникова от 22 (9) июля 1924 г. См.: Орешников А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 1: 1915-1924. М.: Наука, 2010. С. 445.).

в огромные кучи прямо на кладбище монументы месяцами ждут дальнейшего использования:

«*Личным осмотром Рогожского кладбища в Москве установлено безобразное отношение со стороны Горфинотдела и Мосгордоротдела, которые не считаясь с возможностью своевременно использовать и вывезти с территории кладбища сваливают и разбивают надгробия и памятники, чем вызывают вполне справедливые нарекания не только религиозно верующих, но и всех тех, кто хозяйски относится к имуществу Госфонда и необходимому культурному порядку*»[373].

Способствуя, возможно, благоустройству набережных и дорог, новые принципы строительства, несомненно, ухудшают и без того неутешительное состояние кладбищ:

«*Кладбище превращено в каменоломню. Отовсюду доносится стук молотков о камень. Все склепы, памятники разворочены, в грудах лежат надгробные плиты, мраморные кресты; это все для городских панелей! Я увидала группы молодых граждан, обмеривающих памятник, и спросила, все ли склепы и памятники будут уничтожать. «Те, которые отбирает комиссия после постановления Президиума» (по-видимому горсовета)*»[374].

3.3 Кладбища как общественные пространства советских городов

Говоря об изменении функций кладбищ в больших городах Советского Союза в 1920-30-е годы, необходимо отметить, что кладбищенские территории с обилием зелени, тишиной и уединенностью (пусть даже и пострадавшие в годы военного коммунизма и НЭПа) занимали особое место в городской среде того времени. Лавинообразный приток населения в города, уплотнение жилого фонда многократно повышает нагрузку на рекреационные

[373] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 56. Л. 2. См. также там же Л. 1, 3.

[374] Запись из дневника Л.В. Шапориной от 14 июля 1934 г. (См.: Шапорина Л.В. Дневник: в 2 т. / вступ. ст. В.Н. Сажина, подгот. текста, коммент. В.Ф. Петровой и В.Н. Сажина. Т. 1. М.: НЛО, 2011. С. 165.)

городские пространства. Как уже отмечалось, немногочисленные общественные пространства и зеленые насаждения, муниципализированные так же, как и кладбища вскоре после революции, серьезно пострадали во время топливного кризиса первых лет Советской власти. Попытки восстановить зеленый фонд не были достаточно эффективными, и к концу 1920-х дореволюционные параметры благоустройства городской среды так и не были достигнуты. Однако, в начале 1930-х ситуация меняется, поскольку вопрос озеленения и развития общественных пространств переводится в политическую плоскость. Рабочий «нуждается … в заслуженном отдыхе среди зелени и цветов»[375]. Начинается стремительное озеленение городов и всего за два года (1931 — 1932) были не только достигнуты дореволюционные показатели, более того, в Москве площадь зеленых насаждений увеличилась в 5 раз по сравнению с 1916 годом[376].

Недостаток общественных пространств заставляет новых горожан использовать для отдыха любые зеленые насаждения, в том числе — кладбища. Авторы дневников 1920-30 годов часто упоминают кладбища как места прогулок, как в одиночестве, так и в компании друзей[377]. Создается впечатление, что порой это превращается в развитую социальную практику:

«*С мешочками, пакетами, фанерными чемоданчиками, свертками, с «выпивкой», порой с пузатым самоваром, одеялами и подушками — всей семьей, со всеми домочадцами, включая кошку и собаку, отправляются ленинградцы на кладбище. Постепенно тьма окутывает кладбище и рабочий,*

[375] Орлов И. Коммунальная страна. Становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 199.
[376] Там же. С. 199, 201.
[377] См. подробнее: 1925 год — дневник А.Ф. Стародубова (*Стародубов А.Ф.* Записки очевидца: Екатеринослав 1924-1929 гг. / публ. А.Ф. Фоменко. Кн. 2. Днепропетровск: Gaudeamus, 2001); дневник А.П. Голубевой (*Алексеев Г.* Дело о трупе: Из документов народного следователя. [Статья] // Красная новь. 1925. № 10. С. 198-221); 1926 год — дневник Ю.А. Шнейдера (*Ипполитова А.Б.* «Дядя Женя видел зайца, а я нашел ножницы...»: Батеневские раскопки 1920-х гг. глазами подростка // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 5. Красноярск: «Литера-Принт», 2010. С. 120-137.); 1935 год — дневник Н.С. Луговской (*Луговская Н.С.* Хочу жить... Из дневника школьницы: 1932 — 1937. По материалам следственного дела семьи Луговских. М.: Формика-С, 2003.).

размякший от еды и выпивки, усталый от криков, шума, хриплых шарманок, священных псалмов, спешит вернуться домой и заснуть мертвым сном после праздничного «отдыха»»[378].

Такого рода гуляния, конечно, родственниками похороненных воспринимаются отрицательно:

«*Кукуевское кладбище. Возвращались с могилы старицы моей, натолкнулись (я и Соня) на бесчинствующую молодежь. Рабочие, человек пять, один с гармошкой, с ними молодая женщина. Орали песни, потом стали плясать под гармошку, возле церкви, на одной из главных аллей кладбища. Сначала меня обуял гнев, но удалось подавить его. Я подошла и тихо сказала: «Милые мои, ведь тут горе человеческое. Горю, слезам нужна тишина, место ли тут гармошке и танцам». Один из парней с хорошим лицом спросил: «Вы тут схоронили кого-нибудь?» Я ответила: «Не я одна, смотрите, сколько тут схороненных, вон там две девушки плачут. Вы, может быть, не знаете еще этого горя, но придется ведь и вам хоронить». Другой парень перебил меня: «Мы не знали, нам сказали, что тут гуляйте. Что ж, мы можем и в другом месте.» Гармонист, чтобы не сдаться сразу, брал еще на гармонике такты, но все замедленнее и тише. Девушка, которая смотрела на меня сначала как злой зверек, отвела глаза и задумчиво утупила их на соседнюю могилу. Другие тоже оглядывались, как будто только сейчас осознав, что они среди могил и что есть в мире смерть и горе*»[379].

Рост городов и появление новых производств с рабочими поселками на окраинах также требовали создания рекреационных пространств. При этом свободные территории для этого предлагалось изыскивать из наиболее санитарно-неблагополучных зон, которые образовывали своеобразную полосу

[378] Зудин И.И., Мальковский К., Шалашов П. Мелочи жизни. Л.: Прибой, 1929. С. 70-71.

[379] Запись из дневника В.Г. Малахиевой-Мирович от 25 мая 1931 г. (См.: Малахиева-Мирович В.Г. Маятник жизни моей: дневник русской женщины 1930-1954 / публ. Н. Громовой. М.: Издательство АСТ «Редакция Елены Шубиной», 2015. С. 41-42.)

отчуждения вокруг старых границ. Так, например, в январе 1926 года в Московском коммунальном хозяйстве прошло совещание, посвященное изучению перспектив расширения Москвы на юго-восток. В ходе этого совещания были выделены основные площадки, на которых предполагалось разбить широкую зеленую полосу, отделяющую городских боен, расположенных на границе планируемых кварталов, от будущих жилых построек. Для этого предлагалось закрыть Калитниковское кладбище и Спасскую свалку, перепланировать их и использовать как парк[380]. Центром будущего парка должен был стать пруд на Калитниковском кладбище, с чем были связаны основные санитарные опасения отдела. Несмотря на то, что проект так и не был реализован, а кладбище работает до сих пор, Калитниковский пруд был выведен из территории кладбища, расширен и превращен в рекреационную зону.

Смешанный и неопределённый функционал кладбищенских территорий порой делает их даже более маргинальными, чем они были раньше. Прежняя ритуальная отстраненность кладбищ и их новая полная заброшенность, большие темные пространства с множеством укрытий, особенно там, где сохранились старинные склепы, балдахины и усыпальницы, создают подходящую атмосферу для криминального мира — грабеж, разбой и хулиганство становятся постоянной головной болью кладбищенской администрации. Пространство, которое было местом отдыха днем, становится местом бандитских сходок ночью:

«*Винный «запасец» быстро истощается и близлежащие пивные берутся с боя, а семейный рабочий торопится «свернуть монатки» и вернуться домой. Боязно. Между могилами с темнотой появляются*

380 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 40. Л. 262-262 об.

подозрительные тени, высматривающие добычу. Из полуразрушенных склепов доносятся визги и циничная брань»[381].

Для других кладбище становится просто местом совместной выпивки:

«*27 сентября. После обеда пошел на кладбище проведовать брата Алексея. Там нашел друзей, пьющих вино: Сплиндера и Саньшу Леонова. С ними и выпил хорошо. Под вечер опять работал до потемок. Пьяный больше не был. Поправляюсь. 28 сентябрь По окончанию работы в мастерской опять пью на кладбище со Сплиндером и Васей (бывшим милиционером, уволенным из милиции за вино)*»[382].

Снятие табу с вопросов смерти, ее десемантизация на общественном уровне, стихийный захват кладбищ, дефицит общественных пространств приводят к полному разрушению старого порядка на территории кладбищ, но не создают новые институциональные нормы и одобряемые образы поведения. Даже те посетители кладбищ, которые используют их (в соответствии с новыми веяниями) как общественное пространство, продолжают разрушать кладбищенские территории.

Общая маргинализация кладбищенских территорий дополняется тем, что в первые годы после революции кладбища начинают выполнять еще одну и довольно зловещую функцию. Дневниковые записи 1918-1919 годов фиксируют слухи о многочисленных расстрелах на территории кладбищ:

«*Оказывается, однако, что расстрелы начались опять. В ночь с 8 на 9 (в 2 часа) на Трегубовской улице вели 4-х человек по направлению к кладбищу. Что это значит? — ясно: на кладбище расстреливают*»[383].

---

[381] Зудин И.И., Мальковский К., Шалашов П. Мелочи жизни. Л.: Прибой, 1929. С. 71.
[382] Запись из дневника К.Ф. Измайлова от 28 сентября 1933. (См.: Дневник алтайского крестьянина К.Ф. Измайлова (1923-1934): в 2 т. Т. 1. М., Смоленское: Common place, 2020. С. 1933).
[383] Запись из дневника В.Г. Короленко от 23 июня 1919 г. (См.: Короленко В. Дневник. Письма. 1917-1921. М.: Советский писатель, 2001. С. 185.)

«*Слышал, что в последнюю пятницу, в ночь, расстреляно 290 человек, в числе их, вероятно, и несчастный Лёша; казнь произведена якобы на Калитниковском кладбище одною латышкой. Правда ли? Мурашки ходят по телу, думая о такой массе убитых*»[384].

Братские могилы на кладбищах становятся местом упокоения жертв террора:

«*О последних минутах его мы ничего не знаем. Вероятно, тело его свалили на Калитниковское кладбище, куда обычно сваливают жертв террора. Вчера обо всем этом очень просто сказали Надежде Васильевне, узнавшей о его переводе на Лубянку и добивавшейся передать ему пищу*»[385].

Несмотря на попытки кладбищенской администрации остановить окончательное разорение кладбищ, уже летом и осенью 1919 года они полностью теряют свой довоенный вид[386]. Отдел похоронно-санитарных мероприятий, имея крайне скудную информацию «по периферии», проводит обширную ревизию московских кладбищ и конных дворов. Результаты ревизии неутешительны:

«*Кладбище до сих пор в полном беспорядке: повсюду сухие листья, сломанные кресты, свалившиеся памятники, могильные холмы совершенно не оправлены, рытье новых могил, как общих, так и частных, происходит не по плану и расположение их поэтому неправильное, есть даже могила вырытая на дорожке*»[387].

Еще тяжелее эту разруху было видеть обывателям — родным и близким похороненных на кладбищах:

---

[384] Запись из дневника А.В. Орешникова от 2 декабря (19 ноября) 1919 г. (См.: Орешников А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 1: 1915-1924. М.: Наука, 2010. С. 232).
[385] Запись из дневника Ю.В. Готье от 30 сентября 1919 г. (См.: Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 317.)
[386] Подробнее об этом см. главу 5.
[387] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 6.

«*[Скорбященское] Кладбище теперь имеет очень неприятный вид: деревья обглоданы лошадями, везде стоят пушки, ходят солдаты. Очень страшно там. Дорожек, как было прежде, нет, только по большой дорожке протоптана тропинка. Грязно; некоторые могилы растоптаны. Скверно!*»[388]

Начиная с 1923 года Похоронный подотдел отдела благоустройства МКХ пытается навести порядок на кладбищах и привести эти территории в пристойный вид. На протяжении нескольких лет отдел разрабатывает проекты благоустройства кладбищ. Весьма скромное финансирование работы отдела и невозможность перевести его работу на хозрасчет[389], что требовали условия НЭПа, заставляет отдел искать альтернативный способ решения проблемы в виде ограничения захоронений на переполненных кладбищах внутри городской черты, и благоустройства территорий через превращение кладбищ в сады и парки[390].

Практичная идея о превращении городских кладбищ в сады, создающая новые рекреационные пространства, с одной стороны, и решающая проблему чудовищного состояния кладбищ, с другой, на практике оказалась не такой простой. Для реализации этой задачи требовалось серьезное благоустройство кладбищенских территорий, существенно пострадавших в первые годы советской власти. Нужно было восстановить ограды вокруг кладбищ и зеленые насаждения, привести в порядок могилы и дорожки, создать непосредственно парковую инфраструктуру. Эта работа требовала больших вложений, которых не было ни у МКХ, ни у Моссовета. Бюджет похоронного подотдела был дефицитным в течение всех 1920-х годов и

[388] Запись из дневника М.М. Даевой от 16 января 1919 г. (См.: 1918-24. Дневники Муси и Иры Даевых [электронный ресурс] // Сайт «Семейный архив» http://www.domarchive.ru/docs/dnevnik.pdf.) Также см. запись из дневника Ю.В. Готье от 9 августа 1920 г.: «Я пришел на Введенские горы в 7 часов, и все уже было заперто. Я пробрался задними воротами и был у своих могил и у Лизы. Какое запустение на этом когда-то лучшем из Московских кладбищ!» (См.: Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 418.)

[389] При декларированном Декретом о кладбищах и похоронах доступном и равном для всех способе погребения, отсутствии платы за места на кладбищах, похороны сами по себе не могли приносить доход. Установка и изготовление надгробий также не были доходными, поскольку уровень благосостояния населения, так и государственный атеизм препятствовали развитию спроса на эти услуги.

[390] Подробнее о работе похоронного отдела см. главу 5.

никаких свободных средств на благоустройство в нем не было. Похоронный подотдел был вынужден сам искать средства на восстановление заборов, дорожек и озеленение. Для получения «живых» денег отдел принимает решение сдать все пригодные для этого кладбищенские площади в аренду под сенокосы. При этом, помимо арендной платы, арендаторы обязывались очищать свои участки от сорной травы и поддерживать на них минимальный порядок[391]. Кроме того, арендаторы были обязаны предоставить определенное количество сена, что позволяло обеспечивать фураж лошадям и наладить бесперебойную работу катафального транспорта[392].

Воинствующий атеизм уступает место практицизму: для снижения финансового бремени, с одной стороны, и для благоустройства, с другой, с наступлением НЭПа большая часть[393] кладбищ сдается в аренду и управление религиозным общинам в надежде на то, что «благоустройство их улучшится, благодаря тому, что граждане по религиозным соображениям будут поддерживать внешний порядок»[394]. Данный эксперимент оказался удачным, и позже похоронный подотдел даже предлагал передать в управление и остальные оставшиеся в его ведении кладбища, чтобы благоустроить их за счет религиозных общин, однако Моссовет не счел это целесообразным[395].

Несомненно, чудовищное состояние кладбищ беспокоило не только похоронный подотдел, но и родственников умерших. Дневниковые записи тех лет свидетельствуют, с одной стороны, об огромных усилиях, которые предпринимали родственники, а с другой — о создании неформальной экономики погребения:

---

391 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 4.

392 ЦГА СПБ Ф. Р-3183. Оп. 1. Д. 75. Л. 46, 49, 51.

393 Большая по числу, но не по площади. Отдел сдает в аренду 23 городских кладбища, в то время как оставшиеся в ведении отдела 10 кладбищ включают в себя 85-90% от всех захоронений. (См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 3 об.)

394 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 29.

395 Там же. Л. 52.

«*28 июля (15 июля). В 10 ч. поехал в Алексеевский монастырь ради осмотра могилы родителей, которая никем не охраняется, подходя, случайно встретил монахиню, очищающую чью-то могилу, я ее спросил, не согласится ли ухаживать за моей могилой, она согласилась, я ей предложил 2 р. в месяц, которые тут же заплатил вперед до 1 сентября. Зовут ее Ксения, по фамилии Митина; вошел к ней в келью, в которой живут 3 монахини, платят 15 р. в месяц, доход добывают стеганием одеял и уходом за могилами. 1 сентября (19 августа). В 11-м часу поехал на Алексеевское кладбище и прошел прямо к могилам родителей; монахиня обложила памятник свежим дерном, часть которого была разворочена, очевидно, сапогами возчиков, сваливших около памятника каменные цоколи, я тотчас же прошел к моей монахине и сказал ей о повреждении; она тотчас же пошла к моей могиле, удивившись; поправила разрушенное, полила дерн из лейки и прибавила, что многие могилы без памятников, но зарегистрированные, срываются, если насыпь лежит на пути проводимой дорожки. 29 октября (16 октября). Ездил утром на кладбище, заплатил 2 р. за мои дорогие могилы. 9 декабря (26 ноября). Утром съездил на Алексеевское кладбище, заплатил монахине 2 р.; памятник цел, но песок не посыпан, монахиня говорит, что они ходить не смеют, т. к. на них будет налог за платную работу (!); много ли эти бедные женщины получают. Прошел к другой могиле, но не нашел ее! Вероятно, эти звери срыли насыпь*»[396].

[396] Орешников А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 2: 1925-1933. М.: Наука, 2011. 369, 377-378, 392-393, 401-401). Также см. запись из дневника Н.М. Дружинина от 18 мая 1919 г.: «Был на кладбище, заказал крест и сговорился относительно уборки могил»; «С Елиз. Петр, — на кладбище: наши могилы убраны, обложены дерном, поставлены изящные белые кресты (хорошее чувство нравственного удовлетворения). Жизнь и смерть на кладбище» (См.: Дневник Николая Михайловича Дружинина / публ., вступ. и прим. Е.И. Дружининой // Вопросы истории. 1996. №4. С. 113-114); записи из дневника В.А. Городцова от 13 января и 2 сентября 1931 г.: « На моих глазах сторож убрал могилу, удалив нападавший в последние дни снег, и я дал ему рубль за работу, за которую он получает ежемесячную плату, так что рубль пошел ему как бы на праздничный чаек»; «Ранее, благодаря неряшеству кладбищенских сторожей, могила Ии так заросла бурьяном, что я ее не мог найти. Теперь сторожей сменили женщинами-сторожихами, которые привели кладбище в лучший вид, и я отыскал могилу» (См.: Городцов В.А. Дневники. 1928-1944: в 2 кн. / сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых; отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. Кн. 1. М.: Триумф принт, 2015. С. 274).

Однако, в ситуации постоянной борьбы за выживание и отсутствия механизмов влияния на ситуацию, они мало что могли сделать, чтобы изменить положение. Несколько больше шансов на успех, как казалось, имели общественные организации. Общество Старых большевиков и Общество краеведов обращаются в МКХ с просьбой обратить внимание и привести в порядок могилы революционеров и деятелей культуры, захороненных на Московских кладбищах[397]. Похоронный подотдел с энтузиазмом встречает эти обращения и выступает со встречным предложением к обществу краеведов — взять на себя при организационной поддержке отдела благоустройство 9 основных кладбищ города[398].

С точки зрения Похоронного подотдела никакое благоустройство кладбищ было невозможно до тех пор, пока вокруг них не будут восстановлены ограды. Это, с одной стороны, избавило бы кладбища от присутствия посторонних, в том числе — скота, а с другой — позволило бы более эффективно ловить нарушителей порядка и приличий. Для осуществления работ по благоустройству на каждом из кладбищ создаются добровольные общества содействия благоустройству кладбищ, которые собирали добровольные взносы с родственников захороненных в фонд благоустройства кладбища[399]. Отметим, что данная мера также полностью копировала дореволюционный порядок ежегодных взносов на содержание могил:

«*Такое безразличное отношение к приведению кладбищ в надлежащий порядок и благоустроенный вид со стороны вышестоящих органов поставило Похоронный П/отдел в безвыходное положение и само население пришло в этом к нему на помощь в изыскании средств на благоустройство кладбищ: с*

[397] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 652. Л. 112-112 об.
[398] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 655. Л. 49.
[399] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 652. Л. 25; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 653; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 654. Л.

этой целью на кладбищах начали организовываться инициативные группы для сбора добровольных пожертвований на благоустройство кладбищ...»[400].

Благодаря этой практике удалось за небольшой промежуток времени (с февраля по август 1929 года) собрать значительные суммы, позволившие начать работы по возведению каменных оград на кладбищах. Несмотря на то, что изначально обращение общества краеведов касалось лишь могил выдающихся деятелей, с точки зрения Похоронного подотдела возведение оград и общее благоустройство были лишь первым этапом на пути превращения московских кладбищ в парки. Результатом такого несовпадения задач стала огромная неоплачиваемая нагрузка, которую МКХ возложил на Общество краеведов, и в августе 1929 года Общество отказывается от продолжения работ по благоустройству кладбищ и работы прекращаются[401].

Другим шагом на пути к превращению кладбищ в парки была перерегистрация могил. Эта мера преследовала сразу две цели. С одной стороны, через перерегистрацию могил было легче вовлечь родственников в добровольные общества содействия благоустройству кладбищ, увеличив тем самым их фонды. С другой стороны, эта мера позволяла выявить непосещаемые могилы, что давало формальный повод к обновлению этой территории и для дальнейшего ее использования — либо как участков для новых захоронений, либо для создания парка. В последнем случае по закону необходимо было перенести оставшиеся могилы. Однако информация о перерегистрации и переносе могил распространялась не очень активно, да и формальные нормы инструкций исполнялись не всегда четко. Кроме того, людям было совершенно не ясно, какие именно шаги нужно предпринять для

[400] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 654. Л. 3.

[401] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 655. Л. 55, 56. Несмотря на все усилия ситуация не меняется вплоть до середины 1930-х. См., например, запись из дневника Е.Н. Николаева от 21 мая 1931 г. (См.: «Исчез человек и нет его, куда девали — никто не знает»: Из конфискованного дневника Е.Н. Николаева // Источник. 1993. № 4. С. 52.)

оформления документов на перенос могил и как именно осуществить сам перенос. Да и методы реализации проекта вызывали этические вопросы:

«*23 августа. МКХ (Моск. Коммунальное Хозяйство) упорядочивает кладбища, т. е. прокладываются дорожки, регистрируются могилы. Казалось бы все это хорошо и полезно. Но при этом беспощадно уничтожают старые могилы, сносят прелестные ампирные решетки (их целые горы нагорожены на задворках) — неужели они пойдут в лом или — не лучше — будут продаваться для современных могил? Уничтожали без разбору. Попалась генеральская могила, которую 10 человек разламывали две недели, насилу одолели. Некоторые могилы пытаются спасти, на них рядом с номером наляпана буква Ж, — Жаров, фамилия, отмечающая какого-то представителя охраны худож. памятников*»[402].

Реальная история превращения кладбищ в парки на практике оказалась сложнее, чем это представлялось вначале руководству МКХ и Моссовета. Зачастую регистрация могил, уничтожение бесхозных захоронений и разбивка дорожек для парка происходили одновременно без всякой внутренней логики и заканчивались, в сущности, ничем. Так, историк А.В. Орешников в своем дневнике подробно описал процесс регистрации могил своих родных, который занял 8 месяцев — с начала ноября 1928 г. по конец июня 1929 г.:

«*6 апреля (24 марта). В 10½ ч. поехал в Алексеевский монастырь зарегистрировать могилы отца и матери; в правлении, помещающемся в упраздненном большевиками храме (там же кино и клуб), нашел сидящего за столом мужика, потребовавшего мои документы, которых я не захватил и хотел уходить, но он сжалился надо мной и поверил, что я ношу фамилию отца, дал мне жестянку с черной жидкостью и кистью и сказал, чтобы я сам пошел и поставил на памятнике Р 896, что я и отправился делать <…>. В*

[402] Запись из дневника И.И. Шитца от 23 августа 1928 г. (См.: Шитц И.И. Дневник «Великого перелома» (март 1928 — август 1931). Paris: YMCA-press, 1991. С. 51.)

выданной мне квитанции говорится, что могила должна быть приведена в порядок, т.е. посажены цветы, убрана решетка к 30 мая 1929 г. За регистрацию ничего не взяли»[403]

В заключении этого долгого процесса кладбище уже объявлено парком, а могилы продолжают быть в полной сохранности:

«*18 мая (5 мая) …проехал на Алексеевское кладбище; впечатление на меня произвело самое ужасное: ломают крупные металлические памятники, часовни, всюду обломки кирпича, грязь. Прошел в контору, где зарегистрировал мои могилы, но там сказали, что все передано в отдел Сокольницкого благоустройства, прошел туда — никого не оказалось, просили прийти в понедельник. 20 мая (7 мая). После занятий проехал на Красносельскую улицу в отдел Сокольницкого благоустройства, где сказал, что к 1 июня не успею привести в должный вид могилу, на что мне ответили, что можно запоздать, так как теперь с кладбища уносят металлические части. После службы ездил на Алексеевское кладбище, сговорился с артелью обложить могилу отца и матери дерном, убрать камни из-под решетки, которая будет снята, за 8 р. 29 июня (16 июня). В 12-м часу поехал на Алексеевское кладбище, теперь переименованное в Алексеевский парк, взглянуть на могилы, которые в том же виде, как я их видел последний раз*»[404].

В некоторых случаях кладбища превращали в парки путем благоустройства, то есть встраивали парковую инфраструктуру — клумбы, лавочки и т.п. — не нарушая захоронения. Такие кладбища-парки могли существовать десятилетиями и сохраняются в таком виде до сих пор, как, например, Иерусалимское кладбище в Иркутске. Мемориальное Братское кладбище в Москве в 1926 году переходит из ведения похоронного подотдела в ведение отдела садоводства, после чего долгое время кладбище представляло

[403] Запись из дневника А.В. Орешникова от 6 апреля 1929 г. (См.: Орешников А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 2: 1925-1933. М.: Наука, 2011. С. 344.)
[404] Орешников А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 2: 1925-1933. М.: Наука, 2011. С. 354, 355,363).

собой «вид парка с клумбами в цветах, правильно расположенными дорожками, по сторонам которого видны с надписями и тысячи без надписей могилы…»[405]. Кладбище было ликвидировано в 1932 году, но, хотя на значительной части его территории в 1936 году был разбит Детский парк культуры и отдыха Ленинградского района, в периферийных частях захоронения продолжались до конца 1940-х годов[406].

Интересно, что в отдельных случаях инициатива с мест по закрытию кладбищ с целью более рационального использования территории наталкивалась на неожиданное сопротивление Центра. Так, в 1926 году специальная коллегия Наркомздрава отказала Марийской автономной области в закрытии кладбища Краснококшайска с целью постройки на его месте нового жилого квартала, аргументировав это тем, что с момента последнего захоронения не прошло положенных 45 (!) лет[407]. Апелляция к такому продолжительному сроку обновления кладбища выглядит несколько странно, поскольку нормативные документы этого времени предусматривают гораздо меньшие сроки. Так, например, Инструкция ВЦИК «О порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников» предусматривает следующие ограничения:

«*Полная ликвидация закрытых кладбищ и использование занятых ими участков земли под другие общественные нужды (застройка и проч.) разрешаются лишь по истечении 20 лет после последнего захоронения — для кладбищ, имеющих сухие почвы, и по истечении 30 лет после последнего захоронения — для кладбищ, имеющих сырые почвы. Досрочная ликвидация частично или полностью закрытых, а равно действующих кладбищ*

[405] Арсеньев А.А., Морозова М.С. Московское городское Братское кладбище // Военно-исторический архив: Журнал. 2005. № 10(70). С. 57.
[406] Там же. С. 60.
[407] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 236.

допускается в случаях государственной или местной надобности (новое плановое строительство, прокладка новых линий путей и проч.)»[408].

Таким образом, строительство нового жилого квартала, несомненно, могло рассматриваться как повод для досрочной ликвидации кладбища, а апелляция к сроку в 45 лет, по-видимому, свидетельствует о какой-то иной причине остановке данных работ. Спустя некоторое время кладбище все же было закрыто и переоборудовано в Центральный парк культуры и отдыха Йошкар-Олы[409].

В 1923 году похоронный подотдел окончательно закрыл для захоронений 9 монастырских кладбищ Москвы, передав их в ведение подотдела садоводства[410]. Из девяти кладбищ пять, действительно, со временем были переоборудованы в общественные пространства. На месте кладбища Скорбященского монастыря в 1935 году был открыт Детский парк № 1 (Новослободский парк), на месте кладбища Алексеевского монастыря в Красном селе — Пионерский парк[411], на месте кладбища Покровского монастыря в 1934 году был открыт парк культуры и отдыха Ждановского района (Таганский парк), на месте некрополя Семеновского монастыря — Семеновский парк. На месте Симонова монастыря и его некрополя в 1930-х годах был построен дворец культуры ЗИЛ. Помимо монастырских, в Москве парком становится также Лазаревское кладбище — в 1936 году на его месте был открыт детский парк Фестивальный. Детская и спортивная направленность новых парков объясняется, на мой взгляд, тем, что при общем дефиците общественных пространств полное отсутствие специальной детской

[408] Инструкция о порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников. Утверждена постоянной комиссией при Президиуме ВЦИК по вопросу культов 16 октября 1931 г. [электронный ресурс] // Сайт «consultant.ru».
[409] История Центрального Парка Культуры и Отдыха в Йошкар-Оле [электронный ресурс] // Сайт «park-ola.ru».
[410] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 57. Монастырские кладбища были самыми маленькими и переполненными в Москве. Речь об их закрытии идет с 1918 года. С закрытием монастырей захоронения на этих кладбищах ограничиваются — там дозволяется лишь подхоранивать родственников и «т.т. коммунистов». (См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 29 об.)
[411] В настоящее время не существует.

и спортивной инфраструктуры чувствовалось особенно остро. Отметим, однако, что приведенные годы открытия парков являются условными — в реальности парковая инфраструктура на бывших кладбищах создавалась вплоть до конца 1950-х годов.

Отметим, что трансформация кладбищ в публичные общественные пространства происходила в то время не только в СССР. На рубеже XX века изменение отношения к кладбищенским пространствам наблюдалось практически во всех европейских странах. В большинстве стран она, однако, произошла несколько раньше, чем в Советском Союзе и не была связана с политическим сломом и революционными преобразованиями во всех сферах жизни[412]. Форсированная модерность, во многом навязанная обществу новым режимом, приводила к непониманию и отторжению инициатив власти. Советская «ликвидация кладбищ» до сих пор активно обсуждается в российском обществе, особенно — в православных СМИ и публицистике[413]. Чаще всего в этих публикациях открытие парков на местах бывших кладбищ трактуется как серия актов богоборческого вандализма и надругательства над усопшими, как целенаправленная кампания по осквернению святынь. Впрочем, как было показано выше, за ликвидацией кладбищ в большинстве случаев стояла не столько атеистическая пропаганда, сколько прагматика благоустройства быстро растущих городов, вывод кладбищ за городскую черту, потребность в общественных рекреационных пространствах и рационализация землепользования.

Реализация этих идей, впрочем, была столь же непоследовательна и не продумана, как и многие другие проекты молодой Советской власти. Острое чувство неизбежности новой счастливой и абсолютно другой жизни в самом

412 Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton: Princeton University Press, 2015.

413 Филиппов А. Парк, кладбище и танцы на костях предков [электронный ресурс] // Портал «Православие и мир». 23 июля 2012; Шундалов И., Кошельков А., Петухова А. Реновация кладбищ: хоронить нельзя сносить // Эксперт. Северо-запад. 25.09.2013 (http://www.old.expertnw.ru/news/2013-09-25/renovatsiya-kladbishch—khoronit-nelzya-snosit); Исчезнувшие кладбища Москвы [электронный ресурс] // Сайт «Прогулки по Москве». 3 августа 2011.

скором будущем позволяло, с одной стороны, легко обозначать многие явления как «старые» и «отмирающие», с другой — начать не всегда хорошо продуманную реализацию самых смелых и зачастую нереальных проектов. Как и многие другие такие проекты, идея переформатирования кладбищенского пространства никогда не была оформлена в виде стройного разработанного, реалистичного плана. Сродни генеральному плану строительства Магнитогорска, который не раз претерпевал радикальные изменения, когда само строительство уже давно шло полным ходом[414], различные попытки переформатирования кладбищ, будь то их заселение или превращение в сады, парки и скверы, никогда не продумывалось досконально и крайне редко доводилось до конца. В большинстве случаев новые инициативы разрушали остатки кладбищенского благоустройства, не создавая развитых общественных пространств взамен.

История утилитарного переформатирования и ликвидации кладбищ с целью создания на их месте садов и парков — яркий пример адаптации исторически сложившихся пространств и практик советским режимом. При строительстве нового мира для нового человека ряд градостроительных принципов и объектов старого времени оказывался “не у дел”. Эти устаревшие объекты, как не нужные более новому человеку, могли быть смело отброшены или радикально переформатированы. Такими объектами, связанными с миром прошлого и его пережитками, являлись усадьбы помещиков, дворцы, культовые здания — храмы, монастыри, мечети. Будучи исключительно бессмысленными «с марксистской точки зрения», они обретают новые функции, востребованные новым обществом, становясь теми объектами, которых не существовало или было недостаточно в старом мире. Так, например, церкви становятся клубами, музеями, планетариями — тем, что в

414 Боденшатц Х., Пост К. Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР: пер. с нем. СПб.: Verlagshaus Braun; SCIO Media, 2015; Конышева Е.В., Меерович М.Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М.: Ленанд, 2012; Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkley: University of California Press, 1997. 728 p.

наибольшей степени связано с идеями обновления и прогресса[415]. Аналогичным образом и кладбища, невостребованные в парадигме нового марксистского мышления, становились одним из пережитков, который необходимо было «изжить» в старой форме и переформатировать во что-то более «продуктивное».

Традиционное восприятие кладбища как “общины умерших”, отношения с которыми не прерываются после смерти, но постоянно поддерживаются и обновляются во время ежегодного посещения в родительские субботы, равно как и идея «воскресения в телах», которые определяли необходимость сохранения тела покойного для последующего воскресения во время второго пришествия Иисуса Христа, несомненно, теряли смысл в системе нового мировоззрения[416]. Смена доминирующего дискурса с православного на марксистский меняет и трансцендентные основания, лежавшие в основе традиционного восприятия кладбищ в целом и того, из чего они состоят — индивидуальных могил. Если жизнь человека полностью заканчивается после его смерти, имеет ли индивидуальная могила смысл? Могила становится проблемой — зачем тратить силы, время и другие ресурсы на уход за ними? Зачем вообще приходить к «своим могилам»? Традиционные «родительские субботы» — дни посещения кладбищ, обусловленные в первую очередь представлениями о бессмертии души — теряют смысл. Весь набор традиционных кладбищенских практик оказывается скомпрометирован и не востребован в новой системе ценностей. С компрометацией индивидуального

[415] Kelly C. Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918 — 1988. Illinois: Northern Illinois University Press, 2016. 440 p.

[416] О традиционном похоронном обряде русских см., например: Носова Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М.: Народы и культуры, 1999. 231 с.; Memento Mori: похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: ИЭА РАН, 2015; Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские: народная культура (история и современность). Т. 3: Семейный быт. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 231-265; Тульцева Л.А. Погребальные и поминальные обычаи // Русские. Этно-социологические очерки. М.: Наука, 1992. С. 355-361. О православном понимании смерти см., например: Игнатий (Брянчанинов). Слово о смерти. Минск: Свято-Елисаветинский монастырь, 2004. 336 с.; Иеромонах Серафим (Роуз). Душа после смерти. М.: Лепта Книга, 2006. 458 с. Об изменении православного понимания смерти в XX веке см.: Прот. Александр Шмеман. Литургия смерти. М.: Гранат, 2013. О похоронном обряде по уставу Православной Церкви в XIX веке см.: Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: в 2 ч. / С.В. Булгаков. Ч. 2. М.: Моск. отд-ние ВООПИИК, 1993. С. 945-1772. О современном понимании похорон Русской православной Церковью см.: Похороны по православному обычаю. М.: Лепта Книга, 2008.

захоронения перестает работать и связанный с ней традиционный сценарий мортальных практик.

Из всех пространств, связанных с захоронениями, в этом новом мире семантическая нагруженность сохраняется только у коллективных мемориалов павших за победу общества будущего — коммунистических площадок, речь о которых шла подробно в главе 2. Такого рода захоронения становятся мемориалами в гораздо большей степени, чем могилами, и воспринимаются скорее как публичное место, пространство государственного церемониала, а не как часть кладбища. Именно так — как значимый публичный локус — функционирует некрополь у Кремлевской стены в Москве. Это не место скорби и уныния, не место горевания и памятования, не место личной памяти родных захороненных там людей. Это главный локус политического ритуала страны — здесь проходят демонстрации и парады, здесь принимают в пионеры, здесь находится «пост номер один» и трибуна — место единения народа и власти. Именно такой публичный политический локус создает захоронение погибшего рабочего у Горкома в романе «Подземные воды», цитаты из которого приводилась в начале этой главы.

Деконструировав семантику базового компонента кладбища — могилы — новый миропорядок в конечном итоге деконструирует и кладбище как таковое. Кладбище как объект-пережиток трансформируется в публичные пространства двух типов — зеленые зоны для отдыха трудящихся и коллективные общественные мемориалы, где создаются коллективные переживания и формируется новый человек.

Между тем, подобная утопическая интерпретация мортальных пространств, обессмысливавшая и вытеснявшая событие индивидуальной смерти, таила существенный изъян. Даже в прекрасном мире будущего люди не будут жить вечно, и помимо прекрасных парков и скверов, новых домов и заводов, дворцов культуры и горкомов, новые города неизбежно должны были

создавать особые локусы утилизации мертвых тел — обычных, рядовых мертвецов, которые не были удостоены высокой привилегии упокоиться в черте коммунистических площадок. Таким новым локусом, который вполне вписывался в новый миропорядок, был технологичный крематорий — промышленный объект похоронной инфраструктуры.

3.4 Кремация как мортальная практика для города будущего

Как бы ни решалась проблема благоустройства кладбищ, для того, чтобы центральные городские некрополи стали парками, скверами или садами, необходимо было, несмотря на растущую численность городского населения, существенно приостановить расход земли под захоронения. Единственной возможностью для этого было скорейшее развитие кремации как нового и основного способа погребения. О том как развивалось советское кремационное движение подробнее речь пойдет в главе 4. Здесь же я остановлюсь на роли крематория как важнейшей части социалистического города будущего.

Преимущества кремации как способа захоронения, не требующего постоянного неограниченного прироста территорий кладбищ, отмечались в Европе задолго до прихода большевиков к власти в России[417]. Большевики вполне разделяли этот взгляд, и дополняли преимущества кремации как высоко технологичного, гигиеничного, «культурного, разумного, экономного и красивого способа погребения»[418] возможностью более рационального использования городских территорий: «При устройстве крематория все кладбища возможно превратить в сады. На этот путь вступили такие консервативные в религиозном отношении муниципальные Советы, как

[417] Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. P. 168, 276-267, 315.
[418] Бартель Г. Кремация. М.: М.К.Х., 1925. С. 4.

Парижский, постановлением которого кладбище Буа-де-Булонь превращено в площадку для спорта»[419].

В представлении современников именно широкое введение кремации должно было полностью освободить города от новых захоронений и кладбищ:

«В*место кладбища надо построить крематорий, а на месте кладбища разбить парк. Парк с театром, кино и культурными развлечениями. Кладбища из места пьянки, разврата и разбоя должны превратиться в места подлинного отдыха рабочего*.»[420]

Такое решение позволило бы не только решить проблему «культурного отдыха» рабочих, но и расширить полезное пространство для нужд сельского хозяйства:

«*В СССР ежегодно умирает около 4 миллионов человек, для которых требуется около 4 миллионов квадратных саженей земли. В одну и ту же могилу из года в год хоронить нельзя. Срок, после которого могилу можно вновь раскапывать и класть в нее новый гроб, продолжается 25 лет. Следовательно, для того, чтобы узнать — какое у нас количество земли занято под кладбища, необходимо четыре миллиона квадратных саженей помножить на 25. Получится не мало не много как сто миллионов квадратных саженей. Интересы расширения посевной площади и подъема народного хозяйства, таким образом, настоятельно требуют введения у нас кремации*»[421].

Какой бы вызывающей не казалась идея расширять посевные площади за счет кладбищ, эта практика действительно была распространена в 1920-30 годы. Такого рода инцидент описан, например, в рассказе В. Каверина

---

419 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 28 об.

420 Зудин И.И., Мальковский К., Шалашов П. Мелочи жизни. Л.: Прибой, 1929. С. 71.

421 Олещук Ф. Огненное погребение // Безбожник. 1927. № 15. С. 2-4.

«Чечевица» из цикла рассказов «Пролог» 1931 года[422]. В «Пролог» вошли рассказы, написанные Кавериным по результатам творческой командировки в совхоз «Гигант» Сальской области (город Сальск Ростовской области). Тексты, вошедшие в сборник, обозначены автором как путевые рассказы и описывают «новых людей в новых, еще не бывалых обстоятельствах». «Пусть увиденная автором жизнь была еще «не такой, какой она должна быть», но она оценивалась автором как пролог к большим свершениям нового человека»[423]. Главный герой рассказа — тракторист по прозвищу Чечевица, который запахивает строе деревенское кладбище, на котором похоронен его отец. Для Чечевицы, сына чабанов (пастухов), родившегося и выросшего в деревне неподалеку, это рационалистическое уничтожение «родных могил» — совсем не механическая работа. Он останавливается и полчаса «шлялся по кладбищу не очень веселый, не очень молодой, но зато какой-то отчаянный»[424]. Он долго стоял перед одной из могил, вероятно — перед могилой отца:

«*Он стоял подле одной из могил понурый и уже больше не свистал «саратовскую», а стоял тихо, опустив голову, поглядывая исподлобья на длинный сутулый крест.*

Так он смотрел на этот крест, как будто все собирался сказать ему что-то — и уже даже губы шевельнулись на заваленном пылью лице.

Он, казалось, спорил с кем-то, все начиная, все бросая на полуслове свой сердитый разговор — спорил и не мог сговориться.

Когда я вышел из часовни, он как будто бы уже отчаялся убедить того, с кем шел этот спор. Сердито посматривая на могилу, он отошел

[422] Каверин В. Чечевица // Каверин В. Пролог. Путевые рассказы. М.: Издательство художественной литературы, 1931. С. 18-26.
[423] Терентьева Д. Послесловие // Каверин В.А. Избранное. М.: Московский рабочий, 1963. С. 555.
[424] Каверин В. Чечевица // Каверин В. Пролог. Путевые рассказы. М.: Издательство художественной литературы, 1931. С. 25.

прочь, потом остановился, высморкался и задумчиво вытер пальцы о штаны»[425].

Однако в размышлениях Чечевицы нет места сомнениям. Он спокойно и все также молчаливо продолжает движение по кладбищу, «а сзади молчаливые пыльные ползли плуги, поднимавшие могильный дерн как одеяло»[426]. Закончив работу, он *лишь «остановился подле груды могильных крестов. Он поднял один из них — железный заржавленный крест, бог весть как попавший на бедное кладбище скотоводов. Он внимательно осмотрел его и, откинув сиденье, сунул его в ящик с запасными частями. — Гусеницы подтягивать! — прокричал он мне и засмеялся»* [427]. *Чечевица запахивал кладбище с могилами предков, не сомневаясь и не задумываясь о том, что тем самым «начинал биографию не только свою — своего поколения, — не только поколения — рода» и «отрекался — не за одного себя — от того, чем жил его отец и дед, и дед отца и дед деда»*[428].

Как будет показано в главе 4, разрабатывая пути выхода из кризисного положения в похоронной сфере в Москве и других городах в первые послереволюционные годы, коммунальные власти раз за разом делали упор именно на кремацию. Так, например, разрабатывая новые принципы работы отрасли в связи с переходом к Новой экономической политике в 1923 году, Московское коммунальное хозяйство предлагает в качестве основного такой вариант:

«*При устройстве крематория все кладбища возможно превратить в сады. … С закрытием кладбищ освобождается большая территория почти в центре Москвы, а также уменьшаются расходы, которые должны идти на поддержание кладбищ. Нельзя забывать также, что население Москвы*

[425] Там же. С. 24.
[426] Там же. С. 25.
[427] Там же. С. 26.
[428] Там же. С. 25.

увеличивается и конечно число смертных случаев возрастает и в силу этого придется думать об увеличении площади кладбищ, что невозможно будет сделать из-за отсутствия свободной земли, а устройство кладбищ под Москвой на расстоянии 50-100 верст едва ли осуществимо за дальностью разстояния, благодаря чему расходы на захоронение будут очень высоки и обременительны для неимущих. ... граждане, не желающие производить сжигание своих умерших [родственников], могут производить захоронение на кладбищах, каковые могут быть отведены за чертой Москвы на расстоянии не менее 15-20 верст»[429].

Легкость и даже легкомысленность, с которой отдел благоустройства относился к введению высокотехнологичной кремации, выражается и в том, что в предложениях отдела устройство районных (!) крематориев[430] и организация загородных кладбищ рассматриваются как равнозначные решения в условиях многолетнего дефицита бюджета[431]. Моссовет, однако, смотрел на ситуацию более реалистично и сделал акцент на немедленной организации загородных кладбищ[432]. Идея решать проблемы землепользования через введение кремации не была специфически московской. Районные и областные советы и исполкомы неоднократно декларировали скорое строительство крематориев в том или ином месте. Общество распространения и развития идей кремации предлагало включить в план первой пятилетки строительство 40 крематориев по всей стране[433]. Однако Донской крематорий, открытый в Москве в 1927 году, как я уже упоминала, надолго остался единственным систематически работающим крематорием в СССР.

---

[429] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 28 об-29.

[430] Отметим, что даже сейчас в Москве есть только 3 крематория.

[431] Ежемесячный дефицит бюджета составлял в 1923-1924 годах 3000 рублей золотом. (См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 638. Л. 6.)

[432] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 71, 75.

[433] ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 247. Л. 3.

Став единственным воплощением в реальность давней мечты о кремации, Первый Московский крематорий олицетворял собой весь тот набор идей, который формировал особое место крематория в пространстве социалистических городов будущего. Даже само место, в котором строился Московский крематорий, имело колоссальное значение в этом модернистском проекте. Хотя при подготовке архитектурного конкурса Московское коммунальное хозяйство рассматривало несколько вариантов площадок для строительства, выбор именно молодого Шаболовского микрорайона никак нельзя назвать случайным. Традиционно исследователи обращают большее внимание на тот факт, что крематорий был построен на территории Донского монастыря, а само его здание было перестроено из церкви[434], но, на мой взгляд, гораздо большее значение для понимания места Донского крематория в культуре того времени, играло то, каково было новое, советское окружение постройки.

Юго-западные окраины Москвы, прилегающие к окружной железной дороге, к моменту переноса столицы из Петрограда в Москву представляли собой малонаселенные и неблагоустроенные рабочие районы, с развивающимися промышленными предприятиями. Однако в видении ведущих советских архитекторов именно юго-западное направление должно было стать основным вектором расширения столицы, а новые кварталы юго-запада должны были застраиваться таким образом, чтобы создавать принципиально новую среду для жизни советских рабочих, что в итоге нашло отражение в генеральном плане Москвы 1935 года.

Одним из первых символов нового района, обновленной Москвы и новой жизни в целом, становится Шуховская телебашня, построенная в 1920-1922 годах в нескольких сотнях метров от Донского Монастыря. Именно с

[434] Кашеваров А.Н. Церковь и власть. Русская Православная Церковь в первые годы советской власти. СПб.: СПбГТУ, 1999; Малышева С. Красный Танатос: некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти. 2016. № 2. С. 22-46; Шкаровский М. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией // Клио. СПб. 2006. № 3. С. 158-163.

этой башни Радиостанции имени Коминтерна вещало сначала первое в СССР радио, а затем и телевидение. Радиовышка высотой 160 метров была в то время самым высоким зданием не только в столице, но и во всей стране. В 1927 — 1929 годах в районе строится и первый в СССР дом-коммуна — дом кооперативного товарищества «1-е Замоскворечье», а также Хавско-Шаболовский жилмассив.

Рабочий поселок не только отличался от окружающих построек в архитектурном плане, представляя собой своего рода манифест конструктивизма, но и предлагал совершенно иное понимание повседневной жизни рабочих, основанное на «научной организации быта трудящихся». Приступая к разработке проектов жилой застройки, архитекторы-конструктивисты стремились предусмотреть все возможные потребности будущих жителей и найти им место в будущих постройках. Дома включали не только жилые ячейки, но и столовую, клуб, ясли, детский сад. Отдельное место в научной организации быта трудящихся занимал вопрос социальной гигиены. Понимаемая крайне широко, социальная гигиена включала в себя самые разные формы, многие из которых сейчас мы могли бы обозначить термином «здоровый образ жизни», начиная от физической культуры и необходимости ежедневных упражнений, гигиены тела, и до необходимости создавать будущим жителям все возможности для более здоровой окружающей среды. Именно поэтому новые кварталы были оборудованы соляриями, душевыми и физкультурными площадками, а сами корпуса хавско-шаболовского жилмассива были расположены не традиционным образом — по краям квартала, а развернуты под углом 45 градусов для достижения максимальной инсоляции помещений.

Именно в этом, а совсем не в антирелигиозном контексте предстает перед нами крематорий и в публицистике 1920-х годов. Это один из важнейших кирпичиков строительства нового города, нового мира, построенного на научных началах, мира полного торжества рационализма:

«*… Новое побеждает старое.*

Вот оно, это новое: величественное, урбанистическое здание крематория. Вдали вышка радиостанции им. Коминтерна!..

А вот старое: красные стены былого Донского монастыря.

Где еще так разительно различие веков «нынешнего» и «минувших», где еще в мире — вышка радио и крематорий вырисовываются на фоне красных стен XVI века и шатровых колоколен, с которых глядел еще Дмитрий Донской…

<…>

Мы уходим от этого огненного кладбища. Мощным и легким видением встает радиовышка…

Строятся заводы и фабрики. Дышит мощно земля под белым снежным покровом.

Бегут трамваи. Идут экскурсии в Музей Донского монастыря. Ревут фабричные трубы…»[435].

Донской крематорий становится в определенном смысле воплощением утопии, а строительство крематория в центре нового Шаболовского рабочего поселка говорит нам о том, насколько важен этот тип погребения как часть жизни человека будущего. Так же, как обобществленный быт или радио.

Новые принципы застройки района находились в удивительном созвучии с основополагающими идеями кремационного проекта. Советские гражданские инженеры, разрабатывавшие и продвигавшие кремационный проект, видели свою деятельность неотъемлемой частью работы по созданию

[435] Маллори Д. Огненные похороны // Огонек. 1927. № 50. С. 16.

нового мира, в котором чистота и гигиена будут верным спутником трудящихся. Неслучайно, что одним из «пионеров кремации», активнейшим членом ОРРИК и идеологом строительства крематория становится бывший сотрудник Института социальной гигиены Гвидо Бартель. В своих многочисленных записках, докладах и отчетах именно научную организацию быта рабочих Бартель называет основным контекстом необходимости развития кремационного движения. Именно как одну из сторон научной организации быта трудящихся представляет кремацию в своей радио-беседе «Как хоронят по-новому» известный эколог и пропагандист Н.Н. Подъяпольский:

«*Кремация может дать много нового и полезного для организации быта трудящихся на научных началах. Тут и экономия места за счет мертвых в интересах живых. Тут и борьба с заразными болезнями. Тут и сбережение денег. Таким образом, кремация дает возможность избежать ничем не оправдываемые траты, которые имеют место при захоронении в земле*»[436].

Начиная с этого вполне невинного тезиса, Подъяпольский заканчивает свою беседу довольно радикальным пассажем, отсылающим нас одновременно к гигиеническому кремационному дискурсу периода похоронного кризиса, строгому функционализму социалистического города и новому пониманию того места, которое занимает могила в утилитарном мире нового человека:

«*Кремация, конечно, большой шаг в деле оздоровления нашего быта, его организации на научных началах. Но шаг этот не последний. Дело в том, что кремация еще оставляет место для прежнего отношения и в самой процедуре захоронения праха. При ней еще возможны и религиозные обряды, и напыщенная торжественность похорон, которая, в сущности, никому не*

[436] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 644. Л. 50.

нужна и только всем в тягость. Возможны и поклонение могиле, и, совершенно не нужные покойнику и обременительные для живых, расходы на сожжение и погребение. Нужно надеяться, что сознательность людей будет расти, и вся религиозная мишура со временем будет ликвидирована. На человеческий труп установится трезвый взгляд, как на животный отброс, имеющий определенную ценность и способный не только требовать расходов на его ликвидацию тем или иным способом, но могущий дать и известную выгоду при его утилизации, т.е. переработки в удобрение и проч. Об утилизации животных отбросов и ее значении в деле научной организации быта трудящихся услышите в моей следующей беседе»[437].

Хотя тезис Подъяпольского о том, что человеческое тело может после переработки «дать известную выгоду» звучит для нас достаточно дико, это был тот круг вопросов, который действительно волновал современников. Так, ОРРИК был вынужден сделать специальные запросы в утилизационный завод Мясохладобойни и в институт Социальной Гигиены для того, чтобы подготовить ответы на ряд вопросов, часто задаваемых посетителями экскурсий в крематорий, в частности — «Если труп утилизировать, на какую сумму можно получить веществ? Какие вещества? Что полезнее для круговорота веществ в природе — закапывание трупа или пепла сожженного?»[438]. Более того, такой взгляд на тело был характерен не только для экскурсантов ОРРИК, но и для европейских кремационистов. Так, ведущий британский кремационист, член Британского кремационного общества, Сэр Генри Томпсон полагал, что закапывать мертвые тела в землю — все равно, что зарывать деньги или другие ценности, не давая им возможности принести выгоду и пользу. Именно кремация, по его мнению, могла дать телам такую возможность. В своей работе 1884 года Томпсон проводит скрупулёзный расчет, согласно которому из 80 430 ежегодно умирающих в Лондоне и окрестностях должно получаться около 206 282

[437] Там же. Л. 52.
[438] ЦГА МСК Ф. Р-2512. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

фунтов золы, и 5 584 000 фунтов углекислого газа, необходимого для роста растений, высвобождение которого из земли в случае трупоположения растянулось бы на 50 — 100 лет[439]. Конечно, на рубеже XX века в Англии, и даже в конце 1920-х в СССР, в мире «до Холокоста», все эти рассуждения звучали совсем иначе, чем сейчас. Использование кремационного пепла выглядело вполне невинно и даже обнадеживающе — одним из элементов общего прогресса, который должен привести мир ко всеобщему процветанию. По точному выражению Т. Лакера, «быстрая, чистая, продуманная технология кремации наилучшим образом выражала модернистскую сущность научной программы XIX столетия применительно к пониманию проблемы смерти и шире — к пониманию человека. Это была революция»[440].

Таким образом посредством кремации смерть встраивается в уже имеющееся модернистское видение города и придает ей новый смысл. Смерть и похороны — это уже не «разлагающееся тело [положенное] в ящик определенной формы»[441], а часть сложного технологического процесса, который охватил всю Страну. Кремация дает освобождение от этих старых, почти изжитых смыслов. И именно поэтому наличие гроба как такового — того самого «ящика» — при кремации воспринималось как проблема, и большинство кремационистов находило нужным отдельно аргументировать его необходимость. Так, Г. Бартель писал: «Предвидя невольно возникаемый у всякого вопрос: разве сжигают с гробом? Отвечу следующее: Гроб неизбежен. Без него сжигать лучше, но при соблюдении вышеизложенных предписаний стоимость его сравнительно незначительна, он сгорает в несколько минут и зато с ним связан ряд больших удобств»[442]. Мертвое тело как объект благоговения отсутствует. Отсутствует кладбище и могила, которые надо посещать, ухаживать и благоустраивать, превращая смерть в

[439] Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton: Princeton University Press, 2015. P. 518-519.
[440] Там же. P. 502.
[441] Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых. М.: Новая Москва, 1926. С. 6.
[442] Бартель Г. Кремация. М.: М.К.Х., 1925. С. 37.

процесс. Вместо них возникает новый объект — крематорий, своим внутренним устройством и дымящимися трубами напоминающий завод. Смерть становится частью городского производственного цикла, создавая вокруг себя новое промышленное предприятие, которое производит потенциально полезный продукт.

Даже если речь не идет о превращении всех кремационных прахов в полезные удобрения, кремация как практика утилизации мертвых тел создает новый тип кладбищ — колумбарии. Возвышающиеся выше человеческого роста, стены открытых колумбариев, как и отдельно стоящие здания закрытых колумбариев, также отличаются от традиционных кладбищ, как «Новая Москва» с ровными улицами многоэтажной каменной застройки отличается от старой Москвы с разрозненными низкими одно-двухэтажными домами. И если традиционное кладбище и его могилы — это своего рода процесс, создающий возобновляемый ритуал ухода и заботы об умерших, ячейка в колумбарии — законсервированный объект. Небольшая, геометрически идеально ровная ниша в стене колумбария, в которой за стеклом помещается урна с прахом — это капсульное захоронение, не требующее ухода и обновления. Помещенное в цементной или кирпичной стене, оно не зарастает травой, не разрушается под воздействием дождя, ветра, снега и проходящих по нему людей, как это происходит с могильным холмом. Уход за таким захоронением делается раз и навсегда, тогда же, когда в ячейку помещается урна с прахом и закрывается стеклянная дверца. Даже и сейчас в колумбарии бывшего Донского крематория, сохранилось множество ячеек с истлевшими бумажными цветами, фотографиями и мемориальными предметами, интерьер которых, очевидно, не был ни разу нарушен или обновлен с момента захоронения в 1930-х годах.

Кремационный проект прекрасно вписался в раннесоветские утопии «городов будущего» с их строгим функционализмом и отсутствием

«лишнего»[443]. Рационализм кремации как идеального научного способа погребения в полной мере соответствовал рационализму нового городского планирования, а сам проект строительства крематория оказывается в одном ряду с новым видением урбанизации и городского планирования. Основанные на примате «научной организации быта трудящихся», оба эти проекта были призваны создать новую, принципиально иную среду для советских трудящихся, среду, основу которой составили бы чистота, рациональность и здоровье. Развиваясь рука об руку, эти проекты должны были разбить последние пережитки, стоящие на пути к новому миру:

«*В нашу эпоху победоносного пробивания знанием дороги даже в гущу наиболее отсталой части населения, знаменем которой становится просвещение и наука — нет у нас больше места для суеверий, предрассудков и косности! Вместе с автомобилем, трактором, электрификацией — дорогу кремации!*»[444].

[443] Хан-Магомедов С. Архитектура советского авангарда: в 2 т. Т. 2. М.: Стройиздат, 2001. С. 63-68.
[444] Бартель Г. Кремация. М.: М.К.Х., 1925. С. 57.

Глава 4. Кремация как новая погребальная практика

В декабре 1927 года Общество развития и распространения идей кремации вышло с предложением в Управление городских железных дорог Москвы об изменении названия одной из остановок 11-го трамвая с тем, чтобы, останавливаясь «у Донского проезда кондуктор оповещал пассажиров следующим образом: «Донской проезд — крематорий». Дело в том, что крайний интерес публики к новой столичной достопримечательности ограничивался незнанием того, где она помещается, что мешало экскурсантам от этого общества посещать Первый Донской Крематорий[445]. Регулярные экскурсии для групп рабочих и отдельных интересующихся проводились сначала в рамках работы выставки Музея коммунального хозяйства в Нескучном саду, а затем были продолжены как самостоятельное мероприятие. Экскурсии, действительно, пользовались популярностью. Так, например, их описывает историк Алексей Викторович Орешников, взгляды которого в целом были крайне далеки от большевизма:

«*Со старого кладбища я прошел на новое к крематорию, около которого стояла громадная толпа, ждавшая очереди на осмотр; пускали группами по записи бесплатно, но можно было, заплатив 25 к., пройти, что я и сделал. Насколько снаружи крематорий непривлекателен, настолько приятное впечатление делает внутри. Когда мы собрались около того места, где опускается гроб с телом вниз, нам какой-то интеллигентный молодой человек рассказал о кремации, показал, как пустой гроб поднимается снизу и опускается, провел к колумбарию, где расставлены в нишах урны [с] сожженными костями, рассказал пользу кремации и вред погребения; после спустились вниз к печи, где при температуре в 1000 по Цельсию сжигается труп; сегодня сжигали тело какого-то беспризорного, мы по очереди*

[445] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 649. Л. 138.

проходили к оконцу и, быстро взглянув, проходили дальше, можно было рассмотреть только клокочущее пламя»[446].

Невиданный ранее в стране крематорий был построен в самом центре прогрессивного и экспериментального Шаболовского рабочего поселка. Вместе с домами-коммунами, фабриками-кухнями, ажурной Шуховской башней, высокие трубы Первого Московского крематория олицетворяли прогресс и новые технологические завоевания общества будущего, которое, казалось, создавалось буквально на глазах. Именно таким — неотъемлемым элементом прогресса — предстает крематорий в очерке Д. Маллори, опубликованном в Огоньке в 1927 году:

«*Мы уходим от этого огненного кладбища. Мощным и легким видением встает радиовышка…Строятся заводы и фабрики. Дышит мощно земля под белым снежным покровом. Бегут трамваи. Идут экскурсии в Музей Донского монастыря. Ревут фабричные трубы…Жить, полной грудью жить! А когда умрем — пусть отвезут нас в крематорий, чтобы, вместо зараженной кладбищами земли, всюду разлилась трепещущая радостью и молодой свежестью жизнь!*»[447].

Для большевиков кремация становится наиболее привлекательным видом погребения. Восторженное отношение к кремации в полной мере отражено в ее определении, данном в первом издании Большой советской энциклопедии (1937 год), которое ставит выразительную точку в дискуссиях на тему кремации, которые 20 лет шли в советском обществе: «Кремация — является наилучшим способом погребения, к тому же в полной мере удовлетворяющим чувства эстетики и уважения к умершему»[448]. Как видим,

---

[446] Запись из дневника А.В. Орешникова от 18 ноября (5 ноября) 1928 г. (См.: Орешников А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 2 / сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко; отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 2011. С. 315).

[447] Маллори Д. Огненные похороны // Огонек. 1927. № 50. 11 декабря. С. 16.

[448] Кремация // Большая советская энциклопедия. Т. 34. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», ОГИЗ РСФСР, 1937. С. 713. Отметим, что в третьем издании Большой советской

для авторов и редакторов советской энциклопедии кремация — положительная, безусловно одобряемая и наиболее предпочтительная практика обращения с умершими. Конечно, ни самым распространенным, ни массово востребованным, ни даже одобряемым большей частью общества способом погребения кремация в СССР к тому времени совсем не стала (как, впрочем, не является таковой и до сих пор). Примечательна (учитывая консервативность культуры погребения) та стремительная эволюция, которую проделала политика одобрения этой похоронной практики в стране, где еще какие-то двадцать с лишним лет до появления этой энциклопедической статьи с «*наилучшим способом погребения, в полной мере удовлетворяющим чувства эстетики и уважения к умершему*» ассоциировался совершенно другой способ обращения с покойными — трупоположение и сопряженный с ним религиозный ритуал. Более того — вопрос о возможности кремации в России до революции долгое время оставался вне открытого обсуждения. Доминирующим способом погребения в Российской Империи было трупоположение, которое с точки зрения Православной Церкви в наибольшей степени соответствовало евангельскому «доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и во прах возвратишься» (Быт. 3:19)[449]. Несмотря на отсутствие прямого запрета на кремацию, равно как и указания на правильный способ погребения как в Св. Писании, так и в Св. Предании, что неоднократно отмечалось православными авторами с момента появления дискуссии о кремации в России, кремация считалась несовместимой с православной верой. Захоронение тела в виде пепла с точки зрения иерархов Православной Церкви противоречило идее о воскрешении в телах во время грядущего Страшного суда, когда «земля извергнет мертвецов» (Ис. 26:19) и «посеянное в тлении восстанет в нетлении» (1 Кор. 15:42). Библейская

энциклопедии (1973 год) о кремации говорится гораздо более сдержанно: «Преимущество кремации перед другими способами погребения заключается в полном и быстром (1 — 1.5 ч.) уничтожении органических веществ трупа в строго гигиенических условиях». (См.: Кремация // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 13. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1973. С. 373.)

[449] Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. С. 537.

максима «Дотоле же возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл. 12:7) трактовалась Церковью совершенно однозначно и делала кремацию неприемлемой для человека православного вероисповедания[450].

Законодательство того времени не просто не разрешало строительство крематориев на территории Российской Империи, но и запрещало вывоз тел российских поданных для кремации в других странах. Одна из позднейших брошюр о кремации так описывает эту коллизию: «В 1908 г. Святейший Синод на запрос Главного Врачебного Управления по делу жены генерала Духовского, просившей разрешения перевести тело ее, после ее смерти, в Гамбург для сожжения в крематории, ответил: «Признать, что сожжение покойника не согласно с учением православной церкви, поэтому в просьбе отказать». Другой подобный случай был в 1913 г. Пепел от тела русского купца Бойтмана, сожженного в цюрихском крематории, был доставлен для погребения в Россию. Когда жена покойного обратилась к Курскому архиерею с просьбой «отпеть покойника», архиерей, снесшись предварительно с синодом, ответил: «отпеваться может прах-тело, но не прах-пепел»»[451]. Среди книг, конфискованных или отмеченных при обысках «политических» преступников тексты о кремации находятся в одном ряду с революционной нелегальной литературой[452].

Несмотря на негативное отношение Церкви, вопрос о легализации кремации неоднократно поднимался до Революции. Так, в 1909 году и позже, в 1914 году, министерство внутренних дел выступало с предложением о введении нового похоронного устава, предполагавшего легализацию кремации, однако, законопроект этот принят не был[453].

---

[450] О христианском погребении усопших. 5 мая 2015 [Электронный ресурс] // Сайт «Prichod.ru».
[451] Олещук Ф. Огненное погребение // Безбожник. 1927. № 15. С. 2.
[452] ГА РФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 2040.
[453] Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. С. 537; ГА РФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 443. Л. 10-40.

Кремация в России была легализована 7 декабря 1918 года декретом СНК о кладбищах и похоронах. Хотя на момент принятия документа на территории молодого государства не было ни одного крематория, декрет передавал все крематории страны, наряду с кладбищами и моргами, в ведение местных Советов[454].

4.1 Европейская дискуссия о кремации XIX века

Несмотря на формальный запрет на кремацию Российских подданных и строительство крематориев, кремационное движение со времени своего появления в Российской Империи в конце XIX века и вплоть до открытия первого крематория в 1927 году находилось внутри хорошо разработанного европейского кремационного проекта. Европейские книги о кремации, которые могли принести неприятности своим владельцам, попадали в Россию в числе прочей нелегальной литературы[455]. Российские инженеры не просто испытывали теоретический интерес к новой похоронной технологии, но и активно исследовали ее возможности. Так, гражданский инженер Бронислав Казимирович Правдзик, который позже будет принимать самое деятельное участие в строительстве первого Петроградского крематория и проектировании первых советских кремационных печей, еще в 1892 году публикует по результатам своей поездки в Европу подробный отчет о состоянии там кремационного дела, технических возможностях кремации и видах кремационных печей[456]. Пятнадцатью годами позже, в 1908 году, аналогичную книгу публикует инженер московской городской управы Ив. Лавров[457]. Книга начинается кратким рассуждением о необходимости введения кремации в России и заканчивается подробной и обстоятельной

[454] Декрет СНК о кладбищах и похоронах // Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. Т. 4. С. 163-164.
[455] ГА РФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 2040.
[456] Правдзик Б.К. Кремация. Краткий обзор исторических фазисов ее распространения и подробное описание приборов, применяемых в настоящее время. Из отчета по поездке за границу с ученой целью. СПб.: Типография В.И. Штейна, 1892.
[457] Лавров И.В. Трупосожигание и крематории. М.: Городская типография, 1908.

таблицей статистики по кремации в городах Германии, Дании, Англии, Италии, Франции, США, Канады, Норвегии, Швеции, Швейцарии в 1878 — 1907 годах[458]. Все популярные и теоретические работы о кремации, как до революции, так и после, всегда начинались с пространного раздела о состоянии кремационного движения в Европе, причинах и истории его появления и развития. Неудивительно поэтому, что при работе над созданием первого Донского крематория активнейший член Общества развития и распространения идей кремации Г. Бартель выхлопотал себе разрешение на поездку в Германию для того, чтобы лично ознакомиться с тем, как работают крематории там[459].

Индустриальная революция, сопутствующий ей распад традиционных структур общества и резкий рост урбанизации существенно изменили не только отношение к человеческой индивидуальности и телесности, но и повлияли на практики захоронения тел в городах. Так, рост городов привел к росту эпидемий, а увеличившаяся смертность в свою очередь привела к росту кладбищ и плотности захоронений на них. Это заставляло все чаще обращаться к вопросу о необходимости изменений не только в похоронном законодательстве, но и в самой технологии избавления от мертвых тел. Переполнение кладбищ внутри разросшихся городов выводит на первый план вопросы гигиены и новых технологий. Кремация оказывается похоронной технологией, позволяющей решить сразу несколько проблем. Во-первых, сдерживать рост территорий кладбищ. Во-вторых — контролировать эпидемиологическую ситуацию. В-третьих — сделать похороны более экономичными за счет технического прогресса.

Преимущества кремации как более прогрессивного способа захоронения, не требующего постоянного неограниченного прироста

[458] Там же. С. 20-25.
[459] ЦГА МСК Ф. Р-2512 Оп. 1. Д. 3. Л. 26, 26 об., 27, 27 об., 33.

территорий кладбищ, отмечались в Европе задолго до прихода большевиков к власти в России[460]. Данные процессы, проходившие в большинстве развитых стран в середине-второй половине XIX века, были связаны с широким кругом вопросов, вставáвших перед обществами в момент перехода к эпохе перманентного конструирования и воспроизводства «современности», то есть к эпохе модерна, в том числе вопросов секуляризации частной жизни и изменения отношения к человеческому телу. Именно поэтому, несмотря на специфические процессы, происходившие в России после революции 1917 года, история введения кремации в нашей стране должна быть рассмотрена в контексте истории введения кремации в других странах Европы и Америке.

Кремационный проект оказался точкой пересечения нескольких важных идеологем нового советского строя. В этом большевики наследовали левому движению в целом. Начиная с периода Великой Французской революции, когда идеи кремации использовались для де-христианизации похоронных ритуалов[461], кремация тесно ассоциировалась с политической борьбой тех групп, которые стремились поколебать авторитет христианских институтов, в первую очередь — Католической церкви[462]. Левое революционное движение повсеместно придерживалось идей кремации. Наиболее сильным фактором влияния оказалась революция 1871 года во Франции, когда деятели Парижской Коммуны демонстративно использовали кремацию для похорон своих соратников. Анархизм и социализм были двумя главными политическими силами, использовавшими идеи кремации как средство политической борьбы. Так, подчеркивая эту связь, Р. Хацеманн отмечает, что вплоть до 1914 года идеи кремации были крайне слабо развиты в южной Европе, за исключением Италии и Испании, в которых были

[460] Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. P. 168, 276-267, 315.
[461] Prothero S. Purified by Fire: A History of Cremation in America. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001. P. 9.
[462] Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. P. 338.

достаточно сильны идеи анархизма[463]. В отличие от французских революционеров, для которых основным преимуществом кремации оставалась ее антихристианская направленность, социалисты и анархисты рубежа XIX — XX веков видели в новом способе погребения и другие преимущества. В 1920-е годы аргентинские кремационисты утверждали, что «очистительный огонь кремации смывает отвратительные классовые привилегии»[464]. Кремация оказывалась своеобразным социальным лифтом, который позволял отчасти компенсировать страдания и неравноправие, с которыми сталкивались бедные рабочие при жизни. Международный кремационный конгресс в Праге 1936 года утверждал, что «бедные люди, которые при жизни страдали от человеческого эгоизма, должны быть после своей смерти вознаграждены кремацией»[465]. С другой стороны, распространение кремации означало, что меньшее число рабочих, которые не могут позволить себе жить в престижных районах, будут вынуждены жить вблизи традиционных кладбищ, неблагополучных в санитарном отношении. Результатом этого стало появление по всему миру кремационных обществ, костяком которого становились именно члены рабочего движения. В 1904 году создается отдельное «рабочее крыло» Австрийского кремационного общества, которое в 1922 году перерастает основную организацию и выходит из ее состава. К началу 1930-х годов членами рабочего кремационного движения Австрии являлись 160 тысяч человек и общество продолжало набирать популярность до тех пор, пока в 1934 году не было запрещено[466].

[463] Hazemann R.H. The Social and Cultural Aspect of Cremation, paper presented at the Grenoble ICF Congress, 1972. P. 3. (Cit. ex: Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. P. 338.)
[464] Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. P. 339.
[465] Report of the International Cremation Congress in Prague, CRE/D4/1936/3, 1936 P. 42. (Cit. ex: Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. P. 339.)
[466] Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. P. 339.

Хотя в других странах кремационное движение среди рабочих не достигало такого размаха, интерес рабочих к кремации всегда оставался сильным.

Другой чертой, которая сближала кремационное и левое движение, была их подчеркнуто интернационалистская направленность[467]. После создания Коминтерна в 1919 году, кремационисты коммунистических взглядов пытаются использовать его для пропаганды своих идей и для объединения кремационных обществ в мире. Так, в 1936 году, вскоре после ликвидации Общества распространения и развития идей кремации в СССР, один из его основателей и наиболее активных членов, Г. Бартель обращается к Хрущеву, в то время первому секретарю МК и МГК ВКП(б), в надежде выйти через него на ЦК и Политбюро, с просьбой содействовать продвижению его переговоров с руководителем Коминтерна Г. Димитровым. Переговоры эти касались идеи Бартеля о создании интернационального бюро по кремации при Коминтерне с тем, чтобы ведущие позиции в этой сфере не заняли «немецкие и шведские фашисты». Проект предполагал открытие филиалов общества во Франции, Англии, США, в Скандинавских странах, на Балканах, и в Швейцарии. Это позволило бы в завуалированном виде, через пропаганду идей кремации, «привлекать симпатии общественности», а также такое общество могло бы служить дополнительным каналом для переговоров в случае «навязанной нам войны»[468]. Данный вопрос, однако, было решено «оставить без движения»[469]. Запросы на использование Коминтерна для развития кремационных идей поступают и с противоположенной стороны. Так, в октябре 1936 года, в разгар гражданской войны в Испании, муниципалитет испанского города Игуалада, входящего в провинцию Барселона, направляет в Москву ряд телеграмм с просьбой прислать общие сведения об устройствах крематориев и о кремации, которая должна была, по их представлениям, в скором времени полностью заменить собой кладбища.

[467] Там же. P. 340.
[468] ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 15.
[469] Там же. Л. 14.

Успешный опыт введения кремации в СССР оказывался в одном ряду с другими социальными преобразованиями страны советов, которые являлись «неистощимым источником опыта и достижений» для испанских коллег-коммунистов[470].

Несмотря на популярность идей кремации у левых политических активистов, лидеры глобального кремационного движения вплоть до второй половины XX века подчеркивали, что в своей основе его цели не были связаны ни с религией, ни с политикой, а левый характер, который движение приобрело, связан с тем, что «люди консервативных взглядов как правило настроены против кремации, а все, кого можно назвать мало-мальски левым, как правило ее поддерживают»[471]. Однако, чем бы ни был продиктован интерес левого движения к кремации, в целом его представители не стояли у истоков зарождения новой похоронной практики в Европе, а ее появление в общественной повестке связано с серьезными изменениями, произошедшими в европейских обществах на рубеже XVIII — XIX вв.

4.2 Биологизация и десакрализация смерти и мертвого тела

Анализируя причины полного отказа от кремации в Европе в середине первого тысячелетия нашей эры, Т. Лакер отмечает, что за этим процессом не стояли ни специфические религиозные идеи, ни влияние восточного мистицизма, ни нехватка древесины. Это было не более, чем изменением моды среди богатых аристократических слоев населения, которая постепенно распространилась и на другие сословия[472]. Возвращение и нарастание интереса к кремации как к новому и более прогрессивному способу обращения с умершим телом в XIX веке в большом числе европейских стран и Америке после многих веков доминирования трупоположения, как основной

[470] Там же. Л. 2.
[471] Report of the ICF Triennial Congress at Oslo, CRE/D4/1954/2, 1954. P. 11. (Cit. ex: Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. P. 340.)
[472] Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 491.

погребальной практики в христианском мире, может быть объяснено аналогичным образом. Появление и распространение кремационного движения, создание кремационных обществ в Европе во второй половине XIX века не было связано напрямую с социальными, культурными, религиозными или экономическими изменениями, однако аристократия, образованные и обеспеченные слои общества проявляют все больше и больше интереса к этому виду погребения, финансируют строительство первых крематориев, принимают участие в популяризации идеи кремации и завещают кремировать свои тела после смерти.

Как отмечает Лакер, этот своего рода бум кремации в Европе второй половины XIX века, хотя и не имел непосредственных причин в изменившейся повседневности, стал результатом серьезных изменений понимания человека и его смерти, начавшихся в XVII веке и достигших своего апогея в XVIII веке в эпоху Просвещения[473]. Первым изменением, произошедшим в этой области, стал переход от множественности смертей к Смерти как общему, универсальному концу жизни всех живых существ. Смерть человека постепенно перестает восприниматься как особенное явление, отличное от смерти любого другого живого существа. С потерей присущего человеческой смерти метафизического измерения, предполагавшего отделение бессмертной души от бренного тела, смерть всех живых существ, включая человека, начинает восприниматься одинаково — как «такого рода разрушение жизненных органов, после которого они не могут быть оживлены»[474]. Смерть человека больше ничем не отличается от смерти другого живого существа. Мертвые тела человека, лошади, коровы или свиньи больше ничем не отличаются друг от друга, и требуют одинакового к себе отношения — скорейшей утилизации.

[473] Здесь я следую за анализом, изложенным Т. Лакером. (См.: Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 502-510.)
[474] Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 504.

Эти изменения выводят на первый план биологическую интерпретацию смерти человека. Если смерть перестает быть рубежом разлучения души и тела, то какое критически важное значение для живых она имеет (и имеет ли вообще)? Мертвое тело человека больше не является «собственностью» церкви и начинает восприниматься как часть науки о жизни, как инструмент и источник знаний о живом. Смерть дает возможность лучше изучить болезни и придумать более эффективное лечение — перспектива, давшая мощный толчок развитию патологической анатомии. Внимательное наблюдение и изучение тех процессов, которые происходят с телом после смерти приводит к еще одной трансформации. Мертвец перестает восприниматься как покинутая душой бренная оболочка, выставленная в храме среди благовоний и торжественных песнопений в качестве напоминания о жизни вечной. Теперь это разлагающаяся плоть, которая выделяет заразу в окружающее пространство. «Мертвое тело кишит жизнью, но это не его собственная жизнь»[475] — говорит по этому поводу Сэр Генри Томсон, один из виднейших энтузиастов кремации в Англии. Смерть становится диагностической категорией, а вопрос о том, что значит быть мертвым, становится вопросом технических навыков, ставящий новую задачу — как полностью и наиболее гигиеничным образом уничтожить всю заразу, которая исходит от мертвого тела.

Мертвое тело, таким образом, все больше ассоциируется с мусором, а вопрос о правильном обращении с ним получает новый закономерный ответ — так же, как и мусор, мертвое тело должно быть уничтожено и как можно быстрее, безопаснее и технологичнее. И лучшим средством очиститься от этой нечистоты является огонь.

Рост городов в эпоху промышленных революций, ухудшение санитарной обстановки, эпидемии и переполненность городских кладбищ на

[475] Там же. P. 506.

рубеже XVIII — XIX веков были ключевыми факторами изменения похоронных практик по всей Европе[476]. Традиционный способ захоронения в землю все чаще ассоциировался с угрозой распространения инфекций. Однако, несмотря на общий гигиенический пафос кремационного движения, всплеск интереса к новой погребальной практике в 1870 — 80-х годах не был напрямую обусловлен серьезными гигиеническими или санитарными проблемами, связанными с похоронами. Большая часть проблем такого рода в странах Европы и в Америке была к тому времени успешна решена: новые и старые кладбища не были переполнены, а многие кладбища, которые когда-то действительно представляли санитарную опасность, были к этому времени закрыты и превращены в парки или застроены новыми городскими кварталами[477].

Таким образом, хотя кремационное движение в целом развивалось в русле просветительских представлений о гигиене, которые предусматривали утилизацию трупов наиболее безопасным и технологичным способом в интересах общественного блага, в реальности мертвые тела и зараза, распространяемая ими через кладбища, перестали нести в себе угрозу задолго до появления первых кремационных активистов.

Тем не менее, отсутствие прямой угрозы заражения через кладбищенские пространства не меняло общественное отношение к мертвому телу в лучшую сторону. Развитие медицины и открытие в 1878 — 1884 годах Робертом Кохом бацилл сибирской язвы, туберкулеза, холерного вибриона, а также биологических источников других инфекционных заболеваний, делало мертвое человеческое тело, особенно если речь шла о смерти инфицированных больных, все более и более опасным в глазах общества. Вместе с тем, и кладбища с сотнями разлагающихся и распространяющих

[476] Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 23; Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 226-227.
[477] Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 510.

инфекцию трупов, хотя и не несли в действительности никакой угрозы горожанам, представлялись обывателям все более и более опасной частью городской среды[478]. И именно кремация воспринималась как та технология, которая могла уничтожить мертвое тело еще до того, как зараза, живущая в нем, начнет распространяться[479].

Развивая эти идеи, гигиенисты второй половины XIX века, такие как Уильям Исси и Эдмунд Паркс, все чаще уподобляют человеческие трупы городским отходам. Поэтому неудивительно, что технологически кремация развивается параллельно с идеей технологической борьбы с городским мусором путем его сжигания. Идея сжигания городского мусора, как бытового, так и человеческих экскрементов и трупов животных, становится все более популярной во второй половине XIX века.

Начиная с середины XIX века санитарные власти многих городов приходят к выводу, что огонь является наиболее гигиеничным и эффективным способом борьбы с мусором. Он позволяет уничтожать все виды мусора без остатка, избегая трудоемкой процедуры его предварительной сортировки. С 1870-х годов этот метод переработки мусора успешно применялся в европейских и американских городах. «Разрушитель мусора», как окрестили американские газеты мусоросжигательную станцию в британском Лидсе, уничтожал до 60 тонн отходов в сутки. Мусоросжигательная станция, представленная на Колумбийской Выставке в Чикаго в 1893 году (и одновременно перерабатывавшая ее отходы), описывалась как способная переработать «любые отбросы, жидкие нечистоты, отходы, мусор, навоз и тела животных», не выделяя при этом ни запахов, ни копоти, ни дыма[480]. Такого рода характеристики безусловно вдохновляли пропагандистов кремации того времени. Совпадала даже используемая при описании кремации и сжигания

[478] Там же.
[479] Там же. P. 512.
[480] Strasser S. Waste and Want: A Social History of Trash. New York: Picador Paper, 2000. P. 248-250.

мусора техническая терминология: установки для сжигания мусора обозначались как sanitary garbage cremators, а печь для уничтожения мусора и камера для сжигания человеческих останков до сих пор обозначаются одним и тем же словом — incinerator. Так же, как и в случае с кремацией, толчком к созданию «мусорных крематориев» часто оказывались эпидемии. Так, например, мусоросжигательная станция в Лоуелле, штат Массачусетс, была открыта после эпидемии холеры[481].

Несомненно, развитие идей кремации стало результатом четкого и ясного запроса эпохи — «мертвые должны принадлежать исключительно … тем, кто мог наиболее эффективно и гигиенично утилизировать органические отходы (химикам, санитарным инженерам, металлургам, врачам и техническим специалистам различных специальностей) и никому другому»[482]. И инженеры здесь играли важнейшую роль. Кремация развивается не только рука об руку с развитием мусороперерабатывающих технологий, но и с развитием техники в целом. Регенеративные печи Фридриха Сименса, совершившие в 1856 году переворот в металлургии и стекольном производстве, оказались в 1874 наиболее пригодными для одной из первых публичных кремаций, когда в незначительно перестроенной печи Сименса было сожжено тело 24-летней Леди Дилке[483]. Немецкая фирма-производитель кремационных печей «Топф и сыновья»[484], первоначально специализировалась на производстве отопительных систем и пивоваренного оборудования, а позже расширила свое производство, включив в него мусоросжигательные и кремационные печи.

[481] Там же. P. 251.
[482] Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 501.
[483] Там же.
[484] Эта же компания позже поставляла кремационные печи в немецкие концентрационные лагеря.

4.3 Опыт катастрофы

Гигиенический пафос европейского кремационизма во многом являлся умозрительным. Кладбища крупных европейских городов были в целом реформированы на рубеже XIX — XX веков, последние крупные городские эпидемии относятся к первой половине XIX века, а такие сопряженные с большим числом смертей события, как Крымская Война, происходят далеко за пределами Европы. Несомненно, большую роль в развитии и принятии кремации населением европейских стран сыграла Первая Мировая война, серьезно изменившая восприятие европейцами как смерти, так и мертвого тела. Однако, наибольший интерес к кремации и усилия по ее легализации в Европе пришлись на относительно тихие (по крайней мере в санитарно-гигиеническом отношении) 1870 — 1880 годы. Конечно, большинству образованных людей были очевидны те угрозы, которые может нести в себе не вовремя или недолжным образом погребенное тело, но это не были реальные угрозы, перед с которыми люди сталкивались в своей повседневной жизни.

Контекст развития кремационного движения в Советской России был совсем другим. Острейший кризис, охвативший страну в первые послереволюционные годы, позволил всем и каждому осознать опасность, которую несли в себе мертвые тела. Неожиданные и невиданные ранее перемещения больших масс людей, голод и войны, толкали людей в большие города. Эпидемии тифа, холеры и других болезней, сопутствовавшие этим миграциям, заставили городские власти по всей стране столкнуться с проблемой резкого роста абсолютного числа смертей. Городские муниципалитеты и похоронные службы оказались в силу ряда причин не в состоянии справиться с огромным числом трупов, заполнивших больницы, мертвецкие, кладбища и обочины железнодорожных линий[485]. Справиться с

[485] Подробнее о похоронном кризисе, его причинах и путях преодоления см. главу 5

проблемой не удавалось в течение нескольких месяцев, что грозило еще большей санитарной катастрофой с наступлением тепла поздней весной и летом. Описания ситуации в отчетах и воспоминаниях современников рисуют действительно ужасающую картину.

В Москве пик похоронного кризиса приходится на зиму 1918 — 1919 годов. Вот как описывает его отчет “О состоянии похоронного в Москве дела в связи с национализацией кладбищ и похоронных бюро”, составленный юрисконсультским отделом Народного Комиссариата Государственного Контроля:

«Точных и полных сведений о числе трупов и местах нахождения их по всей Москве добыть не удалось. <...> ... трупы стали доставлять на кладбище из военного госпиталя на возах, оголенные, неприкрытые. Много трупов <...>, лежало на кладбище перед Р.Х. н.г. не в могиле, а просто на земле без гробов, в данное время на кладбище имеется незакопанная братская могила, в которую ожидается поступление до 300 трупов из госпиталя Петра 1 <...>, находящиеся в могиле трупы, повидимому разлагаются. Заслуживает особого внимания, что в морг того же госпиталя в ночь на 25 декабря 1918 года было доставлено сразу только 23 трупа в санитарном, а не в специальных вагонах трамвая[486]*, остановились с трупами, не доехав, вследствие снежных заносов, полторы версты у бывш. Алексеевского военного училища, трупы оказались в таком безобразном виде, что это вызвало волнение собравшейся утром толпы в 300-400 человек, такое волнение, что пришлось вызвать военную силу. <...> трупы ... находятся в сильной степени разложения. <...> Их свалили в большом количестве друг на друга, так как форма лица и туловища от сильного сдавливания были изменены. На некоторых трупах была часть собственной одежды, на многих*

[486] В целом санитарные нормы в Москве того времени явно не соответствовали эпидемической ситуации. Так, по отдельным сведениям, трупы умерших от заразных болезней могли перевозиться даже на хлебных подводах. (См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об.)

— нижнее белье, иные были совсем голые. По билетикам на трупах трудно было определить личность покойного»[487].

Ситуация в других городах была даже хуже. Зимой 1919 — 1920 года в разгар Гражданской войны Новониколаевск (Новосибирск), крупнейший город Сибири, был охвачен эпидемией тифа. Жертвами болезни стала почти половина населения города. Городским властям требовалось срочно захоронить десятки тысяч (!) трупов, большая часть которых не была опознана. Историк Екатерина Красильникова приводит в своей книге воспоминания «старого большевика» А. Денисова, участвовавшего в «очистке» города после оставления его армией Колчака:

«*Мы получили в наследство 62000 трупов. Могилы мы делали сразу на 8000 трупов, а потом заливали их извёсткой, чтобы не распространялась зараза. Частично сожгли их в Гофмановых печах. Опускали туда трупы сверху через люк... В каждом доме почти были расположены белогвардейцы, в каждом доме был тиф. Чтобы не хоронить мертвых, жители закапывали их в снег, вывозя на улицу, больше на Базарную площадь. Выйдешь, а из снега то ноги торчат, то еще что-нибудь. Мы свозили их к Военному городку. Когда эти 62 тысячи были сложены в штабеля, то получилась колоссальная скала, горы настоящие. Это было что-то кошмарное*» [488].

Как и во время похоронного кризиса в Москве, в Новосибирске значительная часть тел поступала с железной дороги. В город прибывали целые вагоны трупов самого разного происхождения. Среди них были и солдаты армии Колчака, и беженцы, и пленные, и партизаны. Даже разгрузка этих вагонов, не говоря уже об утилизации тел, требовала колоссальных

[487] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 12. См. также: Merridale C. Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia. New York and London: Penguin Books, 2002. P. 132.
[488] Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.): монография. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. С. 121.

ресурсов, которых в условиях гражданской войны не было. Специальная комиссия, созданная для борьбы с эпидемией и ее последствиями — Чекатиф — вынуждена была прибегнуть к использованию горожан в качестве рабочей силы, созывая субботники для разгрузки этих вагонов[489].

Как отмечает Красильникова, в результате этих событий «пошатнулось традиционное восприятие самого кладбища как святого места. Теперь оно ассоциировалось с «кучами» трупов, тифозной заразой и гуманитарной катастрофой, в которой вынуждены были выживать любой ценой десятки тысяч человек»[490]. Для европейских кремационистов второй половины XIX века зараза, распространяемая трупами, была своего рода аналитической категорией, теоретическим знанием, полученным в результате развития наук о природе и человеке. Для советских работников коммунального хозяйства, инженеров и просто горожан это была реальность, с которой они столкнулись лицом к лицу. Сотни и тысячи тел людей, погибших от эпидемических заболеваний не только продолжали распространять заразу, но и привлекали к себе животных — разносчиков инфекций — крыс, собак, кошек, лис, волков. А с наступлением теплых месяцев усилившиеся процессы разложения и гниения грозили окончательно превратить жизнь выживших в ад. Эти тела должны были быть погребены не только как можно скорее, но и как можно гигиеничнее.

Аналогичным образом на практики body disposal[491] в Европе повлияла Первая мировая война. Массовая гибель людей вдали от дома и семьи, несомненно, существенно повлияли как на позиции Церкви в обществе, так и на изменение отношения к смерти. Скорбь в отсутствии физической

[489] Там же.
[490] Там же. О переживании травмы, связанной с Гражданской войной, восстаниями 1920-х годов и их влиянием на структуры исторической памяти см. также: Кравченко А.В., Ломакин Н.А., Склез В.М., Соколова А.Д. Парадоксы темпоральности: память о крестьянских восстаниях 100 лет спустя // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 144-165.
[491] Body disposal — устоявшийся термин в области исследований похоронных практик. На русский язык его можно было бы перевести как практики «утилизации тел», однако, на мой взгляд, по-русски это звучит несколько провокативно, поэтому в тексте я буду использовать этот термин по-английски.

возможности похоронить своих близких переводит смерть и похороны из общественного события в более приватный регистр. Усталость от огромного числа жертв, их дистанцированность, невозможность осмыслить эти события в привычных категориях религии и обрядности, привели к тому, что понятный и монолитный сценарий смерти и похорон распался, дав возможность каждой семье принимать решение о способе похорон и церемониале самостоятельно[492]. В ситуации похоронного кризиса 1918 — 1920 годов, когда значительная (и даже большая) часть тел даже не была опознана, эти решения должны были быть приняты не на уровне семей, а на уровне городских и муниципальных властей. Горы скопившихся деформированных, частично объеденных животными человеческих тел порождали ситуацию своеобразного семантического ступора — стрессового переживания, которое невозможно осмыслить через традиционные похоронные практики, предлагавшие процессуально устоявшееся осмысление факта смерти. Решение этой гуманитарной катастрофы не могло быть найдено в индивидуальных захоронениях по традиционному обряду. Новый способ захоронения должен был не только справиться с большим числом тел, но и сделать это максимально гигиенично.

Первым и наиболее очевидным способом решения задачи утилизации «штабелей из трупов»[493] были коллективные захоронения. Практически все свободные площади на кладбищах Москвы были заняты в этот период братскими могилами. Аналогичным образом проблема решалась и в других городах Центральной России[494]. Однако, сибирские города были гораздо менее пригодны для этого. Рыть огромные братские могилы в мерзлой земле

[492] Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 98-101.
[493] Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.): монография. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. С. 121-122.
[494] Malysheva S. The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death // Slavic Review. Cambridge: Cambridge University press. 2017. Vol. 76(3). P. 647-654.

Новониколаевска было невозможно[495]. Стоит отметить, что коллективные анонимные захоронения в этот период не были настолько шокирующей практикой, какой они воспринимаются в настоящее время. Так, значительная часть захоронений в Лондоне оставались коллективными вплоть до Второй Мировой войны[496]

Бессилие в решении проблемы традиционными методами захоронения в землю заставляет власти и просто энтузиастов в различных городах искать альтернативный путь решения в технологии кремации. Новая, запрещенная ранее практика, воспринимается как своего рода технологическая панацея перед лицом коммунального бессилия новых властей. Сожжение тел инфекционных больных позволяло остановить распространение заразы, которую они продолжали распространять и после смерти. Такой способ утилизации большого числа мертвых инфицированных тел не был ни в коем роде новацией. Сожжение тел при эпидемиях и во время войн практиковалось как в Российской Империи, так и в Европе XIX века как ситуативное санитарное решение проблемы. Однако, сжигание сотен и тысяч тел в городах прямо на открытом воздухе было бы не меньшей социальной травмой, чем штабеля мертвецов, лежащие на кладбищах. Кроме того, это потребовало бы огромного расхода топлива, которое также было в этот период в дефиците. И хотя в некоторых ситуациях власти прибегали к такому способу кремации[497], это не могло, конечно, стать систематичной практикой. Такого рода утилизацию тел нельзя было назвать не только «удовлетворяющим чувства эстетики и уважения к умершему», но и просто гигиеничной и технологически эффективной.

[495] Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.): монография. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. С. 121-122.
[496] Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 104.
[497] Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.): монография. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. С. 121-122.

Кремация как новая погребальная практика представляла собой нечто иное. В первую очередь это была новая и интригующая технология. В этом смысле крематорий становился в один ряд с другими культурными проектами эпохи, олицетворяющими победу техники над отсталым прошлым. Крематорий — это еще один завод, машина, работающая на благо человечества. Общая очарованность невиданными технологиями, в целом свойственная этому периоду, делала пока что недоступную технологию кремации особенно пленительной, заставляя воспринимать ее в более утопическом, чем ситуативное решение проблемы ключе — как гигиеническую панацею. Однако, как бы ни была привлекательна эта новая технология, она не существовала на практике, а самым близким технологическим решением оставались печи для сжигания мусора.

Специальная комиссия Народного комиссариата государственного контроля, обследовавшая похоронное дело в Москве в середине января 1919 года, пришла к выводу, что положение дел столь плачевно, что, помимо других мер, необходимо возбудить вопрос о «сжигании трупов, хотя бы и не всех, а лишь умерших от эпидемических болезней, если предавать их земле не представляется возможным в кратчайшие сроки»[498].

«Наличность значительного числа неубранных трупов, накопившихся в лечебных заведениях Москвы благодаря холодам в настоящее время не проявляется в виде усиления эпидемических заболеваний, но несомненно, что такое «благополучие» окончится с наступлением весны, когда неубранные своевременно или ненадлежащим образом убранные трупы (незначительная глубина зарытия в землю) представят серьезнейшую угрозу населению став источником новых бед для города, санитарное состояние которого и без того неблагополучно» — так начинается первое представление о «практическом осуществлении кремации» в Москве, составленное гражданским инженером

[498] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 13 об.

Виктором Антоновичем Гашинским и представленное 11 февраля 1919 года на рассмотрение Коллегии похоронного подотдела Московского Центрального Рабочего Кооператива, ответственного в тот момент за похоронное дело в Москве. Поэтому, продолжает Гашинский, «естественно, что в Отделе санитарной помощи военнопленным Центр. Рабоч. Кооператива возникла мысль об уборке трупов не только обычным зарыванием в землю, но и кремацией как дополнительным к первому способом» [499].

Отношение к кремации как к дополнительному, резервному методу погребения, первейшей задачей которого является предотвращение тотальной санитарной катастрофы, — важнейшая черта кремационных проектов 1919-1920 годов. Предполагая определенное сопротивление новому виду погребения со стороны обывателей, похоронные активисты воспринимают кремацию в первую очередь как способ захоронения «тех, кто без роду без племени», то есть массы невостребованных тел, скопившихся в различных учреждениях здравоохранения.

Строительство крематория становится санитарной утопией, позволяющей решать не только текущие проблемы захоронения невостребованных тел, но и обезопасить город в будущем. Именно поэтому строительство даже временного, опытного крематория представляется крайне важным делом:

«*… кремация в целях борьбы с трупным «засильем» заслуживает того, чтобы этот способ не был оставлен без внимания и осуществлен хоть бы в небольшом опытном масштабе ибо кто знает какие беды еще ожидают Москву при ея неблагополучии санитарном и экономическом*»[500].

[499] Там же. Л. 7. Приняв на первых порах активнейшее участие в работе Комиссии, Гашинский скоро охладел к постройке крематория. По этой причине 30 декабря 1919 г. На очередном заседании «ввиду безвестного отсутствия в течение полугода председателя комиссии — инж. Гашинского» было принято решение избрать нового председателя. (См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 51. Л. 17.)
[500] ЦГАМО Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 8.

Утопическая интерпретация предполагала решение сразу двух задач, стоявших перед городскими службами — «осуществление уборки трупов кремацией» [501] и утилизация мусора. Вопрос, на каком топливе будет работать крематорий, был совсем не праздным. Похоронный кризис шел в городах рука об руку с кризисом снабжения, и ни один из видов топлива, который мог бы использоваться при кремации, не был широко доступен. Хотя при разработке проектов рассматривалась возможность использования «топлива высшей тлетворной способности», такого как кокс или нефть, все же с учетом необходимости создания запасов топлива для бесперебойной работы печей, преимущество отдавалось традиционным дровам[502]. Однако, были и более прагматичные соображения: «При разработке данного вопроса быть может возможно было бы соединить работу по очистке Москвы от мусора использовать последний как топливо. Такое соединение деятельности по уборке трупов и очистке Москвы от мусора имело бы большое значение как для дела оздоровления Москвы, так и для эксплуатации крематория» [503].

Московские власти размышляли в рамках мощнейшего европейского гигиенического дискурса рубежа веков. Рост европейских городов заставлял коммунальные службы искать более эффективные способы утилизации нечистот и мусора. Наряду с традиционными способами, популярность приобретает новый, более технологический — строительство мусоросжигательных станций. И хотя этот вид утилизации мусора был распространен в России явно в меньшей степени, чем в Европе и Америке, интерес к нему среди инженеров и гигиенистов был огромен. Среди станций для сжигания бытового мусора отдельно выделяются станции для сжигания человеческих и животных экскрементов, а также влажных и жидких нечистот. Некоторые из таких станций даже назывались крематориями[504]. Именно в

[501] Там же. Л. 7 об.
[502] Там же. Л. 7 об-8.
[503] Там же. Л. 8.
[504] Балугьянский А.М. Очищение городов посредством сжигания нечистот: докл. Моск. отд. Рус. имп. техн. о-ва А.М. Балугьянского. М.: Тип. и лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1878; Гловецкий Р.И. Медико-санитарный обзор

контексте подобного рода разработок шло обсуждение проектов будущих крематориев, а значительная часть инженеров, входивших в комиссии по их постройке, имела отношение к разработке мусоросжигательных станций. Так, например, гражданский инженер Гашинский инициировал строительство крематория в Москве, обосновывая это своим опытом строительства мусоросжигательного завода и разработкой печи для сжигания навоза и инфицированного крупного рогатого скота[505]. В то же время, инженеры, входившие на первых этапах в состав Комиссии, не делали отсылок к дореволюционным работам, осмыслявшим технический опыт европейского кремационного движения и содержавших подробные описания разного рода печей, предназначенных непосредственно для сжигания человеческих трупов.

Именно отношение к кремации как к естественному элементу городской санитарии и гигиены, поставленной в крайне тяжелое состояние в условиях резкого всплеска миграции, заставляет ставить вопрос о возможности одновременной кремации нескольких тел. В этом случае речь идет, несомненно, не о трансгрессии человеческой индивидуальности. Диктуемая простейшими санитарными соображениями необходимость срочно утилизировать огромное число неопознанных и невостребованных тел, не

Морской казармы на Охте и надстроенной части Крюковской казармы, со включением описания печи для сжигания человеческих извержений, центрального паро-песочного отопления, вентиляции и проч. / [соч.] ст. врача 18 Флот. экипажа Р.И. Гловецкого. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1900; Зуев В.И. Очистка городов. Удаление твердых домовых отбросов и их сжигание: докл., чит. 9 марта 1900 г. в соедин. заседании Одес. о-ва охранения нар. здравия и Одес. отд-ния Имп. Рус. техн. о-ва одес. гор. инж. В.И. Зуевым. Одесса: Исакович и Бейленсон, 1900; Козлов А.К. Дезинфекционная печь А.А.[!К] Козлова для сжигания нечистот: Привиллегированна в Европе и Америке. Казань: Скоропечатня Л.П. Антонова, 1895; Мальцев А.М. Удаление твердых домовых отбросов и их сжигание: докл. члена 2 Подкомис. А.М. Мальцева на Третьем Съезде Комис. СПб.: Тип.-лит. т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1910; Молчанский В.А. Деструктор для сжигания отбросов и конфискованного мяса скотобойни г. Франкфурта-на-Майне. Киев: Тип. т-во «И.Н. Кушнерев и К°», 1913; Надеин М.П. Разделительная система. Новая сан. система для оздоровления домов и городов. Полное отделение от воды густых и твердых отбросов. Вода, спускаемая в канализацию — неокрашенная и безвонная. Рациональная ассенизация с обращением отбросов автоматически в землеудобрительный тук. Возможно полное сжигание отбросов / [соч.] М.П. Надеина. СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1899; Сжигание твердых и жидких экскрементов по системе гражданского инженера В.В. Хрусталева. Харьков: Тип. Губ. правл., 1897; Соколовский С.Н. Сжигание нечистот в универсальных кремационных печах системы инж. С.Н. Соколовского: докл., чит. на Съезде ж. врачей [в 1911 г.] / инж. С.Н. Соколовский. М.: Тальман, Отто и К°, 1911; Станевич Ц.К. Удаление твердых домовых отбросов и их сожигание: [докл]. д-ра мед. Цезаря Карловича Станевича. Вильна: Вилен. мед. о-во, 1901; Эрисман Ф.Ф. Сожигание и обезвреживание мусора (домового и уличного сора) / [соч.] проф. Ф.Ф. Эрисмана. СПб.: К.Л. Риккер, 1900.

[505] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 7 об.

позволяет говорить о неких идеологически и политически обусловленных трансгрессивных практиках обращения со смертью, сознательно внедряемых большевистскими властями[506]. В ситуации, когда сотни неопознанных, невостребованных и полуразложившихся трупов ежедневно прибывали в города по железнодорожным путям, индивидуальный подход к человеческим останкам технически был просто невозможен. Речь не шла не только об индивидуальности, но и шире — о кремации как ритуале.

Сюжет с кремацией развивался более тривиальным образом. «Считаясь с бытовой стороной и с тем, что дело кремации новое для России»[507], при разработке проекта первого крематория в Москве было принято решение о строительстве в первом крематории одновременно четырех кремационных печей[508], двух для массового сожжения, и двух — для одиночного с общей пропускной способностью — *50 трупов в день*[509]. Но, как показал опыт, строительство даже одной стабильно работающей кремационной печи оказалось делом крайне затратным и технически сложным. Впрочем, утопическое видение кремации как санитарной панацеи, оставляя в стороне технические трудности и более взвешенное восприятие кремации лишь как дополнительного способа утилизации трупов, сочеталось с чрезвычайно легкомысленным отношением к материальной стороне вопроса. Членов Комиссии по практическому осуществлению кремации не пугает ни конструкция здания крематория, ни сложная конструкция кремационных печей:

«*Что касается выбора типа и конструкции печи и постройки ея, то эта задача не представляет значительной сложности для Московских*

[506] Лебина Н. Обрядность красного погребения (о социокультурном контексте первого советского крематория) // Теория моды: одежда, тело, культура. 2011. № 20. С. 245-256; Малышева С. Красный танатос: некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти. 2016. № 2. С. 22-46; Malysheva S. The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death // Slavic Review. Cambridge: Cambridge University press. 2017. Vol. 76(3). P. 647-654.
[507] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.
[508] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 51. Л. 24.
[509] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.

технических сил, несмотря на то, что перед нами техниками может представить подобная задача впервые»[510].

Предлагается строить не один, а целую сеть крематориев, охватывающих нужды всего города. Речь идет о получении ассигнований на строительство как минимум четырех кремационных станций в городе[511]. Причиной такого решения являются, как ни парадоксально, инфраструктурные проблемы города — плохое состояние транспорта, которое не позволило бы регулярно и своевременно подвозить тела к одному централизованному крематорию:

«*в связи с состоянием транспорта и другими техническими условиями признать необходимым устройство не одного крематория, а целой сети помещений для кремации преимущественно на окраинах г. Москвы, осуществляя эту сеть в порядке постепенности, поскольку позволят существующие возможности*»[512].

Такая логика рассуждений еще раз свидетельствует об утопичном и парадоксальном строе мыслей кремационистов и санитарных властей, сочетавших откровенные фантазии с предельным утилитаризмом: в их восприятии построить несколько крематориев оказывается проще и реалистичнее, чем наладить транспортировку тел и топлива или организовать коллективные захоронения.

Однако, если печи предполагалось все же специально конструировать для нужд трупосожжения, а не использовать уже готовые проекты печей для сжигания мусора или экскрементов, то само здание крематория предполагалось перестроить из уже имеющегося неиспользуемого здания. «Что касается подыскания и выбора необходимого помещения для

[510] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 8.
[511] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 622. Л. 29.
[512] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

оборудования временного крематория, то мне представляется, что в решении этого вопроса не может быть затруднений, принимая во внимание наличность зданий бездействующих промышленных заведений или помещений подобного рода …Этот вопрос мог бы быть разрешен в продолжении нескольких дней» — пишет в своем проекте Гашинский — «… Одно из требований, которым должно удовлетворять помещение <…> это наличность одной или двух (смотря по размеру и количеству комплектов печи) фабричных труб, что в значительной степени ускорит и упростит устройство печи»[513]. Такой подход обусловлен инфраструктурными проблемами и необходимостью быстрейшей постройки крематория. Для этой цели принимается решение строить сначала временный крематорий, который стал бы заделом для более широкого развертывания кремационного проекта в будущем.

«*Понятно, что оборудование крематория одного на Москву или нескольких, принимая во внимание задачи момента, должно иметь характер временного сооружения, что необходимо в целях скорейшего практического осуществления, но эта временность, само собой понятно, должна заключаться не в примитивности устройства печи, а в приспособлении существующих свободных соответствующих помещений, устройство же печи должно быть таково, чтобы она удовлетворяла своей производительностью по числу сжигаемых трупов и расходования горючего материала*»[514].

Здание для будущего временного крематория должно было располагаться невдалеке от одной из больших больниц, «где скопляется большое количество трупов» [515], а также вблизи кладбища для удобства

[513] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 8.
[514] Там же. Л. 7 об.
[515] См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

«зарывания останков» [516]. Рассматривались, в частности, «бездействующий Пресненский трамвайный парк, недалеко от Ваганьковского кладбища» [517], а также Бывшая Электрическая станция на Бегах. В целом предпочтение отдавалось зданиям, располагающимся недалеко от Солдатенковской больницы и Военного госпиталя в Лефортово.

Практическая реализация проекта, однако, сразу столкнулась с трудностями. Конференция врачей Солдатенковской больницы постановила, что «устройство крематорных печей при больнице крайне вредно отразилось бы на психике больных»[518], а также способствовало бы подвозу дополнительных трупов к больницам. Вследствие чего конференция признала устройство крематорных печей при больнице совершенно недопустимым. Приняв во внимание также возможное негативное отношение жителей к устройству крематориев при больницах, постановили признать таковое нежелательным[519]. При Военном госпитале также устройство крематория представляется нежелательным, в том числе ввиду возможного противодействия со стороны красноармейцев[520]. Трудности возникали также при получении мандата на использование здания бывшей электрической станции. Против высказались зав отделом животноводства и представители местных служащих[521], а также организации, расположенные в этом здании. Однако, при активной личной поддержке наркома здравоохранения Семашко, Комиссия по постройке крематория получила все же в свое распоряжение здание электрической станции на Бегах[522].

К 1 мая 1919 года похоронный кризис в Москве в целом удалось преодолеть, и проблема захоронения скопившихся тел была решена. Крематорий, однако, не сыграл в этом никакой роли. К этому времени

[516] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 8.
[517] Там же.
[518] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.
[519] Там же.
[520] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.
[521] Там же.
[522] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 51. Л. 7.

Комиссия лишь смогла в целом сформировать план строительства. Сметы на строительство были подписаны только в июле 1919 года, разработка конструкций печей продолжалась до середины зимы 1920-го. Несмотря на личную поддержку Семашко и общее одобрение деятельности Комиссии со стороны Моссовета и ЦК Партии, в ходе строительных работ по переоборудованию электрической станции в крематорий постоянно возникали разнообразные проблемы инфраструктурного характера, связанные в первую очередь с кризисным состоянием общества в этот период времени. Рабочие оставляли строительство и уезжали в «продовольственные экспедиции» в деревню, после чего, порой, не возвращались на работы. Для решения этой проблемы были организованы обеды для рабочих в Солдатенковской больнице. Однако, и эти меры не могли удержать рабочих. МКХ неоднократно ходатайствовал о разрешении платить рабочим на строительстве такого важного объекта как крематорий не по фиксированным государственным тарифам, а по рыночным, однако, согласия на это не получил. Поставка строительных материалов также происходила с большими перебоями[523].

Строительство Первого Крематория на Бегах не было доведено даже до пробных испытаний, однако, опыт работы Комиссии оказался крайне важным и был использован аналогичными комиссиями в других городах. Работа комиссии, а также информация о проекте, распространявшаяся по разным каналам (через СМИ, партийные организации, профессиональные корпорации), создали важный прецедент выбора трупосожжения как оптимальной практики body disposal в первую очередь с точки зрения санитарии и гигиены больших городов. Примат гигиенического подхода позволял относиться к крематорию как к эффективной, но гибкой технологической возможности утилизации тел, оставляя в стороне необходимость архитектурного оформления нового вида погребения. Так, после долгой работы над различными проектами первый крематорий в

[523] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 51. Л. 7, 15, 24, 24 об., 29-30; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 622. Л. 27.

Петрограде была переоборудован из бывших бань на Камской улице. Для сжигания тел были перестроены банные печи. При решении похоронной проблемы в Новониколаевске в 1920 году власти сначала пытались сжигать тела открытым способом, а позже переоборудовали в крематорий одну из печей кирпичного завода. В 1925 году в момент активного обсуждения идей кремации в связи со строительством Московского Донского крематория, этот опыт был описан в журнале «Коммунальное хозяйство» как «весьма остроумный»[524]. 20 лет спустя именно печи кирпичного завода будут использованы для утилизации тел жителей блокадного Ленинграда.

4.4 Эмансипация похорон от церкви: европейский контекст

Другим не менее важным контекстом кремационного движения было отношение к новому виду погребения со стороны такого авторитетного для общества рубежа XIX — XX веков института как Церковь. Даже если церковные иерархи и не высказывались напрямую ни о преимуществах какого-то вида погребения, ни о запрете кремации, трупоположение устойчиво воспринималось как основная погребальная практика в подавляющем большинстве христианских стран, а кремация в свою очередь как еретическая и даже — богоборческая. Ни в одной стране Европы легализация кремации не происходила легко. Активисты вынуждены были бороться за свои идеи как с церковью, так и с общественными предрассудками. Так, в Англии борьба за легализацию кремации заняла около 20 лет[525], в Германии в некоторых землях кремация не была легализована вплоть до 1920-х годов[526]. Наибольшее противодействие распространению кремации оказала Католическая церковь, наложившая запрет на такой вид погребения в 1886 году и сохранявшая его вплоть до второго Ватиканского собора в 1968 года[527].

[524] Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.): монография. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. С. 121-122.
[525] Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 46-70.
[526] Блэк М. Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии: пер. с англ. М.: НЛО, 2015. С. 61.
[527] Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 16.

Несомненно, такая активная борьба за введение нового вида погребения символизировала существенные экзистенциальные сдвиги, произошедшие в обществе, новое понимание человеческой телесности и новое место body disposal в системе жизненных ценностей.

Однако, вопреки распространенному представлению о кремации как антихристианском или атеистическом способе погребения, ранние идеологи кремации не были настроены на конфликт с религиозными догмами и институтами. Напротив, по замечанию Стивена Протеро, кремация в Америке и Европе в дискурсивном плане проходила не как революция, а как «*возрождение*», возвращение к более совершенному и традиционному способу утилизации человеческого тела[528]. Для распространения этого более совершенного способа утилизации тела необходимо было четко разделить потребность религии в обряде и потребность утилизовать тело, которая есть у всех народов. Сведение кремации к чисто технической санитарной процедуре делало ее религиозную интерпретацию бесперспективной, или, как минимум, менее конфликтной. Именно такая стратегия была выбрана первыми пропагандистами кремации в Англии[529].

Таким образом, кремационное движение в самом своем начале делает ставку не на «борьбу с религией», которая якобы противостоит идее кремации, а на максимально корректное дистанцирование чисто технической проблемы избавления от трупа с одной стороны и акта погребения как религиозного обряда с другой. Конечно, такое дистанцирование в контексте мощного комплекса традиционных и высоковостребованных символических интерпретаций смерти, никак не могло быть безупречным, порождая подчас парадоксальную аргументацию в трудах ранних активистов кремационного движения, которые, например, считали огненное погребение «более

[528] Prothero S. Purified by Fire: A History of Cremation in America. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001. P. 9.
[529] Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 7, 48-52, 57-58.

библейским», чем зарывание трупов в землю. Ключевую роль в этой аргументации играла библейская семантика «праха» — вещества, из которого был сотворен первый человек. В свете этого понятия чрезвычайно востребованной оказалась идея «холодного и горячего тления», которую активно развивали ранние идеологи кремации, интерпретирующие процесс разложения тела в земле (тление) как медленное «холодное горение», которое в течении нескольких лет после погребения превращает тело умершего в прах, а сожжение трупа в кремационной печи как, в свою очередь, быстрое «горячее горение», которое достигает абсолютно того же результата, что и тление, но за несколько часов[530]. Кремация, таким образом, позволяла редуцировать тело умершего к библейскому чистому «праху» быстрее, чем трупоположение. Идею о том, что «прах гниения в земле и горения в печи химически тождественны» акцентировали и советские идеологи кремации, перед которыми вопрос компромисса с Церковью не стоял так остро, как перед их европейскими предшественниками[531].

Такой подход не стоит рассматривать как некую уловку идеологов кремации, которая использовалась для того, чтобы обойти негативное отношение христианских церквей. В частности, Стивен Протеро отмечает в отношении развития кремации в Америке, что «Война между трупоположением и кремацией в Америке в свой ранний период велась в основном не между верующими христианами и не-христианами скептиками. Напротив, это было в основном внутренним делом верующих христиан. Более того, не-христиане в рядах кремационистов очень редко были настроены секулярно. Они больше стремились к тому, чтобы транслировать американские представления о смерти в новые духовные идиомы»[532].

[530] Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015. P. 513.
[531] Б.К. Сожигание человеческих трупов (кремация). Пг.: Госиздат, 1921. С. 60-61; Енш А.К. Очерки санитарной техники. Кремация. СПб.: Слово, 1910. С. 5; Селиванов Ф. Огненное погребение. Саратов: Издание Саратовского ОРРИК, 1930. С. 19.
[532] Prothero S. Purified by Fire: A History of Cremation in America. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001. P. 12.

Аналогичным образом и Питер Джапп, говоря о введении кремации в Англии, отмечает отсутствие атеистического пафоса кремационного движения[533].

В этом отношении показателен центральный документ кремационного движения — постановление Международного медицинского конгресса в Дрездене, которое утвердило те нормативы, согласно которым должны строиться и эксплуатироваться крематории. Согласно этому документу, каждый крематорий должен был, в частности, иметь, наряду с помещением для сжигания, медицинских вскрытий и хранения трупов, специальное помещение для отпевания усопших. Примечательно, что советские проекты крематориев также имели помещения для отпевания[534]. Эта норма была соблюдена и при проектировании и строительстве первого Донского крематория в Москве, несмотря на весь атеистический пафос перестройки храма под крематорий.

Хотя ко второй половине XIX века значительная часть европейского общества находилась под сильнейшим влиянием идей свободомыслия и эмансипации от Церкви, ни о какой деклерикализации как государственной программе речь не шла ни в одной из стран Европы. Вне зависимости от личных убеждений европейских активистов кремации, они были вынуждены искать компромисса с позицией Церкви и «договариваться» с ее иерархами. В Советской России все было иначе. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 20 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» полностью избавлял кремационистов от необходимости вписывать свою деятельность в рамки учения Церкви. Между тем советские кремационисты вплоть до середины 1930-х годов продолжали воспроизводить компромиссную позицию в отношении церковного обряда.

[533] Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 55-57.
[534] Селиванов Ф. Огненное погребение. Саратов: Издание Саратовского ОРРИК, 1930. С. 11-12.

Несомненно, для кремационистов-большевиков атеистические идеи имели большее значение, чем для их европейских коллег, однако желание следовать мировым тенденциям было не менее значимым. Знаменательно, что вслед за своими европейскими предшественниками раннесоветские идеологи кремации постоянно подчеркивают возможность компромисса между религиозными учениями и практикой кремации, рассматривая последнюю в первую очередь как технологическое достижение цивилизации, отказываться от которого так же бессмысленно, как от радио или парового двигателя:

«*Во многих вопросах нынешних христиан наблюдается значительное отступление от мифологических религиозных образцов. Культура совершает свой путь и подчиняет себе всех, вне зависимости от религиозных воззрений. Папа Римский едет на автомобиле, говорит по телефону. Это культура, которой нужно пользоваться и которая имеет оправдание. И автомобиль, и телефон сохраняют в работе время и энергию. Христос не пользовался этими завоеваниями культуры. Кремация — та же культура*»[535].

Более того, пропагандисты кремации готовы даже выступать как богословы и утверждать, что библейский текст «земля есть и в землю отыдеши» «ошибочно понимается: этому тексту вовсе не противоречит зарытие в землю вместо трупа — пепла»[536].

Авторы публицистических очерков о кремации также обращаются к этой теме:

«*Толстый и огромный, точно старинная башня монастыря, сошедшая с места векового, поп, целый день находящийся здесь в ожидании заработка, басом глаголет:*

- *«Прах ты и во прах возвратишься», гласит Бытие, глава 3, страница 19.*

- *Так церковь, батюшка, не воспрещает это самое, что сжигать покойничков?*

[535] Б.К. Сожигание человеческих трупов (кремация). Пг.: Госиздат, 1921. С. 63-64.
[536] Там же. С. 64.

- Нет, ни один собор, тетя, ни канон кремации не запрещает… и через погребение — прах, и через сожжение — прах!

Кажется, старушка довольна! Батюшка не воспрещает. Кто о чем, она, старая, о смерти думает… Хочет по-новому умирать. Новое побеждает старое»[537].

Весь конфликт между Церковью и кремацией в большевистском дискурсе представляется не как конфликт экзистенциальных позиций, а как конфликт между Церковью как «капиталистом» и экономическими интересами простого человека:

«Кремация подвергалась в Германии исключительному гонению со стороны власть имущих. Церковь пользовалась неограниченным правом надзора за погребением. Она определяла и места погребения. Она являлась фактической владелицей кладбищ и, естественно, эксплоатировала в свою пользу свое право в широком смысле слова. Культ мертвецов в течение веков являлся исключительной статьей дохода церкви. И только французская революция широко развернула вопрос о кремации.»[538].

Восприятие кремации как признака цивилизованного западного общества — характерная черта всех ранних советских текстов о кремации. Даже сама структура этих текстов призвана показать, как различные общества сначала отошли от первобытного утилитаризма трупосожжения, а затем постепенно возвращались обратно к идее кремации. В то же время, тот факт, что в большинстве «культурных государств Старого и Нового Света» кремация давно существует, заставляет любыми средствами ввести Россию в число культурно развитых стран. Так, перечисляя крематории европейских стран и Америки, авторы включают в этот перечень и технический крематорий для животных при лаборатории по заготовлению противобубонно-чумных препаратов в Кронштадте[539]. Отсутствие крематориев в России

[537] Маллори Д. Огненные похороны // Огонек. 1927. № 50. 11 декабря. С. 16.
[538] Б/а. О кремации // Безбожник. 1929. № 9. С. 13.
[539] Енш А.К. Очерки санитарной техники. Кремация. СПб.: Слово, 1910. С. 23; Лавров И.В. Трупосожигание и крематории. М.: Городская типография, 1908. С. 26.

воспринимается ими как отставание страны как в техническом, так и в гигиеническом развитии: «однако, как бы мы ни ограничивались стеною от успехов гигиены, в конце концов и наши большие города, наряду с канализацией, водопроводами и другими санитарными сооружениями, будут вынуждены устроить крематории и обратиться к сожиганию покойников»[540]. Кремация — не просто еще один способ погребения, а погребение, имеющее под собой научное основание[541].

Большинство исследователей, обращавшихся к этой теме, связывали строительство первых крематориев в Петрограде и Москве с атеистическими идеями молодого советского государства[542]. Несомненно, дискурсивное следование европейской традиции примирения кремации и церковного учения не могло полностью нивелировать атеистический пафос новой практики, который был особенно заметен при реализации первых советских кремационных проектов. Проекты перестройки монастырей или церквей под крематории, многочисленные публикации о кремации в антирелигиозных изданиях, таких как «Безбожник», о «крематории как кафедре безбожия», несомненно, свидетельствуют о том, что новая погребальная практика действительно воспринималась как инструмент атеистической пропаганды. Однако, насколько позволяют судить проанализированные мной документы, атеистический потенциал кремации никогда не становился аргументом при разработке или продвижении проектов. На мой взгляд, использование кремации как инструмента атеистической пропаганды было глубоко вторичным, возникавшим непосредственно внутри советских атеистических институтов вокруг уже имевшейся кремационной повестки.

[540] Енш А.К. Очерки санитарной техники. Кремация. СПб.: Слово, 1910. С. 24-25.
[541] Б.К. Сожигание человеческих трупов (кремация). Пг.: Госиздат, 1921. С. 37.
[542] Кашеваров А.Н. Церковь и власть. Русская Православная Церковь в первые годы советской власти. СПб.: СПбГТУ, 1999; Шкаровский М. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией // Клио. СПб. 2006. № 3. С. 158-163.

4.5 Строительство Петроградского крематория

Даже если атеистическая пропаганда сама по себе и не была основной причиной развития кремации в Советской России, антирелигиозная ориентация молодого государства все же играла важную роль. Декреты СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (20 января 1918 года) и «О кладбищах и похоронах» (7 декабря 1918 года) создавали принципиально иные условия для отечественных кремационистов в сравнении с их западными коллегами. Отделение Церкви от государства в целом и от похоронного дела, в частности, полностью снимало с повестки дня вопрос об отношении Церкви и ее представителей к тем или иным погребальным практикам и институтам. Более того, создавая легальную основу для кремации, Декрет о похоронах давал право кремационистам апеллировать напрямую к государству в части формирования похоронной политики. Гражданские инженеры, представители коммунального хозяйства, активисты, возбуждая вопрос о строительстве крематория в том или ином городе, вступали в прямой контакт с совнаркомом, наркоматами здравоохранения, внутренних дел и коммунального хозяйства, апеллируя при этом к гигиеническим, экономическим, эстетическим преимуществам новой погребальной практики, полностью оставляя в стороне вопросы веры. Следуя букве Декретов, не запрещавших исполнение религиозных обрядов жизненного цикла, а оставлявших их на волю (и на счет) родственников, кремационные активисты говорили о кремации как о необходимой новации, но совершенно добровольной, решая тем самым проблему неприятия новой практики погребения со стороны носителей традиционных взглядов.

Отделение Церкви от государства и лишение ее монополии на погребение не просто позволяет похоронным реформаторам принимать решения в обход мнения Церкви. Государственная политика форсированной секуляризации разворачивает принципиально новым (в мировом контексте) образом ключевой вопрос погребальной культуры — «кто владеет мертвыми

телами?» С точки зрения британского исследователя Т. Уолтера, именно ответ на этот вопрос и создает ту конфигурацию похоронных практик, которую мы можем найти в той или иной культуре[543]. Традиционно в христианском мире, в том числе и в Российской Империи, именно Церковь была тем институтом и той властью, которая многие столетия обладала полной монополией на мертвые тела. Именно церковь обладала тем авторитетом, который мог беспрекословно диктовать, где и как должен быть похоронен умерший. Советское государство, придерживаясь идей секуляризации и примата светскости, было нацелено на разрушение всякого рода монополии Церкви. Церковь не должна владеть землей, иметь доходы, не должна владеть недвижимостью, не должна владеть обрядами жизненного цикла, а следовательно — и самими гражданами, ни живыми, ни мертвыми. И это значит, что санкция на распоряжение мертвыми телами (также как и живыми людьми, церковной недвижимостью и имуществом) декларативно переходила от старого принципала (Церкви) к новому, не вполне еще сформировавшемуся и функционирующему — Советскому государству. Именно на декларацию этого нового состояния направлены первые советские декреты в области отчуждения разнообразных прав и функций у Церкви. Такого рода резкий, декларативный, не вполне продуманный в деталях и технике исполнения (хотя, несомненно, и долгожданный для многих членов общества) переход важнейших функций, составляющих основу стабильности и воспроизводства общества, не имел прецедентов в мировой истории. Опыт Великой Французской Революции, который часто приводится для сравнения, имел с ним, конечно, много общего, но все же не был экспериментом такого масштаба и закончился гораздо быстрее[544].

[543] Walter T. Three Ways to Arrange a Funeral: Mortuary Variation in the Modern West // Mortality. 2005. Vol. 10(3). P. 173-192; Walter T. Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban Societies // The British Journal of Sociology. 2012. Vol. 63(1). P. 123-145.
[544] Ben-Amos A. Funerals, politics, and memory in modern France, 1789-1996. New York: Oxford University Press, 2000.

Новый «режим распоряжения телами»[545] дает возможность советским кремационистам увидеть свою миссию в ином свете, гораздо более отличном от мировых трендов, чем те сюжеты, которые мы обсуждали раньше.

В Москве и других городах, поглощенных эпидемиями и похоронным кризисом, доминирующий санитарно-гигиенический дискурс рассматривает кремацию только как практику утилизации тел. В результате такого подхода происходит полное рассоединение индивидуальности человека и его тела. Неопознанные, разлагающиеся тела — это просто тела, останки, мусор, который необходимо утилизировать как можно скорее. Поэтому для инженеров и городских властей не имеет значения, какой будет крематорий — временный, построенный в деревянном каркасе, перестроенный из промышленного здания иного назначения и т.п. Основным вопросом становится обеспечение логистики доставки тел из мест их наибольшего скопления. Отправной точкой такого подхода становится скорее похоронный кризис, а не идея реализации кремационного проекта как такового. Полное рассоединение индивидуальности человека и его тела, характерное для санитарного подхода, приводит к тому, что человек с его мыслями и чувствами, переживаниями и скорбью полностью исчезает из размышлений и построений кремационистов. Мертвое тело для них — только тело, и живых оно может беспокоить лишь как источник заразы, но никак не как объект острого чувствования или горевания. Они вспоминают об этом как будто случайно, когда врачи из Солдатенковской больницы отказываются размещать кремационную станцию прямо в лечебном учреждении, апеллируя при этом к душевным чувствам больных, которые, попадая в больницу, должны быть нацелены на выздоровление, а не наблюдать ежедневно дым от утилизации тел своих менее удачливых соседей по палатам[546]. Только после этого выступления врачей санитарные активисты как будто заново открывают

[545] Несомненно, этот новый режим сыграл огромную роль и в других аспектах похоронной культуры. См. об этом другие главы.
[546] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.

для себя человеческую индивидуальность и переживания живых относительно мертвого тела, начинают размышлять о том, что нужно как-то учитывать психологические аспекты кремации. Неудивительно при этом, что в фокусе внимания этих кремационистов — безродные, неопознанные, административные покойники, а не добровольные, выбравшие кремацию как способ погребения еще при жизни.

В Петрограде история реализации первого кремационного проекта существенно отличалась от описанного выше опыта Москвы. Возможно, причиной этого был несколько меньший масштаб санитарного и похоронного кризиса и бОльшая готовность бывшего столичного города и его управленческих структур к решению кризисных ситуаций. 26 января 1919 года, то есть менее, чем через 2 месяца после принятия Декрета «О кладбищах и похоронах», Совет Комиссаров Совета Коммун Северной Области[547] принимает Декрет об образовании постоянной Комиссии по постройке первого государственного Крематориума в Петрограде[548]. Понимание целей и путей реализации этого декрета у Петроградских инженеров и коммунальщиков серьезно отличается от подхода их Московских коллег.

Уже сам тот факт, что инициатива по постройке крематория в Петрограде сразу оформлена в виде Декрета, и что это происходит на несколько месяцев раньше, чем в Москве, имеет большое значение. Более того, Комиссия сразу ставит вопрос о практической реализации кремации в принципиально иную рамку, рассматривая первым же вопросом своего первого заседания вопрос об устройстве архитектурного конкурса на строительство крематория[549]. Такого рода постановка вопроса вводит строительство крематория в число важных градостроительных проектов,

[547] Союз коммун Северной области — объединение Советов с центром в Петрограде, в которое входили Петроградская, Псковская, Новгородская, Олонецкая, Вологодская и Архангельская, Северо-Двинская и Череповецкая губернии. Возникло после переезда центральных, партийных, и советских органов из Петрограда в Москву и существовало с мая 1918 года по февраль 1919 года.
[548] ЦГА СПБ. Ф. р-2815. Оп. 1. Д. 320. Л. 3, 16 об, 17.
[549] Там же. Л. 3.

делает его с самого начала фактом большой архитектуры и важным идеологическим проектом молодого государства. И даже то, что крематорий предполагается разместить на окраине города, является не признаком его малого или чисто утилитарного значения, а следствием особенностей архитектурного и градостроительного понимания стоящей перед комиссией задачи. «Ввиду отсутствия в центре города больших и свободных площадей, [комиссия — А.С.] постановила произвести выбор места на окраинах города. Последнее решение помимо чисто санитарного своего значения создаст для строителей большой простор в смысле выбора стиля, ибо последний не будет связан стилем близ стоящих зданий, что было бы неминуемо в случае возведения Крематориума в центре города»[550]. Таким образом, архитектурная целостность проекта оказывается невозможной внутри городского центра с его старой застройкой, наполненной многими смыслами. Вписать «стиль» этого нового объекта в «стиль» старого Петрограда невозможно уже потому, что для старого мира, который представляет центральная застройка города, этот объект просто не может существовать.

Конечно, отношение к постройке крематория как важного монументального объекта не исключает полностью гигиенической аргументации. Инженеры и санитарные врачи неоднократно обращают внимание Комиссии на острую эпидемическую ситуацию и важность новой похоронной практики для ее реализации, утверждая, что «этот вопрос принял характер вовсе не той спешности, какую … требуют от него условия данного момента» [551].

«*Казалось бы надвигающаяся гроза должна сдвинуть вопрос о кремации в сторону скорейшего устройства районных трупосожигательных станций, как к мере экстренного характера, в виду грозной опасности.*

[550] Там же. Л. 3-3 об.
[551] Там же. Л. 16.

Если мы примем во внимание, что холодное лето и осень 1918 (?) года способствовали неурожаю муки (мухи-? — А.С.) этих главных разносителей болезнетворных бактерий, особенно кишечно-желудочных заболеваний (холера, брюшной тиф, дизентерия и пр.), то мы можем с уверенностью расчитывать, что невозможное санитарное состояние дворов, улиц и жилищ, благодаря массам мусора и невывезенного конского навоза, лучшей питательной среды для размножения личинок мух, гарантируют в 1919 году пышный расцвет эпидемий.

Если к общей картине полного развала санитарной части населенных центров прибавить наличие непохороненных покойников, то явления принимают кошмарный характер.

Если все старания санитарных властей привести города в порядок и сейчас разбиваются о разные препятствия вроде отсутствия транспорта, рабочих и т. п., то что же нас ожидает летом, когда эпидемии начнут косить сотнями и тысячами в сутки.»[552]

Гражданские инженеры, уже известные и зарекомендовавшие себя специалисты по строительству мусоросжигательных станций, Н.Н. Козлов и Н.Н. Епишкин представляют в Комиссию свои проекты кремационных печей, временных трупосжигательных станций и приспособления отдельных производственных строений (сгоревшая тюрьма Литовский замок, одно из зданий Патронного завода на Выборгской стороне) для нужд постройки крематория[553], рассматривая их как средства, «которые могли бы принести большую экономическую и санитарную пользу до постройки предполагаемого грандиозного Крематориума»[554].

[552] Там же. Л. 16 об.
[553] Там же. Л. 16-17, 21.
[554] Там же. Л. 21.

Однако, ни соображения инженеров, ни даже ходатайство Заведующего городского Медико-Санитарного отдела о строительстве крематория временного типа[555] не изменяют позиции Комиссии.

«*Комиссия не разделила приведенной точки зрения, полагая, что трупожжигательная станция едвали в состоянии привлечь к себе симпатии населения между тем означенный вопрос нельзя игнорировать при постройке первого в городе Крематориума. Последний своим внешним видом той идеи которая найдет в себе воплощение в постройке, должен всячески содействовать [со-? А.С.] зданию в массах необходимого духовного настроения, которое только и способно сделать идею трупожжигания приемлемой для населения.*

В виду сего Комиссия полагала предпочтительным постройку Крематориума-Храма»[556].

Традиционно и на протяжении многих столетий едва ли не единственным местом, в котором могло создаваться «необходимое духовное настроение в массах», была церковь, то есть Православный Храм. Именно церковь была тем местом, где заканчивался земной путь каждого православного подданного Империи. Таким образом, отчуждая у Церкви монополию на погребение и владение телами, идеологи кремации стремятся создать новую погребальную форму, которая в точности будет отвечать старым, привычным, духовным потребностям. Строительство Крематориума-Храма взамен Православного Храма, несмотря на внешнюю провокативность, только подчеркивает внутреннюю преемственность новой практики, невозможность, несмотря на огромное желание, разорвать внутреннюю связь со старой погребальной культурой[557].

---

[555] Там же.

[556] Там же. Л. 2 об.

[557] О крематориуме-храме см. также: Соколова А.Д. Крематориум-Храм, или кремация в советском похоронном обряде 1920-х годов // Вестник антропологии. 2020. № 1 (49). С. 209-224.

Не менее важной, чем связь крематория с храмом как местом отправления ритуала, была его связь с кладбищем как местом захоронения. Представитель Комздрава в Комиссии доктор Каменцер отстаивал точку зрения, что крематорий должен быть построен на одном из кладбищ, расположенных на окраине, как это принято на Западе. Преимуществами такого рода расположения считались следующие:

«*а. Родственное чувство близких к покойнику людей не будет задето при сознании, что покойники тем или иным способом будут преданы земле при обстановке, связанной с представлением о кладбище.*

б. Помимо всего желательно место закрытое, т.е. богатое растительностью (деревьями) дабы подвоз большого количества покойников не был так заметен непричетному (непричастному — А.С.) к покойникам населению.

в. Нахождение крематориума на кладбище не вызвало бы необходимости отчуждения каких либо других участков города, занятых нужными постройками или предназначенных для других общественных целей»[558].

Доктор Каменцер, внося свое предложение, несомненно, озабочен фактом рассоединения и противопоставления Крематориума-Храма, как нового инструмента обращения с мертвыми телами, и кладбища как старого и более привычного инструмента погребения, находящегося в той или иной степени в сфере церковного владения. По сути, его предложение — это попытка оспорить новое право на владение мертвыми телами, попытка найти тот язык и те аргументы, которые позволят сделать этот разрыв менее ярким. И в этом смысле он так же, как и европейские кремационисты XIX века, пытается нащупать компромисс между традиционными практиками и новой

[558] Там же. Л. 3.

— кремацией[559]. Сознание того, что покойники будут «*преданы земле при обстановке, связанной с представлением о кладбище*», — не важно каким именно способом будет при этом утилизовано тело — , должно успокоить родственное чувство близких именно потому, что захоронение в кладбищенских стенах, пусть даже и кремационного праха, как будто возвращает статус-кво, утвержденный предыдущими столетиями — мертвые тела находятся в освященной, огороженной кладбищенской земле. Сделать новую практику более неприметной, спрятать Крематориум в зелени деревьев, не отчуждать под него новые городские пространства — все это находится в противоречии с программой строительства Крематориума-Храма, который самим своим видом должен декларировать не просто новый порядок погребения, а новую монополию на мертвые тела — теперь они должны принадлежать государству и это должно быть очевидно с первого взгляда. Именно такое острое желание ярко противопоставить новую практику старому трупоположению, полностью вывести крематорий из пределов традиционной некрогеографии и встроить его в новые городские ландшафты — существенно отличало советских кремационистов от их предшественников в Европе.

Неудивительно поэтому, что Комиссия не принимает доводы доктора Каменцера и выбирает в качестве приоритетной площадки для строительства Крематориума-Храма площадь, расположенную на берегу Невы, занятую амбарами, принадлежащими Александро-Невской Лавре. Однако, в рассматриваемый момент эти амбары были уже отчуждены от Александро-Невской лавры и в них располагались товары и фураж, принадлежащие Петроградскому Компроду, причем это были единственные городские склады, куда товары поступали исключительно водным путем. Такое расположение делало эту площадку чрезвычайно важной для снабжения города

[559] Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 48-58.

продовольствием и Комиссии было отказано в использовании данной территории для постройки Крематория.

Альтернативной площадкой оказался другой участок, также примыкающий вплотную к Александро-Невской Лавре, — парк, расположенный на Обводном канале рядом с монастырским кладбищем. Главными мотивами для выбора именно этого места были следующие. Во-первых, это место давало «возможность проявлению свободного творчества, не связанного стилем окружающих сооружений». Во-вторых, выбор этого места в наибольшей степени будет способствовать улучшению санитарной ситуации, поскольку оно расположено вблизи кладбища и на окраине города в местности с наибольшей смертностью. Таким образом, этот участок удовлетворял как соображениям доктора Каменцера, так и основополагающим идеям Комиссии[560].

Историк Михаил Шкаровский в своей работе «Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средства борьбы с религией» предполагает, что выбор места для строительства первого петроградского крематория диктовался в первую очередь желанием нового правительства непременно расположить его в стенах Александро-Невской Лавры, чтобы таким образом подчеркнуть его антирелигиозное значение[561]. Однако, как видно из протоколов собраний Комиссии, рассматриваемые территории находились за пределами монастыря, монастырского кладбища и основных церковных построек, и, хотя и были до революции в управлении Лавры, на момент строительства были уже национализированы и заняты городскими складами. На мой взгляд, периферийное положение данной территории, позволявшее полную свободу в архитектурных экспериментах, а также удобство подвоза стройматериалов играло, если не большую, то точно

[560] ЦГА СПБ. Ф. р-2815. Оп. 1. Д. 320. Л. 3-3 об.
[561] Шкаровский М. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией // Клио. СПб. 2006. № 3. С. 158-163.

не меньшую роль при выборе строительной площадки, чем антирелигиозные соображения. Активистов кремационного проекта, по-видимому, не волновали вопросы государственной религиозной политики. По крайней мере, в служебной переписке по вопросам строительства, они не используют антирелигиозные аргументы. В то же время, стремясь получить в свое распоряжение оптимальную (для своих нужд) территорию и поддержку в снабжении, они были вынуждены играть по тем правил, которые предлагала власть, и частью этих новых правил была готовность властей реквизировать церковное имущество (в том числе — земли и постройки) под те проекты, которые представлялись им наиболее значимыми.

Такого рода понимание задачи строительства крематория — как грандиозного архитектурного объекта — возникает как часть идей о фундаментальном значении монументальной пропаганды в первые послереволюционные годы. Сама архитектурная форма, выбранная для Крематориума-Храма, должна была иметь не меньшее идейное значение, чем практика кремации. Для Комиссии важна не только реализация кремационного проекта как такового, но и его художественная составляющая, которая должна будет располагать людей к новой погребальной практике. Именно поэтому Комиссия принимает решение строить крематорий не в историческом центре города, а на окраине, там, где нет сложившегося архитектурного ансамбля, с которым архитекторам придется соотносить свои проекты. Таким образом, с самого начала кремационный проект выходит далеко за рамки санитарного — в его основе лежит концепт достойного, красивого погребения.

Однако, несмотря на всю настойчивость Комиссии по постройке первого Петроградского Крематориума в том, чтобы использовать для строительства данное место, это не было реализовано. Начинавшаяся гражданская война требовала больших ресурсов. Перебои со строительными материалами и рабочей силой заставили Петросовет и Комиссию отказаться

от строительства крематория у Александро-Невской Лавры. По-видимому, немаловажную роль в этом сыграло и отрицательное отношение к проекту горожан, в том числе верующих[562]. Строительство затягивалось. Санитарно-эпидемическая обстановка в то же время ухудшалась.

Под влиянием обстоятельств Комиссия возвращается к предложению инженера Козлова о скорейшем строительстве временных трупосжигательных станций. «Постоянная Комиссия считает долгом отметить, что постройка помянутых станций, кроме того, дала бы возможность проверить на практике работу и пригодность разных конструкций печей, а равно выяснить наиболее полезные условия их постройки и эксплоатации, каковой опыт окажет неоценимую пользу при постройке 1-го государственного Крематориума в столице» [563].

Какой бы важной не представлялась членам Комиссии идея строительства Крематориума-Храма в Петрограде, этот проект так и остался неосуществленным. Величественное здание, способное создавать в массах особенное настроение, так и не было спроектировано и построено. После всех попыток Первый Петроградский Крематорий был открыт 14 декабря 1920 года в помещении бывших бань на Камской улице Васильевского Острова. Символично, что со сменой места строительства меняется и само название постройки: на смену возвышенному «крематориум» приходит более привычный нам «крематорий». Но даже и в этом крайне компромиссном помещении глава Комиссии Борис Каплун все же пытается реализовать по мере возможностей идею Крематориума-Храма.

Помещение должно было иметь своды (как в храме), а не обычный потолок. Для этой цели при перестройке здания «в Зале Прощания установлены деревянные столбы, облицованные мрамором и шифером <…>.

[562] Там же.
[563] ЦГА СПБ. Ф. р-2815. Оп. 1. Д. 320. Л. 28.

Зал второго этажа перекрыт фальшивым коробовым с распалубками, сводом из вагонки. Для устройства этого зала были удалены чугунные колонны, несущие перекрытие по железным балкам и заменены деревянной подкосной конструкцией, замаскированной означенным сводом»[564]. В вестибюле был установлен мраморный камин, «подготовлены две мраморные стильные скамьи», стены облицованы мрамором или подготовлены под роспись маслом, установлен мраморный катафалк на мраморном возвышении[565].

Однако свидетельства о реальной практике кремации говорят о том, насколько далек оказался первый в Советской России крематорий от образа храма. Наиболее яркое свидетельство мы находим в дневнике К.И. Чуковского в записи от 3 января 1921 года. Несмотря на большой объем этой записи, я привожу ее здесь полностью, чтобы не потерять целостность описания Чуковским своих переживаний от посещения первого в стране крематория:

«*Через 20 минут мы были в бывших банях, преобразованных по мановению Каплуна в крематорий.*

Опять архитектор, взятый из арестантских рот, задавивший какого-то старика и воздвигший для Каплуна крематорий, почтительно показывает здание; здание недоделанное, но претензии видны колоссальные. Нужно оголтелое здание преобразовать в изящное и грациозное. Баня кое-где облицована мрамором, но тем убийственнее торчат кирпичи. Для того чтобы сделать потолки сводчатыми, устроены арки — из... из... дерева, которое затянуто лучиной. Стоит перегореть проводам — и весь крематорий в пламени.

Каплун ехал туда как в театр и с аппетитом стал водить нас по этим исковерканным залам, имеющим довольно сифилитический вид. И все кругом вообще сифилитическое: мрачные, каторжные лица с выражением

[564] ЦГА СПБ. Ф. 3183. Оп. 1. Д. 7. Л. 201.
[565] Там же. Л. 158 об.

застарелой зубной боли мрачно цепенеют у стен. К досаде пикникующего комиссара, печь оказалась не в порядке: соскочила какая-то гайка. Послали за спецом Виноградовым, но он оказался в кинематографе. В печи отверстие, затянутое слюдой, — там видно беловатое пламя — вернее, пары напускаемого в печь газа.

Мы смеёмся, никакого пиетета. Торжественности ни малейшей. Все голо и откровенно.

Ни религия, ни поэзия, ни даже простая учтивость не скрашивает места сожжения.

Революция отняла прежние обряды и декорумы и не дала своих. Все в шапках, курят, говорят о трупах, как о псах.

Я пошел со Спесивцевой в мертвецкую. Мы открыли один гроб (всех гробов было 9). Там лежал — пятками к нам — какой-то оранжевого цвета мужчина, совершенно голый, без малейшей тряпочки, только на ноге его белела записка «Попов, умер тогда-то».

— Странно, что записка! — говорил впоследствии Каплун. — Обыкновенно делают проще: плюнут на пятку и пишут чернильным карандашом фамилию.

В самом деле: что за церемонии! У меня все время было чувство, что церемоний вообще никаких не осталось, всё начистоту, откровенно. Кому какое дело, как зовут ту ненужную падаль, которую сейчас сунут в печь. Сгорела бы поскорее — вот и всё. Но падаль, как назло, не горела. Печь была советская, инженеры были советские, покойники были советские — всё в разладе, кое-как, еле-еле. Печь была холодная, комиссар торопился уехать. — Скоро ли? Поскорее, пожалуйста. — Еще 20 минут! — повторял каждый час комиссар. Печь остыла совсем. Сифилитики двигались как полумертвые.

Но для развлечения гроб приволокли раньше времени. В гробу лежал коричневый, как индус, хорошенький юноша красноармеец, с обнаженными зубами, как будто смеющийся, с распоротым животом, по фамилии Грачев. (Перед этим мы смотрели на какую-то умершую старушку — прикрытую кисеей — синюю, как синие чернила.) Долго и канительно возились сифилитики с газом. Наконец молодой строитель печи крикнул: — Накладывай! — похоронщики в белых балахонах схватились за огромные железные щипцы, висящие с потолка на цепи, и, неуклюже ворочая ими и чуть не съездив по физиономиям всех присутствующих, возложили на них вихляющийся гроб и сунули в печь, разобрав предварительно кирпичи у заслонки.

Смеющийся Грачев очутился в огне. Сквозь отверстие было видно, как горит его гроб — медленно (печь совсем холодная), как весело и гостеприимно встретило его пламя. Пустили газу — и дело пошло еще веселее.

Комиссар был вполне доволен: особенно понравилось всем, что из гроба вдруг высунулась рука мертвеца и поднялась вверх — «Рука! рука! смотрите, рука!» — потом сжигаемый весь почернел, из индуса сделался негром, и из его глаз поднялись хорошенькие голубые огоньки. «Горит мозг!» — сказал архитектор. Рабочие толпились вокруг.

Мы по очереди заглядывали в щелочку и с аппетитом говорили друг другу: «раскололся череп», «загорелись легкие», вежливо уступая дамам первое место. Гуляя по окрестным комнатам, я со Спесивцевой незадолго до того нашел в углу... свалку человеческих костей. «Летом мы устроим удобрение!» — потирал инженер руки.»[566]

Первое сжигание в крематории на Камской улице было проведено 14 декабря 1920 года, когда в торжественной атмосфере был сожжен труп красноармейца Малышева. Опытное сжигание, на котором присутствовали

[566] Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901-1921. М.: ПРОЗАиК, 2011. С. 312-314.

помимо Б. Каплуна Н. Гумилев и Ю. Анненский, было признано успешным. Технические испытания печей проводились вплоть до 21 февраля 1921 года, когда, по некоторым данным, печи вышли из строя. За это время было сожжено 379 тел (332 мужчины, 22 женщины, 25 детей и подростков). Подавляющее большинство тел было сожжено в административном порядке, и только 16 — по желанию родных или согласно завещанию. Такого рода соотношение может объясняться несколькими факторами. Крематорий к этому времени находился в явно недостроенном состоянии, и эти сжигания все же стоит признать пробными, техническими. Этим отчасти объясняется и та странная атмосфера, которую описывает в своем дневнике Чуковский. По-видимому, эти 16 сожженных согласно завещанию, сами были горячими сторонниками кремационного движения, поскольку были согласны на кремацию даже в недостроенном здании крематория. Кроме того, кремация стоила в несколько раз дороже трупоположения, что в ситуации жесточайшего кризиса этих лет, несомненно, играло существенную роль.

Хотя технически крематорий был способен сжигать тела умерших, идея строительства грандиозного Крематориума-Храма не была реализована ни в малейшей степени. Обращаясь в сентябре 1921 года в президиум ВСНХ с ходатайством о внеочередном отпуске средств на завершение работ по строительству крематория, Комиссия отмечает:

«*Кремационный метод погребения является чрезвычайно ценным в санитарном отношении в особенности в периоды эпидемий; с этой точки зрения очень важно расширить его применение по всему Государству. Для указанной цели необходима активная его пропаганда, которая будет наиболее реальной, если население будет видеть вполне благоустроенный, исправно функционирующий Крематориум.*

Ввиду изложенного Научно-экспертная комиссия полагает, что представляется настоятельно необходимым докончить отделку здания

Крематориума как снаружи, так и внутри, придав этой отделке художественные формы, соответствующие назначению помещений, это послужит к удовлетворению эстетического чувства населения и примирительно повлияет с этической стороны; те же соображения имеют место и к кремационной печи»[567].

Однако работы по завершению строительства так и не были доведены до конца. С конца августа до октября 1922 года работы по постройке крематория фактически прекращаются. Степень завершенности строительства оценивалась в этот момент Комиссией по постройке государственного Крематория и морга в 65%, а на завершение строительства требовались дополнительные ассигнования. По всей вероятности, строительство крематория к этому моменту перестало восприниматься как задача первостепенной важности, по крайней мере, начиная с января 1922 года финансирование строительства не продлевалось, а ходатайства об отпуске новых кредитов оставались без результата. Комиссия Петрогубэкосо, проведя ряд дополнительных ревизий строительства, фактически стояла перед вопросом о том, что является более экономически сообразным — завершение постройки или ее консервация в имеющемся виде[568]. Даже и при минимальной необходимой достройке крематорий был бы в таком виде, что мог бы использоваться лишь для «сжигания преимущественно трупов из учреждений Губздравотдела и административных»[569]. Несомненно, дополнительную проблему создавала необходимость большого количества дров для работы кремационных печей, их дефицит и высокая стоимость.

В результате серии административных преобразований 1920 — 1922 годов Комиссия по постройке крематория оказывается в административной лакуне. Как справедливо утверждает в своей записке заведующий отделом

[567] РГАЭ. Ф. 2266. Оп. 3. Д. 2. Л. 9.
[568] ЦГА СПБ. Ф. 3183. Оп. 1. Д. 7. Л. 182, 191.
[569] Там же. Л. 202.

администрации строительного надзора Ильин, в результате этого «вопрос о подведомственности постройки является весьма деликатным» «благодаря случайной передаче ее по ликвидации Петрокомгосоора в ведение Промбюро, постройка оказалась вне всякого административного технического надзора и даже существование, учрежденной декретом Совета Коммун Северной Области, представляется спорным»[570]. В то же время сами представители администрации всячески уклонялись от предоставления каких бы то ни было документов о своей деятельности. При ревизии администрация крематорий и члены Комиссии не смогли, несмотря на неоднократные требования, предоставить ни проекты, ни сметы, ни даже акт на передачу зданий по Камской улице на постройку крематория, средства для текущего поддержания деятельности черпались из продажи наличных материалов со складов Крематория[571]. Проекты, сметы, также как и выделенные для постройки деньги находились на руках у главного инженера постройки Артемия Григорьевича Джогорова, однако, самого Джогорова разыскать не удалось, а когда Ревизионная комиссия попыталась затребовать их через милицию, то получила лишь справку о том, что инженер по указанному адресу больше не проживает[572]. Неудивительно при этом, что настойчивые ходатайства Комиссии о выделении дополнительных кредитов оставались без удовлетворения.

В январе 1922 года в связи с полным прекращением финансирования и завершением работ по программе минимум достройки крематория, глава комиссии по строительству первого петроградского крематория и морга обращается с письмом в похоронный подотдел петроградского отдела коммунального хозяйства. В письме Каплун извещает похоронный отдел о том, что постройка кремационной печи закончена, и печь сможет приступить к работе в любой день, производя до 35 трупосожиганий в сутки, расходуя при

[570] Там же. Л. 204.
[571] Там же. Л. 202.
[572] Там же. Л. 203.

этом до 2 куб. саженей дров (то есть около 2 машин дров в сутки, что по меркам топливного кризиса Петрограда 1921-22 годов было огромным объемом). Каплун отмечает, что хотя «с точки зрения организационной, эксплуатация крематория не входит в круг ведения комиссии по постройке. В трупосожигании заинтересовано непосредственно коммунальное хозяйство по похоронному отделу». Поэтому он ставит вопрос о том, «считает ли целесообразным Отдел Коммунального хозяйства работу крематория в настоящее время», «согласится ли он взять на себя эксплуатацию крематория» и «хватит ли у отдела коммунального хозяйства материальных возможностей для эксплуатации крематория». Настоятельные вопросы Бориса Каплуна объясняются, по-видимому, тем, что Комиссия получила к этому времени «заявление от группы лиц о желании взять эксплуатацию крематория в арендное пользование»[573]. Такого рода предложение было в целом в русле общих подходов к похоронному менеджменту 1922-23 годов[574] и не должно было вызывать особенного удивления в Отделе коммунального хозяйства. Ответ на запрос Каплуна не заставил себя ждать и был более чем жестким. Член коллегии Петрогуботкомхоза заведующий подотделом хозяйственных предприятий Савин сообщал, что «с хозяйственной точки зрения эксплоатация крематория в настоящее время представляется невыгодной по сравнению с захороненением трупов, и Отдел Коммунального Хозяйства не намерен теперь эксплуатировать его»[575].

Не видя никаких экономических перспектив эксплуатации крематория, Петроградский отдел коммунального хозяйства принимает решение о консервации постройки. В ноябре 1922 года окна здания были заложены кирпичом, фронтоны фасадов зашиты досками[576].

[573] ЦГА СПБ. Ф. р-3183. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-1 об.
[574] См. главу 5.
[575] ЦГА СПБ. Ф. 3183. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
[576] Там же. Л. 37.

4.6 Первый Советский крематорий

Сколь бы плачевными ни были результаты работы Комиссии по постройке Первого Петроградского Крематория и морга, общее отношения к кремации оставалось прежним.

Работа Комиссии по постройке первого Петроградского крематориума и морга под руководством Бориса Каплуна пришлась едва ли не на самые трудные послереволюционные годы. Несомненно, постоянные перебои в снабжении, общее сжимание и упрощение проекта в связи с отсутствием финансирования сыграли значительную роль в его провале. Возможно, самым большим ударом для него стал топливный кризис. Кремационная печь, построенная по проекту гражданского инженера Липина, была рассчитана на дровяную топку с использованием двух машин дров за день работы. В условиях крайнего дефицита дров в 1921 — 1922 годах в Петрограде не могло быть никакой речи о том, чтобы тратить столь важный ресурс на утилизацию тел умерших, которые могли быть захоронены в земле с гораздо меньшими издержками.

Впрочем, провал данной стройки не привел к полному отказу от кремационного проекта в целом. Разработка кремационных проектов продолжала вестись отделами коммунального хозяйства крупных советских городов. Но по-настоящему успешным проектом стало строительство лишь Первого Московского крематория.

21 августа 1925 года Моссовет принимает решение о начале строительства нового крематория. На этот раз он должен был располагаться в здании церкви Серафима Саровского и Анны Кашинской, находящейся на новом кладбище Донского монастыря[577]. Эта церковь была построена в 1904 — 1914 годах на новой территории, прирезанной к Донскому монастырю в

[577] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 641. Л. 21.

начале 20 века ввиду полного исчерпания земли для захоронений на территории старого кладбища. Церковь, построенная по проекту архитектора З.И. Иванова, была не вполне типична для православной архитектуры того периода, поскольку представляла собой храм-усыпальницу: под храмом в три яруса располагались 450 склепов для покойников[578]. В общей сложности в нишах усыпальницы предполагалось захоронить порядка 1000 тел. Строительство храма растянулось на целых 10 лет, и освящен он был только 26 мая 1914 года.

Несомненно, выбор для перестройки под крематорий именно храма-усыпальницы имеет дополнительный символизм. Сама идея строительства храма для захоронения в нем покойников не была типична для Православной церкви этого периода. Захоронение в храмах в Москве было запрещено указом императрицы Елизаветы Петровны. По некоторым данным, это было настолько не типично, что Синод долгое время отказывался освящать уже построенный храм. Однако именно эти особенности постройки сыграли ключевую роль для выбора ее для строительства крематория:

«*Выбор данной церкви как объекта для приспособления под крематорий, обусловился, главным образом, наличием в церкви глубокого подвала, служившего ранее для размещения склепов. Такой подвал явился весьма подходящим для расположения в нем двух кремационных печей, требующих по своей конструкции, глубокого заложения. <…> Жизнь и деятельность крематория сосредоточена преимущественно в подвале, где в восточной части здания (бывшей алтарной) установлены 2 печи*» [579].

Здания церквей действительно подходили для перестройки под крематорий. Это были просторные высокие помещения, часто с большими «зимними» церквями, расположенными в цокольном этаже. Все это давало

[578] Московская хроника: Закладка храма в честь преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца // Московские церковные ведомости. 1904. № 18. С. 228-229.
[579] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 643. Л. 65.

возможность не только размещать печи и другое оборудование, но и проводить траурные церемонии. Высокие колокольни и купола могли маскировать трубы, необходимые для лучшей тяги печей. Да и сам внешний вид этих зданий был торжественный и красивый. Многие крематории Европы были стилизованы под храмы. Но это были не единственной причиной для выбора именно этого здания для перестройки под крематорий. В этом случае, как и при попытке строительства крематория на территории Александро-Невской Лавры в Петрограде, кремационисты тонко чувствуют конъюнктуру текущего момента. Власти все еще готовы реквизировать церковную собственность под значимые инфраструктурные объекты. При этом церковные общины, в отличие от воинских частей, детских домов, домов культуры, жилых домов и других организаций, которые заняли пустующие здания после революции, находятся в уязвимом положении и их достаточно легко выселить.

Инициатива возобновления кремационного проекта в Москве исходила изначально преимущественно от МКХ и Моссовета. Спустя некоторое время она была с энтузиазмом поддержана и ВЦИК[580]. Именно эта поддержка в конечном счете сыграла, решающую роль, поскольку МКХ получил большие кредиты на проектирование и строительство крематория. По всей видимости, значительную роль в продвижении новой практики сыграла фигура Наркома здравоохранения Семашко и одобрительное отношение к новой практике Ленина[581]. Тем не менее, обращает на себя внимание то, что и Моссовет, и МКХ, и ВЦИК продолжают считать проект крайне срочным. Однако к этому времени санитарная и демографическая катастрофа 1919-22 годов была уже позади, и в целом 1925 год можно назвать сравнительно благополучным.

Можно делать разные предположения о том, почему и в 1925 году дело практической реализации кремации продолжало восприниматься как «дело

[580] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 641. Л. 78.
[581] ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 25. Д. 247. Л. 8.

большой срочности и важности». Я склонна связывать это с тем, что кремация, помимо прочего, воспринималась как технологическое достижение человечества, оставлять которое в стороне молодое прогрессивное государство просто не имело права. Анализируя пропаганду кремации в СССР, историк И. Сидорчук отмечает, что ее стиль оказывается куда ближе к пропаганде науки и техники, чем к антирелигиозной пропаганде. Вслед за Джозефом Неем, Сидорчук предлагает использовать концепт «мягкой силы» для определения политики настойчивого и планомерного формирования у молодых советских граждан определенного «социотехнического воображаемого», неотъемлемой частью которого стал и новый вид погребения[582]. Действительно, технологичность нового вида погребения постоянно подчеркивалась и оказывалась едва ли не более значимым достоинствами кремации, чем ее значение как «культурного, разумного, экономного и красивого способа погребения»[583]. В этом смысле кремация вставала в оппозицию к технологической отсталости страны. Именно поэтому в публицистике всегда есть противопоставление старого мира, который придерживается традиций трупоположения, и нового, молодого, который предпочитает кремацию:

«— Нет, не согласен с вами, милый, — ворчит старик, — не дело крематории заводить!..

— Мы дяденька, ходили в экскурсию, — вмешивается один ученик, — в Донской монастырь... Там крематорий то и есть. Пепел будут складывать в урну, которую там-же установят...

[582] Сидорчук И.В. «Вместе с автомобилем, трактором, электрификацией»: к истории кремации в России // Социология науки и технологий. 2018. № 9(3). 2018. С. 55.
[583] Бартель Г. Кремация / сост. Г. Бартель; под ред. Ф.Я. Лаврова. М.: М.К.Х., 1925. С. 4.

— Вот, видели?.. Сопляк, а туда-же лезет... Ох, и дожили! — негодует старик. Он жует сухими губами кончик бороды и обижено смотрит в окно...»[584].

Начало строительства Донского крематория приходится именно на 1925 год, который можно считать началом кампании по форсированной индустриализации, ознаменовавшейся XIV съездом ВКП(б) (18-31 декабря 1925 г), известным также как «съезд индустриализации». Высокий технологизм новой погребальной практики, о котором говорилось выше, прекрасно соответствовал этому новому государственному тренду. Стоимость строительства крематория приближалась к стоимости строительства завода среднего размера. Самым значимым отличием этого проекта от предыдущих стало то, что сами кремационные печи в этот раз не стали строить по проектам советских инженеров. Как и оборудование для многих заводов, в этот период импортировавшееся из-за границы, кремационные печи для первого советского крематория также закупались в Германии. Фирма «Топф и сыновья» не только изготовила печи по заказу советского правительства, но и прислала своих инженеров для их установки и настройки. В конечном счете это позволило не только довести постройку до конца, но и поддерживать крематорий в работоспособном состоянии в течение периода, значительно превышавшего расчетный срок эксплуатации печей. Таким образом, не-производственная технология уничтожения мертвого тела оказывается в одном ряду с важными производственными технологиями Советской индустриализации, становится одной из составных частей строительства нового мира, в котором *новое,* технологичное, априори побеждает *старое,* традиционное и отсталое.

4.7 Общественное мнение и кремация

[584] Северный П. Крематорий (Из дорожных впечатлений) // Безбожник. 1927. № 15. С. 5.

Существенным отличием строительства Московского Донского крематория от предыдущих опытов было подчеркнутое внимание к общественному мнению.

Со времени легализации кремации в 1918 году до открытия первого крематория в 1927 году в Москве прошло без малого 10 лет. Конечно, будет существенным перегибом утверждать, что все эти годы кремация была во главе общественно-политической повестки страны. Несомненно, было множество вопросов гораздо более важных и обсуждаемых. Однако, и эта тема, наряду с многими другими не теряла полностью своей актуальности. Многочисленные проекты строительства крематориев в разных городах страны, не доведенные часто даже до уровня начала строительных работ, выделение финансирования на их разработку, публикации в средствах массовой информации их инициаторов, инженеров, гигиенистов, просто кремационных активистов, публикация информации об архитектурных конкурсах на строительство крематория и публикация их результатов, наконец — отдельные брошюры о кремации и ее значении, — все это создавало постоянный информационный фон, поддерживало ощущение важности проекта и ожидания его скорейшей реализации. В то же время невозможность в силу самых разных причин успешно завершить хотя бы один проект, явно создавала в обществе чувство усталости. Способствовать позитивному отношению к новой погребальной практике должно было созданное незадолго до открытия Московского крематория Общество Распространения и развития идей кремации (ОРРИК).

Общество распространения и развития идей кремации стало третьей попыткой создания кремационного общества в СССР. В 1922 году Комиссия по постройке первого петроградского крематория и морга на своем очередном заседании рассматривает вопрос об организации Всероссийского санитарно-технического общества развития и распространения идеи кремации и

предполагает принять активное участие в работах общества[585]. В 1923 году в центральный административный аппарат НКДВ подается запрос об утверждении Российского общества сооружений крематориев в РСФСР "Рокрематор", учредителями которого среди прочих являлись Карл Моор, учредитель аналогичного общества в Швейцарии, немецкий инженер Циммер, уполномоченный германского красного креста инженер Андрей Цейсс, Гвидо Бартель, в будущем один из главных просветителей по вопросам кремации в СССР, и Сергей Грузенберг, член объединения «Мир искусства» и один из инициаторов строительства крематория в Петрограде[586]. Однако, о деятельности этих обществ ничего не известно. Хотя подобного рода общество в целом вполне вписывалось в разнообразные инициативные общественные движения того времени (ДОСААФ, МОПР, женсоветы и ряд иных), существование общества «друзей кремации» повсеместно вызывало определенную иронию. Работа общества была тесно связана сначала с постройкой, а потом и с эксплуатацией крематория, однако, у него не было ни серьезных полномочий, ни средств, ни рычагов влияния. В действительности необходимость в создании подобного рода общества была связана не с потребностью привлечь «широкие массы» к реализации проекта. Проект создавался на государственные ассигнования, и участие большого числа людей в нем было не нужно. Гораздо более значимым было желание советских кремационистов поддерживать европейский вектор развития кремации. В большинстве стран Европы, успешно легализовавших кремацию во второй половине XIX века, основную работу в этом направлении вели именно частные добровольные кремационные общества. Чаще всего костяк таких обществ составляли инженеры и представители аристократии и интеллигенции. Члены общества не только занимались популяризацией нового вида погребения, но и вели работу по его легализации. В силу того, что значительная часть руководителей кремационных обществ принадлежала к

[585] ЦГА СПБ. Ф. 3183. Оп. 1. Д. 7. Л. 198.
[586] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1838.

высшим слоям аристократии, они имели возможность не только эффективно продвигать идеи кремации в юридическом поле, но и вести диалог с представителями Церкви. В то же время, инженеры, входившие в такие общества, создавали проекты крематориев и кремационных печей, а высокий уровень благосостояния его членов позволял им финансировать реализацию построек[587]. Именно этот пример вдохновлял отечественных кремационных энтузиастов, и заставлял их раз за разом ходатайствовать о создании Общества. Однако, та модель кремационного общества, которая успешно работала в Европе, была невозможна в Советском Союзе. Члены правления ОРРИК — инженеры, врачи и гигиенисты — хотя и обладали обширными познаниями в истории и технике кремации, не имели возможности практически влиять на реализацию проекта. Полномочия ОРРИК были крайне размыты, в то время как обязанности обширны. При том, что большая часть решений принималась в МКХ или даже в Моссовете и ЦК, Общество, работая до определенного момента на добровольных началах, то есть полностью без финансирования, самостоятельно разрабатывало проект конкурса на постройку крематория, вело переговоры с немецкими инженерами о покупке кремационных печей, отслеживало строительные и технические работы на объекте, занималось вопросами внутреннего оформления и иными.

С началом работ по проектированию и строительству крематория в Москве был связан очередной всплеск информационной кампании по пропаганде кремации. Хотя основным печатным источником для ОРРИК и МКХ оставался журнал «Коммунальное хозяйство», большую роль в этой кампании играли такие журналы и газеты как «Безбожник» (и журнал, и газета), «Безбожник у станка», «Революция и церковь». Большое число публикаций в атеистической прессе было, по-видимому, связано с тем, что это были издания с гигантскими тиражами, с прицелом на рабочую и крестьянскую аудиторию, в которых кремационисты могли легко получить

[587] Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 46-69.

голос. Стремясь расширить свою аудиторию, они были готовы присоединиться и к антирелигиозной борьбе, если это могло способствовать распространению идей кремации. Многочисленные публикации еще больше усилили усталость от этой темы, которая ярко выражена в заметке «Усадьба бывшего Донского Монастыря», опубликованной в одной из газет в июле 1927 года:

«*Едва ли крематорий, сооружаемый здесь нуждается в агитации и в каком либо особом обществе, которое популяризировало бы идею кремации. Эта идея в широких кругах труднаселения Москвы уже несомненно шире и больше игрушечных размеров все еще недействующего крематория М.К.Х. на новом Донском кладбище.*

Незадачи с крематорием, где трупы «не горят, а подрумяниваются» — наиболее отрицательный фактор популярности дела, сочувственно-взволнованное отношение к которому сменяется недоверчиво-ироническим отношением к неудачникам-строителям крематория. О крематории ходит цикл анекдотов…» [588]

Судя по резкому и в целом бессодержательному ответу МКХ («Отдел благоустройства полагает, что опровергать анекдоты — излишне»[589]), эти претензии имели под собой значительные основания. И дело было даже не в задержке строительства, а в общественном мнении, которое, видимо, перестало воспринимать появление новой погребальной практики как реальность. Цикл анекдотов, о котором идет речь в заметке, это, по-видимому, вариации на тему анекдота о беспризорнике в крематории[590]:

«*В Москве выстроили крематорий, но никто не хочет сжигать своих близких, и все везут хоронить на кладбище. «Так и сидим без почину, —*

[588] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 643. Л. 297.
[589] Там же. Л. 295.
[590] Благодарю Михаила Мельниченко за помощь в поиске анекдотов о крематории.

жалуется комиссар 1-го Госкрематория, — хоть бы одного покойничка...» Нашли как-то почти окоченевшего беспризорного. Решили, до вечера не проживет, и бросили в печь... Прошло пятнадцать минут, администрация крематория решила взглянуть, как испепелился труп; открыли железную дверь, а оттуда мальчишка, забившийся в угол, кричит охрипшим голосом: «Зараза, зачени двери, дует, ведь не лето...»[591].

Такие анекдоты, как выражение общего отношения к кремации, были, конечно, крайне болезненны для организаторов строительства. Советские граждане и без того были скептически настроены к кремации[592]. Даже когда крематорий был открыт, спрос на новую услугу не был зашкаливающим. Но даже если бы он и был, в глазах общественного мнения, печи все равно были не в состоянии справиться со своей работой. И в этом смысле эти анекдоты, конечно, очень близко перекликаются с впечатлениями Чуковского от посещения Петроградского крематория в 1921 году: «*печь была советская, инженеры были советские, покойники были советские — всё в разладе, кое-как, еле-еле*»[593].

Другой слух, по-видимому, не менее популярный, не был связан с недостатками кремационной печи, но наглядно демонстрировал общее недоверие к новой погребальной практике и распространенное восприятие сжигания трупа как противоестественного акта. В народе широко распространилось убеждение в том, что в первые минуты сжигания тело покойного начинает дергаться в конвульсиях и что для предупреждения этого

[591] То же в дневнике Пришвина от 11 апреля 1927 года. (Он рассказал анекдот о торжественном открытии Крематория. Нашли замерзшего человека, положили в печь, через час открывают, а оттуда голос: товарищи, закройте, холодно.) Второй вариант этого анекдота: «3453В. Первый крематорий, построенный в Москве, торжественно вводили в эксплуатацию. Калинин объяснял иностранцам: «Крематорий целиком построен руками советских инженеров и из советских материалов. Сейчас вы увидите, как он действует. Трупчика, извиняюсь, подходящего сегодня нет. Нашли вот замерзшего беспризорника». Беспризорника кладут в гроб, гроб вдвигают в печь, включают огонь и выдерживают пять минут. Калинин с сияющим лицом: «Сейчас вы увидите результат кремации». Открывают печь... гроб цел. Приоткрывают гроб. Оттуда голос беспризорника: «Закрой крышку, зараза, а то дует!». (См.: Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 476.)

[592] Stites R. Revolutionary dreams: Utopian vision and experimental life in the Russian revolution. N. Y.: Oxford University Press, 1991. P. 114.

[593] Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901-1921. М.: ПРОЗАиК, 2011. С. 313.

эффекта покойному необходимо подрезать сухожилия. И это было для активистов кремации, несомненно, гораздо более серьезным вызовом, чем предположение о том, что «трупы в крематории не горят, а подрумяниваются». Если недостатки конструкции печи можно исправить, то для борьбы с этими слухами необходимо было вести не только серьезную работу по разъяснению технологий горения в кремационной печи, но в целом работать над изменением общественного мнения. Сложно с уверенностью говорить о степени распространенности этого слуха, однако, ситуация, по-видимому, выглядела настолько серьезной, что для борьбы с ней в прессе была опубликована серия пропагандистских статей, в разной форме разъясняющей, как именно происходит процесс горения трупа в кремационной печи, и отдельно развенчивающая данный предрассудок. Один из них — крайне поэтический очерк «Огненные похороны» Д. Маллори, опубликованный в Огоньке в декабре 1927 года. Главная героиня очерка — сомневающаяся старушка, пришедшая к крематорию, чтобы проверить правдивость своих страхов. Их набор — неодобрение церкви, покойник дергается в печи — это набор тех основных предрассудков, которые, по общему мнению, создавали общественное противодействие кремации:

«- Вы внутре были? — все настойчивее спрашивает старуха. — Как оно там? Верно ли, что покойник в печи прыгает?..

- А зачем, гражданка? Не прыгает. Очень даже хладнокровно лежит.

<…>

Обывательские слухи расскажут о движениях покойника в печи…

Сущая чушь! Под влиянием лучеиспускающей теплоты у каждого трупа могут происходить в начальной стадии горения сокращения мышц!»[594].

[594] Маллори Д. Огненные похороны // Огонек. 1927. № 50. 11 декабря. С. 16.

Для наглядности Маллори приводит подробное описание процесса горения тела в кремационной печи:

«*Труп горит медленно. Трескается череп крестообразно. Сгорают конечности. Горит скелет туловища. Трупы, сильно пропитанные лекарствами, горят дольше. Не болевшие люди горят дольше болевших. Мужчины требуют для сжигания больше времени, минут на 20, чем женщины*» [595].

Хотя в переписке с региональными филиалами ОРРИК указывалось, что «исходя из цифр сожжений кремация в Москве развивается гигантскими шагами и, в недалеком будущем, Московское коммунальное хозяйство будет поставлено перед необходимостью постройки 2-го крематория» [596], реальных оснований для такой необходимости было куда меньше. На практике Кремация не была столь популярна. И это связано не только с предрассудками, но и с высокими тарифами. Хотя «для агитации за сожжение трупов» тарифы на кремацию существенно снижаются, они все равно остаются выше, чем традиционное погребение в землю[597]. Формируя проект бюджета на 1927-28 годы, заведующая Похоронным подотделом МКХ Феодосия Газенбуш констатировала: «Пропускная суточная способность крематория максимальная 36, нормальная 18 трупов. Число захоронений по плану 27/28 г. уменьшено в сравнении с 25/26 г на 1800 сожжений, т.е. на число сожжений в крематории из расчета 6-ти общих сожжений в день при 8-ми часовой работе крематория, из коих по смете доходов принято только одно сожжение, а пять как бесплатные»[598]. Не изменилась ситуация и к концу 1928 года «Количество сожжений трупов стоит на одном уровне, а поэтому вопрос о постройке 2-го крематория остается открытым»[599].

[595] Там же.
[596] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 649. Л. 103 об.
[597] ЦГАМО Ф. 4557. Оп. 8. Д. 643. Л. 404 об.
[598] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 646. Л. 2.
[599] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 654. Л. 1 об.

4.8 Головокружение от успехов

Когда после многочисленных попыток, срыва сроков открытия, проблем с оборудованием и колоссальных средств, затраченных на постройку, крематорий все же удалось открыть, а его работа оказалась стабильной и успешной, все участники предприятия испытали облегчение, радость и воодушевление. Немедленно появились разговоры об открытии второго крематория, на этот раз расположенного в центре города. Похоронный подотдел даже рассматривал ряд конкретных площадок для строительства.

Ощущение того, что открытие Донского крематория — это только первый шаг в цепи некоторого важного и грандиозного замысла, великолепно передает записка заведующего крематорием Нестеренко. После полугода успешной работы Донского крематория в апреле 1928 года он обращается в ОРРИК с предложением ввиду предполагаемого скорого резкого увеличения желающих быть кремированными разработать проект дополнительных пристроек к имеющемуся зданию 1-го Московского Крематория с тем, чтобы увеличить его пропускную способность и создать дополнительные помещения для того, чтобы проводить несколько церемоний прощания одновременно. Вот какие требования он предъявляет к перестройке крематория:

«1. *Московский Крематорий по величине должен быть первым в мире.*

2. Иметь три ритуальных зала[600]

…

7. Под крематорий должна быть отведена вся прилегающая площадь с западной стороны до полотна Окружной ж. дороги и с восточной до Шаболовской улицы.

…

[600] Отметим, что и сейчас в Николо-Хованском крематории, крупнейшем крематории России, расположенном на крупнейшем в Европе кладбище, есть только два ритуальных зала.

9. На площади прилегающей к крематорию должна быть площадка для посадки траурных аэропланов и взлета траурной эскадрильи аэропланов.

10. Гараж для стоянки автомобильного транспорта Крематория и моторной дрезины-катафалка для доставки покойников с любого [неразб.] по Окружной дороге к крематорию.

11. К крематорию должен подходить трамвай и автобус

12. На территории крематория должна быть площадка для размещения воинских частей всех специальностей и взвода артиллерии для траурного салюта»[601]

Проект Нестеренко не был реализован, и нет никаких документов о его практическом рассмотрении. Тем не менее, он интересен тем, насколько плотно он вписывает Первый Московский крематорий в программу строительства мира будущего, вплетает его в систему городского транспорта, с использованием при этом абсолютно всех видов транспорта, вплоть до аэропланов.

С точки зрения ОРРИК, успешное открытие крематория было не окончанием просветительской работы общества, а ее началом. ОРРИК проводит экскурсии в крематорий, которые значительно отличаются от посещения крематория Чуковским в 1921 году. Экскурсии проводятся два раза в неделю по воскресеньям и понедельникам, и настолько востребованы, что общество вынуждено ходатайствовать о выделении милиционера для работы в крематории во время экскурсий[602]. Всего с декабря 1927 года по апрель 1928 было прочитало более 500 лекций, на которых в общей сложности присутствовало до 150 тысяч человек, проведено более 1000 групповых

[601] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 644. Л. 68.
[602] ЦГАМО Ф. 4557. Оп. 8. Д. 649. Л. 2, 17, 87.

экскурсий, в которых приняло участие в общей сложности 34 тысячи человек[603].

Издаются книги, совместно с Белгоскино ведется работа над созданием документально-просветительской киноленты «огненное погребение»[604]. Общество рассылает потенциально заинтересованным организациям свои материалы — популярные брошюры по кремации, годовой отчет о работе общества, номера журнала «Коммунальное хозяйство» со статьями о кремации[605].

ОРРК активно пытается распространить свою деятельность за пределы Москвы. Отдельный филиал предлагается открыть в Харькове, где в это время уже ведется строительство крематория[606]. Общество стремится организовывать лекции во всех уездных городах московской губернии[607]. В ответ на письмо председателя калужского губисполкома, в котором, по-видимому, он интересуется вопросами членства в обществе и возможностью создания отделения ОРРИК в Калуге, правление общества высылает все необходимые материалы, а также рекомендует ходатайствовать о строительстве в Калуге крематория[608]. Максимально плотное сотрудничество ведется с Ленинградом и Украинской ССР. Так, в марте 1928 года ОРРИК пишет письмо во Всеукраинский совет союза безбожников, отправляя им устав общества, членские анкеты, журнал «Коммунальное хозяйство», брошюру Бартеля «Кремация»[609], а в апреле этого же года Общество посылает в подарок Всеукраинскому Союзу Безбожников ряд экспонатов о кремации: пепел трупа, капсюль, номерок и мемориальную дощечку[610]. Ленинградский коммунальный музей также получает подарок от ОРРИК — туда на хранение

[603] Там же. Л. 92.
[604] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 644. Л. 80-92, 107-107 об, 112-112 об.
[605] ЦГАМО Ф. 4557. Оп. 8. Д. 649. Л. 2.
[606] Там же. Л. 12.
[607] Там же. Л. 29.
[608] Там же. Л. 84.
[609] Там же. Л. 104.
[610] ЦГА МСК Ф. Р-2512 Оп. 1. Д. 3. Л. 19 об.

отправляют урну с прахом сожженного 12 января 1928 года гражданина Антик Бориса Ефимовича, которая должна храниться в музее до постройки Ленинградского крематория, после чего должна быть помещена в его колумбарий[611]. В музее Наркомздрава организован уголок кремации — отдельная экспозиция с демонстрацией моделей, фотографий и других материалов. В том числе — типовой проект крематория для использования в провинции[612]. Отдельная большая выставка Наркомздрава о кремации проходит в Нескучном саду[613]. На заседаниях общества присутствовали представители Харькова, Казахстана, Самары, Севастополя, Нижнего Новгорода. Обсуждался вопрос об открытии там филиалов[614]. Помимо этого, опытом работы ОРРИК интересовались представители Казани, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, однако, в большинстве случаев о результатах этих отношений ничего не известно[615]. Тем не менее, Общество предполагает скорейшее открытие все новых и новых крематориев, а в 1932 году выходит в ЦИК СССР с предложением о включении в план второй пятилетки строительства 40 крематориев по всей стране[616].

Развернувшаяся агитация порой переходит границы абсурда, продолжающаяся деятельность по популяризации кремации вызывает удивление, а факт существования «общества друзей кремации» — смех. «Его называют еще «обществом любителей кремации», как будто бы речь идет о любителях верховой езды или гребли. Зловещая печь, где испепеляется человеческий труп без остатка, превращается в нашем понятии во что-то, вроде пляжа на берегу моря, на котором загорают члены общества до и после обеда. … В иных местах хвалят за политическую активность, успехи в науках, школярам дарят книжки за успешное прохождение курса, а здесь можно попасть в члены правления, только поставив крест на земном

[611] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 649. Л. 121.
[612] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 656. Л. 17, 18.
[613] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 649. Л. 103-104.
[614] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 656. Л. 10, 11, 14, 21.
[615] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 649. Л. 104.
[616] ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 25. Д. 247. Л. 8.

существовании. … Сидите, знаете, в каком-нибудь ОДР или МОПРе и не лезьте в люди. Куда вам угнаться за активистами из крематорского общества. Там изобретательный народ, с опытом массовой работы. Говорят, конкурс устраивают на днях — Чей череп выдержит наибольшую температуру? Получившего первенство сделают председателем» — так нелестно и иронически высказывается об ОРРИК Антон Кулебяка, автор фельетона «Спешите умереть», опубликованного в 91 номере «Рабочей газеты» за 1928 год[617].

4.9 Кремационное движение в СССР и советская идеология

Хотя Донской крематорий в Москве надолго остался единственным успешным кремационным проектом, за историей его строительства стояла не только широчайшая общественная дискуссия о необходимости скорейшего и широчайшего внедрения кремации, но и многочисленные опыты по проектировке и строительству крематориев в разных городах Советской России, в силу различных причин не доведенные до конца. Возникшие как по мановению волшебной палочки в самых разных частях страны сразу после формальной легализации новой практики Декретом о кладбищах и похоронах, десятки кремационных проектов сами за себя свидетельствовали о том, что новая практика погребения не была изобретена или навязана большевиками, а стала закономерным продолжением тех процессов, которые происходили в Российском обществе задолго до революции, и были искусственно сдерживаемы законодательным сопротивлением Синода. Инженеры, коммунальщики, гигиенисты, санитарные врачи уже имели четкое и ясное понимание того, как, где и зачем строить крематории. Хотя разрозненные активисты кремации и не были формально объединены в какое-либо общество и их деятельность преимущественно находилась в тени, их число было велико. Для целой плеяды людей различного происхождения и образования, активный

[617] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 649. Л. 90.

возраст которых пришелся на 1910-20-е годы, сначала легализация, а затем развитие кремации буквально стали делом жизни. Отправляясь в зарубежные поездки, они, как инженер Бронислав Казимирович Правдзик, скрупулёзно собирали материалы об устройстве крематориев, а вернувшись — писали отчеты, публиковали брошюры, делали сообщения на заседаниях научных обществ. Инженеры Лавров, Козлов, Липин и Правдзик проектировали многочисленные вариации кремационных печей, адаптировали иные типы печей (например, мусоросжигательные) под кремационные, адаптировали свои кремационные проекты под различные виды топлива, включая и мусор. Они публиковали популярные книги и статьи в газетах, выступали с лекциями, водили экскурсии. Они, как Г. Бартель, Б. Каплун, В. Гашинский, писали «письма во власть» и обивали пороги самых разных Советских учреждений для того, чтобы получить кредиты, материалы, помещения и людей на строительство крематория. Не будет преувеличением сказать, что все они были буквально одержимы идеями кремации, готовы были жертвовать собой ради реализации этих проектов и ожидали того же от окружающих.

Российское кремационное движение не было тождественно большевизму — большая часть его представителей либо не были членами РКП (ВКП(б)) или были лишь формально. В своих книгах, выступлениях, докладных записках и протоколах заседаний они редко апеллируют к каким-либо типично большевистским концептам, таким как строительство коммунизма, новый быт и т.п. Однако, в их мировоззрениях есть что-то общее. Кремационисты, как и большевики, творили новую реальность, были полностью нацелены в будущее. И те, и другие — были активным модерным течением, которое готово было положить все силы на строительство нового мира. Однако, претензии кремационистов были гораздо скромнее и не выходили за пределы похоронных практик. В отличие от большевиков, тотальная перестройка мира и общества, по-видимому, мало волновала их. Отношения активистов кремации и большевистского движения в терминах

сегодняшнего дня можно обозначить как эффективную коллаборацию. В советских терминах кремационистов можно было бы назвать «попутчиками» режима. Разделяя революционные взгляды, по-видимому, лишь частично, они активно использовали позитивное отношение большевиков к идеям кремации для реализации своих давних чаяний. При этом любое новое обстоятельство текущего момента или изменение конъюнктуры они всегда старались использовать с максимальной отдачей — удручающее санитарное состояние советских городов, эпидемии, антирелигиозная кампания, индустриализация — все это могло стать инструментом для развития кремационных проектов. Предлагая использовать под строительство крематория здание церкви или внести строительство 40 крематориев в пятилетний план развития народного хозяйства, они лишь используют те возможности, которые дает им создавшаяся конъюнктура.

Важнейшим образцом и руководством к действию для русских кремационистов всегда оставались не коммунистические идеалы, а западноевропейские образцы. В текстах, написанных в целях пропаганды кремации в Советской России, нет отсылок к марксистской или партийной литературе, зато во множестве встречаются обширные описания работы европейских коллег и опыта развития кремации за границей. При подготовке к строительству Донского крематория в Москве члены ОРРИК добились продолжительной командировки в Германию, смогли завести там полезные связи и убедить Советское руководство в необходимости закупить кремационные печи у ведущего мирового производителя — немецкой фирмы Топф и сыновья. В 1928 году в ОРРИК получили приглашение к участию в очередном международном конгрессе по кремации, который должен был состояться в Бремене, Германия. Получить разрешение на поездку было не просто, однако в итоге она все же состоялась. В состав Советской делегации входил и Г. Бартель, который привез с собой множество материалов о современном состоянии похоронного дела в Европе. Эти материалы стали

основой для открытых лекций и публикаций в Советской прессе. Одновременно в немецких журналах начинают появляться статьи о работе Московского крематория[618]. Следуя европейским образцам, члены ОРРИК приложили неимоверные усилия для того, чтобы в первом в СССР крематории был орган для музыкального сопровождения торжественных церемоний. Именно будучи ориентированными на европейские аналоги, они стремятся создавать кремационные общества, распространять их деятельность на весь Союз и за его пределы.

Невероятная активность кремационного движения началась задолго до революции. Несмотря на противодействие церковных властей, активисты кремации предпринимали попытки переломить ситуацию. Так, в 1907 году доктор медицины Михаил Ерофеевич Шмигельский предпринял попытку практической реализации идей кремации в Российской Империи. Вокруг себя ему удалось сплотить «группу состоятельных людей, согласившихся дать около 1 миллиона рублей на покупку участка земли близ Ходынского поля и постройку там частными средствами крематория. Был написан устав О-ва, но все усилия наши не привели ни к чему вследствие категорического veto Синода»[619]. Этот проект, по-видимому, стал первым проектом строительства крематория в России. Позже, в 1919 году, находясь в своем имении в Ялте, возможно под влиянием скоропостижной смерти своей дочери от инфекционного менингита, Шмигельский выступает с инициативой строительства в городе крематория. Позже, в 1922 году он пишет об этом «Я внес предложение о постройке там крематория, что считал особенно необходимым для нашего главного курорта, крайне стесненного в земельной площади и с особенно нездоровой топографией кладбищ, по отношению к тесно охватывающему их городу. Товарищи по здравотделу выразили мне полное сочувствие и одобрение решили немедленно приступить к делу». В

[618] Гиголаева Е.В. Советская похоронная индустрия в 1920-е годы: новый быт в контексте западных градостроительных идей // Россия и современный мир. 2019. № 2(103). С. 186.
[619] ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 343. Л. 19.

июне 1919 года он был командирован в Москву для того, чтобы выяснить, в какой степени можно рассчитывать на финансовую помощь из столицы, однако, начавшееся наступление Деникина на Москву заставило его вернуться в Крым[620]. Несомненно, важность постройки крематория в Ялте определялась, среди прочего, и тем, что это был главнейший туберкулезный курорт страны.

Продолжая опыт кризисного строительства в Петрограде и Москве, временные кризисные трупосжигательные станции строятся в местах наибольшего эпидемического поражения. Однако, приоритетом всегда остается строительство постоянных крематориев, «в *полной мере удовлетворяющим чувства эстетики и уважения к умершему»*.

В период между 1919 и 1922 годами в Екатеринославе (Днепропетровск, Днепр) также проводился архитектурный конкурс на строительство крематория. Первое место занял проект архитектора С.Н. Грузенберга[621]. Грузенберг также принимал деятельное участие в обсуждении необходимости постройки крематория в Петрограде.

Моссовет также не предполагал ограничиться строительством лишь одного крематория в столице. В качестве возможных площадок для строительства второго крематория рассматривался Новоспасский монастырь (1925 год), Миусский собор (1928 год), Лазаревское кладбище[622]. О начале работ по строительству второго крематория в Москве упоминается и в 1932 году[623].

[620] Там же.
[621] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1838. Л. 109.
[622] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 649. Л. 21; Запись из дневника О. Шереметевой от 30 (17) ноября 1925 г. (См.: Шереметева О.Г. Дневник и воспоминания / вступ. ст. Г.И. Вздорнова. М.: Индрик, 2005. С. 99.)
[623] ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 247. Л. 8.

Глава 5 Советская реформа похоронного администрирования

Какими бы ни были фантазии советских идеологов о новом типе похорон, о кремации как идеальном способе погребения и о городах без кладбищ, большинство людей нужно было хоронить не в идеальном мире будущего, а здесь и сейчас — на старых городских кладбищах посредством трупоположения. Основную часть погребений в стране составляли «рядовые» похороны, не имевшие идеологического значения и не предполагавшие привлечения дополнительных административных ресурсов и партийного актива. Для участников рядовых советских похорон новые веяния похоронной культуры в виде кремации или «красных похорон» не играли, как правило, существенной роли.

Но даже такие похороны испытывали на себе влияние революционной установки на тотальное социальное преобразование. Как и в других сферах похоронной культуры, применительно к «обычным» похоронам в критическом фокусе большевиков оказывались доминирующее положение религиозных институтов, а также социальное и имущественное неравенство, колоссальный разрыв между элитарным и рядовым сегментом похорон. Между тем для новых властей вопрос реформы «обычных» похоронных практик оказался чуть ли не самым сложным и запутанным уже на стадии обсуждения, ведь в данном случае речь шла не о конструировании новой обрядности практически с чистого листа, как в случае с «идеологически заряженными» похоронами или кремацией, а о намного более масштабной в социальном отношении коррекции сложившихся устоев и привычек.

Основными направлениями модернизации похоронного дела в первые послереволюционные годы в России стали муниципализация похорон как критически важной сферы обслуживания населения и обусловленное такой муниципализацией обеспечение каждого гражданина советской республики

необходимым набором похоронных услуг, равным для всех, вне зависимости от социального происхождения или достатка. До революции похороны являлись в первую очередь религиозной практикой, которая была тесно связана с эсхатологическими учениями религий, распространенных на территории Российской империи. В случае православия — с идеями бессмертия души и воскресения из мертвых. Именно поэтому конфессиональный характер похорон имел такое важное значение, и религиозные институты прилагали большие усилия, чтобы оградить похоронные практики от светского регулирования[624]. Фактически в ходе реформ, вдохновляемых идеей создания справедливого социального государства, похоронное обслуживание из важнейшей сферы религиозной и духовной жизни в одно мгновение превращается в периферийную область коммунального хозяйства. Несомненно, сам факт такого перехода существенно изменял как статус похоронного дела, так и всю похоронную культуру в целом.

Декрет о Кладбищах и похоронах 1918 года гласил, что «все кладбища, крематории и морги, а также организация похорон граждан поступают в ведение местных Совдепов», что означало их муниципализацию. Как показывает опыт муниципализации кладбищ Москвы, Советы не испытывали большого энтузиазма от идеи включить в свою зону ответственности похоронное дело. Во многом это было связано с тем, что в ходе реорганизации общественной жизни этим органам постоянно делегировались все новые и новые функции, справиться с которыми в полной мере они были не в состоянии. После публикации Декрета Московский Совет выступил с инициативой сделать похоронное дело в городе сферой ответственности Московского центрального рабочего кооператива (МЦРК). Идея похоронного администрирования в рамках кооперации, несомненно, находилась в русле западноевропейского опыта секуляризации и модернизации похоронного

[624] Подробнее об этом см. главу 1.

дела, и, возможно, такое решение могло бы сформировать другой сценарий развития похоронного администрирования в СССР. Однако МЦРК, составив смету и план работы, был вынужден отказаться от «похоронной повинности», сославшись на крайнюю ограниченность ресурсов[625].

Похоронное дело оказывается частью коммунального хозяйства, что, как было сказано выше, существенно меняет его статус по сравнению в дореволюционной ситуацией. Помимо похоронного администрирования, коммунальное хозяйство включало также вопросы жилищного обеспечения, бесперебойной работы канализации, городской очистки, городских боен, садоводства, озеленения, благоустройства, городского транспорта и многие другие. Из религиозного обряда похороны, таким образом, должны были превратиться в услугу, а похоронный сервис — стать разновидностью коммунального обслуживания. Духовный аспект похоронных практик, таким образом, отходит на второй план, оставляя доминирующим утилитарный — санитарно-гигиенический.

Де-сакрализация похорон, вывод их из сферы ответственности религиозных институтов в сферу социальной и даже, скорей, санитарной ответственности государства сопровождались — и во многом обусловливались — материалистической ревизией представлений о человеке и отчасти спровоцированной такой ревизией *десемантизацией смерти* — феноменом, о котором уже шла речь выше и который во многом определил всю последующую эволюцию советской и, шире, российской похоронной культуры. Похоронный сервис становится, в первую очередь, одним из важнейших направлений работы санитарных служб и систем городской очистки. Однако, как я покажу ниже, городским службам потребовалось существенное время, чтобы понять, сколь огромная ответственность, притом не только санитарная, была на них возложена.

[625] ЦГАМО. Оп. 1. Д. 53. Л. 16, 17.

5.1 Муниципализация похоронного дела и похоронный кризис 1919 года

Рассматривая специфику довоенной истории СССР, С. Коткин утверждает, что важнейшей особенностью сталинизма как цивилизации было создание того, что он называет welfare state, то есть социального государства, которое берет на себя обязательства социального обеспечения всех трудящихся: «Несмотря на административные и финансовые ограничения, советская система социального страхования, возникшая после революции, определяла пособия (во многих случаях равные общему заработку) на случай смерти, инвалидности, болезни, старости, беременности и родов или безработицы для работающих людей и членов их семей. <…> Размер пособий, особенно пенсий, оставался небольшим, но нельзя отрицать, что Советское государство приняло широкую концепцию социального обеспечения — от занятости и доходов до доступного жилья, здравоохранения и организованного досуга — и сделало это как нечто само собой разумеющееся»[626]. Создание такого государства предполагало создание нового рационального и справедливого социального порядка[627], основанного на большевистской интерпретации марксистской классовой теории. Новый социальный порядок государства всеобщего благоденствия предполагал полный отказ от эксплуатации человека человеком, что в конечном счете должно было привести к исчезновению бедности, безработицы и социального унижения. Декларируя принцип всеобщей занятости, с одной стороны, и принцип «от каждого по способностям — каждому по потребностям», с другой, государство брало на себя роль своеобразного распределителя справедливости, гаранта того, что жизненные потребности каждого трудящегося гражданина будут удовлетворены. Именно результатом этих идей стало, в частности, создание системы социального жилья, государственных пенсий по возрасту, системы поддержки работающих

[626] Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 19.
[627] Там же. С. 7.

женщин (ясли и детские сады), системы санаторно-курортного лечения, бесплатного среднего и высшего образования. Несомненно, не только реализация этих идей, но и даже формирование конкретного плана действий на их основе, требовали времени и инвестиций.

В целом, то, что Коткин обозначает как социальное государство, начало обретать свои формы лишь во второй половине 30-х годов. Однако, реализация этих идей началась практически сразу после захвата большевиками власти, в целом без конкретного плана, руководствуясь лишь стремлением добиться классовой справедливости и обеспечения победившего пролетариата теми благами, которые ранее были ему недоступны. Основным методом, при помощи которого, как казалось, можно легко добиться справедливости, была национализация и муниципализация частной собственности, то есть передача ее в собственность «пролетарского государства» и административное переподчинение местным органам исполнительной власти, то есть Советам. Муниципализации подлежали и городские службы, в том числе жилые дома, транспорт, предприятия питания и торговли, системы снабжения и многое иное. В числе городских служб оказалась и похоронная инфраструктура. Предполагалось, что муниципализированное городское хозяйство станет более доступно для рабочих и служащих и будет действовать в целях достижения наибольшей справедливости, а не обогащения отдельных людей и целых институтов (в первую очередь, конечно, Церкви).

Однако, на практике стремительная, несистемная и часто хаотичная передача разных сфер жизни в ведение местных советов приводила к самым непредсказуемым результатам. Согласно новым идеям, каждый трудящийся должен был быть обеспечен жильем, продовольственным пайком, дровами, транспортом и рядом иных благ, однако, четкого понимания того, из каких источников должно финансироваться как само снабжение, так и его административное обеспечение, а также какие конкретно институты власти

должны были отвечать за те или иные вопросы, не было. Кроме того, с психологической точки зрения новые власти не были готовы взять на себя коллективную ответственность за функционирование городской инфраструктуры — отсутствие «хозяина», наделенного функцией контроля и наказания, провоцировало хроническую бесхозность. Водопроводные краны, брошенные открытыми, грязь и антисанитария, — все это наносило сильный урон городской инфраструктуре[628]. Но если сбои в работе одних служб приводили к ухудшению жизни горожан, то от работы других зависела возможность этой жизни в принципе. Похороны относились ко второй сфере, и недостаточное внимание городских властей к санитарным аспектам похорон сыграло роковую роль в истории Москвы 1918 — 1920 годов.

Именно в этом контексте муниципализации городского хозяйства и актов национализации парков, дворцов, заводов, железных дорог происходила и муниципализация кладбищ. Декрет Совета народных комиссаров «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 года предписывал смену собственника и управляющего похоронной системой в срок до 1 февраля 1919 года, но никакие механизмы такой смены прописаны не были:

«*Все кладбища, крематории и морги, а также организация похорон граждан поступают в ведение местных Совдепов.*

С момента опубликования сего декрета все частные похоронные предприятия, не прекращая своей деятельности, со всем их аппаратом, поступают на учет местных Советов Депутатов и, по мере организации соответствующего советского технического аппарата, подлежат передаче Советам Депутатов в срок и порядке, определяемых ими. Организация этого аппарата должна быть закончена к 1-му февраля 1919 года»[629].

[628] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. С. 64-67.
[629] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. // Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1275-1276.

«Инструкция местным советам о порядке осуществления Декрета СНК о Похоронах и кладбищах» вносила небольшие уточнения в порядок изменения администрирования:

«*Прием кладбищ, а также похоронных предприятий и их инвентаря должен производиться специально для этой цели созданной комиссией с участием представителей Государственного Контроля и Отделов Здравоохранения. <…>*

Для правильной постановки дела погребения умерших, Отделы управления [кладбищ] должны приступить к немедленной организации соответствующего аппарата, в обязанности которого входит:

а. управление и забота о содержании и порядке кладбищ и прочих мест погребения на территории данного Совдепа;

б. управление всеми похоронными предприятиями и приспособлениями;

в. своевременное погребение всех умерших на территории данного Совдепа;

г. отчетность о ведении похоронного дела.

Примечание: Органы, ведающие похоронным делом, должны быть созданы не позднее 1 февраля 1919 года; конструкция и штат сотрудников, а также технический персонал определяется местным Совдепом сообразно с местными условиями» [630].

Декларируя создание новых административных отделов, ответственных за похороны, правительственные распоряжения, однако, не прописывали схемы финансирования их работы. Декрет давал лишь общие указания насчет того, на какие средства должны быть похоронены умершие,

[630] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 9 об.-10.

возлагая финансирование значительной части похорон на бюджет местных Советов. Схема финансирования самих отделов оставалась непрописанной. Как мы увидим ниже, это обстоятельство сыграет ключевую роль в процессе строительства советской похоронной индустрии.

5.2 Антирелигиозная кампания и похоронная инфраструктура

Передача управления похоронным делом местным Советам преследовала и другую цель. Помимо принципа доступности похорон для всех трудящихся, другой важной идеей, которая лежала в основе похоронной реформы, был принцип отделения церкви от государства.

Как уже было сказано выше[631], похоронный обряд, как и другие обряды жизненного цикла, в России до революции находился всецело в руках религиозных организаций. Система чинов погребения и разрядов похорон позволяла соблюдать шаткий баланс работы похоронной отрасли: огромные суммы, которые платили за места по высоким разрядам, не только покрывали часть расходов беднейших сословий, но и составляли доход кладбищенского причта, который частично тратился на нужды кладбищ и попечения о бедных духовного звания, а частично составлял доход самого причта.

Весь похоронный цикл, начиная от регистрации смерти и заканчивая надзором, уходом и обновлением[632] кладбищами, находился, таким образом, в ведении конкретных приходов и похоронить человека (равно как и зарегистрировать новорожденного или жениться) без участия религиозного института было невозможно. Сословно-конфессиональная ориентация похоронной инфраструктуры была, таким образом, важной и структурообразующей особенностью похоронной отрасли в России до революции. Эта система, создававшаяся и поддерживавшаяся столетиями,

[631] Подробнее об этом см. введение.
[632] Обновление кладбищ — использование кладбищенской земли для новых захоронений — в Российской Империи было возможно в случае, если родственники не навещают могилу в течение 30 и более лет.

функционировала как своего рода «моральная экономика»[633], а похороны и содержание кладбищ становились, таким образом, «общим благом» для широкого круга лиц, связанных с данным кладбищем, а не только для родных и близких умершего. Приходская, общинная структура похорон, при которой прихожан одной церкви хоронят на одном кладбище, а родственники умерших тесно связаны друг с другом и вне похоронного обряда, подразумевала, что значимыми становились могилы не только ближайших родственников, но и людей относительно далеких как по родству, так и по социальному положению. В наибольшей степени это, несомненно, было (и остается) характерным для сельских кладбищ, где каждый визит предполагает минимальный уход не только за «своими» могилами. Однако, и поддержание внешнего вида городских кладбищ оставалось делом общины, чему, несомненно, способствовал тот факт, что управление кладбищами было разделено между конкретными приходами внутри конфессий. Именно эта важная особенность рынка ритуальных услуг Российской Империи позволяла ему работать и сохранять баланс в условиях традиционной низкой маржинальности похоронного дела[634] и огромного процента похорон по низшим, самым дешевым и даже бесплатным разрядам[635].

Проблема жесткого доминирования церкви в похоронной сфере, несомненно, вставала и до Декрета 1918 года. Первое профессиональное объединение работников ритуальной сферы возникло в 1905 году, сразу после легализации профсоюзного движения в результате революции 1905 года. В Петербурге наряду с объединениями парикмахеров-подмастерьев, полотеров, рабочих городских бань, трубочистов, союзом служащих парового трамвая

[633] О моральной экономике см.: Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past & Present. Oxford University Press. 1971. Vol. 50 (1). P. 76-136; Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. Yale University Press, 1977.
[634] Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. С. 63-65, 138-141.
[635] О моральной экономике в контексте похоронной реформы 1918 года см. также: Sokolova A. Soviet Funeral Services: From Moral Economy to Social Welfare, and Back // Revolutionary Russia. 2019. Vol. 32(2). P. 251-271.

Невской пригородной железной дороги, был образован союз могильщиков и кладбищенских сторожей[636]. Незадолго до революции, в 1914 году, частные торговцы надгробными памятниками в Москве, возмущенные фактами притеснения и недобросовестной конкуренции со стороны кладбищенского причта Ваганьковского кладбища, обращались в Московскую городскую Думу с просьбой о защите и содействии в более четком разграничении компетенций между частными торговцами и представителями церкви[637]. Городская Дума и сама была заинтересована в разрешении этого вопроса, поскольку светские власти постоянно сталкивались с необходимостью увеличения территории городских некрополей, не имея при этом никакой возможности участвовать в похоронном администрировании[638]. Проект нового похоронного законодательства, рассматривавшийся Думой в 1913 году, также предполагал некоторое ограничение полномочий церкви в пользу светских властей и частных акторов[639]. Таким образом, уже в 10-е годы XX века среди городских властей и частных предпринимателей тенденция к ограничению церковного доминирования в похоронном деле становится очевидной. Однако, участие России в Первой Мировой войне и последовавший за этим социальный кризис не дали развиться секулярным тенденциям в похоронном администрировании. Впрочем, сразу после революции в 1917 году с активизацией роли рабочего движения создается профсоюз работников кладбищ[640]. Хотя значимая информация о деятельности этой организации отсутствует, столь быстрое появление профсоюза появление свидетельствует о сильнейшем стремлении светских похоронных работников обособиться от церкви и причта и утвердить свои административные права.

[636] Основные этапы развития профсоюза [электронный ресурс] // Сайт «Общероссийский профсоюз работников жизнеобеспечения». 27.02.2018.
[637] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 302. Л. 3-5.
[638] Подробнее об этом см. главу 1. См. также: Канализация г. Москвы, очистка, водостоки, бани и кладбища / Под ред. П.В. Сытина. М.: Издание МКХ, 1925. С. 75-77.
[639] Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. С. 537; ГА РФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 443. Л. 10-40.
[640] ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 120.

Первым шагом на пути отделения церкви от похоронного администрирования стал Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[641], отменивший обязательность исполнения религиозных обрядов и передавший акты гражданского состояния, в том числе — регистрацию смертей, в ведение «исключительно гражданской властью, отделами записи браков и рождений»[642]. Декрет «О кладбищах и похоронах» утверждал:

«*Для всех граждан устанавливаются одинаковые похороны. Деление на разряды как мест погребения, так и похорон уничтожается.*

Примечание. Похоронные религиозные обряды в храме и на кладбищах могут совершаться по желанию родственников и близких умершего за их собственный счет.

Оплата мест на кладбищах отменяется»[643].

В целом похоронная реформа в рамках отделения Церкви от государства имела три главные цели. Во-первых, лишение Церкви контроля над погребением и доходами от него. Церковь лишалась существенного источника дохода, и юридически создавалась возможность для безрелигиозных похорон[644]. Во-вторых, уничтожение деления на разряды погребения — похороны должны были стать единообразными и доступными для всех[645]. Третьей целью было введение кремации, против которой систематически выступала церковь[646].

---

[641] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. // Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 286-287.

[642] Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных сообществах // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 372.

[643] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. С. 1275-1276.

[644] Подробнее о безрелигиозных похоронах см. главу 2.

[645] Об уравнительном характере декрета см. также: Паперный В. Культура два. М.: Новое Литературное Обозрение, 1996. С. 116.

[646] Подробнее о кремации см. главу 4. См. также: Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. С. 537.

Помимо тех изменений в администрировании, о которых говорилось выше, Декрет о похоронах резко ограничил участие религиозных институтов в похоронном деле и отстранил их от финансовых потоков, связанных с похоронами. При этом финансовые потоки не столько перераспределялись в сторону государства, сколько директивно сокращались, поскольку оплата мест на кладбищах и большинство других платежей заменялись оплатой необходимого минимума (гроб и копка могилы) в Совдепе или предъявлением ордера социального страхования. Даже при взимании самой минимальной оплаты в 1918 — 1919 годах основной тенденцией в этой, как и в других сферах жизни был полный переход на безденежные отношения. Другой важной особенностью было то, что полностью ликвидировалась конфессиональная специфика кладбищ — теперь любой человек вне зависимости от религиозных убеждений или их отсутствия мог быть похоронен на любом кладбище.

Отстранение религиозных институтов от похоронной инфраструктуры означало разрушение самой основы функционирования похоронной системы, связывавшей отдельные инфраструктурные элементы в устойчиво работающее целое. Сословно-конфессиональный принцип работы похоронной отрасли отменялся, однако ни Декреты, ни инструкции не давали четких указаний, по каким принципам должна строиться новая архитектура похоронной отрасли. Единственным ориентиром оставался принцип равенства похорон для всех граждан, который представлял собой еще более «общее благо», чем то, которое лежало в основании похоронной системы Российской Империи.

5.3 Новое администрирование и похоронный кризис

Как Декрет, так и Инструкция оставляли перевод Декретов с языка идей в программу действий, то есть непосредственной реализации нововведений, на усмотрение местных советов. Чем больше был город, чем

больше в нем было кладбищ и похоронных бюро, тем больше проблем провоцировала неопределенность администрирования похоронной сферы.

Если в небольших городах похоронная инфраструктура была сравнительно простой и для того, чтобы передать управление ею Советам не требовалось больших усилий, то в таких городах как Москва и Петроград это вызвало массу проблем и вопросов. В данной главе я сосредоточусь в основном на анализе проблем похоронного администрирования в Москве. Являясь политическим центром страны, Москва фактически была образцом реализации новой политической и экономической программы для других, более отдаленных мест. То, как те или иные вопросы и проблемы решались в столице, сигнализировало, как именно следовало трактовать новые распоряжения местным властям. Кроме того, как показывают документы, многие вопросы решались к Москве через консультации с высшим руководством страны. В такие решения закладывались установки, которые имелись у правительства по интересующим нас вопросам.

Новая похоронная администрация в Москве была создана к середине февраля 1919 года, то есть всего за 2,5 месяца. Вся похоронная инфраструктура перешла в ведомство Отдела похоронно-санитарных мероприятий (позже — похоронный подотдел отдела Благоустройства[647]) Московского коммунального хозяйства (МКХ) Моссовета[648]. В ведении новой организации оказались более 30 похоронных бюро, несколько конных дворов и 33 кладбища общей площадью 300 десятин (т. е. 3,2 кв. км)[649].

Новую похоронную администрацию в Москве и других городах составили люди, никак ранее не связанные с похоронным делом. В лучшем

[647] Название отдела и его место в структуре Московского коммунального хозяйства несколько раз менялось. Чтобы не усложнять повествование различными названиями одной административной единицы во всех случаях далее я буду называть его Похоронным отделом.
[648] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп.1. Д. 53.
[649] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 27-28. Многие из этих кладбищ были переполнены еще в конце XIX века и продолжали работать только благодаря регулярной прирезке территорий. (См.: Канализация г. Москвы, очистка, водостоки, бани и кладбища / Под ред. П.В. Сытин. М.: Издание МКХ, 1925. С. 75-77.)

случае это были гражданские инженеры или санитарные врачи, в худшем — люди безо всякого специального образования. Не имея четкого понимания всех проблем и этапов работы похоронного дела, они должны были заново сконструировать всю похоронную систему, заложив в нее существенный процент бесплатных похорон. В силу своих крайне поверхностных представлений о предмете, новое начальство не могло оценить ни профессиональной пригодности тех или иных сотрудников, ни той цены, которая будет заплачена за неверную кадровую политику. Крайне показательным в этом плане является тот факт, что норма выработки могильщиков на Московских кладбищах в первое время составляет всего 1 взрослую и 1 детскую могилу в день, при том, что реальные возможности могильщиков по сведениям отдельных кладбищ доходят до 3-х взрослых и 4-х детских могил на одного человека в день[650]. Обязательность труда, с одной стороны, и плохое снабжение, с другой, приводят к чудовищной текучке кадров и трудоустройству людей явно не способных выполнять свои обязанности[651].

Стоит отметить, что проблема халатности и недобросовестного отношения могильщиков к своей работе возникает еще до подписания Декрета. Вот с какими проблемами сталкивались обыватели уже в ноябре 1918 года:

«Оказывается, что теперь и умирать неудобно: на иноверческом кладбище, которое всегда было организовано лучше всех, могильщики не хоронят более 7-ми покойников в день и не хоронят ранее часа дня. Когда хоронили К. А. Вилькена, могила была не дорыта, и гроб пришлось поднимать

[650] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 1 об.
[651] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 3. Д. 436. Так, например, в 1918-1919 годах большую часть кладбищенских рабочих и сторожей составляют пожилые женщины, которые часто не справляются со своей работой. (См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 5.)

опять на землю; крест, приготовленный заранее, потеряли и были грубы и недовольны; типичное проявление русской революции»[652].

То, что автор дневника, Ю.В. Готье, списывает на типичное проявление русской революции, на мой взгляд, является первым следствием разрушения сословно-конфессиональной организации похоронного дела и становления низовой самоорганизации работников похоронной сферы. Однако, в отличие от европейских прецедентов секуляризации похоронного дела, выход могильщиков из-под церковного контроля не приводит к повышению качества предоставляемых услуг. Отсутствие рыночных механизмов регулирования, становление военного коммунизма, продовольственный кризис и высокие темпы инфляции, трудовая повинность и снабжение по карточкам — все это заставляет могильщиков лишь формально выполнять свои обязанности. Окончательное разрушение старой системы Декретом о похоронах лишь ухудшило ситуацию.

Руководство Отдела погребально-санитарных мероприятий МКХ не имеет даже точного понимания того, сколько кладбищ, похоронных бюро, «живого и мертвого инвентаря» перешло в его ведение и в каких районах города они расположены. Эта информация многократно запрашивается у районных Советов, в том числе через объявления в газетах[653]. Обмен оперативной информацией также отсутствует и для того, чтобы получить сведения о количестве непогребенных трупов в различных учреждениях, Отдел публикует объявления в газетах[654].

Помимо прочего, похоронный отдел, существуя в условиях военного коммунизма, перехода на безденежные отношения, кризиса снабжения и топлива, вынужден был решать и массу проблем, никак не связанных с похоронами. Обеспечение сотрудников необходимыми железнодорожными

[652] Запись из дневника Ю.В. Готье от 18 ноября 1918. (См.: Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 197.)
653 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 27.
654 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 26 об.

билетами, продовольствием, жильем и дровами — все это находилось в ведении администрации Отдела. Если жилье и дрова зачастую удавалось изыскать из собственных ресурсов (то есть расселить сотрудников в кладбищенских строениях и спилить несколько деревьев, растущих на кладбище), то для обеспечения сотрудников едой приходилось совершать регулярные продовольственные экспедиции[655].

Возможно, самым тяжелым ударом, постигшим отрасль, стала потеря инвентаря и рабочих рук. Большинство рабочих и могильщиков московских кладбищ, как здоровые и сильные мужчины, годные к тяжелой физической работе, были мобилизованы в армию[656]. Лошади были реквизированы для нужд фронта или пали от плохого ухода и общей бесхозяйственности[657]. Даже рабочий инвентарь бесследно исчезает и на кладбищах зачастую остается лишь несколько ломов и лопат[658]. Ситуация усугубляется тем, что муниципализированные частные похоронные бюро, переведенные на безденежный расчет, систематически саботируют работу[659].

Все это приводило к крайней несогласованности действий Отдела Похоронно-санитарных мероприятий.

Другими проблемами, вызванными непроработанностью основных положений Декрета и Инструкций, стали оформление необходимых документов и сроки осуществления погребения. Инструкция утверждала: «… местные Советы обязуют родственников умерших, Домовые Комитеты или управления, административные и прочие учреждения, где произошла смерть, сообщать о каждом случае смерти в похоронный Отдел и в Отдел записи

[655] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 1 об.
[656] Там же.
[657] Так, в 1920 году отдел располагал лишь 4 лошадьми при потребности в 100-120. (См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 52. Л. 4, 6, 8; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об-2.
[658] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 1; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 8.
[659] Чтобы решить эту проблему Отдел берет с бывших владельцев расписки в том, что “они не ликвидируют своего дела и не сократят деятельности без разрешения Совдепа”. (См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.)

гражданских актов не позднее второго дня, причем заявления должны быть подтверждены Домовыми Комитетами, квартальными управлениями, милицией или правлением учреждения, где произошла смерть»[660]. После этого необходимо было представить управлению кладбища копию акта о смерти от местного Отдела записи актов гражданского состояния, после чего похороны должны были быть проведены в 48-часовой срок. В реальности это привело к тому, что родственники были вынуждены получать целую серию справок в различных учреждениях прежде, чем дело дойдет до Ордера на погребение. Поскольку набор справок был непредсказуем и нестабилен, а в каждом учреждении были очереди, оформление документов могло затянуться на неделю и даже дольше[661]:

«Порядок регистрации смерти в Юридическом Отделе — в одном месте — и получения свидетельства на похороны — в другом, — именно в Комиссариате, который, как известно, в свою очередь, должен иметь надлежащие сведения от врача, невольно при обычной повсюду очереди вызывает медленность в совершении похорон»[662].

И хотя Похоронный подотдел неоднократно требовал выдачи документов на похороны в срок не позднее 24 часов после подачи заявления родственниками[663], проблема сохранялась. В фондах Московского Отдела погребально-санитарных мероприятий сохранилась газетная заметка «Маленькие недостатки: с живыми трудно, но и с мертвыми нелегко», опубликованная не позднее 17 февраля 1919 года, описывающая все мытарства, с которыми сталкивался человек при оформлении похорон:

«*Одному музыканту пришлось хлопотать о разрешении хоронить своего друга.*

[660] ЦГАМО Ф. 4557. Оп.1. Д. 53. Л. 9 об-10.
[661] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 16.
[662] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 11 об.
[663] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 25; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 3 об.

Путешествуя из одного учреждения в другое, проделывая множество формальностей, он, при одолении одной, натыкался на новую, выраставшую перед ним во всей своей красе и… нелепости.

Во втором Арбатском комиссариате ему ответили, что прежде всего нужно запастись докторским свидетельством о смерти лица, «нуждающегося в похоронах».

С этим свидетельством он отправился к народному нотариусу для зарегистрирования, но это свидетельство, выданное частным врачом, оказалось недостаточным. На этом свидетельстве требовалась еще надпись судебного врача о том, что он против похорон ничего не имеет, пришлось отправиться в санитарно-медицинский отдел.

После долгих объяснений подпись судебного врача была наконец получена. Когда он возвратился снова к нотариусу, очередной хвост оказался еще внушительней, а между тем время не терпит. Покойник лежит уже четвертый день без гроба, но ничего не поделаешь; запасшись терпением и простояв несколько часов в очереди, он наконец достиг «стола смерти». За этим столом две девицы еле справляются с «мертвыми душами». Задается целый ряд вопросов, приходится расписываться в трех книгах. Наконец бумага дана. Но это еще не все.

За окончательным решением пришлось снова идти в комиссариат и отвечать на вопросы вроде таких, например:

Сколько лет жил в Москве покойник, занимал он квартиру или комнату, в каком жил доме, в каменном или деревянном и т.д.

Ответив на эти все вопросы, он, наконец, на пятый день получил возможность похоронить своего друга»[664].

Как становится ясно из этой заметки, проблема отсутствия информации по своему ведомству существовала не только в похоронном отделе. Очевидно, что тот набор не подходящих к скорбному случаю вопросов, на которые должен был ответить герой заметки, задавался с одной целью — собрать крупицы информации по жилищному фонду города и освободившейся жилплощади в тот момент, когда это было возможно.

Для того, чтобы добиться успеха, родственникам приходилось проявлять известную настойчивость. Вот как описывает это в своих воспоминаниях Питирим Сорокин: «Умереть сейчас в России легко, а вот быть похороненным — очень непросто. В разговорах с десятками чиновников, во многочасовых очередях пролетело четыре дня, прежде чем мы смогли получить разрешение похоронить Веру. В конце наших мытарств мы пригрозили одному чиновнику, что если он не даст разрешения, мы принесем тело в его кабинет»[665].

Проблема оформления документов многократно усиливалась из-за резкого притока населения в большие города, в первую очередь — в столицы. Миграционные потоки 1918 — 1920 годов, связанные с переносом столицы, войной, гражданской войной, голодом, изменяют демографическую ситуацию в городе. Резкий приток жителей в город, лишенный соответствующего снабжения, а также эпидемии сапа и сыпного тифа приводят к скачкообразному росту нагрузки на похоронную индустрию[666]. В надежде на

[664] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 16.
[665] Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиогр. роман / пер. с англ. П.П. Кротова, А.В. Липского. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. С. 145. См. также запись из дневника Ю.В. Готье от 7 марта 1922: «7 марта. Похороны М.М. Рындина продолжались шесть дней, т.к. только на второй день после его смерти мы добились разрешения похоронить его в Новодевичьем монастыре. Ордер на погребение был получен за пару калош из Главрезины. Вынос был только в воскресенье (он умер в четверг, 2-го) 5-го, отпевание — 6-го, а так как могила не была готова, то погребение его только сегодня». (См.: Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 515.)
[666] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 11 об.; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.

лучшую жизнь люди едут в города, но заболевают еще в антисанитарных условиях поездов. Многие из них умирают в поездах и на вокзалах, другие — в больницах и на улицах города. Все эти тела также оказывались в зоне ответственности городских похоронных служб: «... военнопленные умирали часто в суточный срок. Трупы их валялись вдоль полотна железной дороги, так что поезд по пути в Москву подбирал и грузил их в вагоны для предания в городе погребению»[667].

В период с 1917 по 1922 год происходит резкий рост абсолютного числа смертей. Если в 1917 году смертность в Москве составляла 25 человек на 1000 жителей, то в 1919 году этот показатель составил уже 48,5 человек[668]. Ситуация в Петрограде не выглядит лучше:

«*Не зная точной статистики о числе ежедневных смертей в Петрограде, а, только вспомнив число смертей в среде своих знакомых за последний только год (более полсотни наберется) — число их громадно! А число жителей, по официальным данным, уменьшилось уже наполовину! Присутствуя же на отпевании умерших в церквах на кладбищах (4 ряда, гроб к гробу, насчитал более ста гробов), не понимаешь, как это Петроград еще не весь вымер?!*»[669]

Огромное число покойников из числа прибывающих по железной дороге практически невозможно идентифицировать, особенно учитывая отмену удостоверений личности[670]. Поскольку число умерших в

[667] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 12 об.

[668] Бартель Г. Кремация / сост. Г. Бартель; под ред. Ф.Я. Лаврова. М.: М.К.Х., 1925. С. 20. «В Москве, как показывают статистические данные за десятилетие с 1909 по 1918 г., годовая смертность выражалась в цифре 45-50 тысяч. Под влиянием анти-санитарных условий и эпидемий эта цифра грозила удвоиться». (См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1; ЦГАМО. Ф. 4557, Оп. 1. Д. 50. Л. 1.) См. также запись из дневника Ю.В. Готье от 4 декабря 1919: «Я случайно, по забывчивости, прошел в соседнюю приходскую церковь, в конце Остоженки, там хоронили троих, но В. И. между ними не было; я сообразил, что мне надо было идти в церковь Воскресения, рядом, и там нашел двух покойников, в том числе того, кого искал. А что было в соседних других церквах? Неужели то же самое?» (См.: Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 328.)

[669] Запись из дневника Ф.А. Григорьева от 7 сентября 1919. (См.: Запись из дневника Григорьева Ф.А. [Электронный ресурс] // prozhito.org)

[670] Байбурин А.К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб: Издательство ЕУ СПб, 2017. С. 69-90.

общественных местах столь велико, городские власти реально занимаются только ими, пытаясь разгрузить переполненные морги и мертвецкие. Родственники людей, умерших дома, оказываются практически полностью предоставленными сами себе[671].

Проблему создает также и идея общественной справедливости, о которой говорилось выше, то есть идея равной доступности достойного погребения для всех трудящихся. Согласно Декрету, расходы на похороны должны были возмещаться либо за счет родственников и близких через кассу местного Совета, либо за счет договоров социального страхования для застрахованных граждан, пенсионных фондов для пенсионеров, за счет местных Советов для малоимущих и беспризорных[672]. Политика военного коммунизма переводит похороны, равно как и другие коммунальные услуги, в разряд натурального (то есть бесплатного) обеспечения для всех трудящихся. Де факто это означало, что муниципализированным частным похоронным бюро предлагалось выполнять свою работу бесплатно. Переход на безденежные отношения полностью парализует сферу похоронных услуг. Могильщики, гробовщики, возчики и конюхи исполняют лишь самый минимум работ. Отсутствие гробов на государственных складах оказывается повсеместной проблемой[673]. Похоронные бюро систематически саботируют работу. Возникает настоящий черный рынок гробов и похоронных услуг, который предлагает те же услуги, но по другим, часто недоступным ценам. Несмотря на протесты и санкции со стороны Похоронного отдела, все акторы организации похорон готовы предоставлять свои товары и услуги быстро и вне очереди за наличный расчет[674].

Из всех трудностей, с которыми сталкиваются родственники, наиболее символичной проблемой является отсутствие гробов. Неоднократные попытки

[671] ЦГА СПБ Ф. 2815. Оп. 1. Д. 322. Л. 83 об.
[672] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. // Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1275-1276.
[673] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 52. Л. 6, 7.
[674] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 2, 4 об., 6, 8; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 8.

похоронной администрации решить проблему поставки гробов в большие города раз за разом проваливаются. В холодную зиму 1918 — 1919 годов древесины не хватает даже на дрова. Выделение древесины для изготовления гробов происходит, естественно, по остаточному принципу:

«*Председатель культурно-просветительного кружка приехал реквизировать доски для устройства подмостков в театры. «Не дадим, не дадим! — кричат. — Они определены на гроба». Спор... Со всех сторон вздохи тех, кому нужны гробы: «Ну и жизнь, вот так жизнь, помрешь, и не похоронят, зароют как собаку!*»[675].

Зачастую речь уже не идет о покупке готового гроба в похоронном бюро, родственники отдельно изыскивают лес, отдельно — столяра:

«*Он [батюшка] <…> сказал, что главное затруднение будет с гробом, и указал на находившегося в церкви столяра. Столяр сказал, что уезжает в Богородск, но указал на другого столяра. Тот выразил готовность сделать, но заявил, что нет материала — тесу, причем как-то глупо улыбался и вообще держал себя как пещерный троглодит. Мы побывали еще у третьего столяра, но у того не оказалось ни материалу, ни инструментов. Мы были близки к отчаянию, когда возвращались домой. В передней мы нашли какого-то человека, пришедшего к Гриневскому с какою-то просьбой. Узнав, в чем дело, он сказал Гриневскому, что тес есть в Турбине у какого-то Ив[ана] Сергеевича, которого стал вызывать по телефону. После долгих усилий и звонков Ив[ан] Сергеевич] сообщил по телефону, чтобы присылали за тесом. Дело, казалось, было сделано. Гриневский послал туда лошадь. Но, увы, Ив[ан] Сергеевич, как и полагается, надул. Опять положение стало*

[675] Запись из дневника М.М. Пришвина от 20 января 1919. (См.: Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной. 2-е изд., испр. СПб.: Росток, 2008. С. 317.) См. также запись из дневника Л.Б. Мартыновой (Случевской) от 22 января 1919: «Теперь, частным образом гробов заказывать нельзя, так что у покойников — очередь. Прямо ужасно». (См.: http://prozhito.org/person/1083).

безвыходным. В конце концов отыскались какие-то доски в усадьбе, и свой столяр вызвался сделать гроб к завтрашнему дню»[676].

Когда и этого сделать не удается, гробы заменяют тем, что можно найти, и даже берут на прокат:

«Достать гроб действительно так трудно, что большинство людей хоронят своих покойников просто в матрацах или мешках. Некоторые берут гробы напрокат, чтобы только довезти тело до кладбища.»[677]

«*Несут гроб, поп сопровождает похороны одиноким бормотанием. Разговаривают про то, что хоронят в гробах держаных (на две категории гробы: заразных и простых)*»[678].

Но даже «своего», не прокатного, гроба можно лишиться уже после погребения:

«*Смертность поэтому большая, а гробов тоже нет. Недавно на этой почве было такое происшествие: у красноармейца умерли в больнице жена и ребенок. Он почему-то повздорил из за похорон с милиционером. Тот его смертельно ранил. Убитому и его семье устроили торжественные похороны; гробы были обиты красной материей. После похорон пришла милиция разрыла могилу и выбросила покойников из гробов, которые забрала*»[679].

---

[676] Запись из дневника М.М. Богословского от 24 ноября 1919. (См.: Богословский М.М. Дневники (1913 — 1919): Из собрания Государственного Исторического музея / Ответственный редактор С. О. Шмидт; вступ. статья С. О. Шмидта; публ. и коммент., биогр. справка Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой. Москва: Время, 2011. С. 469-470).

[677] Сорокин П.А. Долгий путь : Автобиогр. роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. С. 146.

[678] Запись из дневника М.М. Пришвина от 5 февраля 1919. (См.: Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной. 2-е изд., испр. СПб.: Росток, 2008. С. 334.)

[679] Запись из анонимного дневника киевской студентки от 25 февраля 1920. (См.: Дневник и воспоминания киевской студентки (1919-20 гг.) // Архив русской революции. Том 15. Берлин, 1924. С. 241.)

Понимая то, как тяжело будет организовать похороны, некоторые готовят все необходимое при жизни:

«*Он готовится к смерти, видимо, боится ее, но и тут поступает практично, рассудительно и неторопливо: не так давно в своей чувашской мастерской велел сделать на каких-то удешевленных началах гроб, чтобы с похоронами не вышло осложнений для окружающих*»[680].

Привычный катафальный транспорт также отсутствует, отчасти по причине реквизиции лошадей, отчасти от общего распада жизни. Гробы на кладбище люди возят на салазках, что даже крестьянские похороны в изображении В.Г. Перова делает образцом достойного погребения:

«*Температура опять понизилась, по утрам морозы 3—5 градусов, но санный путь испорчен без возврата. Прощай, саночки! А с ними жилось легче. Тот, кто не имел их, был несчастнейшим человеком. Да и мало было таких людей, разве только комиссары да «правительствующие» коммунисты не нуждались в них. Не говоря уже о дровах, картошке, хлебе, муке, домашнем скарбе, печках, мясе и т.п., сплошь да рядом возили на них вручную и гробы, да не пустые, а с прахом лиц всякого «бывшего» звания. Нас трогала, бывало, картина Перова «Деревенские похороны», которая изображала, как крестьянка везет на дровнях, запряженных одной лошадкой, тесовый гроб своего мужа, а теперь мы видим, как бывшая миллионерша или генеральша надрывает свои невеликие силы, таща за собой на кладбище сани с гробом своего мужа, брата или отца.*

Я слышал несколько лет тому назад в приятельской компании рассказ артиста М.М. Климова о том, как еврей рекламировал похоронное бюро. По «четвертому разряду» программа была такая: «погода шкверная, катафалк

[680] Запись из дневника А.В. Жиркевича от 5 (18) марта 1918. (См.: Жиркевич А.В. Потревоженные тени... Симбирский дневник / Сост., предисл. и прим. Н. Г. Жиркевич-Подлесских. М.: Этерна-принт, 2007. С. 343).

в одну лошадь, покойник сам правит». А это какой разряд, когда и лошади нет, и покойник не правит, а лежит и бултыхается в своем легоньком гробу на каждом ухабе и при переезде через трамвайные траншеи»[681]

Бумажная волокита и черный рынок делают похороны сложными и неподъемно дорогими для родственников умерших, и они порой вынуждены оставлять тело в городских моргах, рассчитывая на похороны за счет государства[682]. У тех же, кто находит силы и средства организовать похороны, расходы на погребение вызывают ужас и отчаяние:

«† Неделю тому назад у нашей комнатной жилицы скончалась двухмесячная дочка (Раиса Борисовна Здобнова). И сколько было горя и хлопот у ее горемычной матери! (Она по профессии прачка, т. е. совершеннейшая пролетариатка.) Целых пять дней бегала она по разным учреждениям, светским и духовным, чтоб наконец такую маленькую девочку схоронить на кладбище только на шестой день ее кончины. И сколько денег стоили такие маленькие и бедные похороны! За чутошный, из простых, не крашенных, гробик — мать ее заплатила 220 р., а на кладбище, накануне похорон, ее было утешили: сказали, что могилы теперь предоставляются и роются бесплатно, «только надо дать гробокопателю на чай», и вот, по завершении всего, она спросила: «Сколько же дать на чай?», и ей ответили: «Тысячу рублей». Понятно, она ужаснулась, но все-таки отдала могильщику

[681] Запись из дневника Н.П. Окунева от 11 марта 1920. (См.: Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917-1924: в 2 кн. Кн. 2. М.: Воениздат, 1997. С. 15. См. также: «Гроб на салазках. Везут родные. Надо же схоронить. Гроб напрокат. Еще есть?» (Запись из дневника З.Н. Гиппиус от 1919 г. См.: Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9: Дневники 1919-1941. Из публицистики 1907-1917. Воспоминания современников. М.: Русская книга, 2003. С. 72.); «После убогой службы бедного В. И., в гробу со щелями, положили на простые салазки и поволокли на Ваганьково. Чудесная жанровая картина. » (Запись из дневника Ю.В. Готье от 4 декабря 1919. См.: Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 328.); «...В Терновой церкви — к каждой службе от 15 до 20 гробов; теперь гробы возят на салазках, как сундуки…» (Запись из дневника З.А. Денисьевской от 1920 г. См.: Запись из дневника З.А. Денисьевской от 1920 г. См.: Запись из дневника Денисьевской З.А. от 1920 г. [Электронный ресурс] // prozhito.org).

[682] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.

200 р. на чай. И получила в благодарность от этой своего рода «духовной особы» … матерное слово.»[683]

Некоторое облегчение родственникам могло выйти, если человек умирал на действительной службе, поскольку в этом случае можно было рассчитывать если не на полное покрытие расходов организацией, то хотя бы на помощь в решении организационных проблем:

«*Лично я остаюсь при том убеждении, что ничего хорошего мы не дождемся и лучше всего поскорее умереть. К слову. В ноябре умерла моя двоюродная сестра Ольга Коссаржевская; похороны ее стоили 1 200 000 руб. В конце февраля я хоронил сестру Ольги, похороны ее стоили мне 10 млн. А на Пасху умер мой друг и многолетний товарищ Г.М. Яковлев. Его похороны стоили без малого 200 миллионов. Если я проживу еще год и умру не на службе и не в больнице, то мои похороны, пожалуй, будут стоить миллиард рублей! Поэтому и надо умирать, пока не выгнали со службы. Надеюсь, что гроб сколотит, по бывшим примерам, столяр курсов, а лошадь и телегу даст заведующий хозяйством курсов. А, следовательно, скорее умереть во всех смыслах выгодно: избавишься от этой беспросветной, томительной и некультурной жизни, и похороны будут стоить дешево*»[684].

---

[683] Запись из дневника Н.П. Окунева от 2 декабря 1919. (См.: Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917-1924: в 2 кн. Кн. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 306).

[684] Запись из дневника Ф.А. Григорьева от 11 февраля 1922. (См.: Запись из дневника Григорьева Ф.А. [Электронный ресурс] // prozhito.org)

См. также: «Похороны были очень теплые; стоили они 5 000 000 рублей, равных 4 золотым империалам, т. е. 40 рублям старым». (Запись из дневника Ю.В. Готье от 8 декабря 1921.: См.: Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 481.); «Дрожжи 40 000 р. ф., соль 4 000 р. ф. Недавно упомянутый мною Н.В. Лучкин должен был уплатить на Ваганьковском кладбище за вырытие могилы для своей безвременно скончавшейся супруги 125 000 р. Вчера случайно присутствовал при продаже-купле тоненького золотого браслета с небольшим одним бриллиантиком и одним сапфиром: 2 000 000 рубликов!» (Запись из дневника Н.П. Окунева от 9 марта 1921. См.: Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917-1924: в 2 кн. Кн. 2. М.: Воениздат, 1997. С. 120.); «У нас они [дрова] теперь 1 200 000 за погонную сажень. Сосновый гроб, обитый бумагой, немного украшенный цинком, 1 500 000 р. Рытье могилы 1 500 000 р. и т. д. Одним словом, похороны обошлись в 9 миллионов». (Запись из дневника Н.П. Окунева от 13 января 1922. См.: Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917-1924: в 2 кн. Кн. 2. М.: Воениздат, 1997. С. 201.); «Похороны Ниночки в ноябре 1919 стоили 30 000; похороны дяди Эдуарда в декабре 1921 — 5 000 000; похороны М. М. в марте 1922 — 33 000 000. Хлеб стоит 60 000 фунт». (Запись из дневника Ю.В. Готье от 7 марта 1922. См.: Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 515.); «Похороны были, конечно, очень скромные, но обошлись они вдове около 50 000 р. Один гроб (сосновый, обитый чем-то дешевеньким, беленьким) стоил 10 000, переноска гроба из квартиры в церковь, из церкви к могиле — 6 000

Однако то, что сулило облегчение родным, оборачивалось изматывающими трудностями для коллег:

«*Собрания профессорско-преподавательского состава теперь немногим отличаются от поминок по нашим коллегам. Закрывая одно из таких заседаний, ректор Шимкевич обратился к присутствующим с мрачным юмором: «Господа, — сказал он, — покорнейше прошу вас не умирать так быстро. Отходя в мир иной, вы находите успокоение для себя, но создаете массу неудобств нам. Вы же знаете, как трудно обеспечить вас гробами, как нет лошадей для перевозки ваших останков на кладбище, и как дорого стоит вырыть могилу для вашего вечного успокоения. Думайте, прежде всего, о своих коллегах, пожалуйста, и старайтесь протянуть как можно дольше»*»[685].

Похоронный кризис приводит не только к озлоблению и распаду социальных структур, но и к определенной консолидации общества, которая распространяется от самой простой помощи[686] до проявлений настоящего альтруизма. Так, одна женщина после долгих поисков тела своего мужа нашла его «*в 3-м Государственном университете (Пресня, бывшая лечебница Изачика), где оно в числе 16 лежит уже 2 месяца после анатомического вскрытия; ей сказали, что узнать его невозможно: 1) при вскрытии оно уже изменилось; 2) от времени оно разложилось. Она хочет его вместе с*

или 7 000, рытье могилы 3 000 р. и т.д. Покойному очень хотелось лечь на смертный покой в выстроенной его иждивением церкви на родине в с. Маркове, Покровского уезда Владимирской губ., но надо было заплатить за одну только перевозку (на лошади, верст 90 от Москвы, а железкой и совсем недоступно) — 60 000 р., да за дубовый гроб 40 000 р. и т.д. Вот наша жизнь и кончина! Как то и другое теперь недоступно по средствам. Умрет вот такой пожилой человек и никто не пожалеет, не всплакнет о нем, а скажет только: «Хорошо сделал, что убрался от такой разнесчастной жизни. Царство ему небесное!» (Запись из дневника Н.П. Окунева от 17 февраля 1920 (См.: Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917-1924: в 2 кн. Кн. 2. М.: Воениздат, 1997. С. 10.).

[685] Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиогр. роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. С. 146.

[686] «Сегодня помогла мужу Рудометовой положить ее тело в гроб. У него не было денег для санитаров и нянь, и никто не помог ему. И когда воз с гробом уехал, Рудометов издали попрощался и поблагодарил меня почти неуловимым жестом головы и руки. Никогда не забуду глубины его благодарности и потрясения — от смерти любимой жены. 25 июня. Воронеж. Холерный барак. 1921». (Запись из дневника О.А. Бессарабовой. См.: Марина Цветаева — Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой (1915—1925) / Сост. Н.А. Громова. М.: Эллис Лак, 2010. С. 396).

остальными 16 гробами похоронить в общей могиле на Ваганьковом кладбище»[687]. Несмотря на организационные и финансовые трудности, ей это удалось: «*О.Н. Чижова похоронила Сергея Ивановича на Ваганьковском кладбище в числе 12 гробов в пятницу 2/15 апреля; вырыть могилу на все 12 гробов стоило ей 300 000 р. Рассказ ее меня потряс. На кресте она написала имена 11 погребенных, а 12-й был глухонемой, имени в больнице, где умер, сказать не мог*»[688].

«*Странное совпадение, в лагере с нами сидит та самая М-ва, которая так горячо отнеслась к моему горю, когда не стало Кирилла. Не зная, как помочь, и зная трудность, с какой хоронят в советской России, она, не колеблясь, отдала для Кики свое собственное место на кладбище (в семейном склепе). Даже в минуту такого острого горя я почувствовала весь порыв, всю горячность этого поступка от почти незнакомого человека*»[689].

К весне 1919 года в Москве разразился страшнейший похоронный кризис. Морги и мертвецкие при больницах были переполнены, к апрелю 1919 года остаются незахороненными сотни тел, многие из которых лежат в моргах города с начала зимы[690].

«*В Лефортове якобы волки по ночам едят на улицах трупы умерших от сыпняка. Факт тот, что на кладбище очередь, что в больницах сутками ждут в коридорах приема и кое-кто тут же умирает…*»[691].

---

[687] Запись из дневника А.В. Орешникова от 12 апреля 1921. (См.: Орешников А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 1: 1915-1924. М.: Наука, 2010. С. 284.)

[688] Запись из дневника А.В. Орешникова от 19 апреля 1921. (См.: Орешников А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 1: 1915-1924. М.: Наука, 2010. С. 285.).

[689] Запись из дневника Н.Л. Давыдовой от 6 февраля 1921. См.: *Давыдова Н.Л.* Полгода в заключении. Дневник 1920-1921 годов. Берлин, 1923. С. 136.

[690] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1, 3, 4, 7; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 7, 11 об-13; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 3.

[691] Запись из дневника П.Е. Мельгуновой-Степановой от 23 февраля 1919. (См.: *Мельгунова-Степанова П.Е.* Дневник, 1914-1920 / Вступ. ст., коммент., именной указ. В.Д. Лебедева. М.: Кучково поле: Люкс-Принт, 2014. С. 230).

Похоронные реформы, несомненно, предполагали полное похоронное обеспечение всех трудящихся, вне зависимости от того, где они умерли. Однако, на практике похоронные отделы Москвы и Петрограда занимались лишь похоронами людей, умерших в общественных местах, в основном — в больницах и на транспорте, или организацией статусных похорон, о которых говорилось выше. Похоронные администраторы с грустью констатировали, что похороны «из квартир» остаются за пределами их физических возможностей. Это означало, что родственники умерших вынуждены были сами изыскивать возможности для организации похорон.

Для того, чтобы преодолеть жесткий похоронный кризис, коммунальные службы прибегают к коллективным захоронениям десятков тел, порой даже без гробов, в одной могиле[692]. Хотя, как говорилось выше, на рубеже XX века коллективные захоронения выглядели менее вызывающими, чем сейчас, они все же не были нормой, и похоронная администрация прилагала большие усилия для того, чтобы сократить их число[693]. Если сами братские могилы были в основном укрыты от посторонних глаз, то транспортировка тел к ним была на виду и производила сильное впечатление:

«*Утром из окна: едет воз гробов. Белые, новые, блестят на солнце. Воз связан веревками. В гробах — покойники, кому удалось похорониться. Это не всякому удается. Запаха я не слышала, хотя окно было отворено. А на Загородном — пишет «Правда» — сильно пахнут, когда едут*»[694].

---

[692] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1, 7-7 об.; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 3; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 1-1 об.

[693] Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 104. См. также: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 3-3 об.; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 7

[694] Запись из дневника З.Н. Гиппиус от 16 июля 1919. (См.: Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9: Дневники 1919-1941. Из публицистики 1907-1917. Воспоминания современников. М.: Русская книга, 2003. С. 29.) См. также: «О, — эти речи!!! — и по семьдесят покойников в церкви, гроб напрокат, братские могилы, тиф... Они говорят — так хорошо, гладко,— говорят много... просто болтают и не видят ничего, сеют смерть, — а думают ли, что и сами умрут? Эти выскочки человечества. » (Запись из дневника С.В. Дрыжаковой от 31 марта 1919. См.: Дневник моей бабушки С.В. Дрыжаковой, 1900-1943 / Подгот. Текста, предисл., биогр. Очерки и коммент. Е.Н. Дрыжаковой, примеч. М.Г. Альтшуллера. СПб.: «Пушкинский Дом», 2012. С. 316-317).

«*Покойников стали носить через город на кладбище в простынях. Конечно, это делают более или менее состоятельные обыватели. Красноармейцев же тащат по кладбищу голых, наваленных, как дрова, в телеге, закрытых циновками и прикрученных веревками, голыми выбрасывают в могилы, вырытые всего на I/2 аршина глубиною, а то и меньше*»[695].

Неумелое администрирование, отказ от денежных отношений и разрушение сословно-конфессионального базиса работы похоронного дела привели к чудовищным последствиям и сильнейшему психологическому стрессу населения. И, тем не менее, бесконечная волокита и задержки с захоронением умерших, переполненные морги и мертвецкие были хотя и важной в санитарном смысле, но все-таки временной проблемой, которую достаточно быстро удалось решить при помощи административных методов — освобождения могильщиков от воинской обязанности[696] и введения трудовой повинности по рытью могил и доставке трупов[697]. Немалую роль сыграла и нормализация эпидемической ситуации в городе.

Так или иначе, уже к 25 мая 1919 года отдел с радостью рапортовал о том, что залежей трупов в городе не оставалось[698]. Гораздо более серьезной и сложной была проблема разработки таких принципов финансирования отрасли, которая не только покрывала бы непосредственные затраты на захоронение (то есть работу могильщиков), но и позволяла бы содержать

---

[695] Запись из дневника А.В. Жиркевича от 4 ноября 1919. (См.: Жиркевич А.В. Потревоженные тени... Симбирский дневник / Сост., предисл. и прим. Н. Г. Жиркевич-Подлесских. М.: Этерна-принт, 2007. С. 421-422).

[696] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об., 10.

[697] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 4 об. См. также: «В Петрограде буржуазия привлечена к рытью могил для холерных. Увы! Таковых, как слышно, там тысячи. Холера гуляет по всей России, но в Петрограде буквально свирепствует». (Запись из дневника Н.П. Окунева от 24 июля 1918. См.: Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917-1924: в 2 кн. Кн. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 204).

[698] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 2-2 об. Дневниковые записи, однако, фиксируют залежи трупов в больницах и моргах и недостаточное количество гробов и несколько лет спустя: «…видел у А.А. их приходского священника (сегодня храмовый праздник 3-х Святителей), который служит письмоводителем в Евангелической больнице на Воронцовой поле; он говорил, что в больнице 32 трупа, дано только 15 гробов, на 17 покойников гробов не дано!» (Запись из дневника А.В. Орешникова от 12 февраля 1922. См.: Орешников А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 1: 1915-1924. М.: Наука, 2010. С. 320).

необходимый аппарат кладбищенских и конторских служащих, а также содержать кладбища в пристойном виде[699].

Общая бесхозяйственность и постоянный огромный дефицит бюджета приводил к тому, что внешнее состояние кладбищ ухудшалось с каждым днем. Несмотря на попытки кладбищенской администрации остановить окончательное разорение кладбищ[700], уже летом и осенью 1919 года они полностью теряют свой довоенный вид. Отдел похоронно-санитарных мероприятий, имея крайне скудную информацию «по периферии», проводит обширную ревизию московских кладбищ и конных дворов. Результаты ревизии неутешительны. Помимо коррупции и черного рынка везде царит безразличие и разруха:

В 1923 году Похоронный подотдел отдела благоустройства МКХ вынужден открыто признать, что «в течение многих лет внешний порядок на кладбищах не поддерживался, а в годы топливного кризиса деревянные заборы, ограды могил, кресты расхищались на топливо, для той же цели рубились и деревья; каменные ограды кладбищ во многих местах разобраны местным населением как для сокращения своего пути, а также и для свободного прогона скота, особенно большой вред приносят козы и свиньи. В настоящее время кладбища представляют из себя проходные дворы и благодаря этому страшно загрязняются и разрушаются»[701].

Одной из основных причин кризиса стала общая перестройка основ похоронного дела. Если до революции все вопросы, связанные с «достойным погребением» и обустройством могил, решались в русле «моральной экономики», то есть каждый в меру возможностей инвестировал в посмертную жизнь своего прихода, то социальная программа большевиков предполагала включение похоронных услуг в безусловный набор благ, предоставляемых

[699] О проблеме благоустройства кладбищ и их существования в городской среде см. ниже.
[700] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 16.
[701] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 28.

всем гражданам страны безвозмездно. В рамках социальной политики нового государства похороны входили в набор коммунальных услуг, предоставляемых государством «в натуральной форме»[702] всем трудящимся. По идее это должно было создать условия для равной доступности похоронных услуг для всех граждан Республики. Однако, такая форма «расчетов» ставила похоронные отделы в крайне уязвимую позицию[703]. Для того, чтобы обеспечить бесперебойные похороны, необходимо было наладить кладбищенскую логистику, перевозку тел, работу могильщиков и гробовщиков. Кроме того, необходимо было также преодолеть чудовищную разруху на кладбищах: привести в порядок могилы и дорожки, выстроить ограды, выселить с кладбищ скот, избавить их от хулиганов и бандитов. Если раньше это делалось силами прихода, который был заинтересован в судьбе своих предков, то с отстранением Церкви и с разрушением приходской системы захоронений (то есть с требованием хоронить на любом кладбище вне зависимости от религиозной принадлежности), этот институт поддержания порядка больше не работал. Для того, чтобы поддерживать благоустройство кладбищ чисто экономическим способом, были необходимы колоссальные средства. В то же время, бюджет похоронного отдела МКХ, который не пополнялся ни за счет оплаты погребений, ни за счет субсидий или кредитов Моссовета, оставался дефицитным на протяжение всех лет его существования.

Даже без таких потрясений, как безденежная экономика периода «военного коммунизма», особенностью похоронного бизнеса во всем мире является его низкая маржинальность. Иными словами, для того, чтобы похоронный бизнес не был убыточным, агенты во всех странах и во все времена получают основную прибыль не за счет погребения как такового (гроб, копка могилы, перевозка гроба), а за счет продажи дополнительных

---

702 Ларин Ю. Ценности погибших // Известия. 1922. № 20 (1450). С. 1.

703 Аналогичные проблемы испытывала другие отрасли коммунального хозяйства. См. напр.: Орлов И. Коммунальная страна. Становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941). М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

услуг — роскошных гробов и особого катафального транспорта, бальзамации, венков и цветов, памятников и пр.[704] Именно так, через градацию разрядов погребения, которые включали в себя различный набор дополнительных благ, функционировала похоронная сфера в России до революции. Однако новая интерпретация человека, отвергавшая особый статус посмертного существования, не позволяла продавать такого рода дополнительные услуги. Материалистическая идеология новой власти, которая рассматривала смерть как распад тела на микроэлементы, как безоговорочный конец, превращала эти особые расходы на похороны в бессмысленную трату денег и ресурсов. Протоколы заседаний похоронного отдела, равно как и статьи в публицистике, постоянно делают акцент на необходимости сократить бессмысленные траты на «похоронную роскошь», поскольку «снабжение похорон или могил памятниками и венками может нарушить однообразие погребения для всех граждан»[705]. Смена базовых мировоззренческих ориентиров, понимания природы человека и его посмертного бытия фактически делают невозможным окупить затраты даже на минимальное благоустройство кладбищ.

Безвыходная ситуация несколько смягчается с началом Новой экономической политики. НЭП позволяет не только отказаться от тотально безденежных отношений, но и смягчить атеистический и антиклерикальный пафос нового устройства похоронного дела. Практические соображения перевешивают, и в 1923 году для снижения финансового бремени, с одной стороны, и для благоустройства, с другой, большая часть кладбищ сдается в аренду и управление общинам верующих[706] в надежде на то, что «благоустройство их улучшится, благодаря тому, что граждане по религиозным соображениям будут поддерживать внешний порядок»[707]. Несмотря на то, что сданные в аренду 23 городских кладбища обеспечивали

[704] Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. С. 138-141.
[705] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 6.
[706] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 3 об.
[707] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 29.

лишь 10 — 15% погребений в городе, передача их в ведение религиозных общин существенно облегчала работу похоронного отдела. Договор аренды включал в себя пункт об обязательном благоустройстве вверенных в управление территорий и неисполнение данного пункта могло стать основанием для расторжения договора. Однако, сдача кладбищ в аренду не создавала финансовых оснований для их благоустройства — в арендных договорах не было ни слова о том, где общины верующих могут получить средства на то, чтобы привезти кладбища в порядок.

И все же сдача в аренду кладбищ оказалась крайне эффективной. Возвращение к проверенным принципам коллективной ответственности за состояние захоронений позволило существенно улучшить их работу, а внешний вид кладбищ понемногу стал возвращаться к дореволюционному. Однако, это никак не помогало благоустройству десяти больших городских кладбищ, оставшихся в ведении отдела и обеспечивавших 85 — 90% от всех захоронений в Москве[708]. Похоронный отдел по-прежнему не получал кредитов на благоустройство от МКХ, бюджет оставался дефицитным, хозрасчет, ставший основой подъема экономики во многих областях, был неприменим к похоронам[709], а кладбища продолжали служить приютом для разного рода молодежи — от романтичных мечтателей до бандитов и проституток[710]. Для получения «живых» денег отдел принимает решение сдать все пригодные для этого кладбищенские площади в аренду под сенокосы. При этом, помимо арендной платы, арендаторы обязывались очищать свои участки от сорной травы и поддерживать на них минимальный порядок[711]. Кроме того, арендаторы были обязаны предоставить определенное количество сена, что позволяло обеспечивать фураж лошадям и наладить бесперебойную работу катафального транспорта[712].

[708] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 3 об.
[709] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 3.
[710] Зудин И.И., Мальковский К., Шалашов П. Мелочи жизни. Ленинград., 1929. С. 70-71.
[711] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 4.
[712] ЦГА СПБ. Ф. Р-3183. Оп. 1. Д. 75. Л. 46, 49, 51. См. также: ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 81. Д. 22. Л. 14-15.

Практика сдачи кладбищ в аренду и управление общинам верующих получила большое распространение по всей стране и продержалась в некоторых городах до конца 1940-х годов. Так, в г. Куйбышев (Самара) даже в 1947 году Еврейское кладбище не входило в городской Трест похоронного обслуживания и продолжало находиться в ведении еврейской общины[713]. Несмотря на то, что сама по себе эта практика выражала в некотором смысле лояльное отношение к религиозным институтам, важнейшим ее ограничением было требование сдавать кладбища в аренду не частным лицам (т.е. бывшим священникам и другим религиозным лидерам), а именно «общинам верующих», как особому типу объединения советских граждан[714].

5.4 Классовый принцип оплаты погребения и реконструкция похоронного дела

Предпринятые меры имели, несомненно, паллиативный характер и не могли существенно изменить ситуацию в похоронной сфере. Необходимо было выработать новые принципы работы отрасли. Пришедшая на должность заведующей похоронным отделом МКХ в апреле 1923 года Феодосия Газенбуш разрабатывает подробный план реконструкции похоронного дела в Москве, который должен был, с одной стороны, решить проблему систематического дефицита бюджета, а с другой — привести кладбища столицы в благопристойный вид. План включал в себя три альтернативных варианта, выбрать из которых наиболее приемлемый предлагалось Президиуму Моссовета.

Первым и наиболее привлекательным для МКХ вариантом решения проблем похоронной сферы было строительство в Москве крематория[715].

---

[713] Министерство государственного контроля РСФСР. «Материалы (копии приказов, акты, копии писем с обязательными указаниями и ответов на них) проверки состояния похоронного дела и деятельности городских трестов похоронного обслуживания и их предприятий в городах Куйбышева и Уфе». См.: ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 4. Д. 222. Л. 4.

[714] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 81. Д. 22. Л.14.

[715] Подробнее о кремации см. в главах 3 и 4.

Согласно второму варианту предлагалось расширить практику аренды и отдать оставшиеся в ведении отдела десять крупнейших кладбищ в ведение общин верующих: «С передачей всех кладбищ общинам на договорных началах МКХ избавится от ежемесячного дефицита <...> и будет достигнуто внешнее благоустройство кладбищ»[716]. В том случае, если оба эти варианта окажутся неприемлемыми для Моссовета, похоронный подотдел полагал, что единственным выходом могло быть «увеличение платы за захоронение с таким разсчетом, чтобы за покрытием расходов возможно было отчислять известный процент на ремонт кладбищ»[717].

Ответом на докладную записку о скорейшей необходимости реформирования похоронного дела в Москве стало Постановление Президиума Моссовета от 2 мая 1923 года, согласно которому основные кладбища Москвы должны были остаться в исключительном ведении МКХ, за пределами городской черты должны были быть намечены территории для открытия новых кладбищ «для атеистов», а плата за захоронения должна была быть пересмотрена с учетом «классового принципа»[718].

Несмотря на отмену чинов погребения Декретом СНК 1918 года и общую натурализацию коммунального хозяйства, похороны никогда не были натурализированы на 100%. Тот минимум, который необходимо было оплачивать семье умершего, включал в себя только оплату копки могилы[719]. Однако, применявшийся при этом тариф не покрывал даже расходы на содержание штата могильщиков[720], не говоря об остальных сотрудниках кладбища (рабочих, сторожах, конторщиках, счетоводах, заведующем), и тем более — похоронного отдела, которые, как говорилось выше, не имели иных

716 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 29.

717 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 29-29 об.

718 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 52.

719 Для революции оплачивались также место на кладбище по соответствующему разряду, похоронная процессия и памятник.

720 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 638. Л. 13.

источников финансирования и перспектив перехода на хозрасчет. До введения классового принципа оплаты погребения плата для взрослого составляла 20 рублей, а для ребенка — 10, при этом при расчете себестоимости захоронений получалось 60,4 руб. для взрослых и 30,2 для детей[721].

Проект новой тарифной сетки, основанной на классовом принципе, предполагал разделение всех умерших на 3 категории. К первой категории относились рабочие и служащие всех видов. При этом плата за погребение внутри этой категории варьировала в зависимости от трудового разряда. Так, плата за похороны рабочих до 15 разряда, а также рабочих, состоящих на Бирже труда, и инвалидов на соцобеспечении, составляла два рубля золотом[722] для взрослых и один рубль золотом для детей. Для рабочих выше 15-го разряда плата составляла 3 рубля золотом для взрослых и 2 — для детей. Ко второй категории относились так называемые лица свободных профессий[723], за погребение которых предлагался тариф в 10 рублей золотом для взрослых и 5 рублей золотом для детей. К третьей категории причислялись «нетрудовые элементы, которые должны были платить 20 рублей золотом за погребение взрослого и 10 за погребение детей[724]. В качестве финансового обоснования для этого расчета отдел отмечал, что в среднем на 1500 захоронений в месяц приходится 1000 похорон рабочих и служащих, 400 лиц свободных профессий и 100 представителей не трудовых элементов[725]. Данный проект предполагал, что «плата за лиц 1-й категории в состоянии покрыть только издержки и что

[721] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 59. При постоянной и очень сильной инфляции того времени эти цифры не следует принимать как абсолютные и сравнивать их с другими тарифами, поскольку месяц от месяца цифры могли отличаться в тысячи раз. Тем не менее, приведенное соотношение себестоимости и реальной стоимости захоронения является показательным.

[722] При постоянной галопирующей инфляции в этот период расчеты зачастую приводились в пересчете на довоенные золотые рубли, курс которых ежемесячно устанавливала специальная котировочная комиссия Наркомфина.

[723] О категоризации классов в СССР см.: Байбурин А.К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб: Издательство ЕУ СПб, 2017. С. 236-248.

[724] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 82 об.

[725] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 82 об.

плата с лиц 2-1 категории и главным образом 3-й категории составит фонд для подержания внешнего благоустройства кладбищ»[726].

Однако, президиум Моссовета своим постановлением от 30 июня 1923 года принял скорректированную тарифную сетку, «с такими изменениями, которые совершенно опрокинули все расчеты П/Отдела, проектировавшего … не только достигнуть самоокупаемости, но составить фонд для расходов по поддержанию внешнего благоустройства кладбищ»[727]. По утвержденным тарифам, для лиц первой категории, вне зависимости от разряда, устанавливалась плата в 1 рубль, для лиц второй категории — 5 зол. рублей, для лиц третьей — 20 зол. рублей. Детей 1 и 2 категории населения необходимо было хоронить бесплатно, а за похороны детей лиц третьей категории предписывалось взымать 5 рублей золотом[728]. Вычеркивая захоронения детей из тарифной сетки на погребения, Президиум Моссовета действительно, существенно снижал экономическую целесообразность всего предприятия, поскольку дети составляли до 90% захоронений (в зависимости от месяца года)[729].

Несмотря на то, что новая тарифная сетка была принята с существенными корректировками к уменьшению, основой ее оставался классовый принцип оплаты погребения. Тот факт, что новые принципы тарификации воспроизводили дореволюционные классы погребения, был, несомненно, очевиден как МКХ и Моссовету, так и обывателям. Показательно, что, оспаривая корректировку тарифной сетки Моссоветом, похоронный подотдел прямо проводит параллели с дореволюционными разрядами погребения и их доходностью:

726
727 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 70.
728 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 97.
729 ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 82 об.
При среднем числе в 1000 захоронений детей в месяц из них 600 приходилось на рабочих и служащих, 300 на лиц свободных профессий и только 100 на детей не трудовых элементов. См.: ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 82 об.

«*[До революции] для получения наивысшей доходности территория кладбища делилась на разряды, и в зависимости от разряда взималась плата за места, которая колебалась от 5 — 500 руб. <...> Предлагаемая похоронным П/Отделом такса не может считаться для трудящихся обременительной, если сравнить со стоимостью захоронения в дореволюционное время <…> [когда] средняя стоимость захоронений не могла быть ниже 60 руб., в то время как теперь захоронение в среднем для всех категорий по существующей таксе, считая детские могилы, стоит около рубля, то есть более чем в 60 раз дешевле дореволюционного времени»*[730].

Хотя новая тарифная сетка видимым образом разделяла советское общество на несколько больших групп, введение классового принципа оплаты погребения само по себе не было способом конструирования новой иерархии. Напротив, именно старая иерархическая система похорон была использована для нормализации ситуации в похоронной сфере. Тот факт, что эта мера далась Похоронному подотделу МКХ крайне тяжело, а тарифная сетка была в итоге сокращена в несколько раз, свидетельствует о противодействии этой прагматичной мере со стороны Моссовета. В этом смысле введение классового принципа оплаты погребения можно сравнить с паспортизацией, произошедшей 10 лет спустя. Рассматривая историю введения паспортов в СССР, Альберт Байбурин обращает внимание на то, что сходство нового советского паспорта с дореволюционным, даже в его оформлении, было настолько очевидным, что создается впечатление, что у руководства страны даже не было цели его скрывать. По его мнению, это свидетельствует о том, что паспорт рассматривался в первую очередь именно как документ, а не идеологический конструкт[731]. Сходство советских похоронных классов с дореволюционными, равно как и сметы и дискуссия вокруг этой инициативы,

[730] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 638. Л. 13-13 об.
[731] Байбурин А.К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 195.

свидетельствуют о том, что новые тарифы были исключительно инструментальными, и в первую очередь их введение преследовало цель преодоления чудовищного состояния кладбищ и нормализации похоронной инфраструктуры в целом.

Стоит отметить, что большевики были не первыми, кто использовал похоронные классы для того, чтобы преодолеть последствия похоронного кризиса, вызванного реформами, основанными на идеях равенства и секуляризации. Прецедент мы найдем в истории Великой Французской революции, в ходе которой помимо реализации идеи равного для всех погребения, эксклюзивный контроль церкви над похоронным делом был также разрушен и похороны были переданы в сферу социальной и финансовой ответственности государства. Примечательно, что результаты этой реформы по своему разрушительному характеру были близки к опыту Советов. После многочисленных попыток решить вопрос иным путем, в 1804 году Наполеоном был издан декрет, разделяющий ответственность за погребение между церковью и муниципальными властями и вводящий похоронные классы. «Система различных классов кортежей была задумана таким образом, чтобы показные желания самых богатых работали на благо самых бедных, которые составляли значительную долю захоронений в течение всего девятнадцатого века»[732]. Таким образом, французские и советские похоронные классы, преследуя одну цель, имели существенное различие. Оно состояло в том, что похороны по более высокому разряду во Франции предполагали покупку некоторого «дополнительного блага» (траурного поезда, украшений, дополнительных услуг), и именно покупка этих «дополнительных благ» и представляла интерес для родственников, создавая смысл заплатить за погребение больше. В Советском Союзе классово чуждые элементы («бывшие», нэпманы и т.д.) должны были платить больше, не приобретая за эти деньги никакого «дополнительного блага». Другими словами, они должны

[732] Trompette, P. The Politics of Value in French Funeral Arrangements. Three types of moral calculation / P. Trompette // Journal of Cultural Economy. 2013. Vol. 6(4). P. 373-374.

были заплатить в 10 раз больше для того, чтобы получить то же отсутствие всякого похоронного сервиса, как и «привилегированные» рабочие и советские служащие[733].

О том, что данное решение было принято не сразу и после долгих колебаний, свидетельствует и статья экономиста, одного из создателей Госплана, Ю. Ларина «Не пора ли погодить?», опубликованная в Известиях в январе 1922 года, то есть за полтора года до реального принятия решения о дифференцированном принципе оплаты погребения. В этой статье Ларин, в частности, пишет:

«В «Известиях» от 25 января сообщается[734] *о намерении московского коммунального отдела ввести плату за погребение умерших в довоенных рублях с переводом по курсу на советские (для января сто тысяч за рубль). Все похороны делятся на три разряда: за богатые по десять миллионов советских рублей с умершего, за средние — по два с половиной миллиона и за бедные по 843 тыс. руб. Если умирает ребенок — тогда скидка и по третьему разряду надо платить всего полмиллиона (535 тыс. р).*

Здесь все прелестно. Вместо одинаковых для всех похорон, как необходимого по санитарным соображениям акта, вводится классовый принцип. «Буржуя» будут хоронить с помпой, на целых десять миллионов, а пролетария зароют как-нибудь уж и за миллион (точнее за 845 тыс. в январе). Если кто-нибудь умрет в рабочей семье, рабочему достаточно отдать за погребение свою месячную денежную получку и дело готово, может ли быть дешевле?»[735]

[733] О проблеме равенства в контексте преодоления похоронного кризиса в Москве см. также: Соколова А.Д. В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1-2. С. 594-621.

[734] В Москве // Известия. 1922. №18 (1457). С. 3.

[735] Ларин Ю. Не пора ли погодить? // Известия. 1922. №20 (1459). С. 1.

Хотя основной пафос статьи Ларина имеет экономический характер — он, как последовательный сторонник полного отказа от денег, пишет о недопустимости монетизации оплаты коммунальных услуг для советских рабочих и служащих, по крайней мере, без соответствующей индексации заработной платы, — важным аспектом в его статье является также и вопрос о равенстве, а именно — о равном для всех погребении. Введение классового принципа оплаты погребения для Ларина — компрометация целого комплекса советских достижений, и в первую очередь — идеи социального обеспечения трудящихся. С нарушением этого принципа Ларин как партийный идеолог примириться не мог: «Что касается меня, то завещаю в случае моей смерти ничего не платить и ждать: догадается ли тогда коммунотдел о санитарной необходимости для общества хоронить покойников или будет тверд в своих принципах? При общеизвестном моем упорстве скорее сгнию, чем похоронюсь за свой счет даже по третьему разряду, **ибо при установлении заработной платы расход на могилки не учитывался** (выделение автора — А.С.).». Справедливости ради, стоит отметить, что похороны Ларина в 1932 году прошли на государственный счет и по наивысшему разряду — его тело было кремировано и прах захоронен в некрополе кремлевской стены.

Статья имела примечание «В дискуссионном порядке», что вполне отражало сложность и неоднозначность того явления, о котором писал Ларин. В целом осуждая возвращение к монетарной экономике и денежной оплате коммунальных услуг, в том числе похорон, Ларин признает, однако, что «коммунальное хозяйство <...> находится в весьма затруднительном денежном положении»[736]. Таким образом, необходимость дополнительного финансирования коммунального хозяйства для Ларина очевидна. В качестве основного пути решения данного вопроса Ларин предлагает

[736] Там же.

«*черпать <...> средства для городского благоустройства <...> главным образом, из усиленного обложений той части городского населения, какая не является государственными работниками. ...буржуазно-мещанская [часть жителей советских городов], живет лучше рабочего класса, и с нее надо собирать столько, чтобы хватало и на коммунальные услуги и для государственных работников*»[737].

Таким образом, даже отказываясь от предложения Московского коммунального хозяйства о введении классового принципа оплаты погребения, Ларин, тем не менее, настаивает на возвращении к сословно дифференцированной оплате.

Итак, само по себе возвращение к сословно-дифференцированной оплате похоронных услуг в 1922 — 1923 годах, хотя и вызывало разногласия, но воспринималось как единственный способ компенсации затрат коммунального хозяйства в условиях нестабильной экономики и постоянного дефицита бюджета. Основная дискуссия велась по поводу того, какие именно социальные группы должны нести основное финансовое бремя и в каких пропорциях. Несомненно, введение классового принципа оплаты похорон воспринималось как один из элементов «стратегического отступления», о котором писал Ленин в работе «Новая экономическая политика и задачи политпросветов»[738]. Однако, в отличие от собственно НЭПа, который предполагал за счет свободной торговли добиться оживления сельхозпроизводства и подъема экономики в целом, введение классового принципа оплаты погребения было нацелено в первую очередь на то, чтобы извлечь прибыль от похорон «богатых буржуев», держателей нетрудовых доходов. Таким образом, по сути возвращаясь к дореволюционной практике сословно диверсифицированных похорон, МКХ и Президиум Моссовета

[737] Ларин Ю. Не пора ли подождать? // Известия. 1922. №20 (1459). С. 1.
[738] Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений. Т. 44. М., 1970. С. 171.

интерпретировали такое возвращение посредством идеологически правильной риторики, используя марксистские категории эксплуатирующего и эксплуатируемого класса.

Как мы видим из истории администрирования кладбищ Москвы, при реализации программы по отделению Церкви от государства в области похоронного дела, догматы атеизма, отделения церкви от государства и принцип социалистического равенства оказывались совсем не такими важными, какими они виделись в 1917 — 1918 годах. Более того, основополагающие пункты этой программы, а именно — выведение кладбищ из управления религиозных общин и ликвидация чинов погребения, были фактически отвергнуты. Единственный пункт из программы реформ, который оставался актуальным, был связан с введением кремации, которая должна была дать возможность «равного для всех погребения в эстетическом и экономическом смысле»[739]. Однако, и тарифная сетка на сожжения в первом в СССР Донском крематории первоначально имела в основе своей классовый принцип[740].

Отказ от безденежных отношений и политики военного коммунизма, переход к Новой экономической политике декларировались как временная мера, необходимая для восстановления народного хозяйства после долгих лет войны, интервенции и гражданской войны и разрухи. Впрочем, несмотря на некоторые экономические отступления, большая часть новых революционных норм жизни оставалась в силе еще достаточно долго — до начала и даже середины 1930-х годов. В этом контексте прецедент сдачи кладбищ в аренду общинам верующих, как и введение дифференцированного тарифа оплаты погребения, выглядит как явный отход от принципов, провозглашенных первыми советскими декретами, в гораздо большей степени, чем это

739

Шкаровский М. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией // Цит. по: ЦГА М. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 539. Л. 84-85 об.

740

происходило в других сферах жизни, прямо и косвенно регулируемых советским государством. Введение классового принципа оплаты погребения в Москве не было временной мерой, принятой в момент введения НЭПа, тарифы на погребение по классовому принципу существовали вплоть до формального построения бесклассового общества в СССР, декларированного конституцией 1936 года.

Несомненно, катастрофическая ситуация в похоронной сфере не была единственной проблемой коммунального хозяйства в раннем СССР. Исследователи отмечают, что муниципализация жилья также привела к быстрой деградации жилого фонда, да и общее санитарное состояние городов в этот период оставляло желать лучшего: лишь немногие города имели канализацию и водопровод, что приводило к сильной антисанитарии и неприятным запахам из выгребных ям[741]. Проблемы жилого фонда решались схожим образом. В апреле 1922 года, уже год спустя после публикации Декрета СНК РСФСР "Об отмене взимания платы за жилые помещения с рабочих и служащих и за пользование водопроводом, канализацией и очисткой, газом и электричеством и общественными банями — с государственных учреждений и предприятий и их рабочих и служащих и о распространении указанных льгот на инвалидов труда и войны и лиц, находящихся на их иждивении", оплата коммунальных услуг восстанавливается также с применением классового принципа. Хотя уже в январе 1928 года все же вводится единая система взимания квартплаты[742].

Изменения в похоронном администрировании существенно затронули вопросы обеспечения похорон. Система похоронных бюро, существовавшая в России с дореволюционного времени, также испытала на себе влияние похоронных реформ 1918 года. Декрет о похоронах 1918 года в числе другой

[741] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. С. 64-67.
[742] Орлов И. Коммунальная страна. Становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941). М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 267.

похоронной инфраструктуры муниципализировал и частные похоронные бюро со всех их живым и мертвым инвентарем. В декрете предусмотрительно говорилось, что все частные похоронные предприятия должны перейти в ведение местных Советов «не прекращая своей деятельности»[743]. Но одной предусмотрительности Совета Народных Комиссаров было недостаточно. Муниципализация похоронных предприятий, переход к военному коммунизму и декларирование социального обеспечения в области похоронного обслуживания фактически означало, что муниципализированным частным похоронным бюро предлагалось выполнять свою работу бесплатно. Не удивительно, что вчерашние частные предприниматели не испытывали большого энтузиазма по поводу бесплатной работы. Похоронные бюро и другие частные предприниматели выполняли лишь самый минимум работ, позволяющий утверждать, что предприятие не прекратило своей работы. Часто они ее просто саботировали. Как уже говорилось выше, вместе с серьезным кризисом снабжения, такое положение дел приводит к практически полной остановке работы похоронных служб. Одновременно возникает черный рынок гробов и похоронных услуг. Муниципализированные похоронные предприятия готовы предоставить похоронные услуги, но не по ордерам похоронного обслуживания, выданным Советами, а за живые деньги, по «рыночным» ценам, которые часто оказываются недоступны обывателям. Несмотря на протесты и санкции со стороны Похоронного отдела, все участники организации похорон готовы предоставлять свои товары и услуги быстро и вне очереди за наличный расчет[744]. В целом, вплоть до начала Новой экономической политики похоронные бюро продолжают вести двойную жизнь. Однако изменения в похоронном администрировании периода НЭПа затрагивают и их тоже. В 1923 году одновременно со сдачей кладбищ в аренду общинам верующих, 30

[743] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. // Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1275-1276.
[744] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 2, 4 об., 6, 8; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 8.

городских похоронных бюро Москвы «ликвидируются путем сдачи в аренду прежним владельцам»[745]. Фактически это означает, что предприятия возвращаются к их прежним владельцам. Однако, несмотря на некоторое восстановление похоронных бюро в период НЭПа, их деятельность и ассортимент предлагаемых услуг уже так и не достигли дореволюционного масштаба. С завершением НЭПа похоронные бюро были вновь муниципализированы.

745
ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 3 об.

Глава 6 **Дистопия советской смерти**

Реформаторская политика молодого советского государства радикально изменила российскую похоронную культуру. Между тем основные положения реформ похоронной сферы были «революционными» лишь в декларативном измерении. Их содержательная часть, отвечая задачам секуляризации похоронной сферы и переподчинения похоронного администрирования от Церкви к светским властям, была сформирована и востребована обществом задолго до появления первых декретов Советской власти. Нетривиальной и действительно революционной была не советская политика в похоронной сфере (в целом рациональная и следовавшая мировым трендам того времени), а стремительная и иррациональная метаморфоза объекта этой политики — собственно похорон как адаптивного социального механизма, важнейшей частью которого является процесс коллективного переживания смысла смерти. В контексте похорон семантика смерти выполняет важную конструктивную функцию, помогающую преодолеть ущерб — удержать и пересобрать коллектив после утраты одной из его частей. Поэтому именно процесс десемантизации смерти, приводящий к масштабной социальной дисфункции, и постепенное заполнение семантического вакуума утопическими конструктами и различными субститутами адаптивного механизма похорон («красные похороны», гражданская панихида, кремация, коллективные мемориалы, новая интерпретация символического бессмертия), сыграли ключевую роль в формировании уникальной советской похоронной культуры. Характерной особенностью этой культуры была ее внутренняя антагонистичность, определяемая, с одной стороны, настойчивым вытеснением смерти в пространство утопии (в диапазоне от формирования института статусных похорон с их интерпретацией смерти как творения, до городского планирования, дискредитации кладбищ, «смерти без могилы», кремационного энтузиазма и даже феномена «большевистских» суицидов), с другой — непрерывной дискредитацией этой утопии настоятельной

необходимостью как-то обращаться с телами умерших здесь и сейчас, которая на бытовом уровне регулярно сталкивала советских людей со смертью.

6.1 Деволюция советской похоронной реформы к низовому регулированию и частным практикам

Реформа похоронного дела не только была ответом на сформировавшийся в обществе запрос на изменения, но и запускала различные сценарии дальнейшего развития этой сферы. Так, отделение похоронной сферы от Церкви и передача всего похоронного администрирования в руки светских властей создала возможность для формирования светского, безрелигиозного похоронного ритуала. Несмотря на антирелигиозную риторику советских декретов, речь не шла о тотальном запрете церковной обрядности, хотя затруднения, с которыми столкнулись верующие в СССР несомненны. Секуляризация похоронной культуры вносит определенное разнообразие в обрядность, создавая возможность для выбора — хоронить ли умершего человека по церковному обычаю, или по-новому — «без попов». Но в ситуации мировоззренческого конфликта первых послереволюционных лет, любой выбор становился демонстративным. То, что ранее было рутиной, простым следованием традиции в ситуации личной и коллективной травмы, вызванной смертью человека, теперь приобретает характер не всегда простого нравственного выбора и демонстрации мировоззренческой позиции, высказывания, обращенного сразу к различным сторонам. Этот выбор мог иметь непростые и часто непредсказуемые последствия для оставшихся в живых.

Помимо возможности для безрелигиозных похорон, советская реформа похоронной культуры делает доступной еще одну новую и долгожданную для многих практику — кремацию. Если безрелигиозные революционные похороны с речами, красными гробами и звездами на могильных памятниках с самого своего появления были связаны именно с большевиками и другими

революционными группами, использовавшими новый ритуал для сплочения своих кругов и пропаганды своих взглядов, то идеи кремации носили более универсальный, внеполитический характер. Кремационное движение в Советской России стремится быть частью мирового, а его носители — далеко не только и порой даже не столько большевики, сколько инженеры, врачи, гигиенисты. Хотя кремация так и не нашла широкой поддержки у населения страны, для узкого круга носителей модернистского сознания ее легализация и строительство первых крематориев было, несомненно, важнейшим технологическим достижением, вводившим «отсталую» аграрную Россию в число современных развитых стран, также как это делала электрификация, механизация, индустриализация и прочие технологические достижения того времени. И хотя кремация так и не смогла стать технически доступной каждому советскому человеку, сама легальная возможность такого рода погребения существенно меняла ландшафт похоронной культуры, выводила похороны и все сопутствующие им ритуалы и объекты из области традиции в область очищенной от прошлого современности, в область модерна.

Создавая разнообразие и новую ситуацию свободы выбора между секулярным и церковным ритуалом, традиционным трупоположением и огненным погребением, Декрет о кладбищах и похоронах одновременно ставил в качестве одной из важнейших целей достижение равенства в похоронном ритуале, вследствие чего реформы оказали значительное унифицирующее действие на похоронную культуру. Дореволюционная похоронная культура с ее традиционным разнообразием, с множеством конфессиональных, сословных, социальных и региональных различий редуцирует к более однообразной форме. Во всех городах страны теперь можно хоронить «по-советски», и эта новая возможность работает так же, как и новый советский календарь и массовая культура, создавая новое советское государство и его новых граждан. В этом случае речь далеко не всегда идет о полном «советском церемониале», в большинстве случаев традиционная похоронная культура оказывается смешана с элементами новой советской, но

даже этих отдельных элементов, таких как обращение к гражданскому регистратору, участие оркестра или траурные речи у могилы, достаточно, чтобы связать похоронную культуру во всей стране в единое целое, постепенно вытесняя наиболее устойчивые элементы традиции, рождавшие ситуацию разнообразия, в приватную сферу.

Реформы оказывали разностороннее влияние на похоронную культуру молодого советского государства. Разрушилась монополия религиозных институтов, на протяжение столетий сохранявших и воспроизводивших похоронные традиции. Одновременно с постепенным исчезновением региональных, конфессиональных и сословных различий советская похоронная культура становится и более унифицированной.

Новая похоронная культура имела в своем основании два отчасти противоположенных принципа. С одной стороны, она основывалась на идеях социального государства, которое должно было включать похоронное обслуживание в общий пакет социальных услуг, доступных за небольшие деньги, по ордерам социального страхования или даже бесплатно для всех трудящихся Страны Советов. Поскольку в Советском государстве безработица была побеждена наряду с другими пережитками старого режима, помощь в достойном погребении близкого должна было быть предоставлена каждой советской семье. Включая эти услуги в широкий набор социальных благ наряду с детскими садами, всеобучем, медициной, физической культурой, доступом к жилью и т.д., молодое государство ставило похоронное обслуживание в один ряд с важнейшими и самыми необходимыми элементами коммунистического быта. Несомненно, принимая во внимание важнейшее санитарное значение похоронного дела, такое его положение в ряду социальных благ общества коммунизма было вполне оправдано. Однако такой подход вступал в противоречие со вторым, не менее важным основанием новой похоронной культуры — материалистическом подходе и отказе от метафизического представления о продолжении жизни после смерти человека. Раньше разнообразные траты на похороны, не связанные с физическим

избавлением от разлагающегося тела, были связаны с определенным набором религиозных представлений, и никому не приходило в голову отказаться от них в пользу простого «деревянного ящика, обтянутого куском материи». Тотальный материализм большевиков заставлял объяснять необходимость каждой траты, в том числе и траты на погребение тела, в то время, когда из мертвого тела может быть еще извлечена какая-либо выгода для народного хозяйства, например, путем переработки собственного тела на мыло или удобрения. Сталкиваясь друг с другом в головах и кабинетах советских идеологов, эти два подхода вступали в непреодолимое противоречие. Включая похороны в число социальных гарантий государство вынуждено было тратить огромные (в масштабах страны) деньги на организацию и отправление ритуала, не имевшего очевидного смысла. И если траты на кремацию еще могли быть как-то оправданы идеями прогресса и высвобождения площади от кладбищ для расширения сельхозпроизводства или создания зеленых зон для отдыха трудящихся, то финансирование «отсталых» кладбищ требовало серьезных аргументов, находить которые с каждым годом было все сложнее и сложнее. Драматичный разрыв между значимостью похорон как санитарного и/или политического акта и их полнейшей бессмысленностью приводит к тому, что долгосрочные результаты похоронных реформ сильно отличались от того, что было задумано как в области равенства и равного доступа, так и в области создания «определенного возвышенного настроения».

Взамен «равного для всех погребения» этот конфликт создал причудливую двухуровневую систему похорон, которая появляется в первые годы советской власти и сохраняется до самого конца существования СССР. Демонстративные политические похороны революционеров и героев Гражданской войны постепенно в течение 1920-х годов формируют особый церемониал похорон советских лидеров и номенклатуры. Самыми известными похоронами такого рода были похороны Ленина в 1924 году и Сталина в 1953 году. Эти церемонии, хотя и привлекли огромное внимание современников, не оказали существенного влияния на похоронную культуру в целом. Для других

коммунистических вождей рангом ниже выработался другой ритуал, важной частью которого была кремация в Донском крематории в Москве и захоронение урны с прахом в некрополе у кремлевской стены. Некоторых из советских лидеров, умерших не в столице, перевозили в Москву для торжественной кремации, как это было с С.М. Кировым. Советские лидеры меньшего масштаба и представители номенклатуры, которые не были удостоены чести быть захоронены в Кремлевской стене, могли быть также кремированы в Донском крематории или захоронены в землю, особенно если они умирали вдали от единственного в стране крематория. Однако и в этих случаях их похороны становились важнейшим публичным массовым действом, предполагавшем присутствие сотен зрителей, траурные речи у могилы, некрологи в газетах, пышное убранство процессии и т.д. Иными словами, эти похороны были социальным актом, в ходе которого новая власть еще раз переутверждала ценность своих ориентиров и героев.

Статусные советские похороны, реализуемые в рамках утопической модели, были запоминающимся событием, зрелищем, *общественным мероприятием*. Похороны простых людей, то есть подавляющее большинство советских похорон, совсем не были таким ярким социальным явлением. В контексте внутренней государственной политики они все больше и больше мигрировали в сферу простой утилизации тел, создавая общее ощущение маргинальности этих практик, и шире — маргинальности «обычной» смерти. Не в силах оправдать огромные расходы на благоустройство городских кладбищ и поддержание похоронной инфраструктуры, органы государственной власти (и партийные, и советские) передают полномочия по контролю за этой сферой все ниже и ниже по бюрократической лестнице, постепенно теряя всякий управленческий интерес к ней.

С постепенным отходом от Новой экономической политики в конце 1920-х годов начинают свертываться и экономические инициативы, направленные на финансирование похоронной сферы. На практике это означает постепенный отказ от делегирования различных функций

«частникам», артелям и обществам верующих. Проблема благоустройства кладбищ, ставшая центральной в работе московского Похоронного отдела, не находит своего решения в тех финансовых условиях, которые предлагает отказ от НЭПа и переход к плановому ведению хозяйства. Проблема состояла в том, что тарифы на погребение, установленные в 1923 году, к 1928 году потеряли свою эффективность. Еще в 1923 году предложенные МКХ тарифы были существенно снижены постановлением Моссовета, однако, они все же могли покрывать по крайней мере текущие нужны Отдела. За прошедший период в стране произошла существенная инфляция, а число похорон «нетрудовых элементов» и «лиц свободных профессий», дававших повышенный доход — сократилось. В результате к 1925 году Отдел в среднем недополучал по 2 рубля за каждое захоронение, а к 1928 году — уже 3 рубля 64 коп[746]. Таким образом, к 1928 году доходы похоронного отдела 80 569 рублей в год, что не могло покрыть не только всех расходов (550 497 руб.), но даже расходов на заработную плату сотрудников (94 266 руб.)[747]. В 1926 и 1927 годах Отдел обращался в Президиум Моссовета с предложением повысить таксу, но в итоге получил «ответ, что это признается несвоевременным»[748].

В то же время инициативы Похоронного отдела по переходу на хозрасчет и самоокупаемость, сдача в аренду имущества и другие попытки получить финансирование своей деятельности, находят все меньше понимания у вышестоящего руководства, в первую очередь — у Моссовета. В 1927-1928 годах практика сдачи кладбищ и инвентаря в аренду в Москве прекращается[749]. В увеличении ассигнований на благоустройство приходит один отказ за другим. Несомненно, эта ситуация тревожит и родственников похороненных, которые обращаются в Отдел с ходатайством об организации инициативных групп для сбора добровольных пожертвований на благоустройство кладбищ. В рамках работы этих групп производилась

[746] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 654. Л. 5
[747] Там же. Л. 49об.-50.
[748] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 640. Л. 9; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 654. Л. 70об.
[749] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 646. Л. 1-1об.; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 645. Л. 3.

добровольная регистрация могил с уплатой взносов в размере 2 рублей на благоустройство могил и 25 копеек на организационные расходы. Несмотря на то, что эта система позволила в течение полугода собрать более половины суммы, необходимой для ремонта оград на кладбищах Москвы, она подверглась жесткой критике со стороны вышестоящих органов, поскольку воспринималась не как добровольные пожертвования, а обязательные взносы. Однако, эта критика также не привела к ассигнованию средств на эти нужды[750].

После выхода в феврале 1928 года в «Рабочей газете» фельетона «Спекуляция на мертвецах. Перевозка трупов в трамвае»[751], посвященного в основном критике финансово-хозяйственной деятельности подотдела и тому, что «частник» играет более активную роль в похоронном обслуживании, деятельность похоронного подотдела подвергается внутренней ревизии МКХ. Проверка выявляет неудовлетворительное состояние похоронного дела, причиной которого прямо называется отсутствие какого-бы то ни было финансирования[752]. По результатам ревизии похоронный отдел получает пакет предложений из 30 с лишним пунктов по изменению своей работы. Основными направлениями этих предложений являются отказ от сдачи в аренду имущества платной регистрации могил, а также — требование провести благоустройство кладбищ и модернизацию похоронного хозяйства. Иными словами — от отдела в очередной раз требуют полностью отказаться от доходов и существенно увеличить расходы. В своей докладной записке от 4 декабря 1928 года инспектор Герасимов разбирает выполнение этих предложений. Из 32 пунктов, которые рассматривает Герасимов, отделом выполнено лишь 13, остальные остались без удовлетворения ввиду полного отсутствия средств. При этом из комментариев ясно, что вышестоящие власти не только не стремятся решить проблемы похоронной отрасли столицы, но и

[750] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 654. Л. 3-3об.; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 652. Л. 2, 4, 86. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 653.
[751] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 654. Л. 72-72 об.
[752] Там же.

активно противодействуют этому решению. Так, смета на благоустройство кладбищ была отклонена Мосфинотделом, новая такса на захоронение была отправлена на утверждение в Моссовет, но на словах заведующей похоронным отделом было сказано «положить в архив», а официального ответа получено не было. Также без ответа сверху остались вопросы о необходимости выявить заброшенные безнадзорные могилы для обновления территорий кладбищ, о будущем ветхих домов на кладбищах, о закрытии церквей на кладбищах с использованием их зданий под морги, Ряд рекомендаций (увеличить штат могильщиков, механизировать подачу гробов в крематории, расширить колумбарий, организовать перевозку тел «безродных» из больниц на кладбища) невозможно было исполнить без дополнительного финансирования, однако, все сметы по этим статьям были отклонены[753]. Как деликатно пишет Елена Красильникова, «по всей видимости, благоустройство кладбища в этот период не являлось приоритетной задачей для коммунальщиков»[754].

Заведующая похоронным подотделом Феодосия Газенбуш предпринимает очередную попытку решения этого вопроса и предлагает новый план переустройства отрасли, вновь нацеленный на самоокупаемость. Для этого в первую очередь предлагается скорректировать тарифы на погребение[755]. Такса за захоронение рабочих и служащих варьирует в зависимости от их дохода и составляет от 5 до 15 рублей. Появляется новая категория кустари-одиночки, тариф на захоронение которых составляет 20 рублей. Тариф на захоронение лиц свободных профессий — 25 рублей, нетрудового элемента — 30 рублей[756]. В этот период ежегодное число

[753] Там же. Л. 1-1об.
[754] Красильникова Е.И. Старинные городские кладбища и похороны в отражении устных воспоминаний (на примере Новосибирска предвоенных лет) // Воспоминания и дневники как историко-психологический источник: Материалы XXIX Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16-17 мая 2011 г. С. 131.
[755] Существующая такса составляет 1 руль за похороны рабочего, 5 рублей -для лиц свободных профессий, 20 рублей — для нетрудового элемента. Похороны детей по первым двум категориям — бесплатные, по третьей — 5 рублей. (См.: ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 654. Л. 57об.)
[756] Там же. 57.

захоронений детей примерно равно числу захоронений взрослых[757], по этой причине с детей от 7 лет предлагается взымать плату по социальному происхождению родителей или воспитателей в размере 50%[758] и точный расчет что вообще нужно. Но эти предложения уже не соответствуют духу момента.

Последней попыткой привести кладбищенское хозяйство в благоустроенный вид стало кратковременное сотрудничество с Обществом изучения Московской губернии Московского бюро краеведения. Общество, совместно с Московским архитектурным обществом обращается в МКХ с ходатайством о необходимости охраны памятников выдающихся деятелей и могил, представляющих художественную ценность. В результате этого обращения 5 апреля 1929 года Общества благоустройства 7-ми основных московских кладбищ переходят в ведение Общества изучения Московской губернии Московского бюро краеведения, на которое возлагаются все обязанности по содержанию кладбищ и приведению их в достойный вид. Общество начинает активную работу по благоустройству кладбищ. Однако, уже к концу мая становится очевидно, что эта коллаборация не эффективна — постоянный контроль и критика со стороны похоронного подотдела не позволяют Обществу краеведов наладить сколько-нибудь эффективной работы, и Общество отказывается от управления кладбищами [759].

В августе 1929 год похоронный подотдел МКХ ликвидируется и вся похоронная инфраструктура передается в ведение районных советов[760].

Муниципализация похоронной отрасли, проведенная в 1918 году, и повторенная после окончания НЭПа в 1928-9 гг. фактически приводит к распаду института ритуальных специалистов в городах. Если в начале XX века в российских городах эффективно работали похоронные бюро, предлагавшие

[757] Там же. Л. 48об.
[758] Там же. Л. 57.
[759] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 655. Л. 14-15, 55-56; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 652. Л. 112-113об.
[760] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 655. Л. 59.

широкий спектр услуг для людей разных конфессий, сословий и достатка, то после их национализации значительная часть услуг перестала оказываться вовсе, а те, что остались были сильно сокращены в объеме. Едва ли не единственными услугами, которые можно было получить, да и то не всегда, были продажа гроба и рытье могилы. Ни похоронные атрибуты, ни организация похорон, ни декор, ни уход за могилой, ни даже надгробные памятники не были более повсеместно доступны. Да и те немногие услуги, которые номинально существовали, в реальности были доступны не всегда. Старая инфраструктура — не только кладбища, но и инвентарь — катафалки, покрывала, балдахины, лопаты и кирки, — не обновляются и постепенно приходят в упадок. Это приводит к сильнейшей маргинализации и де-профессионализации сферы ритуальных услуг.

Уже к началу 1930-х годов похоронные услуги рядовым советским гражданам оказывать некому и нечем: фактически советская реформа похоронной сферы провалилась, а место государственной политики занимает низовое регулирование и стихийно формирующиеся практики. Вторичная муниципализация похоронных служб, представленная как возвращение к принципам социального обеспечения в похоронной сфере, на практике привела к тому, что основную ответственность за обеспечение похорон рядовых граждан вынуждены были взять на себя семьи умерших. На место похоронных бюро, объединенных в профсоюзы, приходят кустари-совместители, оказывающие отдельные похоронные услуги в виде дополнительного заработка.

Чем дальше от крупных городов, тем раньше и быстрее закреплялись практики самостоятельного решения родственниками похоронных проблем. Каждая семья должна была взять на себя решение вопросов об изготовлении гроба, поиск могильщиков, транспортировку гроба на кладбище, и изготовление могильного памятника. Такое положение дел способствовало тому, что в обществе формировался круг людей, которые в дополнение к своим формальным обязанностям брали на себя некоторые похоронные

услуги. Ярким примером такого рода является Константин Измайлов, (1900 — 1942), молодой столяр и счетовод из села Смоленское Бийского уезда на Алтае. На протяжение многих лет Измайлов был единственным производителем гробов в округе. Формально работая счетоводом, он также принимал частные заказы по остеклению окон и изготовлению гробов, что составляло существенную часть его дохода. Его дневники 1920-30 годов, наряду с событиями из семейной, общественной и государственной жизни, фиксируют также и многочисленные заказы на изготовление гробов и платежи по выполненным работам:

«*6 апреля. Понедельник. День сегодня теплый, тает здорово, ветра холодного нет. Я с утра работаю по-столярному в амбаре, потому что тепло сегодня. Сделал гроб для ребенка раймилиционера. За работу получил 1 рубль. Вечером — на репетиции в клубе. Готовим пьесу «Встреча», в одном акте (с. Подъячево). Ночь теплая, лунная.»*[761]

«21 июля. Четверг. Утром встал до солнца, кое-что поработал по-домашности. Потом опять за верстак. Сегодня я работаю поденно в лавке инвалидно-кооперативного объединения по столярному делу. Работаю вместе с Меркульевым Василием Дмитриевичем, стариком, лет 73-х. Отделываем полки и прилавок и прочее... Работа 8 часов. За работу 1 рубль 80 коп. Подряжал Сизинцев А.А. После работы в лавке сделал гроб из своего материала для восьмимесячного ребенка ветфельдшера Кононенко. За работу получил 1 рубль. Потом подстриг двух почтальонов: Сиверухина и Орлова. За работу 10 копеек получил. Всего сегодня заработал 2 рубля 90 коп. Днем шел дождь»[762]**.**

Спустя десятилетие после начала похоронных реформ, так же, как и в разгар похоронного кризиса 1919 года, людям приходилось изготавливать

[761] Запись из дневника Измайлова К.Ф. от 6 апреля 1925. (См. Дневник алтайского крестьянина К.Ф. Измайлова (1923-1934): в 2 т. Т. 1. М., Смоленское: Common place, 2020. С. 65).
[762] Запись из дневника Измайлова К.Ф. от 21 июля 1927. (См. Дневник алтайского крестьянина К.Ф. Измайлова (1923-1934): в 2 т. Т. 1. М., Смоленское: Common place, 2020. С. 1927).

гробы из того, что имелось с данный момент в наличии. Так, например, Корней Чуковский, младшая дочь которого Мура умерла в Крыму в 1931 году в возрасте одиннадцати лет, был вынужден сделать гроб из сундука:

«*Федор Ильич Будников, столяр из Цустраха, сделал из кипарисного сундука Ольги Николаевны Овсянниковой (того, на к-ром Мура однажды лежала) гроб. И сейчас я, услав М. Б. на кладбище сговориться с могильщиками, вместе с Ал-дрой Николаевной положил Мурочку в этот гробик*»[763].

Конкретный перечень похоронных услуг, которые можно было получить в том или ином городе зависел от наличия или отсутствия «похоронных кустарей». Так, воспоминания жителей Новосибирска сохранили «цветы из древесной стружки и бумаги, которые специально для похорон изготовляла мастерица, жившая на Сахалинском переулке. Цветы эти раскрашивали, «на крахмальный клей посыпали манку и красили»»[764].

Захоронения советского периода демонстрируют практически полное отсутствие фабричных, стандартизованных профессиональных памятников. На их место приходят конструкции, изготовленные такими же кустарями или «своими руками» из подручных материалов. В отличие от дореволюционных памятников из мрамора и гранита или простых деревянных крестов, советские надгробия и ограды могли включать в себя самые разные элементы, часто заимствованные с ближайшего производства — отработанные шестеренки и пильные диски, арматуру — все, что попадалось под руку и из чего при помощи сварочного аппарата можно было создать определенный узор. Наличие однородных по дизайну и использованным элементам надгробий на многих кладбищах свидетельствует о том, что в большинстве регионов были свои кустарные специалисты и в этой области. В тех же случаях, когда такого

[763] Чуковский, К. Дневник (1930—1969). М.: Современный писатель, 1994. С. 31.
[764] Красильникова Е.И. Старинные городские кладбища и похороны в отражении устных воспоминаний (на примере Новосибирска предвоенных лет) // Воспоминания и дневники как историко-психологический источник: Материалы XXIX Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16-17 мая 2011 г. С. 131.

специалиста не находилось, родственники изготавливали ограды и памятники сами из подручных материалов. Когда в конце 1940-х годов моей семье удалось наконец зарегистрировать старый, еще дореволюционный, семейный участок на Ваганьковском кладбище в Москве, ограду на нем пришлось изготовить из спинок металлических кроватей. На участке значительная часть памятников была утеряна, и чтобы подтвердить наличие захоронений, на участке установили старинный крест, который валялся неподалеку. Конечно, ограду давно заменили, но этот чужой крест так до сих пор и стоит в середине нашего участка, не отмечая какое-либо захоронение, а как память о советской похоронной культуре. Вероятно, в большинстве российских семей можно найти воспоминания такого рода.

Проблемы были не только с предоставлением похоронных услуг, но даже с получением разрешения на похороны. Даже в начале 1930-х годов новые документы могли потребовать на любом этапе похорон, даже тогда, когда все было уже готово, чтобы опустить гроб с телом в могилу:

«*Трагедия с буффонадой. <…> Уже* на кладбище — *препятствие. Показывает милицейское разрешение на неимение препятствий к похоронам, но власти им не удовлетворяются: нет указания, что* сданы продовольственные карточки убитого. *Пришлось оставить гроб и мчаться по участкам и т.д. Через два часа новое разрешение, «по форме», дало возможность схоронить покойника*»[765].

6.2 Развитие кремации. Кремация как практика чистоты

История кремации в довоенном СССР часто представляется как единичный эксцентричный опыт строительства Московского Донского крематория в перестроенном здании церкви, хотя на самом деле попытки

[765] Шитц И.И. Дневник «Великого перелома» (март 1928 — август 1931). Paris: YMCA-press, 1991. С. 304-305.

строительства крематориев в разных городах страны не прекращались до конца 1930-х годов.

Успех Донского крематория, в том числе и решение о закупке печей в Германии, реанимируют процесс строительства крематориев в других городах. В ноябре 1927 года Ленинградский отдел благоустройства Коммунального хозяйства обращается к московским коллегам с просьбой поделиться своим успешным опытом ввиду того, что отделом «твердо решено в наступившем бюджетном году провести конкурс на разработку проекта крематория» [766]. Из вопросов очевидно, что хозяйственные власти Ленинграда видят в постройке крематория существенное облегчение в вопросе утилизации тел «безродных», похороны которых полностью ложатся на городские коммунальные службы и являются постоянной и существенной расходной статьей[767]. В дальнейшем в Ленинграде предпринимались неоднократные попытки строительства крематория. В 1928 году строительный комитет Ленсовета работает над разработкой технического проекта крематория по эскизам архитекторов А.Н. Гегелло и Д.Л. Кричевского, который должен был снова располагаться на территории Александро-Невской Лавры. В 1929-1930 гг. проводится открытый конкурс на проект крематория на территории Волкова кладбища[768], в котором снова побеждает проект Гегелло и Кричевского. Проект был внесен в план строительства, но снова не был реализован. В 1933 году после закрытия Александро-Невской Лавры было принято решение о строительстве крематория по проекту Гегелло на ее территории. Технический проект был утвержден во всех инстанциях, и строительство было включено в план работ на 1936 год, однако, снова было перенесено, на этот раз — на Митрофаньевское кладбище. В итоге проект был законсервирован из-за его высокой стоимости. Ряд других, более дешевых проектов, предусматривавших перестройку церквей под крематории также не

[766] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 643. Л. 422.
[767] ГАМО. Ф.4557. Оп. 8. Д. 643. Л. 422-422об.
[768] Постановление об открытом конкурсе на составление проекта крематория в г. Ленинграде. Ленинград: Издание объединенного бюро конкурсов, 1929 г. 7 с.

удалось завершить. С началом войны и блокадой Ленинграда вопрос о строительстве в городе крематория снова стал крайне актуальным. На этот раз для нужд кремации были приспособлены печи Ижорского и 1-го кирпичного заводов[769]. Постоянный крематорий в Ленинграде удалось построить лишь в 1970-х годах.

Строительство крематория в Ростове- на-Дону было начато в 1932 году, однако в 1935 году было приостановлено. К этому времени был завершен остов здания. В 1938 году проект был переработан с целью уменьшения размера постройки и сокращения расходов. Крематорий предполагали оборудовать электрическими кремационными печами, новейшей разработкой Советских инженеров[770]. Однако, проект так и не был завершен. В 1954 году, когда городские власти Ростова вновь вернулись к решению вопроса переполненных кладбищ, строительство крематория больше не обсуждалось, и решение было найдено в открытии нового городского кладбища, строительство которого было намечено на 1955 год.[771]

В 1940-х годах был сформирован проект строительства крематория в г. Горьком (Нижний Новгород), однако уже в 1948 году проект строительства был сильно сокращен[772], а согласно производственно-финансовому плану по Тресту похоронного обслуживания г. Горького на 1953 год строительство крематория более не предусматривалось.[773]

Наиболее успешным кремационный проект оказался на Украине. Первые упоминания о строительстве крематория в Харькове относятся к 1920-м годам. В этот период Харьков был не просто крупнейшим городом Украины, но в течение нескольких лет был ее столицей, а после долгое время носил неофициальное название «второй столицы» УССР и «третьей столицы» СССР,

[769] Шкаровский М. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией // Клио. СПб. 2006. № 3. С. 158-163.
[770] ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4630. Л. 1.
[771] ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 3 Д. 382. Л. 1.
[772] ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 3218. Л. 5.
[773] ГАРФ Ф. А-314. Оп. 2. Д. 9573. Л. 1.

таким образом, успех строительства крематория именно в этом городе может быть обусловлен его важным политическим значением. Крематорий был открыт в 1935 году и успешно проработал до 1941 года. В августе 1941 года крематорий был уничтожен в ходе одной из первых немецких бомбардировок города, и так и не был восстановлен после войны[774].

Модернизируется также и сама технология кремации. На протяжение 1930-х годов ведутся разработки нового типа кремационной печи — работающей не на дровах или коксе, а на электричестве. Опытные испытания новой печи системы инженера Железняка проводились в 1934-1935 годах на опытной трупосжигательной станции, устроенной в Никольской кладбищенской церкви в Ленинграде[775]. Именно такая печь должна была быть установлена в крематории Ростова-на-Дону. Конечно, электричество было еще одним технологическим завоеванием нового вида погребения, приближало кремацию еще больше к широко обсуждавшейся индустриализации и «технологическим завоеваниям социализма».

Трудности распространения кремации, безусловно были связаны со сложностью и высокой стоимостью их строительства. При составлении смет и строительстве Донского крематория в Москве планировалось выйти на самоокупаемость в первые несколько лет работы, а в последующие годы окупить затраты на его строительство. Однако, уже ко времени открытия в 1927 году стало ясно, что этот план едва ли осуществим. Общественное мнение, несмотря на все усилия членов ОРРИК, не было на стороне новой погребальной практики. При нормальной суточной пропускной способности крематория в 18 трупов (максимальная — 36), в реальности в 27-28 годах она не превышала 6 сожжений, из которых только одной было платным[776]. Очередей из желающих быть кремированными, которые представляли себе Гвидо Бартель и его коллеги не предвиделось. Расчетная стоимость кремации,

[774] ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 247. Л. 8.
[775] Шкаровский М. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией // Клио. СПб. 2006. № 3. С. 162.
[776] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 646. Л. 2.

необходимая для самоокупаемости, была почти в 10 раз выше тарифов на погребение в земле, что еще меньше способствовало популярности огненного погребения. Для того, чтобы привлечь клиентов в крематорий, МКХ был вынужден несколько раз корректировать тарифную сетку, отказавшись сначала от идеи окупить затраты на строительство, а затем и выйти на самоокупаемость. И даже тогда, после существенной коррекции, кремация стоила дороже старого погребения в землю, а крематорий не удавалось загрузить и на половину проектной мощности[777].

Общество Распространения и Развития идей Кремации, однако, не теряет надежду на успех популяризации новых похорон. В январе 1929 года при перерегистрации Общество ходатайствует перед НКВД о распространении деятельности общества на весь союз и о переименовании общества из Всероссийского в Союзное в связи с его особенно важным идеологическим и политическим значением[778]. Аналогичное прошение общество подает и в июле 1933 года[779]. Однако, это предложение было признано ЦИК преждевременным, и обществу было отказано. С точки зрения властей продолжение массовой пропаганды кремации было явно излишним.

В марте 1928 года бюро секций МОССОВЕТа при МКХ выступает с предложением к похоронному подотделу о том, чтобы ввиду предполагаемой (но еще не наступившей) полной загрузки первого крематория, «*приступить к подысканию участка и разработке плана второго крематория, причем желательно ближе к центру*»[780]. Однако, Похоронный подотдел вынужден оставить это предложение без движения, ввиду полного отсутствия средств в бюджете[781] — строительство второго крематория явно не входит в список первоочередного финансирования.

[777] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 643. Л. 404.
[778] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 656. Л. 10.
[779] ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 247. Л. 9.
[780] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 654. Л. 71об.
[781] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 654. Л. 70.

В 1936 году, уже после ликвидации ОРРИК, для активизации строительства крематориев в СССР Гвидо Бартель пытается выйти лично на Хрущева, в то время — первого секретаря Московского Горкома ВКП(б), чтобы рассказать ему о пользе кремации, «*ознакомить ЦК с этим вопросом в полном его объеме и добиться постановления о фактическом введении кремации во всех столицах, во всех крупных городах (в первую очередь с населением 100 000 и выше)*»[782]. Однако к этому времени пик интереса к кремации в СССР был далеко позади, а идея ее тотального или, как минимум, активного внедрения осталась еще одним нереализованным пунктом реформы похоронной отрасли. После войны, когда стало известно об активном использовании кремационных печей в концентрационных лагерях Германии, довоенные кремационные проекты оказались невостребованными, а публичная дискуссия на эту тему представлялась просто неуместной. Новые крематории в крупнейших городах страны — Москве, Ленинграде, Киеве, Минске — начинают открываться только в 1970-80-х годах.

Впрочем, во второй половине 1930-х годов становится очевидной одна важная черта кремационного проекта в СССР. Многолетние попытки построить крематорий, публикации в публицистике и прессе, дискуссии внутри советского аппарата и выделение на кремационные проекты огромных средств — все это говорило о важности кремационного проекта для раннесоветской идеологии. Действительно, в 1920-х годах кремация стала одной из самых известных и резонансных инициатив большевиков в похоронной области, и едва ли не центральным тезисом большевистского мортального дискурса 1920-х годов. Важность успешного завершения кремационного проекта никогда не ставилась под сомнение, но сам проект как сумма идей, лежащих за активностью конкретных энтузиастов, находился на пересечении нескольких важных идеологем нового советского строя и был внутренне неоднороден. Каждый из рассмотренных кремационных проектов

[782] ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 15.

1920-х годов выдвигает вперед какую-то одну доминирующую идею — санитарная важность кремации, крематориум-храм, крематорий как новая технология, крематорий как обязательный компонент «правильного» социалистического города — не отказываясь при этом полностью от других. Однако, несмотря на то, что кремация пропагандировалась как наиболее прогрессивный и культурный способ погребения, в отношении советской власти к новой практике всегда прослеживалась некоторая поливалентность.

Хотя в языке прессы и публицистики начала 1920-х годов, именно кремация представала «наилучшим способом погребения, к тому же в полной мере удовлетворяющим чувства эстетики и уважения к умершему»[783], главные похороны 1920-х годов — похороны Ленина в 1924 году — оказались совсем иными. Несомненно, что именно этот вид похорон воспринимался лидерами большевистской революции как наиболее привлекательный применительно к себе. Так, в 1925 году в период строительства Донского крематория Калинин присылает заместителю председателя Моссовета М. Рогову записку следующего содержания «Больше ждать нельзя. Необходим и как можно скорее крематорий, боюсь, что умру раньше, чем Вы его сделаете»[784]. Согласно утверждению историка Шкаровского, Троцкий призывал всех лидеров большевиков завещать кремировать себя после смерти[785]. Несомненно, этот способ погребения воспринимался и как наиболее подходящий для похорон Ленина. Так, например, Н. А. Семашко, всегда оказывавший максимальную поддержку кремационному движению, полагал, что набальзамированное тело Ленина необходимо сохранять лишь до тех пор, пока не будет выстроен специальный крематорий для его сожжения[786]. Однако, более влиятельные лидеры советского государства имели иное мнение по этому вопросу. По некоторым сведениям, во время обсуждения

[783] Кремация // Большая советская энциклопедия. Т. 34. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», ОГИЗ РСФСР, 1937. С. 713.
[784] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 641. Л. 78.
[785] Шкаровский М. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией // Клио. СПб. 2006. № 3. С. 163.
[786] Семашко. Можно ли сжечь тело Ленина? // Рабочая Москва. 1924. № 21(583). 26 января. С. 7.

предстоящих похорон Ленина Сталин, в частности, сказал: «Этот вопрос, как мне стало известно, очень волнует и некоторых наших товарищей в провинции. Они говорят, что Ленин русский человек и соответственно тому и должен быть похоронен. Они, например, категорически против кремации, сжигания тела Ленина. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения перед усопшим. Оно может даже показаться оскорбительным для памяти его. В сожжении, уничтожении, рассеянии праха русская мысль всегда видела как бы последний, высший суд над теми, кто подлежал казни»[787].

Действительно, исторические прецеденты сжигания опасных преступников можно найти в Российской истории. По-видимому, подобное отношение не было чуждо и некоторым другим большевикам. Об этом свидетельствуют, в частности, события, связанные с едва ли не самым громким анти-большевистским преступлением послереволюционной поры — покушением на Ленина, произошедшим 30 августа 1918 году на заводе Михельсона в Москве. Анархистка и эсерка Фанни Каплан, признанная виновной в покушении, была расстреляна прямо у стен Кремля. По некоторым сведениям, комендант Кремля П. Мальков, приводивший расстрел в исполнение, и поэт Демьян Бедный, присутствовавший при расстреле, по-видимому, в поисках поэтического вдохновения, поместили тело Каплан в железную бочку, облили бензином и подожгли[788]. Конечно, этот своеобразный способ избавиться от тела Каплан сложно сравнить с кремацией в печи крематория. Решение Малькова может трактоваться как желание полностью, дотла уничтожить даже мертвое тело человека, поднявшего руку на вождя мирового пролетариата. Такая трактовка вполне согласуется с традицией сжигать тела особенно опасных преступников.

Несомненно, поступок Малькова вполне может трактоваться как его личная инициатива. Однако, этот случай — далеко не единственный. Согласно

[787] Панченко А.М. Осьмое чудо света // Полярность в культуре. СПб.: Альманах «Канун», 1996. С. 167-168.
[788] Давыдов Ю. Борис Савинков, он же В. Ропшин и другие // Огонек. 1989. № 30(3235). С. 27.

исследованиям правозащитного центра Мемориал, именно Донской крематорий в Москве становится местом сожжения значительной части репрессированных и расстрелянных в Москве в 1930-е годы. Днем в крематории проходили «статусные» советские похороны. В течение 1930-х годов здесь с почестями закончили свой земной путь С. Орджоникидзе, С.М. Киров, В.В. Куйбышев, М. Горький, М.И. Ульянова, В. Чкалов, Н.К. Крупская, Ю. Ларин, А. Цюрупа, К. Цеткин, В. Маяковский, и многие другие. В этот же период здесь были сожжены расстрелянные по обвинениям в самых злостных контрреволюционных деяниях Л. Каменев, Г. Зиновьев, М. Тухачевский, И. Уборевич, И. Якир, А. Енукидзе, В. Блюхер, П. Постышев, И. Бабель, М. Кольцов, В. Мейерхольд, Н. Ежов, а позже и Л. Берия. Хотя пик такого рода сожжений приходится на 1937-1938 годы, первые из них фиксируются уже в 1934 году, а последние — в 1953-м[789]. В общей сложности, согласно данным проекта «Открытый список» в Донском крематории было кремировано 4858 тел репрессированных. По данным проекта «Бессмертный барак» — 5068 тел[790]. Для сравнения, на расстрельном полигоне Коммунарка было захоронено 4462 тел, а на Бутовском полигоне — более 20 000 тел[791]. Таким образом, Донской крематорий занимал второе место по числу захоронений расстрелянных в Московском округе. Вопрос о том, как может быть интерпретирована эта практика, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения.

Согласно некоторым исследователям, основной целью ночных кремаций было сокрытие следов преступлений советского режима. В пользу этого обстоятельства говорит в первую очередь тот факт, что сжигания производились ночью. Кроме того, на допросе после своего ареста в 1941 году, директор крематория П.И. Нестеренко утверждал «...после сжигания пепел

[789] Захоронение на Донском кладбище — список по годам: 1934-1952 [Электронный ресурс] // old.memo.ru.
[790] Расстрельные списки. Донское кладбище [Электронный ресурс] // bessmertnybarak.ru.
[791] Категория: Москва, расстрельные списки — Коммунарка // ru.openlist.wiki; Категория: Москва, расстрельные списки — Бутовский полигон // ru.openlist.wiki.

расстрелянных участников процессов мною лично закапывался в специально отведенном месте во дворе крематория... Об этом, кроме меня, никто не знал и знать не мог, так как закапывание производил сейчас же после сжигания лично я один»[792]. Действительно, прах расстрелянных захоранивался в большие ямы — общие могилы невостребованных прахов, найти которые позже, уже в эпоху Перестройки, оказалось совсем не просто.

Ряд обстоятельств, однако, заставляют усомниться в данной трактовке. Во-первых, число кремированных было столь велико, что должно было потребовать огромных затрат на сжигания. Еженочные кремации предполагали постоянный расход угля, который невозможно было бы скрыть от наблюдательных глаз сотрудников крематория. Кроме того, не вполне понятно, зачем нужно было затрачивать такие колоссальные средства на кремацию «врагов народа». Опыт полигонов Бутово и Коммунарка ярко свидетельствовал о том, что проблему можно решать проще, быстрее и дешевле. Даже при обычных, торжественных кремациях, их стоимость всегда была значительно выше захоронения в землю в индивидуальных могилах. Конечно, при захоронении в коллективных могилах разница была еще выше. Копали ли осужденные на расстрел рвы сами или это делалось при помощи машин, во всех случаях это было сопряжено с меньшими затратами, чем сжигание тел в крематории. Во-вторых, Свидетельство Нестеренко, полученное на допросе, кажется не более реалистичным, чем признания бывших лидеров большевиков в шпионаже и подготовке терактов в 1936-1938 годах. Сомнительно, чтобы Нестеренко был в состоянии один проводить по 15-30 кремаций за ночь, работая одновременно и за истопников, и за грузчиков, а в дневное время исполнять обязанности директора крематория. И, в-третьих, такая острая потребность в секретности операции выглядит сомнительно уже потому, что значительная часть кремированных была осуждена на расстрел на показательных процессах разного уровня, а

[792] Петров Н.В. Награждены за расстрел. М.: Международный фонд «Демократия». С. 153.

приговоры были широко известны, поскольку печатались в газетах. Кроме того, число расстрелянных, которые были захоронены на расстрельных полигонах в Подмосковье, а не были кремированы все же было в разы больше, и сокрытие части расстрелов путем кремации тел убитых навряд ли могло существенно изменить ситуацию.

Могло ли за этим стоять что-то еще? Есть ли какая-то иная рациональность, которая могла бы объяснить нам практику кремации расстрелянных «врагов народа»? Почему кремация приобретает два диаметрально противоположных значений — с одной стороны символ предельного престижа, с другой — элиминация самого грязного и нечистого? Хотя окончательное решение вопроса об истоках столь амбивалентного отношения к кремации, позволявшего использовать новую погребальную практику одновременно и для самых статусных, и для самых обесчещенных мертвецов, требует отдельного большого исследования, я полагаю, что важнейшей категорией востребованной советским обществом того времени идеей, приближающей нас к ответу, является идея *чистки*.

Радикальное обновление мира — повестка с которой большевики приходят к власти в 1917 году — в своем основании является глубоко модерной, если вслед за Хобсбаумом понимать под переходом к модерну момент, когда образцом для настоящего перестает быть прошлое и становится будущее[793]. Такого рода следование идеальному образу будущего требует не просто отказа от прошлого, а максимально полного очищения от него. Практика перманентного очищения, *чистки* становится основой большевистского мировоззрения. Новая власть живет в парадигме постоянного очищения настоящего от прошлого, воспроизводства настоящего методом избавления от прошлого, создания еще более современного по отношению к «современному». Это и постоянное избавление и очищение от объектов, практик и агентов прошлого — «старого быта», «бывших людей» и

[793] E. J. Hobsbawm. The Social Function of the Past: Some Questions // Past & Present. May 1972. No. 55. P. 3-6.

«пережитков». Именно неверное, нечистое «прошлое» зачастую ставится в укор членам партии на партийных чистках, и именно от людей с «нечистым прошлым» партия должна все время очищать себя[794].

Понимая постоянное очищение от прошлого как путь в будущее, к созданию нового мира и нового человека, большевики в то же время парадоксальным образом оказываются носителями крайне архаичных практик. Принципиальная важность концепта чистоты для раннесоветских идеологов позволяет нам рассматривать эти практики в контексте идей М. Дуглас о категориях «чистого» и «нечистого» как важнейших культурных константах. С точки зрения Дуглас, важнейшей функцией «чистого» и «нечистого» в культуре является выстраивание и поддержание социальных структур, те или иные ограничения, которые накладывает на нас представление о «нечистоте» как о том, что находится «не на месте» направленны в первую очередь на поддержание устойчивости социальной системы[795]. Для большевизма как политического течения, и как государственной практики идея чистоты имела исключительно важное значение[796]. Практика партийных чисток, проходивших на разных уровнях практически постоянно начиная с 1921 года и до конца 1930-х годов, постепенно становится едва ли не основным большевистским ритуалом, рекурсивной практикой, которая находит свой закономерный итог в партийных чистках 1937 года, более известных как Большой Террор. Чистка партийных рядов предполагала избавление партии от всего, что в терминологии Дуглас «находится не на месте», от тех, кто сознательно или в силу заблуждений уклонился от линии партии, чье поведение не соответствует требованиям, предъявляемым к коммунистам, тех, кто «примазался» к партии для достижения своих личных целей, или для подпольной

[794] Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 2003. P. 23.
[795] Дуглас М. Чистота и опасность: пер. с англ. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. С. 235-236.
[796] Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 2003. P. 208.

контрреволюционной деятельности. Проблема очищения партии, определения и отделения тех, кто не является настоящим большевиком, становится основой формирования нормативной советской субъективности с одной стороны, и поддержания нового социального порядка с другой[797].

В то же время, идеи чистоты и постоянного очищения себя выходили далеко за пределы партийной жизни большевиков. Как было сказано выше, именно изменившееся отношение к чистоте и скверне, исходящей от тела умершего, становится отправной точкой модерного кремационного движения. Идея чистоты, столь важная для кремационного движения в целом, сохраняет свое первостепенное значение и для советских кремационистов. Идея чистоты кремации, однако, выходила далеко за рамки чисто санитарного аспекта чистоты.

Одним из центральных вопросов раннесоветского кремационного дискурса становится вопрос преодоления телесности[798]. Кремация становится технологией, которая может оградить тело от всех скотологических деталей процесса гниения. Брошюры, пропагандирующие кремацию, очень подробно описывают процесс разложения и гниения трупа, как именно и в каком порядке насекомые съедают части тела.

«*Каждому лицу при взгляде на умершего бросаются в глаза те резкие изменения, которые происходят на теле и лице усопшего вскоре же после прекращения жизни, не говоря уже о распространяемом неприятном и тяжелом трупном запахе.*

Чем вызваны эти изменения и в чем их причина?

Дело в том, что с прекращением сердечной деятельности и омертвением всех органов, фактически не вся жизнь в организме человека остановилась и прекратилась. Действительно, научно доказано, что в

[797] Ibid. P. 283-337.

[798] Об этом см. также Соколова А. «Вместо сжирания червями трупы людей в крематориях будем жечь»: кремация как технология чистоты в раннесоветском дискурсе // Новое литературное обозрение. 2020. № 3 (163). С. 79-95.

кишечнике, например, продолжается жизнь и деятельность микроорганизмов, которые и выделяют ферменты, вызывающие эти хорошо всем знакомые первые признаки разложения. Им помогают своей работой так называемые клеточные аутолитические энзимы. Затем в земле этот процесс гниения органических веществ, сопровождаемый выделением дурнопахнущих газов (вследствие разложения без доступа кислорода), продолжается. <…> В этот период гнилостные бактерии проникают в ткани и полости тела, как уже было сказано, из кишечника. <…> Есть и еще один крайне любопытный фактор, предназначенный для разрушения организма трупа. Это—могильные насекомые. Нужно указать, что особенно любопытным и интересным в этом вопросе является не сам всем хорошо известный факт появления в могиле на трупах насекомых, жуков, клещей и т. д., а та поразительная закономерность, то остроумное распределение ролей и та организация и задачи, которые выполняются нижеприведенными представителями могильной фауны (т.-е. животного царства). <…> Итак, мы видим, как у каждого из описанных видов насекомых имеется определенное и твердо установленное временем задание по разрушению и постепенному уничтожению трупа и как один вид приходит на смену другому для продолжения той же цели. Обращаем внимание читателя еще и на то, что в первые еще чаш по прекращении жизни, наша всем хорошо знакомая домашняя муха («musca domestica») успевает положить в доступные ей места яички, которые превращаются в личинки и вот эти то личинки и начинают свою разрушительную работу. Вообще из приведенных в таблице насекомых большинство производит, как, например, муха, предназначенную работу в виде личинок, а не в виде взрослого насекомого»[799].

В случае же кремации этого не происходит и тот же результат достигается без неприятного участия червей. Вслед за своими европейскими предшественниками, открыто искавшими компромисс с учением Церкви,

[799] Бартель Г. Кремация / сост. Г. Бартель; под ред. Ф.Я. Лаврова. М.: М.К.Х., 1925. С. 13-16.

большевики отдельно подчеркивают, что пепел, получаемый в результате горения тела в кремационной печи полностью идентичен праху, получаемому в результате тления. Разница состоит лишь во времени достижения этого результата — если в земле тело разлагается 5-7 лет, то в кремационной печи этот процесс занимает не более двух часов. Кремация как модерная практика, позволяет, таким образом, технологически ускорить время, изъять из будущего приметы настоящего (гниение, распад, потеря связности и — в случае человеческого тела — идентичности) и, таким образом, приблизить его. Одновременно, эта технология позволяет изъять из будущего тот вред, который неизбежно принесет нечистота, имманентно присущая разлагающемуся телу:

«*Кроме того, что место под кладбищем пропадает без пользы для жизни, кладбище заражает еще и соседние с ним места. От гниющих трупов идет смрад и заражает воздух. Черви, поедающие покойников выползают из могил на поверхность земли и могут развести заразу, если человек умер от какой-нибудь заразной болезни*» [800].

Кремация позволяет не просто контролировать или оградить нечистоту, исходящую от мертвого тела, она позволяет создать принципиально иной вид останков — стерильно чистый белый пепел. Более того, кремация позволяет навсегда сохранить прах в целости, поскольку «приятнее собрать и сохранить прах дорогого нам человека, чем знать, что его кости, не разрушающиеся в течение сотен лет, могут быть впоследствии разбросаны»[801].

Отсюда проистекает еще одно крайне важное свойство кремации: посредством сжигания можно редуцировать труп умершего к чистому белому пеплу — элементарному веществу, не содержащему каких-либо примесей. Технологии кремационных печей, подчеркивают апологеты этого способа

[800] ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 644. Л. 49
[801] Енш А.К. Очерки санитарной техники. Кремация. СПб.: Слово, 1910. С. 9.

погребения, таковы, что тело сгорает полностью и весь пепел осаждается в специальную емкость. Более легкий пепел от гроба и цветов сильной тягой вылетает в трубу. Именно по этой причине гроб может быть сделан либо из легких пород древесины, либо из цинка. Последний при температуре в 1000 градусов не сгорает, а испаряется, не загрязняя кремационный пепел[802]. Это существенно отличает кремацию от трупоположения, поскольку при традиционном способе погребения тело человека, поедаемое червями, насекомыми, микробами, загрязняется, рассредоточивается, смешивается с другими веществами и землей, теряя свою целостность и, в конечном счете, идентичность. Таким образом, кремация начинает интерпретироваться одновременно как, , технология деконструкции телесности, возвращающая человеческую плоть в состояние идеального, гиперстерильного праха, тем самым сохраняющая уникальную идентичность, и как технология, исключающая привычные приметы смерти, то есть как идеальный способ утопического вытеснения смерти, создания современности, очищенной от умирающего прошлого, и будущего, очищенного от несовершенной современности, загрязненной прошлым.

Основополагающие идеи кремационного движения оказываются крайне сходными с базовыми практиками партии большевиков. Возможно, именно через призму сложного и многогранного — одновременно модерного и архаичного — концепта чистоты и постоянного очищения стоит рассматривать практику сожжения тел расстрелянных «врагов народа» в Донском крематории. Если для признанных лидеров (как политических, так и культурных) нового государства, таких как Киров или Маяковский, кремация становилась *технологией чистоты*, способной не допустить загрязнения приметами смерти (гниением, распадом, потерей формы) правильного настоящего и правильного будущего, с которыми ассоциировалась деятельность этих людей, то при сжигании тел расстрелянных речь могла идти

[802] Там же. С. 17.

скорей об окончательном уничтожении их «нечистоты» и, вместе с тем, той символической угрозы, которую они несли в себе. Более того, даже риторика, при помощи которой большевистские идеологи определяли ту опасность, которая исходит от врагов-оппозиционеров, была сходна с той, которая обозначала опасность, исходящую от мертвого разлагающегося тела. «Троцкистская зараза», гады, крысы, вредители, «политические трупы» — все это термины заимствованные из эпидемиологического языка. Неверными, ошибочными контрреволюционными взглядами можно заразиться также как тифом или холерой, и опасность исходит не только от активных оппозиционеров, но и от «политических трупов», как в переносном, так и в прямом смысле, и только полнейшая элиминация может остановить распространение заразы. За обвинительным приговором следовало полнейшее уничтожение любой формы социальной памяти о «врагах» — ретушь фотографий и имен в книгах и учебниках, выпадение прежних заслуг из исторического текста, отречение родных и близких. Такого рода попытка гражданского уничтожения, переходя на символический уровень, находила свое предельное выражение в кремации тел поверженных врагов и смешении их прахов.

Символично, что в обоих случаях в результате получался тот самый гиперстерильный белый пепел. Если сожжение первых должно было символизировать большевистскую утопию смерти как стремления к «чистому будущему», то сожжение вторых в согласии с традиционными представлениями о необходимости уничтожать огнем тела самых страшных преступников, было призвано очистить советский мир от страшной скверны — врагов народа. Как бы то ни было, и в том и в другом случае кремация позволяла претворить «идейную чистоту» в жизнь. Чистота кремационного праха позволяла полностью и без остатка уничтожить «врагов», реализовать тот самый «высший суд над теми, кто подлежал казни», о котором говорил Сталин, аргументируя свое отрицательное отношение к кремации Ленина. Косвенно это подтверждается тем фактом, что судьба останков зависела, по-

видимому, от того, какой орган принимал решение о расстреле. В случае, если это было Московское управление НКВД, то захоронение с большей вероятностью происходило на Бутовском полигоне, в тех случаях, когда решение принималось в Центральном управлении НКВД — тела везли в Донской крематорий.

Возможно, именно в стерильной чистоте кремационного праха кроются основания того амбивалентного отношения к кремации, которое позволяло использовать ее как для утилизации тел национальных лидеров, так и врагов народа. Стерильный, не содержащий примесей, запаянный в металлический капсюль и замурованный в кремлевскую стену, прах виднейших большевиков, не опорочивших себя связями в той или иной оппозицией, представлял собой стерильный большевизм, создававший идеальное сакральное пространство, которое не могло быть скомпрометировано ничем. Аналогичным образом процедуре кремации подвергались и высшие партийные чины коммунистического Китая. По мнению Д. Дэвиса причиной этого является стремление уравнять могилы партийной номенклатуры с тем, чтобы ни одна из них не могла стать предметом отдельного особого культа[803]. Таким образом, признанные лидеры коммунизма, с одной стороны, удостаивались индивидуального захоронения гиперстерильного праха, а с другой — особая форма такого рода захоронения не позволяла выделить кого-то отдельно, создавая обобщенный культ «строителей коммунизма». Единственным политическим захоронением, вокруг которого мог возникнуть отдельный культ оставался мавзолей Ленина. В то же время, очищенный, дезинфицированный прах самых опасных врагов народа, сброшенный в общие «ямы невостребованных прахов» был предельно де-персонифицирован, он не оставлял после себя ни малейшей потенции к памяти. В пользу того, что важнейшей задачей при захоронении тел расстрелянных было не сокрытие следов как таковое, а предотвращение

[803] Douglas, D. Death, Ritual and Belief: The Rhetoric of funerary Rites. London: Bloomsbury Academic, 2017. P. 41.

любых форм памяти вокруг захоронений политических противников, говорит и то, что именно таким образом руководство НКВД формулировало задачи перед подчиненными. Так, в своем выступлении на совещании начальников отделов НКВД Западно-Сибирского края, начальник управления НКВД по З-С Краю С. Миронов в частности говорил о том, каким образом должно быть подготовлено место приведения расстрелов в исполнение: «Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн, и потом этим дерном покрыть это место, с тем, чтобы всячески конспирировать место, где был приведен приговор в исполнение, потому что эти места могут стать для контриков, для церковников местом религиозного фанатизма»[804]. Стерильные белые прахи, сваленные в общие безымянные ямы, не могли стать местом такого рода поклонения.

По иронии судьбы Первый Донской крематорий имел один технологический недостаток. При строительстве кремационных печей и монтаже оборудования представители МКХ постоянно торопили немецких представителей фирмы Топф, стараясь максимально приблизить открытие крематория. В результате в ходе одного из первых опытных сжиганий печь была недостаточно просушена, и в стенке генератора образовалась трещина. В итоге «самое главное договорное условие — сгорание трупов в раскаленной струе воздуха — фирмою (Топф — А.С.) не выдержано: во внутренней стенке генератора имеется отверстие, соединяющее генератор с камерой (под колосниками), через которую в камеру проникают генераторные газы даже при закрытом генераторном шибере»[805]. На практике это означало, что кремационный прах не получался идеально белым, каким он должен был быть при горении в струе воздуха, поскольку в него из топки попадали генераторные газы и сажа.

[804] Slezkine Y. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 763.
[805] ГАМО Ф. 4557. Оп. 8. Д. 643. Л. 429об.

Вдохновенные размышления о чистоте и совершенстве кремации соотносились с реалиями советского погребения в той же степени, что и теоретические дискуссии тогдашних урбанистов и дезурбанистов -- с отсутствием самого необходимого, например -- канализации и водопровода в подавляющем большинстве городов страны[806]. Достаточно сопоставить докладные записки советских функционеров о состоянии похоронной индустрии и тексты апологетов кремации 20-х годов, чтобы понять -- утопический проект идеального способа погребения, при котором смерть «чиста и бестелесна», не имел ничего общего с повседневными практиками того времени. Установка на преодоление телесности и идея гиперстерильности праха в советской России сочетались с крайне непочтительными практиками обращения с телами умерших в реальности. Жесткие реалии революции и гражданской войны вырабатывают в обществе того времени своего рода «привычку к смерти». В условиях крайне высокого уровня смертности, кризиса снабжения и разрушения традиционных институтов, бравших на себя заботу об умерших, проблема погребения трупов приняла в молодой Советской России поистине катастрофический характер.

6.3 Бессмысленность обычных похорон как норма: две утопии советской смерти

История похоронной культуры в СССР в целом следует более глобальным процессам Советской истории. На смену бурной утопической фантазии и радикальному реформаторству первых лет Советской власти пришло «вынужденное отступление» периода Новой Экономической политики, позволившей за счет вынужденных компромиссов и фактической реставрации экономических оснований похоронного дела, функционировавшего до 1917 года, стабилизировать работу советской

[806] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. С. 64-67.

похоронной отрасли. Как переход от продразверстки к продналогу способствовал разрешению ситуации с хлебозаготовками и снабжением городов, временный возврат к рыночной экономике возродил многочисленные бюро похоронных процессий в Российских городах. Вынужденные арендовать у Советов свое собственное имущество, муниципализированное пятью годами ранее, они тем не менее могли продолжать работу и вполне удовлетворять потребности населения в похоронных услугах. Кладбища, переданные в аренду общинам верующих разных конфессий, то есть тем, кому они фактически принадлежали до 1917 года, если и не были повсеместно приведены в нормальное состояние, то по крайней мере получили минимальный надзор и уход. Классовый принцип оплаты погребения, введенный в 1923 году, в рамках формирования новой системы «советских сословий» относил к ним не только живых граждан Союза, но и умерших (например, детей рабочих или детей служащих), подтверждая тот факт, что как и старые сословия, принадлежность к новым советским классам наследуется из поколения в поколение[807].

Важнейшая часть похоронной реформы — введение кремации — испытывало те же проблемы, что и другие крупные инфраструктурные проекты этого периода. Строительство первого в СССР крематория, начавшееся в конце 1925 года и окончившееся вместе с эпохой НЭПа в 1927-м, ознаменовало новый этап развития похоронной культуры, также совпавший с новым поворотом «генеральной линии партии» в стратегии развития страны. Несмотря на безграничный энтузиазм, экономика военного коммунизма исключала успешную реализацию сложных технологических проектов такого рода. В общем равнодушной к кремации была и НЭП с ее установками на хозрасчет и жесткую бюджетную экономию. Лишь индустриальный поворот второй половины 1920-х годов сформировал условия, благоприятные для реализации кремационного проекта, который наряду с тяжелой

[807] Fitzpatrick Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // The Journal of Modern History. 1993. Vol. 65(4). P. 745-770.

промышленностью стал рассматриваться как знаковое технологическое достижение, а не очередной эпизод стремительно теряющих актуальность карнавальных антирелигиозных кампаний 1920-х. Кремационный проект стал единственным элементом государственной похоронной инфраструктуры, который смог получить полную финансовую и управленческую поддержку государства. Архитектурный конкурс, импорт кремационных печей, своевременное снабжение материалами, многократное увеличение кредитов на постройку — все это сильно отличалось от обычных советских методов управления похоронным делом. К началу 1930-х годов становится ясно, что развитие кремации — единственное перспективное направление похоронного хозяйства.

Переход от НЭПа к плановой экономике, коллективизации и форсированной индустриализации сопровождался централизацией всех управленческих процессов, оставив в прошлом характерный для 1920-х годов разрозненный набор утопических начинаний. Изменился и способ администрирования похоронного дела. Передача похоронного обслуживания в абстрактное «ведение местных советов» с одной стороны позволило вписать его, наряду с другими функциями Советов, в пятилетние планы народного хозяйства, а с другой — в очередной раз сделало очевидным факт, что массовое похоронное администрирование остается рационально неосмысленной, но крайне расходной статей местных бюджетов, которая вполне может быть тихо списана со счетов. Кремация остается единственным направлением, вызывавшим интерес властей. Однако, несмотря на начавшееся строительство нескольких крематориев в 1930-е годы, лишь крематорий в Харькове («третьей столице» наряду с Москвой и Ленинградом) был введен в эксплуатацию. Строительство остальных было заморожено на разных стадиях в первую очередь по экономическим причинам. При всем значении, которое придавали активисты развитию кремации, последняя явно не могла конкурировать со строительством металлургических комбинатов, электростанций и метро.

Переход к стадии «отвердевания» культуры, сменившей на рубеже 1930-х эпоху необузданного утопизма и охарактеризованный В. Паперным формулой перехода от «Культуры 1» к «Культуре 2»[808], сопровождался не всегда очевидными, но существенными изменениями в интерпретации смерти и политике обращения со смертью — факторов, формирующих мортальную культуру общества. В применении к 1930-м годам речь идет не только о завершении реформаторской фазы похоронной культуры раннего СССР, но и итоговой в отношении этой фазы попытке создания новой похоронной нормы — еще одной инициативе власти, на этот раз связанной с проектом «Постановления СНК СССР о погребении», который датируется 1937 годом.

Как отмечает Добренко, «сталинизм вводил новую темпоральность: Завершенное Будущее <…>. Заново отстроенное прошлое оказывается идеалом, моделью будущего (либо в прямой проекции, либо «от обратного»). Ту же роль, которую в революционной культуре играет будущее, в сталинской культуре играет прошлое»[809]. Манифестом этого завершенного будущего становится новая «Сталинская» конституция, принятая в 1936 году. Новая конституция декларировала, что социализм в СССР в целом построен, а значит утопия революции 1917 года в общих чертах стала реальностью. Основой этой новой реальности стало новое бесклассовое советское общество, в котором нет эксплуатации и частной собственности, и в котором все граждане, в меру сил вносящих свой трудовой вклад в общее дело, имеют равное право на труд и отдых, а также определенный набор социальных гарантий, таких как образование, медицинское обслуживание, материальное обеспечение в старости и болезни и др.

В контексте новой темпоральности, коррекции и пересобирания советской идеологии менялась и политика обращения со смертью. Окончание эпохи борьбы и строительства социализма «в отдельно взятой стране»,

[808] Паперный В. Культура два. М.: НЛО, 1996. 416 с
[809] Добренко Е.А. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: НЛО, 2008. С. 18.

означало, по крайней мере на уровне риторики, неизбежное возвращение к вопросу о социальном государстве как основе «социалистического» общества в противовес «капиталистическому»[810]. Вместе со свершившимся будущим приходит и время заботы о прошлом, а вместе с этим и о его непосредственном проявлении — похоронах, памяти об умерших и похоронном деле. В процессе переопределения и пересборки общественно значимых понятий, запущенном сталинской Конституцией, понятие смерти также требовало конструктивного переосмысления (какой должна быть «правильная» практика обращения с мертвым телом в советском обществе?) и семантической формализации (какой «правильный» смысл должен стоять за подобного рода действиями?). В 1937 году Народный комиссариат коммунального хозяйства подготовил проект «Постановления СНК СССР о погребении», который по-новому очерчивал видение похоронной культуры в социалистическом обществе.

Уже сама преамбула постановления свидетельствует о том, что не только «брошенное» состояние похоронного дела, но и государственное отношение к рядовой смерти требовало ревизии:

«*Во всесторонней заботе о человеке в полном соответствии с гуманным духом Сталинской Конституции, немаловажную роль для родных и близких, и зачастую для общественности играют вопросы, связанные со смертью человека, с его погребением равно как и с должным сохранением памяти о нем. Поэтому весь комплекс вопросов о погребении должен быть поставлен у нас на должную высоту, отвечать возросшим культурно-бытовым потребностям, мировоззрению и духу советского гражданина, и соответствовать современным требованиям гигиены, санитарии, техники, планировки, садово-парковой и архитектурно-скульптурной культуры*»[811].

Несомненно, «забота о человеке» и «гуманный дух» никак не могли быть названы в числе ключевых подходов к похоронной культуре, которые

[810] Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 20, 23, 227.
[811] ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 4.

сформировались в предыдущие два десятилетия. Между тем, дальнейший текст постановления, изложенного на 10 листах, предлагает целый комплекс мер для того, чтобы поставить вопрос о погребении «на должную высоту», оформив и зафиксировав важные и позитивные (с идеологической точки зрения) изменения в похоронной культуре.

Первый же пункт проекта косвенно отсылает к самому резонансному и не типичному случаю похорон в СССР — сохранению тела Ленина посредством бальзамирования. Заметим, что если бы не «казус Ленина», вопрос о статусе бальзамирования — совершенно неактуальной практики в советском похоронном деле — вряд ли бы возник вообще. Между тем проект Постановления признает экзотичную для СССР технологию бальзамирования равноправной наряду с двумя другими погребальными формами — захоронением в земле и «огненным погребением», то есть кремацией[812].

Но гораздо более важным в этом проекте является то, что он прямо легитимирует сложившийся двойной принцип советских похорон. Особые «торжественные похоронные процессии выдающихся деятелей, как имеющие общественное или политическое значение» имеют, согласно этому тексту, определенные преимущества по отношению к похоронам рядовых граждан. Такого рода процессии могут, с разрешения местных советов, присутствовать в публичном пространстве советских городов. В то же время проект объявляет нежелательным присутствие в публичном пространстве «неторжественных» обычных похорон, подводя своеобразный юридический итог процесса десемантизации смерти. похоронные процессии советских людей, не оставивших, по выражению Энгельса, после себя «некий жизненный принцип», продолжают представлять проблему и согласно проекту Постановления должны быть вытеснены из публичной сферы. Фактически проект Постановления возвращается к острой ситуации десемантизированной смерти, зафиксированной 20 лет назад на заре реформы советской похоронной

[812] Там же.

отрасли: раз тело умершего в скором времени распадется на набор микроэлементов, то похоронная процессия — это всего лишь «разлагающееся тело в ящик[е] определенной формы, обтянутый красной материей», который «для вящего почета несем до могилы, кряхтя и обливаясь потом»[813]. Однако, в 1937 году констатация «бессмысленности» смерти предстает уже не как растерянность, а как новая норма: согласно проекту «бессмысленные» процессии, «нарушающие правильность уличного движения и производящие тяжелое впечатление на прохожих и в особенности на жителей магистралей, ведущих к кладбищам, в городах (от 50.000 чел и больше) должны быть изжиты и уступить место следующему порядку: умершего перевозят в темное время дня в имеющиеся при кладбищах и крематориях специальные помещения для временного хранения умерших, где по желанию родных или учреждений разрешается в установленные часы производить обряды и ритуалы прощания с умершим»[814]. Таким образом, похороны простого человека как непонятные, смущающие умы, не вписывающиеся в реалии нового социалистического города, должны быть элиминированы из общественных пространств, в буквальном смысле вытеснены в пространство невидимого. То же самое относится и к ритуалу прощания. Язык проекта здесь тоже предельно откровенен: при обычных, не «особо торжественных» погребениях «ритуал прощания с умершим при открытом гробе, как увеличивающий и обостряющий остроту переживаний следует, как правило, избегать»[815].

Места для мертвых не находится даже на кладбище. Проект фиксирует результаты серьезного переосмысления места кладбищ в послереволюционный период, а также намечает направление, в котором они должны развиваться. Отбросив все пережитки прошлого, кладбища должны

[813] Вересаев В. В. Об обрядах старых и новых. М.: Новая Москва, 1926. С. 6.
[814] ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 4-5.
[815] Там же. Л. 5.

стать не местами памяти об умерших, а очагами культуры в новых советских городах:

«*Кладбище, из былых источников мистики, суеверия, вековых предрассудков, неисчерпаемых доходов духовенства (поговорка: «Церковь живет мертвецами»), а также из выгодного эксплоататорским классам рассадника косности, должны превратиться в культурные уголки города, отвечающие специфике своего назначения и служащие для удовлетворения эстетических потребностей и развития культурных вкусов населения. <…> Подчиняя единой системе планировки и растительные группировки, необходимо функционирующие кладбища превратить, в зависимости от существующей обстановки, в единый массив или в садовопарковую площадь прогулочного назначения*»[816].

Кладбища должны не напоминать нам о прошлом, а быть свидетельством состоявшегося будущего. Они должны создавать тот образ, который спустя время станет прошлым:

«*Кроме того, принимая во внимание, что кладбища служат некоторым документом исторического порядка, характеризующим данную эпоху, следует сугубо обратить внимание на дело оформления могил (памятники, ограды, декоративно-цветочное убранство и проч.), внести новые формы, материалы, символику, отвечающие духу времени и отображающие его героику*» [817].

Требования к модернизации кладбищенского пространства и практик также не говорят ничего ни о рядовых умерших, ни о пространствах памяти. Кладбища должны иметь въезд и ворота обработанные солидно и красиво, «зал для прощания с соответственной меблировкой для сидения, с фисгармонией или пианино»[818], в дополнение к этому «кладбища рекомендуется использовать для опытных посадок новых форм

[816] Там же. Л. 9.
[817] Там же.
[818] Там же. Л. 10.

растительности, т.е. превращать их в экспериментальные базы (например, для проведения опытов по акклиматизации деревьев, кустарников и цветов) соответствующими научными учреждениями, специалистами-учеными и практиками» [819].

Единственные захоронения, которым уделяет внимание проект — это «погребения выдающихся лиц (героев, общественников, деятелей науки, искусств, стахановцев, и т.д.)». Эти особые категории советских граждан сохраняют свои привилегии и после смерти. Для их похорон должны быть разбиты «специальные почетные участки и аллеи», которые должны формировать собой единый художественный комплекс[820]. Таким образом, похоронная культура конца 1930-х годов — это в первую очередь торжественные похороны «выдающихся лиц».

Как видим, основной формой заботы о рядовом человеке в новом гуманном духе является максимальная элиминация смерти из пространства живых. В мире «построенного социализма», в котором жить уже стало веселее, в этом мире победившей юности, перевозить умерших следовало только ночью, хоронить — не открывая гроба, чтобы никто из живых не получил «тяжелого впечатления». И напротив, в случае смерти «выдающихся лиц» впечатления от похорон тоже должны быть выдающимися — «торжественными». В терминах проекта 1937 года феномен смерти, таким образом, инсталлирован в ситуацию двойной утопии: утопии статусной смерти — смерти не как события завершения, а смерти как акта творения правильного будущего, акта, который должен получить максимальную манифестацию в публичном пространстве, и утопии обычной десемантизирующейся смерти, которая должна быть максимально изъята из публичного пространства.

[819] Там же. Л. 11.
[820] Там же. Л. 10.

Между тем, десемантизация «обычной» смерти опять вступала в противоречие с принципами социального государства, которые вновь заставили поднять мучительный для советского похоронной отрасли вопрос о состоянии ее инфраструктуры. «В целях осуществления дальнейшего снижения расценков, упорядочения всего дела погребения и поднятия его на должную культурную высоту» проект Постановления предлагает ряд мер. В первую очередь для решения этих задач необходимо было, как и в 1919 году, получить информацию. Советское коммунальное начальство в очередной раз не имело ни малейшего представления о том, что представляет из себя вверенное ему похоронное дело. По этой причине Постановление предписывало всем «Наркоматам Коммун.Хоз. ознакомиться с постановкой всего дела погребения и похорон в городах (от 10.000 жителей и выше) с существующими расценками, правилами, местными обычаями, с состоянием кладбищ и кладбищенского хозяйства и прислать подробные отчеты (можно подлиные оригиналы с мест) не позже 31/XII-1937г.»[821]. Органом, ответственным за изучение и систематизацию полученных отчетов и который должен был «составить сводную картину всего комплекса дела погребения на предмет выработки тех условий, которые могут обеспечить правильную во всех отношениях постановку дела погребения в СССР» должна была стать недавно созданная Академия Коммунального Хозяйства в Москве. Эта работа должна была быть закончена до конца 1938 года[822].

Постановление предлагало еще одну попытку решения нерешаемой в рамках имеющегося набора ценностей проблемы финансирования похоронного дела — на этот раз путем выделения его в особую отрасль. Однако, в отличие от более ранних опытов, в центре похоронного обслуживания должно было оказаться не захоронение умерших как таковое, а производство похоронных принадлежностей в самом широком их понимании. Так, «НККом.Хоз. РСФСР предлагается создать, с правом снабжения

[821] Там же. Л. 6.
[822] Там же. Л. 6-7.

потребностей всего Союза, ОБРАЗЦОВУЮ МЕХАНИЗИРОВАННУЮ ФАБРИКУ специально по производству всех аксессуаров похоронно-погребального быта, включая скульптурно-художественный цех по созданию художественных надгробий, урн и т.п. Совместно с архитектурными институтами разработать богатый и многообразный по материалам, по формам, по замыслу, по символике ассортимент всевозможных оформлений могил, (начиная с самых дешевых) и отвечающих духу нашей эпохи. В отношении оформления могил растениями — привлечь соответствующие научные и производственные учреждения, а также специалистов изобретателей, изучить вопрос о возможном введении механизации в дело погребения (например облегчение переноски гробов вручную, перевозки гробов на территории кл-щ на соответствующих легкопередвигаемых каретках или автокарах, опускание гроба в могилу и пр. Во всех столицах и городах с населением в 100.000 чел. и выше ввести в течение III пятилетки автобусы <...> включить в программу 1938 г. изготовление для всего Союза 200 похоронных автобусов»[823].

Однако, так же как и при всех предыдущих попытках, экономическая проработка этого плана вызывает лишь улыбку. Проект предполагал строительство больших объемов новой инфраструктуры, в том числе — «на всех кладбищах и в крематориях срочно построить новые здания для временного хранения умерших или соответственно приспособить имеющиеся на кладбищах или в крематориях подобающие для этого случая помещения»[824], а также существенное увеличение объемов производства и улучшение качества гробов, венков, украшений, памятников, оформления могил и т.д. «при одновременном снижении всех расценков на 25%»[825].

Нам не известно, был ли принят данный проект постановления, так же, как и то, кто именно стоял за его составлением, однако, очевидно, что этот

[823] Там же. Л. 7-8.
[824] Там же. Л. 5.
[825] Там же. Л. 6.

текст, даже если он и не имел прямых последствий, отражал меняющуюся реальность и вектор развития. По всей видимости, проект Постановления 1937 года отражал и формировал определенные политические и административные тенденции, которые развивались на всем протяжении 30-х годов. Так, в конце этого десятилетия, в полном согласии с проектом, администрирование похоронного дела снова изменяется. Учреждения похоронного обслуживания — кладбища, бюро, мастерские и т.д. — еще недавно переданные в неоформленное управление Советов, выделяются с городские Тресты похоронного обслуживания населения. 4 марта 1938 года согласно Постановлению Президиума Московского Совета РК и КД все похоронное дело в городе Москве было объединено в один городской трест похоронного обслуживания, в состав которого вошли Центральное похоронное бюро, межрайонные похоронные бюро города Москвы, все городские кладбища и крематорий[826]. Аналогичные процессы происходили и в других городах. Фактически это означало выделение похоронного дела в отдельную, отчасти самостоятельную, отрасль советского коммунального хозяйства.

К сожалению, документация похоронного дела в СССР, относящаяся ко второй половине 1930-х годов и позднее, представлена разрозненным и крайне фрагментарным набором документов, отложившихся, в основном, в фондах смежных организаций или контролирующих органов. Поэтому, непосредственных данных о том, как проходило формирование трестов похоронного обслуживания в разных городах страны у нас на данный момент нет. Материалы свидетельствуют о том, что таких данных не было, по-видимому, и у властей. По крайней мере, следующий этап обращения к этой теме вновь начинается именно со сбора сведений с мест. СНК СССР возвращается к вопросу о состоянии похоронного дела в стране в апреле 1942 года.

6.4 Ревизии похоронного дела в послевоенный период

[826] ГУП «Ритуал» отметило 75-летие [Электронный ресурс] // mos-ritual.ru.

Обращение к проблеме гражданских похорон на городских кладбищах, расположенных в тылу, именно весной 1942 года вызывает удивление. Казалось бы, в течение долгого времени удручающее состояние похоронного дела в стране не слишком беспокоило власти, и вот сейчас, в тот момент, когда наступление немецких войск еще не остановлено, за год до переломного момента, связанного с победой в Сталинградской битве, тогда, когда идут битвы под Москвой и Ржевом, Наркомат коммунального хозяйства начинает обширную операцию по изучению состояния похоронного дела и налаживанию системы похоронного обслуживания в стране. Отметим, что в данном случае речь не идет о военных потерях, или умерших в госпиталях, а о мирном населении, о рядовых смертях жителей тыловых городов. Сложно сказать, насколько обращение к проблеме похоронного обслуживания в момент наибольшей мобилизации и напряжения, было сопряженно с большим количеством жертв и смертей или со страхом того, что чудовищный послереволюционный похоронный кризис может повториться. Интересным также представляется тот факт, что некоторые регионы, которые входили в ревизию, несколько недель спустя были оккупированы немецкими войсками, как например, Калмыкия.

Какова бы ни была причина, согласно приказам СНК РСФСР № 29 от 23.01.1942 и №419 от 11.04.1942 г. Похоронное хозяйство городов РСФСР должно было быть подвергнуто обширной ревизии. По имевшимся у СНК сведениям «органы коммунального хозяйства совершенно неудовлетворительно руководят работой похоронных бюро в населенных пунктах РСФСР. СНК обязал Наркомхоз и Наркомздрав принять срочные меры по улучшению работы похоронных бюро и в двухнедельный срок информировать СНК»[827]. Однако, оказалось, что в положенный срок двух недель Наркомхоз не может не только исправить положение, но даже и предложить какие-то меры по ее улучшению, поскольку не знаком с

[827] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 3. Д. 563. Л. 1.

ситуацией. Потребовалось командировать работников в города РСФСР с ревизиями для того, чтобы узнать о ситуации — настолько это было вне интересов Наркомхоза. Им потребовалось время с апреля по июль, то есть три месяца для того, чтобы осмыслить ситуацию, выявить основные проблемы и предложить пути из решения.

Проведенные ревизии в городах РСФСР фактически показали не конкретные проблемы в похоронном деле, которые могут быть решены тем или иным способом, а отсутствие в стране похоронного хозяйства как такового. Из Приказа Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР №385 от 21 июля 1942 года:

«*Проведенным Наркомхозом РСФСР обследованием и из полученных сведений с мест установлено, что в ряде городов похоронное дело поставлено неудовлетворительно (Чебоксары, Владимир, Мурманск, Архангельск, Казань, Элиста).*

В некоторых городах нет специальных организаций, ведающих похоронным делом (города Чувашской, Калмыцкой АССР; Свердловской области), большинство городов не имеет мастерских по изготовлению гробов и похоронных принадлежностей.

В ряде городов не имеется специального транспорта для перевозки тел умерших (Владивосток, Чебоксары, Архангельск, Йошкар-Ола)

Кладбищенское хозяйство запущено и много кладбищ неблагоустроено.

Вследствие неудовлетворительного состояния похоронного дела тела умерших, в отдельных случаях, находились в квартирах свыше установленного срока.

Отмеченные факты показывают, что Наркомхоз АССР, заведующие отделами Облкрайкомхозами и Горкомхозами считают похоронное обслуживание второстепенным делом, недооценивают его политического и

санитарного значения и не уделяют внимания этому важнейшему участку работы коммунального хозяйства»[828].

Было ли осознание большого политического значения похорон членами СНК РСФСР тяжелыми воспоминаниями о похоронных кризисах времен гражданской войны, которые актуализировались с наступлением Великой Отечественной войны, или это продолжением тех реформ, которые были намечены в проекте Постановления СНК РСФСР конца 1937 года, однако, в «целях немедленного улучшения похоронного дела» всем ответственным организациям было приказано в месячный срок наладить похоронное обслуживание гражданского населения в городах: организовать похоронные тресты или похоронные бюро, «выделить из городского коммунального транспорта для трестов и бюро похоронного дела необходимое количество лошадей с упряжью и автомашин, запретить использовать вверенный транспорт не по прямому назначению», снабдить новые тресты и бюро похоронного дела катафалками и отремонтировать имеющиеся катафалки, организовать при трестах похоронные бюро специальные мастерские по изготовлению гробов и похоронных принадлежностей, отремонтировать и оборудовать существующие при кладбищах морги и построить, где не имеется, новые морги упрощенного типа или приспособить для этой цели постройки на территории кладбищ, полностью обеспечить кладбищенское хозяйство необходимым инвентарем и инструментом для приготовления могил, привести существующие кладбища в благоустроенный вид, (сделать проходы и проезды, ограды, привести в порядок зеленые насаждения) и обеспечить охрану кладбищ[829] — одним словом — в месячный срок в военных условиях решить все те проблемы, которые не находили своего решения с начала 1920-х годов.

[828] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 3. Д. 563. Л. 6.
[829] Там же. Л. 6-7.

Год спустя, в марте 1943 года история повторилась[830]. Очередное постановление СНК РСФСР фиксировало «недопустимые факты в деле захоронения покойников»: «В городах Пензе, Кирове, Саратове, Новосибирске, Сарапуле действующие кладбища не охраняются и запущены. В ряде случаев применяется недопустимая практика захоронения в существующих могилах. Имеет место задержка захоронения умерших из-за отсутствия гробов, средств перевозки и рабочей силы для рытья могил (гг. Ижевск, Саратов, Владимир, Архангельск)»[831]. СНК снова предписал городским советам депутатов трудящихся решить все проблемы в месячный срок, организовать похоронные бюро, наладить производство похоронных принадлежностей и т.д.

В целом из ревизий создается ощущение, что никто из сотрудников похоронных трестов и не рассчитывает, что к ним кто-то будет обращаться за помощью в организации похорон. Из ревизии Кирова в 1944 году:

«*Похоронное Бюро магазинов по продаже гробов и похоронных принадлежностей принадлежностей не имеет. Прием заказов на изготовление гробов производится конторой Похоронного Бюро, а отпуск их мастерской по изготовлению гробов, находящейся на расстоянии в 3-х километров от Конторы. Вывески об изготовлении гробов не имеет входная дверь отсутствует заказчики проходят в мастерскую через окно. Помещение не оборудовано и завалено хламом. На день проверки 20 сентября мастерская готовых гробов не имела. С 1 января по 1 сентября 1944 года мастерской изготовлено 126 гробов, а могил выкопано работниками кладбища за этот же период 1145, сопоставляя эти цифры запрос населения удовлетворен лишь на 9%. Качество изготовляемых гробов низкое, поверхностная отделка отсутствует (обивка, окраска), не производится, технических условий*

[830] Стоит отметить, что попытки нормализации похоронного обслуживания в стране не были оторваны от других процессов. Так, во второй половине 1943 года проводятся активные работы по благоустройству городов РСФСР (см.: ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 4. Д. 1519).
[831] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 4. Д. 1716. Л. 11-12.

мастерская не имеет. <...> Транспортные средства похоронному бюро не выделены и перевозка умерших на кладбище не производится». [832]

В тех же случаях, когда работники похоронных трестов все же выполняют свои обязанности, они относятся к ним как к дару или высшему благодеянию, которое требует дополнительного вознаграждения:

«*Имеются случаи незаконного взятия денег с заказчика за услуги мастерской и кладбища. Так мастером Иглиным И.Г. за изготовление гроба 23 сентября 1944 года с гражданки Филимоновой А.С. <...> была потребована дополнительная оплата за ускорение срока изготовления гроба полллитра водки. Копорем могил Мамаево А.А. 19.9 также была потребована дополнительная оплата с гражданки Бавицкой А.Ф. в сумме 50 рублей за рытье могилы, гражданкой Шуляковой Е.М. <...> 10 апреля 1944 года при захоронении умершего родственника в общей могиле уплочено сторожу кладбища 100 рублей. Также имеются случаи отказа в рытье могил <...> мотивируя это отсутствием готовых могил и выходным днем рабочих*.»[833].

Ревизии конца 1940-х и 1950-х годов свидетельствуют о том, что проблемы похоронного хозяйства по-прежнему не находили своего решения. Более того: читая документы этого времени сложно избавиться от ощущения, что похоронная отрасль, претерпев за 30 лет существования Советской власти серию подчас хорошо продуманных реформ, фактически вернулась к тому же состоянию полного распада, в каком ее застали на рубеже 20-х годов первые сотрудники советских муниципальных ведомств. Штаты кладбищ неукомплектованы, могильщиками (подчас — единственными) работают женщины[834], качество продукции предприятий трестов, в первую очередь гробов, из рук вон плохое[835], работники кладбищ навязывают родственникам ненужные услуги («Контора кладбища взымает с родственников плату за

[832] ГА РФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1226. Л. 20-20об.
[833] Там же.
[834] ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 1226. Л. 20, 21.
[835] ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 1226. Л. 11.

подноску гроба к могиле, хотя в реальности родственники такой услугой в большинстве случаев не пользуются»)[836], предприятия городских трестов похоронного обслуживания не в состоянии обеспечить более половины спроса на гробы и другие похоронные принадлежности[837]. Единственной новацией советского похоронного дела оказывается крематорий, но и в его штате «нет ни одного техника или инженера, который мог бы заниматься ремонтом и обслуживанием оборудования»[838]. Хотя непосредственным источником этой проблемы, по всей видимости, является потеря сотрудников в результате военной мобилизации, эту проблему не удавалось решить еще долгие годы после окончания войны.

Несмотря на недоукомплектованность штатов, рабочие трестов систематически используют рабочее время для решения личных проблем. Так, работники Уфимского треста похоронного обслуживания в рабочие часы занимаются личными делами на своих огородах и уходом за скотом[839]. На кладбищах повсеместно процветает коррупция, иногда доходящая до невероятных пределов. Однако, конкретный перечень финансово-хозяйственных нарушений говорит о том, что они по крайней мере от части были вызваны дефектами управления и плохим снабжением материалами. При низком качестве и недостаточно м количестве похоронных принадлежностей, работники кладбищ систематически продают ранее использованные венки или отдельные цветы с них, старые памятники и т.д.[840] Согласно ревизии 1948 года, кремации в Московском донском крематории систематически проводились в гробах без крышек. При этом крышки использовались для решения самых разных хозяйственных задач:

«*За прошедший год из поступивших 2787 гробов крематорий производил расходование крышек: 1. На розжиг кремационных печей,*

[836] ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 1226. Л. 1-19.
[837] ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 4. Д. 222. Л. 5-6.
[838] ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4860. Л. 6.
[839] Там же. Л. 41.
[840] ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 4428. Л. 9, 30.

отопительных котлов котельной и на топку печей административных помещений. 2. На поделку реек для ввода гробов в кремационные печи. 3. На хозяйственные нужны крематория, в том числе: ремонт парников и стеллажей, отделку цоколя административного здания, устройство сарая, устройство навеса внутри двора кремационных печей, обшивку цоколя цветочного магазина, его крыши, изготовление стеллажей».

По всей видимости, эти расходы были связаны именно с недостатком «технической» древесины в хозяйстве крематория. В то же время, «в июле 1948 г. по распоряжению директора Луценко П.Ф. бесплатно был проведен отпуск 20 досок от крышек гробов прорабу ремонтно-строительной конторы треста похоронного обслуживания <...> Белоусову для постройки собственной дачи» и этот факт уже никак нельзя списать на плохое снабжение непосредственных нужд крематория[841].

В этих условиях семьи, желающие похоронить своих близких торжественно, «по-советски» оказываются в наиболее уязвимом положении. Если организовать традиционные похороны вполне можно своими силами, то для советских похорон необходима материальная база, создать которую Тресты не в состоянии. Так, гр-н Парфенов П.Н. 25 июля 1947 г. жалуясь на плохое обслуживание Трестом похоронного обслуживания в Уфе в объяснении пишет, что похороны по-советски для него оказываются фактически недоступны: «18-го сентября 1946 года у меня умер сын Борис. Я желал похоронить его с оркестром, отвести гроб на кладбище на автомашине, сделать венок и другие необходимые почести для дорогого сына, однако в городе такой организации я не нашел. Уфимский похоронный Трест этими вопросами не занимается. Гроб и крест в Тресте взять я отказался, так как они были плохого качества. Поэтому за похоронным обслуживанием я обратился к частным лицам и заплатил им большие деньги. До сего времени я не могу сделать загородку для могилы. Деревянную сделать нельзя. Кладбище не

[841] Там же. Л. 28.

огорожено ее быстро растащут. За металлическую ограду частные лица просят 1600 рублей и делают ее плохого качества. Сейчас у меня умер племянник, хочу захоронить его с оркестром пойду искать по городу частных лиц»[842].

Важнейшей проблемой, которая также не находит своего решения в течение нескольких десятилетий, является переполнение кладбищ. Самые переполненные кладбища Москвы формально закрыты с 1938 года, но захоронения на них продолжаются в нарушение всех возможных санитарных норм:

«*Решение Мосгорисполкома №39 от 10 октября 1937 года, которым с 1-го июня 1938 г. должны быть закрыты 11 кладбищ, в том числе: Ваганьковское, Пятницкое, Алексеевское, Леоновское, Введенские горы и 2 Всехсвятовских — осталось невыполненным и фактически до настоящего времени на этих кладбищах продолжается захоронение умерших. Особенно резко перегружены: Пятницкое, Преображенское, Вагагньковское, Калитниковское кладбища. На Пятницком кладбище участков для захоронения нет, а в 1948 году было захоронено 3890 умерших, на Преображенском — 2157 умерших, на Калитниковском — 2929 человек и т.д. Все это — с нарушением санитарных норм. На Ваганьковском кладбище — до 7 ярусов трупов в одной могиле.*»[843]

Если раньше вопрос об открытии новых кладбищ в городах СССР систематически откладывался в ожидании строительства более технологичных крематориев (как это было при строительстве Магнитогорска), то теперь во все горсоветы получают распоряжение как можно скорее запроектировать и открыть новые кладбища. Однако, расположенные как правило за городской чертой, они не пользуются популярностью. Так, москвичи не желают погребать своих умерших на новом Востряковском кладбище и делают все возможное для того, чтобы использовать старые

[842] ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 4. Д. 222. Л. 40.
[843] ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 4428. Л. 19-21.

привычные и обжитые территории. Такое отношение горожан легко понять — Востряковское кладбище в начале 1950-х годов — это не окраина или периферия. Оно находится далеко за городом, и никакие уверенные транспортные артерии с городом его не связывают. Такое место захоронения подходит только тем родственникам, кто не планирует навещать могилы. Остальные, и их, видимо, большинство планируют навещать захоронения своих близких и хотят, чтобы это было удобно. Они готовы идти на хитрости и давать взятки для того, чтобы семейное захоронение располагалось на старом привычном Ваганьковском или Рогожском кладбище, даже если могилы роются с нарушением санитарных правил («захоронения в 7 рядов») или на дорожках между могилами.

В то же время, на кладбищах по-прежнему систематически проживали посторонние люди, и выселить их оттуда никак не получалось[844]. В 1948 году на территории на территории Даниловского кладбища в Москве было «расположено 14 жилых домов, в которых только одних взрослых проживает более 300 человек»[845]. Проблема даже не в том, что жилые дома на кладбищах занимают дефицитное место, которое можно было бы использовать для захоронений. Жители кладбищ живут активной жизнью, которая одновременно восполняет отдельные дефекты похоронного обслуживания, и создает новые трудности для кладбищенских администраторов:

«*Отдельные граждане, проживающие в домах Даниловского кладбища, имеют крупный рогатый скот и домашнюю птицу. Выбрасываемые жителями домашние отходы образовывают на кладбищах мусорные свалки.*

Для большинства граждан, проживающих в этих домах, кладбище является источником дополнительного дохода, за счет частной практики выполнения ими различных работ по обслуживанию посетителей кладбища

[844] ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 3083. Л. 2.; ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 4428. Л. 21.
[845] Там же.

(обкладка могил дерном, уборка могил, установка и окраска надмогильных украшений)»[846].

Важнейшей частью доходов жителей кладбищ было занятие «изготовлением и продажей старых крестов и других надмогильных украшений». По сути, речь идет о краже и незначительной переделке старых надгробных памятников. Администрация пыталась бороться с этим, но крайне мало успешно: «например, в апреле 1948 года гр-ка Купрюхина была судима за систематическую кражу лент с венков. Гр. Дубов летом 1948 г. был задержан на месте хищения креста. В начале января 1949 г. в сарае Андреева было изъято два старых краденых с кладбища креста»[847].

Кладбища продолжают использоваться под огороды. По всей видимости голод 1946-47 годов только усилил распространенность этой практики. Так, согласно ревизии 1947 года в г. Куйбышев (Самара) большая часть кладбищ была занята под огороды:

«*Все свободные участки кладбищ на которых не производились захоронения сплошь заняты под посевы огородных культур, как обслуживающим персоналом кладбищ, так и гражданами города. На Зубчаниновском кладбище 60.0% всей территории, где в предшествующие годы производились захоронения умерших заняты под индивидуальные огороды, среди которых до сих пор находятся обломки памятников и надмогильных украшений. Аналогичные случаи имеют место и на городском кладбище*»[848].

Помимо этого, на территории кладбища расположен действующий мыловаренный завод[849], выпасается скот и сваливается мусор. Такая же ситуация наблюдается в Уфе[850]. Этот вопрос тесно связан с проблемой все еще

[846] Там же. Л. 21-22.
[847] Там же. Л. 22.
[848] Там же. Л. 8.
[849] Там же. Л. 9.
[850] Там же. Л. 8.
[850] Там же. Л. 36-41.

отсутствующих ограждений на кладбищах. Однако, в конце 40-х годов проблема кладбищенской ограды уже не формулируется как эстетическая («придать кладбищам приличный вид»), но как исключительно техническая — ограждения нужны для того, чтобы случайные прохожие не воровали памятники, венки и цветы, а местные жители не пасли на кладбищах скот. Поэтому в большинстве случаев речь более не идет о строительстве каменных оград — можно использовать что угодно, даже колючую проволоку[851]. Решение, которое вряд ли устроило бы заведующую Похоронным отделом МКХ Феодосию Газенбуш, спустя 20 лет воспринимается как вполне практичное.

В конце 30-х годов «Постановление СНК СССР о погребении» могло стать еще одним серьезным шагом в деле государственного регулирования похоронной сферы, но так и замерло на стадии проекта. Одно это прекрасно иллюстрирует периферийность темы похорон, которая уже с 20-х годов воспринималась как маргинальная (за исключением разве что эпизода с похоронами Ленина, не оказавшего никакого влияния на рядовые похороны), а в конце 1930-х и вовсе перестала быть предметом серьезного интереса власти. Действительно, все важные события в деле регулирования советской похоронной сферы к середине 1930-х годов уже произошли, нового в этой области «постановлять» было уже нечего. Проект, рожденный в недрах СНК на волне энтузиазма, поднятой сталинской Конституцией, фиксировал установившееся положение вещей, и именно в этом и состоит его интерес. Речь в данном случае идет об окончательном включении похорон в систему советского социального обеспечения — набора благ, предоставляемых государством населению, а также о главном результате такой «коммунализации» — вытеснении похоронного дела на маргинальный уровень низового муниципального администрирования, фактически — в область саморегуляции. Помимо этого, авторы проекта узаконивают

[851] ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 4. Д. 184. Л. 1.

сложившийся двухуровневый принцип советских похорон: легитимируют особое значение статусных похорон «выдающихся лиц» и делегитимируют особое значение похорон обычных людей. В обоих случаях речь идет об определенном утопическом усилии, направленном на вытеснение из публичной и даже личной сферы каких-либо примет мортальности. Так, в случае статусных похорон «выдающегося» человека признание конечности человеческого существования замещается семантикой творения и героики, а сами «торжественные» похороны интерпретируются в терминах коллективного «возвышающего» действа, почти праздника. В случае обычных похорон их значимость вообще не признавалась: речь шла о простом вытеснении «рядовой» смерти не только из публичной сферы, но даже больше — удаление признаков мортальности из личного пространства и вообще из сферы видимого во избежание «тяжелых впечатлений».

Низведя в 1930-х годах похоронное дело до низового саморегулирования и предоставив советским гражданам решать своими силами задачу похорон в сложнейших условиях тотального дефицита ресурсов, специалистов и рабочей силы, советское государство свело к минимуму свой интерес к судьбе и злоключениям мертвецов, которых оно не посчитало «выдающимися», но с которыми ежедневно приходилось иметь дело внушительной части населения СССР — их родным и близким. Фактически причиной провала похоронной реформы и дистанцирования государства от решения сложившихся проблем была невозможность их решения внутри заданных параметров советской экономической, административной и социальной системы. Однако советской государство не давало возможности решения этих проблем иным способом, кроме определенной государственной политики, поскольку государство, придав похоронам статус услуги в системе социального обеспечения, накладывало на себя обязательство по обеспечению людей конкретным и востребованным благом — похоронным сервисом. Именно это обязательство стояло за масштабными и малоэффективными ревизиями похоронного дела на местах,

проходившими даже в самые тяжелые для страны годы Второй мировой войны. Впрочем, в ситуации фактического самоустранения государства из методично ревизуемой им отрасли собеса, активность власти применительно к похоронной сфере на этот раз ревизиями и ограничилась. Приведенные выше подробные доклады с мест пополняли архивы ведомств, не порождая не только никаких постановлений, но даже проектов постановлений по улучшению состояния похоронного дела в СССР. А состояние его, согласно ревизиям, подчас было даже сложно описать, поскольку похоронное дело как работающий институт, связная материальная инфраструктура и обозримый набор единообразных и воспроизводимых практик в СССР фактически отсутствовал.

Именно так — в состоянии вялого распада и выбранном властью мерцающем режиме признания-вытеснения проблемы советское похоронное дело подошло к рубежу 1960-х годов. Отметим, хотя это и выходит за хронологические рамки нашего исследования, что и его последующий тихий дрейф по трем последним десятилетиям советской истории не был отмечен яркими административными инициативами, тем более реформами. За одним интересным исключением, связанным, впрочем, не с похоронным делом как таковым, а с еще одной попыткой конструирования советского обряда. В 1960-е годы на волне второй антирелигиозной кампании вновь появляется интерес к вопросам обрядности. В отличие от 1920-х годов интерес к новым обрядам в этот период не похож на «революционное творчество масс». Дискуссия о формах новой обрядности и методах ее внедрения зарождается в кабинетах партийных идеологов, работников культуры и науки, откуда попадает на полосы центральных газет[852], ведущих научных и общественных журналов[853]

[852] См., например: Чураков Н. Рождение хороших традиций // Известия. 1959. 8 Июля. П. 3.; Файзулин К. Кладбищенские Цицероны // Известия. 1961. 19 августа. П. 6.; Кригер Е. Быть или не быть новым советским обрядам? — спор продолжается // Известия. 1959. 5 Декабря. П. 2; Барвинский, С. Котовский на «Звездинах» // Известия. 1959. 4 Декабря. П. 6.

[853] См., например: Крянев, Ю.В., Попов П.С. Эмоциональное воздействие религиозной обрядности и его преодоление. // Вопросы философии. 1963. № 9. С. 70-77.

и монографий[854]. В мае 1964 г. в Москве проходит первое Всесоюзное совещание по социалистической обрядности. Второе Всесоюзное совещание по социалистической обрядности прошло в 1978 г. В промежутке проходили многочисленные локальные совещания, по этому вопросу: в марте 1965 г. в Свердловске, в апреле 1965 г. в Баку, в ноябре 1966 г. в Улан-Уде. Создаются новые образовательные специальности для подготовки церемониймейстеров, публикуются специализированные учебные пособия[855]. Однако, после десятилетий утопического вытеснения всех примет «бессмысленной» мортальности из публичной сферы, формирование новой похоронной обрядности являлось периферийным вопросом в этих дискуссиях, значительно уступавшим более понятным и витальным свадебным и родильным обрядам[856].

Наверное, самым важным отличием кампании 1960-70-х годов становится огромный интерес к методам внедрения новых обрядов. Если в раннесоветский период приверженность к новым обрядам была маркером групповой принадлежности и не распространялась автоматически на всех граждан страны, то теперь новые, специально созданные для советских граждан обряды, должны быть не только доступны, но и востребованы всеми гражданами тоже как своего рода социальный сервис: «Горкомам, райисполкомам КПСС, горрайисполкомам [предписывается — А.С.] систематически заниматься вопросами исполнения актов гражданского состояния, организацией и внедрением советских гражданских обрядов»[857]. Впрочем, как и в 1920-х, такого рода распоряжения в сфере советских похорон заканчивалось также быстро, неминуемо сталкиваясь с так и не решенной за три десятка лет проблемой материального снабжения. В Решении исполкома

[854] См., например: Кампарс П. П., Закович Н. М. Советская гражданская обрядность. М.: Мысль, 1967. 256 с.; Руднев В.А. Советские праздники, обряды, ритуалы. Л.: Лениздат, 1979. 206 с.
[855] См., например: Социалистическая обрядность: учеб.-метод, и справ.- информ. пособие. Киев: Вища школа, 1985. 343 с.
[856] См., например: Новому времени новые обряды, праздники. Алма-Ата: общество «Знание», 1980. 36 с.; Новые советские традиции, праздники и обряды. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1990. 110 с.; Новые обряды в жизнь! Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1980. 88 с.
[857] Культурное строительство во Владимирской области 1917 — 1977 г.: сборник документов. Ярославль: Верхне-волжское книжное издательство, 1982. С. 118.

владимирского горсовета № 304 от 5 мая 1964 «О работе общественного совета по внедрению новых гражданских обрядов» отмечается неудовлетворительное внедрение ритуалов гражданских похорон и предписывается в течение 1964 года открыть магазин по продаже предметов, необходимых для похоронного ритуала, организовать мастерскую по изготовлению оград, обелисков, памятников, благоустроить кладбища, а также выделить и благоустроить специальное место для проведения гражданских панихид. Помимо этого бюро ЗАГС было предписано организовать на общественных началах регистрацию смерти непосредственно в похоронном бюро[858]. Судя по решению №1167, эти постановления не выполнялись удовлетворительно[859] — советское похоронное дело продолжало свой дрейф все в том же состоянии полураспада, отвечая на новые распоряжения неизменной разрухой, дефицитом и самообслуживанием.

Для внедрения новых практик по всей стране начинают создаваться многочисленные комиссии по новым обрядам «на местах». Однако, как показывают интервью с бывшими членами таких комиссий, похоронный обряд оставался как правило вне сферы их деятельности. В большинстве случаев комиссии сосредотачивали свою работу на разработке и внедрении торжественной родильной и свадебной обрядности, и лишь формально регистрировали факты смерти населения. Исключение, в полном соответствии с духом и буквой проекта СНК 1937 года, составляли смерти значимых лиц — революционеров, ветеранов войны, партийных функционеров, военных, председателей колхозов и т.п. В этих случаях при участии совета ветеранов, сельсовета или другой организации проводилась торжественная церемония прощания с траурным митингом на кладбище или около дома покойного, с оркестром[860] и оружейными залпами. В случае же смерти «невыдающихся» рядовых колхозников, рабочих или служащих, все заботы по организации и

[858] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1714. Л. 159.
[859] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1740. Л. 230-232.
[860] Об участии духового оркестра в похоронах см.: Носова Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М.: Народы и культуры, 1999. С. 147.

проведению похорон по-прежнему ложились на плечи его родственников. В этой ситуации традиционный похоронный обряд воспроизводился естественным образом как часть традиционного уклада, что фиксируется исследователями и наблюдателями[861].

Тот факт, что внедрение социалистического похоронного обряда оказалось малоуспешными объясняется не только меньшим, по сравнению с другими обрядами, интересом к похоронам со стороны комиссий по новым обрядам. Дело в том, что при разработке методических материалов для проведения похоронных обрядов детально прописывался лишь финальный этап обряда — последнее прощание, траурный поезд, сами похороны, гражданская панихида, отчасти — поминки в день похорон. И даже при наличии специального комитета по организации похорон по новому социалистическому обряду, предусмотренного «Рекомендациями по проведению обряда “Похороны”»[862], и «правильно» проведенной гражданской

[861] Различие в структуре похоронной процессии и самих похорон в зависимости от статуса покойного в советское время отмечает и Г.А. Носова на материалах Воронежской и Орловской областей. (Носова Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М.: Народы и культуры, 1999. С. 145-146, 148, 157).

[862] «Рекомендации по проведению обряда “Похороны”» включают следующие разделы: порядок проведения обряда, прощание с покойны, вынос гроба с телом покойного, траурная процессия, гражданская панихида, поминание умерших. Приводим краткую выжимку из «Рекомендаций» о подготовке и начале церемонии: *«Получив извещение о смерти сотрудника или члена его семьи, администрация и общественность государственного, кооперативного предприятия, учреждения или организации создают комиссию по организации похорон. Учитывая пожелания семьи покойного, комиссия решает, как проводить похороны, где и когда состоится гражданская панихида, будет ли приглашен организатор похорон, хор, оркестр и т. д. Во время подготовки к похоронам следует позаботиться о траурной символике и атрибутике. Цвет обивки гроба подбирается следующим образом: людям пожилого возраста — красный с черной каймой, ребенку — розовый с черной каймой, молодому человеку — белый с черной каймой. Почетный караул с траурными повязками на левом рукаве размещается по обеим сторонам гроба. Для прощания с умершим гроб устанавливается в его квартире либо в клубе организации, где он работал. В минуты прощания тихо звучит траурное пение или музыка. За 15—20 минут до выноса гроба в помещении остаются для прощания с умершим только родные и близкие. После прощания гроб под звуки траурной мелодии выносят из помещения. Вначале несут (если положено) приспущенный флаг с траурной лентой, затем портрет покойного, венки, награды и знаки отличия, затем — крышку гроба (узкой частью вперед). Вслед за этим мужчины, за исключением ближайших родственников, выносят гроб с умершим. За гробом первыми идут родные и близкие. Лицам, несущим гроб и крышку, на левую руку надевают траурные повязки».* Кроме того, приведены примеры проведения гражданских панихид — «Похороны матери» и «Похороны труженика», дается рекомендованный репертуар музыкальных произведений. Ознакомиться с полной версией можно, например, в книге: Социалистическая обрядность: учеб.-метод, и справ.- информ. пособие. Киев: Вища школа, 1985. С. 316-329; или с сокращенной версией в статье: Якушин С. Обряд «Похороны» в СССР [Электронный ресурс] // Журнал «Похоронный дом». Аналогичные примеры рекомендаций можно найти и в других методических пособиях. На практике они использовались местными комиссиями по организации конкретных похорон в качестве общего руководства к проведению обряда и не являлись обязательными к исполнению.

панихиды, все заботы по подготовке тела умершего к похоронам все также лежали на родных, которые руководствовались в своих действиях опытом предшествующих поколений, а не «Рекомендациями…» комиссий по новым обрядам, тем более, что последние не шли дальше обсуждения одежды и цвета гроба. Моргов на кладбищах по-прежнему не было, и похоронные принадлежности, включая гроб, зачастую приходилось изготавливать силами родственников или на базе местных предприятий — на лесопилке.

Согласно исследованиям, влияние кампании по внедрению новой обрядности на похоронный ритуал оказалось, в результате, значительно более слабым, чем на другие семейные обряды: «в отличие от незначительно числа венчаний, захоронения по религиозному обряду преобладают над светскими захоронениями, в процентном отношении превышая даже количество крещений. По данным за 1966 и 1967 годы во Владимирской области было совершено около 70% захоронений по религиозному обряду (относительно к общему числу случаев смерти), из них около 50% было отпето заочно, 18 — 19% — отпевались в церкви»[863]. Это очень показательные цифры, хорошо иллюстрирующие тот саморегулируемый режим, в котором воспроизводились советские массовые практики обращения с «рядовыми» мертвецами.

В противоположность массовым похоронным практикам совершенно иным было положение «статусных» советских похорон. Как и в случае обычных, максимально вытесненных из сферы «видимого», их эволюция подчинялась модели *двойной утопии* советской смерти, сформированной в 20-х и 30-х годах, и в конечном итоге определявшей развитие советской похоронной культуры на всем протяжении послевоенного периода. В это время, как, впрочем, и раньше, захоронения советских героев и «выдающихся» людей наделяются особым значением, очищенным от мортальных примет конечности и бренности, и замещенным утопическими смыслами «творения», «жертвы во имя будущего», «бессмертных дел», «подвига» и т.п. Именно к

[863] Носова Г.А. Бытовое православие (на материалах Владимирской области): дис. … канд. ист. наук. М., 1969. С. 201.

этому периоду относится создание в каждом населенном пункте СССР «советских некрополей», в первую очередь — символических или реальных захоронений солдат, павших в Великой Отечественной войне. Помимо этого, на кладбищах по всей стране формируются единообразные коммунистические площадки — выделенные участки кладбищ, на которых были торжественно перезахоронены местные советские герои — революционеры, пионеры и комсомольцы-герои, жертвы «белогвардейцев и контрреволюционеров» и т.д.

Напротив, другая часть двойной утопии советской смерти — обычные, «рядовые» похороны — представляла собой совершенно противоположную картину, сотканную из противоречивого столкновения традиций, мучительных бытовых драм, спровоцированных вечным дефицитом ресурсов и материальными издержками, унижений, коррупции и общего ощущения брошенности и бессмысленности. По контрасту со «статусными» похоронами, предлагавшими осмысленное, легитимно санкционированное и как можно менее проблемное примирение со смертью (пускай и утопическое), «рядовые» похороны, сопряженные с постоянным поиском решений (большей частью нелинейных) всевозможных проблем, продолжали служить источником регулярного стресса населения на протяжении всех послевоенных десятилетий существования советской власти[864].

Однако, несмотря на тотальное вытеснение «обычной смерти» эта проблема не оставался незамеченной властями. В своем исследовании советской обрядности и атеизма 1960-80-х годов Виктория Смолкин подчеркивает, что несмотря на то, что вопрос о ритуале социалистических похорон неоднократно поднимался на различных идеологических совещаниях, в социологических исследованиях, в докладах и записках в разные государственные и партийные органы, осмысление «обыкновенной советской смерти» оставалось серьезной идеологической проблемой вплоть до

[864] О влиянии раннесоветских трансформаций похоронной культуры на позднесоветскую и постсоветскую похоронную инфраструктуру см. также: Sokolova A., Mokhov S. Broken infrastructure and soviet modernity: the funeral market in Russia // Mortality. 2020. Т. 25. № 2. С. 232-248.

конца Советского периода. При этом проблемой становился не столько социалистический похоронный ритуал, сколько чудовищное материальное состояние похоронной инфраструктуры, когда родственники были вынуждены брать на себя практически всё материальное обеспечение похорон, включая катафальный транспорт. Таким образом, разрыв между идеологическими планами и реальностью возникал в основном из-за острого дефицита материальных ресурсов[865]. Между тем, это объяснение неполное: удручающее состояние советской похоронной сферы было действительно связано с хроническим ресурсным дефицитом, но это дефицит был производным от утопии десемантизированной смерти, превращавшей смерть «выдающихся» людей в торжественный коллективный праздник, а смерть обычных вытеснявшей за пределы видимого. В 1950-х и 1980-х годах, также, как и в 1920-х люди, отвечавшие за распределение ресурсных благ в СССР, просто отказывались тратить ресурсы на «бессмысленные» простые похороны. Другого же источника финансирования и развития у советского похоронного дела внутри созданной административной и хозяйственной системы не было.

Десемантизация смерти превратилась из локального по времени *события* рубежа 1920-х годов, спровоцированного сильнейшими социальными потрясениями и кризисами, в *процесс*, сформировавший в конечном итоге целую похоронную культуру. Это хорошо иллюстрирует следующий красноречивый документ, созданный через 60 лет после издания Советского декрета о похоронах. В 1978 году жительница Сумской области написала письмо в Центральную комиссию по изучению и внедрению новых гражданских праздников и обрядов при Совете Министров УССР. В этом письме она обращала внимание на полное отсутствие каких-либо похоронных институтов в целом регионе, где она жила:

[865] Смолкин-Ротрок В. Проблема «Обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3-4(30). С. 430-463.

«*В дореволюционное время известно как делали похороны: весь подсобный инвентарь находился в церкви. Там брали для этого длинный пас (не веревка), были особые носилки, они назывались марами. Умершего несли на этих марах. У нас раньше никогда покойника не везли, а несли. Сейчас умершего везут на грузовой машине. Умер человек — и бегают, ищут шофера с машиною. и иногда машина попадается из-под навоза. Только навоз с нее сбросили, тут и покойника на нее. Иногда на машине той навоз и от машины попахивает. Закрывают машины коврами у кого есть, но не все их имеют. Летом в этом случае елки применяют. Потом ищут чем в могилу гроб опускать. Одним словом, нет никакого «обряда». А вот надо чтобы горсоветы, поселковые советы, вообще в своем хозяйстве любой совет имел для этого обряда: чистую, приспособленную для этой цели машину, или лафет узкий, пас (вместо веревки) и красивые специальные легкие носилки, бывает что кладбище не далеко и машина не нужна, а нести на полотенцах неудобно. Смерть — это большое горе и много хлопот, а это облегчилось бы, если бы в Совете было все, что требуется для похорон*»[866].

В этом тексте замечательно даже не то, что в 1978 году референтной точкой для его автора все еще оставалось дореволюционное состояние похоронного дела, а удивительное эмоциональное и риторическое совпадение с текстом, написанным за 57 лет до этого совершенно другим по складу и роду деятельности человеком, но по тому же «похоронному» поводу — текстом Корнея Чуковского, который наблюдал за первыми опытными сожжениями в Петроградском крематории: «Торжественности ни малейшей. Все голо и откровенно. <…> Революция отняла прежние обряды и декорумы и не дала своих» [867]. Реплика горожанина, интеллигента, пережившего историческую по масштабам катастрофу, травмированного *привычкой к смерти,* бессмысленностью смерти, и письмо колхозницы о фактическом «отсутствии обряда», и рифмующее приметы смерти с запахом навоза, составляют

[866] Там же. С. 457.
[867] Чуковский, К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901-1921. М.: ПРОЗАиК, 2011. С. 312-314.

замечательную перекличку с двух противоположных по времени концов более чем полувековой истории похоронной культуры в СССР. За это время, как видим, процесс десемантизации не был исчерпан, иначе вряд ли эта перекличка стала бы возможной.

В отличие от других сфер, таких как образование, здравоохранение, снабжение, кризисное состояние которых в течение 1920-30-х годов было не только стабилизировано, но в значительной мере преодолено, похоронная сфера, на протяжение всего советского периода находилась в критическом состоянии. Хотя, как мы это видели на примере похорон «статусных», десемантизация смерти могла использоваться конструктивно в формируемой советским государством политике коллективной памяти о «выдающихся» людях, чья смерть претерпевала замещающую, утопическую метаморфозу из события кончины в событие творения. Между тем, утопическое вытеснение за пределы видимого бессмысленной «рядовой» смерти неизменно превращало похороны обычные в неразрешимую проблему, по отношению к которой власти заняли в результате пассивную позицию наблюдателя или эпизодического критика. Как следствие, ни одна из проблем советской похоронной сферы так и не была решена за все время существования СССР, а важный институт похорон как семантически последовательный социальный механизм эффективной адаптации общества к утратам в случае советского общества демонстрировал дисфункциональный сбой.

Заключение

В данной работе я рассмотрела городскую похоронную культуру довоенного СССР и пришла к ряду выводов относительно ее специфики, характера трансформаций и влияния этих изменений на советское общество, а также эволюцию этих процессов в военный и послевоенный периоды.

Отправной точкой трансформаций похоронной культуры Советского периода стала похоронная реформа 1918 года, которая предложила новое секулярное видение похоронного администрирования, а также создала легальную основу для кремации и светских похорон. Однако, несмотря на революционный контекст, похоронная реформа 1918 года не была специфически большевистским проектом. Реформа предполагала создание похоронной инфраструктуры, независимой от религиозных организаций, и входящей в более широкий набор муниципальных служб. Важной составляющей реформ было приведение похоронного дела в России в соответствие с наиболее современными санитарными и гигиеническими стандартами, что предполагало легализацию кремации, вывод кладбищ за пределы городов, контроль за глубиной и плотностью захоронений. Основные положения реформы, таким образом, наследовали той линии трансформаций и реформ, которая была заложена еще в середине XIX века, а вся реформа в целом соответствовала общеевропейской повестке модернизации администрирования и практик в похоронном деле.

Однако, несмотря на то что реформирование похоронного обслуживания в советских городах в первые послереволюционные годы проходило в целом в русле более ранних российских и европейских трендов, похоронная культура в раннем СССР существенно отличалась как от похоронной культуры в России до революции, так и от похоронной культуры в других странах в рассматриваемый период. Вслед за реформой последовал не модернизация похоронной культуры, а быстрый распад всей системы

городского похоронного администрирования, который выразился не только в снижении качества похоронных услуг, но и зачастую в полной недоступности этих услуг. Родные и близкие умерших вынуждены были сами искать средства для погребения, в том числе — инвентарь для рытья могилы и доски для гроба. В течение короткого промежутка времени развитая система похоронных служб, которая сложилась в Российской Империи в первой четверти XX века, перестала существовать. На смену ей пришло низовое регулирование и разрозненный набор частных практик, которые выработались в стремлении общества решить проблемы похоронного обслуживания гражданского населения.

В ходе анализа я пришла к выводу, что катастрофические изменения в городской похоронной культуре, произошедшие после революции, связаны не с основными положениями реформ, а с новым пониманием человека и его мортальности, которое имеет свое основание в материалистическом мировоззрении большевиков. Согласно материалистической марксистской философии, человек после смерти полностью перестает существовать, а его тело превращается лишь в набор микроэлементов. Под влиянием этого нового мировоззрения смерть человека, его мертвое тело, погребение, а вместе с тем и вся похоронная культура, теряет то значение, которое она имела прежде (связанное с представлением о бессмертии души, и основанное на моральной экономике погребения). Происходит то, что я называю процессом десемантизации смерти.

Невозможность наделить феномен человеческой мортальности и факт индивидуальной смерти человека каким-либо смыслом, приводит к тому, что привычный механизм адаптации к утрате, подразумевающий коллективно переживаемую семантику смерти, перестает работать. Сначала в высоко идеологизированных сообществах, а потом и в масштабах всего советского общества похороны как адаптивный пересобирающий коллективность механизм теряет свою эффективность.

Десемантизация смерти стала ключевым фактором формирования специфической советской похоронной культуры. По этой причине в области радикальных похоронных реформы большевиков, консервативный поворот 1930-х годов не имел того эффекта, который он имел в области образования, муниципального управления и культуры. Невозможность наделить повседневную смерть особым (метафизическим) смыслом блокировала любые тенденции и попытки нормализации ситуации потери.

В этом контексте особое значение приобретают «советские герои» — отдельные героические личности, приобретающие в советском официальном нарративе символическое бессмертие. Именно такой механизм символического бессмертия — жизнь в памяти потомков -- становится основным способом адаптации к факту смерти в советском обществе, способом преодолеть экзистенциальный вакуум, порожденный процессом десемантизации смерти.

Новая мортальная рамка, создающая символическое бессмертие и преодолевающая смерть через жизнь в делах и в памяти потомков, до определенной степени работала как адаптивный механизм. Однако, она полностью оставляла в стороне материальность смерти, ее фактичность -- наличие трупа и необходимость совершать над ним определенные и непростые действия, а также брать на себя обязательства по уходу за материальными объектами, связанными с мертвецами (кладбищами, могилами, памятниками).

Хотя смерть и человеческая мортальность постепенно наполняются новыми смыслами, влияние феномена десемантизаиции смерти, процесса стремительной утраты старой, традиционной семантики, было столь велико, что прослеживается не только в раннесоветский период, но и в послевоенный, позднесоветский и даже постсоветский периоды.

Библиография

Литература

Алымов, С.С. Понятие «Пережиток» и советские социальные науки в 1950 — 1960-е гг. / С.С. Алымов // Антропологический форум. — 2012. — №16. — С. 261-287.

Андреева, Л.А. Культ революционных мучеников и культ В.И. Ленина // Общественные науки и современность. — 2018. — № 5. — С. 102-114.

Антонова, А.С., Сюткин, Г.Н. Региональные проблемы нормативно-правового обеспечения ритуально-похоронного дела / А.С. Антонова, Г.Н. Сюткин // Вестник академии. — 2012. — № 1 (31). — С. 73-76.

Арбатский, В.П. Архитектурно-планировочная организация городского ландшафта в региональных условиях Сибири / В.П. Арбатский. — Новосибирск, 1988 — 88 с.

Архипова А.С., Доронин Д.Ю., Кирзюк А.А., Радченко Д.А., Соколова А.Д., Титков А.С., Югай Е.Ф. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация дня победы / А.С. Архипова, Д.Ю. Доронин, А.А. Кирзюк, А.Д. Соколова, А.С. Титков, Е.Ф. Югай // Антропологический форум. — 2017. — № 33. — С. 84-122.

Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти: пер. с фр./ под общ. ред. С.В. Оболенской; предисл. А.Я. Гуревича. — М.: «Прогресс-Академия», 1992. — 528 с.

Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. — СПб.: Наука, 1993. — 253 с.

Байбурин, А.К. Советские обряды и ритуал торжественного вручения паспорта // Классический фольклор сегодня: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Путилова. Санкт-Петербург, 14-17 сентября 2009 г. / отв. ред. Т. Г. Иванова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. — С. 404-428.

Байбурин, А.К. Советский паспорт: история — структура — практики / А.К. Байбурин. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 488 с.

Безгин, В.Б. Старый и новый быт в традиционной крестьянской культуре (советская доколхозная деревня) / В.Б. Брезгин // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX вв.): сборник научных статей. Тамбов: изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 1998. Вып. 2. С. 98-104.

Белла, Ф. Тольятти. Рождение нового города / Ф. Белла. — Екатеринбург: Татлин, 2014. — 144 с.

Белякова, Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни / Е.В. Белякова / Круглый стол по религиозному образованию и диаконии. — М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. — 664 с. — (Церковные реформы: Поместный собор 1917-1918 гг. и предсоборный период.)

Бёрк, П. Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 240 с.

Блэк, М. Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии: пер. с англ. / М. Блэк. — М.: НЛО, 2015. — 408 с.

Боденшатц, Х.; Пост, К. Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР: пер. с нем. / сост. Х. Боденшатц, К. Пост. — СПб.: Verlagshaus Braun; SCIO Media, 2015. — 416 с.

Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть: пер. с фр. / Ж. Бодрийяр. — М.: «Добросвет», 2000. — 387 с.

Геннеп А, ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. — М., 1999. — 198 с.

Герц, Р. Смерть и правая рука: пер. с фр. / Р. Герц. — М.: ARS PRESS, 2019. — 264 с.

Гиголаева, Е.В. Советская похоронная индустрия в 1920-е годы: новый быт в контексте западных градостроительных идей / Е.В. Гиголаева // Россия и современный мир. — 2019. — № 2(103). — С. 178-189.

Громов, Д. Немцов Мост: стихийная мемориализация. — М.: ИЭА РАН, 2017. — 229 с.

Добренко, Е.А. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив / Е.А. Добренко. — М.: НЛО, 2008. — 416 с.

Добровольская, В.Е. Похороны / В.Е. Добровольская // Традиционная культура Гороховецкого края: В 2-х т. Т. 1. — М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004. — С. 155-163.

Добровольская, В.Е. Прескрипции, бытующие среди кладбищенских работников / В.Е. Добровольская // Фольклор малых социальных групп. М., 2008. С. 126-133.

Добровольская, В.Е., Кулешов, А.Г. Кладбища в традиционной культуре Гороховецкого края / В.Е. Добровольская, А.Г. Кулешов // Традиционная культура Гороховецкого края: В 2-х т. — Т. 2. — С. 164-175.

Друскин, М.С. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Русская революционная песня / М.С. Друскин. — СПб.: Издательство «Композитор», 2012. — 800 с.

Дуглас, М. Чистота и опасность: пер. с англ / М. Дуглас. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. — 288 с.

Елютина, М.Э., Филиппова, С.В. Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения / М.Э. Елютина, С.В. Филиппова // Социологические исследования. — 2012. — № 9. — С. 86-94.

Есипов, В.В. Шаламов / В.В. Есипов. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 346 с. — (Жизнь замечательных людей.)

Жидкова, Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной / Е. Жидкова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3-4(30). С. 408-429.

Завойко, Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии / Г.К. Завойко // Этнографическое обозрение. — 1914. — № 3-4. — С. 81-178.

Игнатий (Брянчанинов). Слово о смерти / Игнатий (Брянчанинов). — Минск: Свято-Елисаветинский монастырь, 2004. — 336 с.

Иеромонах Серафим (Роуз). Душа после смерти / Иеромонах Серафим (Роуз). — М.: Лепта Книга, 2006. — 458 с.

Ипполитова, А.Б. «Дядя Женя видел зайца, а я нашел ножницы...»: Батеневские раскопки 1920-х гг. глазами подростка / А.Б. Ипполитова // Енисейская провинция. Альманах. — Вып. 5. — Красноярск: «Литера-Принт», 2010. — С. 120-137.

Кашеваров, А.Н. Церковь и власть. Русская Православная Церковь в первые годы советской власти. — СПб.: СПбГТУ, 1999. — 327 с.

Кириллова, Е.А. Советская жилищная политика в годы нэпа: квартирный вопрос и домовое самоуправление в Петрограде-Ленинграде /

Е.А. Кириллова // The Soviet and Post-Soviet Review. — 2016. — Vol. 43(1). — С. 5-35.

Колоницкий, Б.И. Революция как красная пасха // #1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. — СПб: Издательство Европейского университета в Санкт- Петербурге, 2017. — С. 59-66.

Конышева, Е.В.; Меерович, М.Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска) / Е.В. Конышева, М.Г. Меерович. — М.: Ленанд, 2012. — 224 с.

Кравченко, А.В., Ломакин, Н.А., Склез, В.М., Соколова, А.Д. Парадоксы темпоральности: память о крестьянских восстаниях 100 лет спустя / А.В. Кравченко, Н.А. Ломакин, В.М. Склез, А.Д. Соколова // Сибирские исторические исследования. — 2020. — № 1. — С. 144-165.

Красильникова, Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.): монография / Е.И. Красильникова; Новосибирский гос. аграр. ун-т, Юрид. фак. — 2-е изд., исправл. и перераб. — Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. — 404 с.

Кремлева, И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские: народная культура (история и современность). Т. 3: Семейный быт / И.А. Кремлева. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 231-265.

Кремлева, И.А. Похоронно-поминальные обряды у русских: традиции и современность / И.А. Кремлева // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. — М.: ИЭА РАН, 1993. — С. 8-47.

Кремлева, И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды / И.А. Кремлева // Русские. — М.: Наука, 1997. — С. 517-533. — (Народы и культуры.)

Кремлева, И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды / И.А. Кремлева // Русские: народная культура (история и современность). — Т. 3: Семейный быт. — М.: ИЭА РАН, 2000. — С. 231-265.

Лебина, Н. Обрядность красного погребения (о социокультурном контексте первого советского крематория) / Н. Лебина // Теория моды: одежда, тело, культура. — 2011. — № 20. — С. 245-256.

Левкович, Я.Л. В.А. Жуковский и последняя дуэль Пушкина / Я.Л. Полищук // Пушкин: Исследования и материалы. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1989. — Т. 13. — С. 146-156.

Лохова, Н.Н. Архитектурно-планировочное наследие 20-50-х годов XX века в градостроительстве Урала: дис. на соискание учен. степени кандидата архитектуры: 18.00.01 / Н.Н. Лохова. — Новосибирск, 1997. — 154 с.

Малышева, С. «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. — М.: Новый хронограф, 2019. — 464 с.

Малышева, С. Красный танатос: некросимволизм советской культуры / С. Малышева // Археология русской смерти. — 2016. — № 2. — С. 22-46.

Маслинская, С.Г. «По-пионерски жил, по-пионерски похоронен»: материалы к истории гражданских похорон 1920-х гг. // Живая старина. — 2012. — № 3. — С. 49-52.

Меерович, М.Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. / М.Г. Меерович. — Иркутск: Издательство ИрГТУ, 2008. — 472 с.

Мельниченко, М. Советский анекдот (Указатель сюжетов) / М. Мельниченко. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 1104 с.

Мохов, С.В. «Идеальные поломки»: Инфраструктура рынка ритуальных услуг и производство социального порядка / С.В. Мохов // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 1. — С. 146-160.

Мохов, С.В. Пространство и дисфункцианальность инфраструктуры в контексте похоронного ритуала / С.В. Мохов // Антропологический форум. — 2017. — № 35. — С. 189-212.

Мохов, С.В., Зотова, В.А. Дело об ограде, столике и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище / С.В. Мохов, В.А. Зотова // Журнал исследований социальной политики. — 2017. — Т.15. — № 1. — С. 21-36.

Мохов, С. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия / С. Мохов. — М.: Common place, 2018. — 324 с.

Никелл, У. Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России / У. Никелл // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 44(4). — С. 43-61.

Носова, Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки / Г.А. Носова. — М.: Народы и культуры, 1999. — 231 с.

Носова, Г.А. Бытовое православие (на материалах Владимирской области): дис. … канд. ист. наук / Г.А. Носова. — М., 1969. — 227 с.

Носова, Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки / Г.А. Носова. — М.: Народы и культуры, 1999. — 231 с.

Озуф, М. Революционный праздник: 1789-1799: пер. с фр. / М. Озуф. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 416 с.

Орлов, И. Коммунальная страна. Становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941) / И. Орлов. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 344 с.

Панченко А.А., Панченко А.М. Осьмое чудо света / А.А. Панченко, А.М. Панченко // Полярность в культуре. — СПб.: Альманах «Канун», 1996. — С. 166-202.

Паперный, В. Культура два / В. Паперный. — М.: НЛО, 1996. — 416 с.

Петров, Н.В. Награждены за расстрел / Н.В. Петров. — М.: Международный фонд «Демократия». — 368 с.

Полищук, Н.С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») / Н.С. Полищук // Советская этнография. — 1991. — № 6. — С. 25-39.

Полищук, Н.С. У истоков советских праздников / Н.С. Полищук // Советская этнография. — 1987. — №6. — С.3-15.

Похоронно-поминальные обычаи и обряды. — М.: ИЭА РАН, 1993. — 310 с.

Похоронные обряды // Фольклор Судогодского края. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1999. — С. 230-243.

Похороны (составитель В.Е. Добровольская) // Традиционная культура Муромского края. — Том 1. — М.: ГРЦРФ, 2010 — С. 151-168.

Прот. Александр Шмеман. Литургия смерти / Прот. Александр Шмеман. — М.: Гранат, 2013. — 176 с.

Рольф, М. Советские массовые праздники: пер. с нем. / М. Рольф. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. — 439 с.

Седакова, О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О.А. Седакова. — М.: Индрик, 2004. — 320 с.

Сергеева, Е.В., Соколова, А.Д., Юдкина, А.Б. Распространение и вариативность заговора «Сон Богородицы» в Селивановском районе Владимирской области / Е.В. Сергеева, А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина // Религиоведение. 2009. № 2. С. 37-50.

Сидорчук, И.В. «Вместе с автомобилем, трактором, электрификацией»: к истории кремации в России / И.В. Сидорчук // Социология науки и технологий. — 2018. — № 9(3). — С. 51-67.

Слезкин, Ю. Дом правительства. Сага о русской революции / Ю. Слезкин. М.: Corpus, 2019. — 976 с.

Смирнова, Т.М. Советский режим и человеческий фактор на примере функционирования системы детских домов. 1917 — 1930-е годы / Т.М. Смирнова // The Soviet and Post-Soviet Review. — 2016. — Vol. 43(1). — С. 36-66.

Смолкин-Ротрок В. Проблема «Обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3-4(30).

Соколова, А. «Вместо сжирания червями трупы людей в крематориях будем жечь»: кремация как технология чистоты в раннесоветском дискурсе / А. Соколова // Новое литературное обозрение. 2020. — № 3 (163). — С. 79-95.

Соколова, А. Спонтанная мемориализация в городском ландшафте: случай ярославского «Локомотива» / А. Соколова // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2014. — Т. 32. — № 1. — С. 67-106.

Соколова, А.Д. Замечания о значении “Death Studies” в современной науке // Новое прошлое / The New Past. — 2016. — № 4. — С. 243-245.

Соколова, А.Д. В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР / А.Д. Соколова // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2019. — Т. 37. — № 1-2. — С. 594-621.

Соколова, А.Д. Коммерциализация похоронного обряда и новые роли локальных ритуальных специалистов / А.Д. Соколова // Этнографическое обозрение. — 2014. — № 2. — С. 14-25.

Соколова, А.Д. Крематориум-Храм, или кремация в советском похоронном обряде 1920-х годов / А.Д. Соколова // Вестник антропологии. - 2020. — № 1 (49). — С. 209-224.

Соколова, А.Д. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда / А.Д. Соколова // Антропологический форум. — 2011. — № 15. — С. 187-202.

Соколова, А.Д., Юдкина, А.Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий / А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина // Этнографическое обозрение. — 2012. — № 2. — С. 137-151.

Соколова, А.Д., Юдкина, А.Б. Похоронно-поминальный обряд вне традиционной культуры: тенденции и динамика трансформаций в современной России / А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина // Этнографическое обозрение. — 2014. — № 2. — С. 3-6.

Соколова, А.Д. Политика и похороны: генезис практики спонтанной мемориализации / А.Д. Соколова // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей / сост. А. Архипова. — М.: РГГУ, 2013. — С. 163-169.

Соколова, А.Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX — начале XXI вв. (на материалах Владимирской области): дисс. … канд. историч. наук / А.Д. Соколова. — М., 2013. — 303 с.

Тульцева, Л.А. Погребальные и поминальные обычаи / Л.А. Тульцева // Русские. Этно-социологические очерки. — М.: Наука, 1992. — С. 355-361.

Тульцева, Л.А. Этнографические аспекты изучения религиозного поведения / Л.А. Тульцева // Советская этнография. 1979. № 4. С. 43-57.

Тумаркин, Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России: пер. с англ. / Н. Тумаркин. — СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. — 285 с. — (Современная западная русистика, т. 12.)

Умрюхина, Н. Образ соцгорода в романах М.Я. Козырева («Подземные воды» 1928; «Город энтузиастов» 1931) / Н. Умрюхина // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах / под. ред. Д.Н. Замятина. — М.: Институт наследия, 2006. — Вып. 3. — С. 142-160.

Филиппова, С.В. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации / С.В. Филиппова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2009. — Т. 12. — № 4. — С. 80-96.

Филиппова, С.В. Структурные изменения института ритуальных услуг в современном российском обществе / С.В. Филиппова // Вестник Саратовского государственного технического университета. — 2008. — № 3 (34). — С. 276-282.

Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. — М.: РОССПЭН, 2008. — 336 с.

Фуко М. Археология знания: пер. с фр. / М. Фуко. — СПб. — ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. — 416 с.

Хан-Магомедов, С. Архитектура советского авангарда: в 2 т. / С. Хан-Магомедов. Т. 2. М.: Стройиздат, 2001. — 712 с.

Хвостова, Г. Использование социалистической обрядности для преодоления религиозности населения / Г. Хвостова // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. — 2010. — № 5(73). — С. 127-138.

Хелльбек, Й. «Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи» / Й. Хелльбек. — М.: Издательство НЛО, 2017. — 424 с.

Шкаровский, М. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией / М. Шкаровский // Клио. — СПб. — 2006. — № 3. — С. 158-163.

Шлихта, Н. «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950-е — 1960-е гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3-4(30). С. 380-407.

Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. — М.: Аспект-Пресс, 1999. — 416 с.

Эннкер, Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе: пер. с нем. / Б. Эннкер. — М.: РОССПЭН, 2011. — 438 с.

Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. — М: НЛО, 2016. — 328 с.

Ben-Amos, A. Funerals, politics, and memory in modern France, 1789-1996 / A. Ben-Amos. — New York: Oxford University Press, 2000. — 440 p.

Binns, C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part I / C. Binns // Man (New series). — 1979. — № 14. — P. 585-606.

Binns, C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part II / C. Binns // Man (New series). — 1980. — № 15. — P. 170-187.

Bouchard M. Graveyards: Russian ritual and belief pertaining to the dead / M. Bouchard // Religion. — October 2004. — Vol. 34(4). — P. 345-362.

Bryant, C.D. (Ed.). Handbook of Death and Dying / C.D. Bryant. — Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2003. — 1144 p.

Clark, K. The Soviet Novel: History as Ritual / K. Clark. — Chicago: The University of Chicago Press, 1981. — 293 p.

Clark, K. The Soviet Novel: History as Ritual / K. Clark. — Chicago: The University of Chicago Press, 1981. — 293 p.

Deathscapes: Spaces for Death, Dying, Mourning and Remembrance / ed. by Maddrell, A. and Sidaway, J.D. — Ashgate Publishing, 2010. — 324 p.

Ditchev, I. Communist Urbanization and Conditional Citizenship / I. Ditchev // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. — 2005. № 9(3). — P. 341-354.

Doss, E. The Emotional Life of Contemporary Public Memorials: Towards a Theory of Temporary Memorials. — Amsterdam University Press, 2008. — 52 p.

Douglas, D. Death, Ritual and Belief: The Rhetoric of funerary Rites / D. Douglas. — London: Bloomsbury Academic, 2017. — 320 p.

Eisenstadt, S.N. Comparative civilizations and multiple modernities. Part I / S.N. Eisenstadt. — Leiden, Boston: Brill, 2003. — 488 p.

Eisenstadt, S.N. Comparative civilizations and multiple modernities. Part II / S.N. Eisenstadt. — Leiden, Boston: Brill, 2003. — 564 p.

Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. — Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. — 517 p.

Fischer, N. Vom Gottesacker zum Krematorium. Eine Sozialgeschichte der Friedhöfe in Deutschland seit dem 18 / N. Fischer. — Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1996. — 256 s.

Fitzpatrick, Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia / Sh. Fitzpatrick // The Journal of Modern History. 1993. Vol. 65(4). P. 745-770.

Grassroots Memorials. The Politics of Memorializing Traumatic Death. / ed. by P. J. Margry and C. Sánchez-Carretero. — New York, Oxford: Berghahn, 2011. — 376 p.

Halfin, I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia / I. Halfin. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 2003. — 474 p.

Halfin, I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial / I. Halfin / I. Halfin. — Cambridge: Harvard University Press. — 2003. — 344 p.

Halfin, I., Hellbeck, J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's "Magnetic Mountain" and the State of Soviet Historical Studies / I. Halfin, J. Hellbeck // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1996. — Bd. 44(3). — S. 456-463.

Hobsbawm E.J. The Social Function of the Past: Some Questions / E.J. Hobsbawm // Past & Present. — May 1972. — No. 55. — 3-17 p.

Husband, W.B. "Godless Communists": Atheism and Society in Soviet Russia, 1917-1932 / W.B. Husband — DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000. — 258 p.

Jupp, P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death / P.C. Jupp. — Palgrave Macmillan UK, 2006. — 252 p.

Kaiser, D.H. Death and dying in early modern Russia / D.H. Kaiser // Major Problems in Early Modern Russian History / Ed. by Kollman, N.S. — Garland, London: Articles-Garlan, 1992. — P. 217-258.

Kelly, C. Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918 — 1988 / C. Kelly. — Illinois: Northern Illinois University Press, 2016. — 440 p.

Kotkin, S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization / S. Kotkin. — Berkeley: University of California Press, 1997. — 728 p.

Laqueur, T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains / T.W. Laqueur. — Princeton: Princeton University Press, 2015. — 711 p.

Malysheva, S. The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death / S. Malysheva // Slavic Review. — Cambridge: Cambridge University press. — 2017. — Vol. 76(3). — P. 647-654.

Grassroots Memorials. The Politics of Memorializing Traumatic Death. / ed. by P. J. Margry and C. Sánchez-Carretero. — New York, Oxford: Berghahn, 2011. — 376 p.

Matsui, Y. Housing Partnerships, ZhAKTy, or Housing Trusts? A Study of Moscow's Housing Management System, 1917-1937 / Y. Matsui // Acta Slavica Iaponica. — 2009. — Vol. 26. — P. 109-139.

McDowell, J. Soviet civil ceremonies / J. McDowell // Journal for the Scientific Study of Religion. — 1974. — Vol. 13. — No. 3. — P. 265-79.

Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / сост. А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина; отв. ред. Д.В. Громов. — М.: ИЭА РАН, 2015. — 294 с.

Merridale, C. Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia / C. Merridale. — New York and London: Penguin Books, 2002. — 402 p.

Ozouf, M. Festivals and the French Revolution / M. Ozouf. — Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 1988. — 378 p.

Petrone, K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin / K. Petrone. — Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2000. — 413 p.

Pinnow K.M. Lost to the Collective: Suicide and the Promise of Soviet Socialism, 1921 — 1929 / K.M. Pinnow — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2009. — 288 p.

Prothero, S. Purified by Fire: A History of Cremation in America / S. Prothero. — Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001. — 280 p.

Rotar, M. History of modern cremation in Romania / M. Rotar. — England: Newcastle Upon Tyne, Cambridge Scholar Publishing, 2013. — 480 p.

Rouhier-Willoughby, J. Contemporary Urban Russian Funerals: Continuity and Change / J. Rouhier-Willoughby // FOLKLORICA. — 2007. — Vol. XII. — P. 109-128.

Santino, J. (Ed.) and the Public Memorialization of Death / J. Santino. — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. — 358 p.

Scott, J.C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. — Yale University Press, 1977. — 254 p.

Slezkine, Y. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution / Y. Slezkine. — Princeton: Princeton University Press, 2017. — 1104 p.

Smolkin-Rothrock, V.A. Sacred Space is Never Empty: Scientific Atheism, Socialist Rituals, and the Soviet Way of Life (1954-1991) / V.A. Smolkin-Rothrock. — Berkeley: University of California. 2010. — 254 p.

Smolkin, V.A. Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism / V.A. Smolkin. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018. — 339 p.

Sokolova, A. Soviet Funeral Services: From Moral Economy to Social Welfare, and Back / A. Sokolova // Revolutionary Russia. 2019. Vol. 32(2). P. 251-271.

Sokolova, A. When Ritual Becomes Protest: Crossing Bridge of Russian Mourning / A. Sokolova // Javnost. — 2020. — Т. 27. — № 1. — С. 48-64.

Sokolova, A., Mokhov, S. Broken infrastructure and soviet modernity: the funeral market in Russia / A. Sokolova, S. Mokhov // Mortality. — 2020. — Т. 25. — № 2. — С. 232-248.

Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death / Ed. by Jack Santino — London: Palgrave Macmillan, 2006. — 368 p.

Stites, R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution / R. Stites. — New York: Oxford University Press, 1991. — 344 p.

Strasser, S. Waste and Want: A Social History of Trash / S. Strasser. — New York: Picador Paper, 2000. — 368 p.

Tamason, C. A. From Mortuary to Cemetery: Funeral Riots and Funeral Demonstrations in Lille, 1779-1870. // Social Science History. — 1980. — Vol. 4(1). — P. 15-31.

Thompson, E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past & Present. Oxford University Press. — 1971. — Vol. 50(1). — P. 76-136.

Trompette, P. The Politics of Value in French Funeral Arrangements. Three types of moral calculation / P. Trompette // Journal of Cultural Economy. — 2013. — Vol. 6(4). — P. 373-374.

Tumarkin, N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia / N. Tumarkin. — Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1983. — 315 p.

Verdery, K. The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Post-Socialist Change / K. Verdery. — New York: Columbia University Press, 1999. — 208 p.

Walter, T. Three Ways to Arrange a Funeral: Mortuary Variation in the Modern West / T. Walter // Mortality. — 2005. — Vol. 10(3). — P. 173-192.

Walter, T. Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban Societies / T. Walter // The British Journal of Sociology. — 2012. — Vol. 63(1). — P. 123-145.

Warner, E.A. Russian Peasant Beliefs and Practices Concerning Death and the Supernatural Collected in Novosokol’niki Region, Pskov Province Russia, 1995. Part I: The Restless Dead, Wizards and Spirit Beings // Folklore. — 2000. — Vol. 111(2). — P. 67-90.

Warner, E.A. Russian Peasant Beliefs and Practices, Concerning Death and the Supernatural Collected in Novosokol'niki Region, Pskov Province, Russia, 1995. Part II: Death in Natural Circumstances // Folklore. — 2000. — Vol. 111(2). — P. 255-281.

Warner, E.A. Russian Peasant Beliefs Concerning the Unclean Dead and Drought, Within the Context of the Agricultural Year // Folklore. — 2011. — Vol. 122(2). — P. 155-175.

Wood, E.A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia / E.A. Wood. — Bloomington: Indiana University Press, 1997. — 328 p.

Yurchak A. Communist Proteins: Lenin's Skin, Astrobiology, and the Origin of Life / A. Yurchak // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. — 2019. — Vol. 20(4). — P. 683-715.

Yurchak, A. Bodies of Lenin: The Hidden Science of Communist Sovereignty / A. Yurchak // Representations. — 2015. — No 129(1). — P. 116 — 157.

Yurchak, A. The canon and the mushroom Lenin, sacredness, and Soviet collapse / A. Yurchak // Journal of Ethnographic Theory. Vol. 7(2). P. 165 — 198.

Источники

«Исчез человек и нет его, куда девали — никто не знает»: Из конфискованного дневника Е.Н. Николаева / Е.Н. Николаев // Источник. 1993. № 4. — С. 46-62.

«Товарищ Коля». Мы чтим память павших // Смена. — 1923. — 12 июня. — С. 5.

1918-24. Дневники Муси и Иры Даевых [электронный ресурс] / М. Даева // Сайт «Семейный архив». — Режим доступа: http://www.domarchive.ru/docs/dnevnik.pdf.

Абрамов, А.С. У кремлевской стены / А.С. Абрамов. — М., Политиздат, 1974. — 311 с.

Московская хроника: Закладка храма в честь преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца // Московские церковные ведомости. 1904. № 18. С. 228-229.

Алеко. Комсомольские похороны / Алеко // Новь. — 1924. — № 6. — 11 апреля. — С. 3

Алексеев, Г. Дело о трупе: Из документов народного следователя. [Статья] / Г. Алексеев // Красная новь. — 1925. — № 10. — С. 198-221.

Арсеньев, А.А.; Морозова М.С. Московское городское Братское кладбище / А.А. Арсеньев, М.С. Морозова // Военно-исторический архив: Журнал. — 2005. — № 10(70). — С. 31-68.

Б.К. Сожигание человеческих трупов (кремация) / Б.К. — Пг.: Госиздат, 1921. — 67 с.

Б/а. О кремации / Б/а // Безбожник. — 1929. — № 9. — С. 13.

Балугьянский, А.М. Очищение городов посредством сжигания нечистот: докл. Моск. отд. Рус. имп. техн. о-ва А.М. Балугьянского. — М.: Тип. и лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1878. — 29 с.

Барвинский, С. Котовский на «Звездинах» / С. Барвинский // Известия. — 1959. — 4 Декабря. — П. 6.

Бартель, Г. Кремация / сост. Г. Бартель; под ред. Ф.Я. Лаврова. — М.: М.К.Х., 1925. — 95, [2] с.: ил., снимк., черт., табл.

Без попов // Красная молодежь. — 1920. — № 21(44). — 21 сентября. — С. 3.

Белый, А. Князь С.Н. Трубецкой / А. Белый // Весы. — 1905. — № 9-10. — С. 79-80.

Белый, А. Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом / А. Белый / Отв. ред. Д.С. Лихачев; Ред. изд-ва В.А. Браиловский. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1981. — 696 с.

Бенуа, А.Н. Дневник. 1918-1924. — М.: Захаров, 2010. — 816 с.

Бенуа, А.Н. Мой дневник. 1916 — 1917 — 1918. — М.: Русский путь, 2003. — 704 с.

Богданов, А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет / А.А. Богданов. — М.: Политиздат, 1990. — 479 с.

Богданович, А.И. Три последних самодержца / А.И. Богданович. — М.: Новости, 1990. — 604 с.

Богословский, М.М. Дневники (1913 — 1919): Из собрания Государственного Исторического музея / Ответственный редактор С. О. Шмидт; вступ. статья С. О. Шмидта; публ. и коммент., биогр. справка Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой. — Москва: Время, 2011. — 801 с.

Большаков, А.М. Деревня после Октября. — Л.: Прибой, 1925. — 403 с.

Большаков, А.М. Современная деревня в цифрах. Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период. — Л.: Прибой, 1925. — 111 с.

Бонч-Бруевич, В.Д. Отделение церкви от государства / В.Д. Бонч-Бруевич // Деятели Октября о религии и церкви (Статьи. Речи. Беседы. Воспоминания). — М.: Мысль, 1968. — С. 12-13.

Боярчиков, А.И. Воспоминания / А.И. Боярчиков / предисл. В. В. Соловьева. — М.: АСТ, 2003. — 320 с.

Брудный, В.И. Обряды вчера и сегодня / В.И. Брудный. — М.: Наука, 1968. — С. 69-70.

Булгаков, С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: в 2 ч. / С.В. Булгаков. — Ч. 2. — М.: Моск. отд-ние ВООПИИК, 1993. — С. 945-1772.

Булгаков, С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей: (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства) / С.В. Булгаков. — Киев: тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. — 1772 с.

В Москве // Известия. — 1922. № 18 (1457). — С. 3.

Вейдле, В.В. Похороны Блока / В.В. Вейдле // Новый журнал. — № 65. — 1961. — С. 270-276.

Вересаев, В. В. Об обрядах старых и новых / В. В. Вересаев. — М.: Новая Москва, 1926. — 30 с.

Вересаев, В.В. Пушкин в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников / В.В. Вересаев. — М.: Московский рабочий, 1984. — 703 с.

Все о проводах в последний путь: справочник-энциклопедия / сост. и ред. Александр Сазанов. — Санкт-Петербург: Издательство Александра Сазанова, 2012. — 480 с.

Гимназический дневник Л.Б. Мартыновой (Случевской) [электронный ресурс] // Сайт https://prozhito.org/. — Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221914-09-29%22&diaries=%5B1093%5D&keywords=%5B%22%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B2%22%5D

Гиппиус, З.Н. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9: Дневники 1919-1941. Из публицистики 1907-1917. Воспоминания современников / сост., примеч., указ. имен Т.Ф. Прокопова. — М.: Русская книга, 2003. — 560 с.

Гладков, А.К. «Всего я и теперь не понимаю»: из дневников (1936-1940) / А.К. Гладков / Публ., предисл. и комм. С.В. Шумихина // Наше Наследие. — 2013. — № 106.

Гловецкий, Р.И. Медико-санитарный обзор Морской казармы на Охте и надстроенной части Крюковской казармы, со включением описания печи для сжигания человеческих извержений, центрального паро-песочного отопления, вентиляции и проч. / [соч.] ст. врача 18 Флот. экипажа Р.И. Гловецкого. — СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1900. — 38 с., 3 л. черт.

Голубых, М. Очерки глухой деревни. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. — 124 с.

Городской. Еще о гражданских похоронах / Городской // Журнал безбожник у станка. 1923. № 6. С. 19.

Городцов, В.А. Дневники. 1928-1944: в 2 кн. / сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых; отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. — Кн. 1. — М.: Триумф принт, 2015. — 687 с.

Горький, А. Молодым пример / А. Горький // Журнал безбожник у станка. — 1924. — № 9. — С. 18.

Готье, Ю.В. Мои заметки / Ю.В. Готье / Подготовка к изд. Т. Эммонс, С. Утехин. — М.: Терра, 1997. — 592 с.

Гражданские похороны. (Письмо из деревни) // Безбожник у станка. — 1923. — №3. — С. 14.

Запись из дневника Григорьева Ф.А. [Электронный ресурс] // prozhito.org. Режим доступа: https://prozhito.org/person/128.

ГУП «Ритуал» отметило 75-летие [Электронный ресурс] // mos-ritual.ru. — Режим доступа: http://www.mos-ritual.ru/novosti/gup-ritual-otmetilo-75-letie.

Давыдов, Ю. Борис Савинков, он же В. Ропшин и другие / Ю. Давыдов // Огонек. 1989. № 30(3235). С. 27.

Давыдова, Н.Л. Полгода в заключении. Дневник 1920-1921 годов. — Берлин, 1923. — 142 с.

Декрет о свободе совести, церковный и религиозных обществах [Электронный ресурс] // 1000 документов по Советской и Германской истории. — Режим доступа: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0010_kir&object=facsimile&st=&l=ru.

Декрет СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния // Декреты Советской власти. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. — Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — С. 247-249.

Декрет СНК о кладбищах и похоронах // Декреты Советской власти. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. — Т. 4. 10 ноября 1918 г. — 31 марта 1919 г. — С. 163-164.

Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Декреты Советской власти. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. — Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — С. 371-373.

Дети дошкольники о Ленине / Сборник под. ред. Р. Орловой. — Репринтное воспроизведение издания 1924 г. — М.: ТО «Красный матрос», 2007. — 84 с.

Дети о Ленине / Сборник под редакцией Н. Сац. — М.: Новая Москва, 1925. — 34 с.

Дневник алтайского крестьянина К.Ф. Измайлова (1923-1934): в 2 т. — Т. 1. — М., Смоленское: Common place, 2020. С. — 672 с.

Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876 — 1878 / под ред. Л.Г. Захаровой. — М.: РОССПЭН, 2009. — 703 с.

Дневник и воспоминания киевской студентки (1919-20 гг.) // Архив русской революции. Т. 15. — Берлин, 1924. — С. 209-253.

Дневник историка С.А. Пионтковского (1927-1934) / отв. ред. и вступ, статья А.Л. Литвина. — Казань: Казан, гос. ун-т, 2009. — 516 с.

Дневник моей бабушки С.В. Дрыжаковой, 1900-1943 / Подгот. текста, предисл., биогр. очерки и коммент. Е.Н. Дрыжаковой, примеч. М.Г. Альтшуллера. — СПб.: «Пушкинский Дом», 2012. — 720 с.

Дневник Николая Михайловича Дружинина / публ., вступ. и прим. Е.И. Дружининой // Вопросы истории.1996. № 4. С. 112-134.

Енш, А.К. Очерки санитарной техники. Кремация / А.К. Енш. — СПб.: Слово, 1910. — 25 с.

Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. — 1923. — 22 апреля. — С. 4.

Живаго А.В. Дневник А. В. Живаго: театральные заметки (1874-1912). — М.: Государственный Центральный театральный музей, 2016. — 376 с.

Жиркевич, А.В. Потревоженные тени... Симбирский дневник / сост., предисл. и прим. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. — М.: Этерна-принт, 2007. — 640 с.

Захоронение на Донском кладбище — список по годам: 1934-1952 [Электронный ресурс] // old.memo.ru. — Режим доступа: http://old.memo.ru/memory/donskoe/index.htm.

Зеленко, А. Город ближайших лет / А. Зеленко // Города социализма и социалистическая реконструкция быта: сб. ст. / сост. Б. Лунин. — М.: Работник просвещения, 1930. — С. 51-61.

Зудин, И.И.; Мальковский, К.; Шалашов, П. Мелочи жизни / И.И. Зудин, К. Мальковский, П. Шалашов. — Л.: Прибой, 1929. — 99 с.

Зуев, В.И. Очистка городов. Удаление твердых домовых отбросов и их сжигание: докл., чит. 9 марта 1900 г. в соедин. заседании Одес. о-ва охранения нар. здравия и Одес. отд-ния Имп. Рус. техн. о-ва одес. гор. инж. В.И. Зуевым. — Одесса: Исакович и Бейленсон, 1900. — 44 с.

Игнатий (Брянчанинов). Слово о смерти / Игнатий (Брянчанинов). — Минск: Свято-Елисаветинский монастырь, 2004. — 336 с.

Иеромонах Серафим (Роуз). Душа после смерти / Иеромонах Серафим (Роуз). — М.: Лепта Книга, 2006. — 458 с.

Запись из дневника Денисьевской З.А. от 1920 г. [Электронный ресурс] // prozhito.org. — Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221920-01-01%22&diaries=%5B870%5D.

Инструкция о порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников. Утверждена постоянной комиссией при Президиуме ВЦИК по вопросу культов 16 октября 1931 г. [электронный ресурс] // Сайт «consultant.ru». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26734#09027037647453.

Иоффе, Н.А. Время назад: Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха / Н.А. Иоффе — М.: ТОО "Биологические науки", 1992. — 238 с.

История Центрального Парка Культуры и Отдыха в Йошкар-Оле [электронный ресурс] // Сайт «http://park-ola.ru». — Режим доступа: http://web-arhive.ru/view?url=http%3A%2F%2Fpark-ola.ru%3A80%2Fistorija_parka%2F&time=20171030145844&f=1.

Исчезнувшие кладбища Москвы [электронный ресурс] // Сайт «Прогулки по Москве». — 3 августа 2011. — Режим доступа: http://moscowwalks.ru/2011/08/03/ischeznuvshie-kladbisha-moskvi/.

Каверин, В. Чечевица / В. Каверин // Каверин В. Пролог. Путевые рассказы. — М.: Издательство художественной литературы, 1931. — С. 18-26.

Каверин, В. Эпилог: Мемуары / В. Каверин. — М.: Московский рабочий, 1989. — 544 с.

Казем-Бек, М.Л. Дневники / М.Л. Казем-Бек. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2016. — 560 с.

Кампарс, П. П., Закович, Н. М. Советская гражданская обрядность. — М.: Мысль, 1967. — 256 с.

Канализация г. Москвы, очистка, водостоки, бани и кладбища / ред. П.В. Сытин. — М.: Издание МКХ, 1925. — 82 с.

Категория: Москва, расстрельные списки — Бутовский полигон // ru.openlist.wiki. — Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/Категория:Москва,_расстрельные_списки_-_Бутовский_полигон.

Категория: Москва, расстрельные списки — Коммунарка // ru.openlist.wiki. — Режим доступа:

https://ru.openlist.wiki/Категория:Москва,_расстрельные_списки_-_Коммунарка.

Козлов, А.К. Дезинфекционная печь А.А.[!К] Козлова для сжигания нечистот: Привиллегированна в Европе и Америке. — Казань: Скоропечатня Л.П. Антонова, 1895. — 16 с.

Козырев, М.Я. Подземные воды. — М.: Кооп. издательство писателей «Никитинские субботники», 1928. — 356 с.

Кольцов, М. Фельетоны и очерки / М. Кольцов. — М.: Правда, 1956. — 445 с.

Комсомолец. Впервые без попа // Безбожник у станка. — 1924. — №4. — С. 22.

Короленко, В. Дневник. Письма. 1917-1921 / В. Короленко. — М.: Советский писатель, 2001. — 544 с.

Кремация // Большая советская энциклопедия. — 3-е изд. — Т. 13. — М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1973. — С. 372-373.

Кремация // Большая советская энциклопедия. — Т. 34. — М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», ОГИЗ РСФСР, 1937. — С. 713-714.

Кригер, Е. Быть или не быть новым советским обрядам? — спор продолжается / Е. Кригер // Известия. — 1959. — 5 Декабря. — П. 2.

Крянев, Ю.В., Попов, П.С. Эмоциональное воздействие религиозной обрядности и его преодоление / Ю.В. Крянев, П.С. Попов // Вопросы философии. — 1963. — № 9. — С. — 70-77.

Культурное строительство во Владимирской области 1917 — 1977 г.: сборник документов. Ярославль: Верхне-волжское книжное издательство, 1982. — 136 с.

Лавров, И.В. Трупосожигание и крематории / И.В. Лавров. — М.: Городская типография, 1908. — 56 с.

Ларин, Ю. Не пора ли подождать? // Известия. — 1922. №20 (1459). — С. 1.

Лебедев, В. Верующая Москва / В. Лебедев // Безбожник. — 1927. — №10. — С.4.

Лебединский, А. Через огненные годы. Песни революции и гражданской войны / А. Лебединский. — М.: Знание, 1967. — 60 с.

Ленин, В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений. Т. 44. М., 1970. — С. 155-175.

Ленину. 21-е января 1924. — М.: Гознак, 1924. — VI. — 519 с.

Лифшиц Г.М. Политическая борьба вокруг смерти Толстого / Г.М. Лифшиц // Лев Толстой. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 69. — Кн. 2. — С. 321-402.

Лозунги МК // Рабочая Москва. 1924. 22 января. (Цит. по... У Великой могилы / под ред. М. Рафеса, М. Моделя, А. Яблоньского. М.: Издание газеты «Красная звезда», 1924. С. 5.)

Луговская, Н.С. Хочу жить... Из дневника школьницы: 1932 — 1937. По материалам следственного дела семьи Луговских / Н.С. Луговская. — М.: Формика-С, 2003. — 294 с.

Малахиева-Мирович, В.Г. Маятник жизни моей: дневник русской женщины 1930-1954 / публ. Н. Громовой. — М.: Издательство АСТ «Редакция Елены Шубиной», 2015. — 896 с.

Маллори, Д. Огненные похороны / Д. Маллори // Огонек. — 1927. — № 50. 11 декабря. — С. 16.

Мальков, П.Д. Записки коменданта Московского кремля / П.Д. Мальков. — М.: Молодая гвардия, 1959. — 288 с.

Мальцев, А.М. Удаление твердых домовых отбросов и их сжигание: докл. члена 2 подкомис. А.М. Мальцева на Третьем Съезде Комис. / А.М. Мальцев. — СПб.: Тип.-лит. т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1910. — 39 с.

Маньков, А.Г. Из дневника рядового человека // Звезда. — М., 1994. — № 5. — С. 134-183.

Марина Цветаева — Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой (1915—1925) / Сост. Н.А. Громова. — М.: Эллис Лак, 2010. — 797 с.

Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1961. — Т. 20. — 827 с.

Марсово поле [Электронный ресурс] // Funeral-spb.ru. Режим доступа: http://funeral-spb.narod.ru/ necropols/marsovo/marsovo.html.

Мельгунова-Степанова, П.Е. Дневник, 1914-1920 / Вступ. ст., коммент., именной указ. В.Д. Лебедева. — М.: Кучково поле: Люкс-Принт, 2014. — 317 с.

Милин. На смерть товарища / Милин // Журнал безбожник у станка. 1923. №3. С. 14.

Минцлов, С. Р. Петербург в 1903-1910-х гг. / С. Р. Минцлов. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2012. — 287 с.

Молчанский, В.А. Деструктор для сжигания отбросов и конфискованного мяса скотобойни г. Франкфурта-на-Майне / [соч.] инж. Вл. Молчанского. — Киев: Тип. т-во «И.Н. Кушнерев и К°», 1913. — 5 с.

Московские ведомости, 25 ноября 1910 г. [Электронный ресурс] // Газетные старости. — Режим доступа: http://starosti.ru/archive.php?y=1910&m=11&d=25.

Мурин, В.А. Быт и нравы деревенской молодежи / В.А. Мурин. — М.: Новая Москва, 1926. — 159 с.

Надеин, М.П. Разделительная система. Новая сан. система для оздоровления домов и городов. Полное отделение от воды густых и твердых отбросов. Вода, спускаемая в канализацию — неокрашенная и безвонная. Рациональная ассенизация с обращением отбросов автоматически в землеудобрительный тук. Возможно полное сжигание отбросов / [соч.] М.П. Надеина. — СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1899. — 64 с., 1 л. черт.

Найденов, А.А. Альбом фотографий, 1889-1915: Семейная хроника. Дневник Тани Найденовой, 1904-1907 / А. А. Найденов. — Москва: Близнецы, 2011. — 395 с.

Необходима немедленная помощь, иначе губерния превратится в губернию анархии и ужаса [Электронный ресурс] // Зебра ТВ. Новости Владимирской области. — Режим доступа: https://zebra-tv.ru/novosti/spetsproekty/neobkhodima-nemedlennaya-pomoshch-inache-guberniya-prevratitsya-v-guberniyu-anarkhii-i-uzhasa/

Николай Эрнестович Бауман [Электронный ресурс] // [Персональная страница И. Л. Волчкевича] / Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. [Москва.] — Режим доступа: https://bmstu.ru/~vil/bauman.htm.

Новому времени новые обряды, праздники. — Алма-Ата: общество «Знание», 1980. — 36 с.

Новые обряды в жизнь! — Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1980. — 88 с.

Новые советские традиции, праздники и обряды. — Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1990. — 110 с.

О христианском погребении усопших. 5 мая 2015 [Электронный ресурс] // Сайт «Prichod.ru». Режим доступа: http://prichod.ru/church-documents/21417/.

Окунев, Н.П. Дневник москвича. 1917-1924: в 2 кн. / Н.П. Окунев. — Кн. 1. — М.: Воениздат, 1997. — 320 с.

Окунев, Н.П. Дневник москвича. 1917-1924: в 2 кн. / Н.П. Окунев. — Кн. 2. — М.: Воениздат, 1997. — 287 с.

Олещук, Ф. Огненное погребение / Ф. Олещук // Безбожник. — 1927. — № 15. — С. 2-4.

Орешников, А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. — Кн. 2: 1925-1933 / сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко; отв. ред. П.Г. Гайдуков. — М.: Наука, 2011. — 717 с. — (Научное наследство. Т. 35.)

Орешников, А.В. Дневник. 1915-1933: в 2-х кн. Кн. 1: 1915-1924 / сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко; отв. ред. П.Г. Гайдуков. — М.: Наука, 2010. — 659 с. — (Научное наследство. Т. 34.)

Основные этапы развития профсоюза [электронный ресурс] // Сайт «Общероссийский профсоюз работников жизнеобеспечения». — 27 февраля

2018. — Режим доступа: http://www.alswu.ru/modules/smartsection/item.php?itemid=9

Палеолог, М. Дневник посла. М.: Захаров, 2003 [Электронный ресурс] // Проект: «Исторические материалы». — Режим доступа: http://istmat.info/node/25189.

Памяти погибших // Призыв. — 1920. — № 42(195). — 7 сентября. — С. 2-3.

Пастернак, Б. Доктор Живаго / Б. Пастернак. — М.: Олма-Пресс, 2005. — 448 с.

Песни борьбы и свободы: Сборник. — Б.М. , 1926. — 15 с.

Пожарский, А.Е. Сталинград — социалистический город: некоторые вопросы советской архитектуры на примере Сталинграда: автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата архитектуры / А.Е. Пожарский. — М.: [б. и.], 1955. — 17 с.

Половцев, А.А. Дневник Государственного секретаря: в 2 т. / Предисловие Л.Г. Захаровой. Комментарии. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — Т.I. 1883 — 1886. — 605 с.

Постановление об открытом конкурсе на составление проекта крематория в г. Ленинграде. — Ленинград: Издание объединенного бюро конкурсов, 1929 г. — 7 с.

Постановление ЦК КПСС и Совета министров Союза ССР «О сооружении Пантеона — памятника вечной славы великих людей Советской страны» // Вечерняя Москва. — 1953. — 7 марта (№ 56(8878)). — С. 2.

Похороны коммуниста // Призыв. — 1920. — № 38(191). — 2 сентября. — С. 4.

Похороны по православному обычаю. — М.: Лепта Книга, 2008. — 95 с.

Правдзик, Б.К. Кремация. Краткий обзор исторических фазисов ее распространения и подробное описание приборов, применяемых в настоящее время. Из отчета по поездке за границу с ученой целью / Б.К. Правдзик. — СПб.: Типография В.И. Штейна, 1892. — 46 с.

Пришвин, М.М. Дневники. 1918-1919. / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной. 2-е изд., испр. — СПб.: Росток, 2008. — 640 с.

Программа и условия конкурса на лучший проект сооружения в г. Москве Пантеона — памятника вечной славы великих людей Советской страны // Архитектура СССР. — 1954. — Сентябрь (№ 09). — С. 23-34.

Прокофьев, В.А. Дубровинский. — М.: Молодая гвардия, 1969. — 224 с. — (Жизнь замечательных людей.)

Прокофьев, С.С. Дневник. 1907-1933: в 3-х т. — Т. 2. — Paris: sprkfv, 2002. — 866 с.

Расстрельные списки. Донское кладбище [Электронный ресурс] // bessmertnybarak.ru. — Режим доступа: https://bessmertnybarak.ru/books/donskoy_krematoriy.

Руднев, В.А. Советские праздники, обряды, ритуалы / В.А. Руднев. — Л.: Лениздат, 1979. — 206 с.

Северный, П. Крематорий (Из дорожных впечатлений) / П. Северный // Безбожник. — 1927. — № 15. — С. 5.

Селиванов, Ф. Огненное погребение / Ф. Селиванов. — Саратов: Издание Саратовского ОРРИК, 1930. — 23 с.

Семашко. Можно ли сжечь тело Ленина? / Семашко // Рабочая Москва. — 1924. — № 21(583). — 26 января. — С. 7.

Сжигание твердых и жидких экскрементов по системе гражданского инженера В.В. Хрусталева / В.В. Хрусталев. — Харьков: Тип. губ. правл., 1897. — 14 с.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. // Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1942. — 1482 с.

Соколовский, С.Н. Сжигание нечистот в универсальных кремационных печах системы инж. С.Н. Соколовского: докл., чит. на Съезде ж. врачей [в 1911 г.] / инж. С.Н. Соколовский. — М.: Тальман, Отто и К°, 1911. — 8 с.

Сольц, А. Бытовой фронт / А. Сольц // Безбожник. — 1927. — № 1. — С. 2.

Сорокин, П.А. Долгий путь: автобиогр. роман: пер. с англ. — Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. — 304 с.

Социалистическая обрядность: учеб.-метод, и справ.- информ. пособие / Сост. М.Д. Довбуш и др. — Киев: Вища школа, 1985. — 343 с.

Станевич, Ц.К. Удаление твердых домовых отбросов и их сожигание / [докл]. д-ра мед. Цезаря Карловича Станевича. — Вильна: Вилен. мед. о-во, 1901. — 18 с.

Стародубов, А.Ф. Записки очевидца: Екатеринослав 1924-1929 гг. / публ. А.Ф. Фоменко. — Кн. 2. — Днепропетровск: Gaudeamus, 2001. — 318 с.

Таганцев, Н.С. Дневник 1920 — 1921 гг. / Н.С. Таганцев / Публ. К.В. Таганцева; подгот. текста Н.Б. Орловой-Вальской; коммент. В.Ю. Черняева // Звезда. 1998. № 9. С. 130-157.

Теляковский, В.А. Дневники Директора Императорских театров, 1906-1909. Санкт-Петербург / А.А. Теляковский / Под общ. ред. М.Г. Светаевой; подгот. текста М.В. Львовой и М.В. Хализевой; коммент. М.Г. Светаевой, Н.Э. Звенигородской и М.В. Хализевой. М.: "АРТ", 2011. — 928 с.

Терентьева, Д. Послесловие / Д. Терентьева // Каверин В.А. Избранное. — М.: Московский рабочий, 1963. — С. 552-559.

Троцкий, Л.Д. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. — М.: Красная новь, Главполитпросвет, 1923. — 160 с.

Троцкий, Л.Д. О задачах деревенской молодежи. О новом быте. М.: Новая Москва, 1924. — 22 с. — (Библиотека рабоче-крестьянской молодежи.)

Устав врачебный [Электронный ресурс] // Свод законов Российской империи. — СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. — Т. 13. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении, и врачебные. — С. 158-162. — Режим доступа: https://runivers.ru/bookreader/book388226/#page/1/mode/1up.

Устав врачебный, изд. 1905 г. и по прод. 1912 и 1913 г.г., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постатейными разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями / сост. Л. А. Колычев. — Петроград: издание юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1915. — 660 с.

Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Сост. и коммент. К. Тюнькина. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 2. — 623 с.

Файзулин, К. Кладбищенские Цицероны / К. Файзулин // Известия. 1961. — 19 августа. — П. 6.

Фидлер, Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Ф.Ф. Фидлер. — М.: НЛО, 2008. — 864 с.

Филиппов, А. Парк, кладбище и танцы на костях предков [электронный ресурс] / А. Филиппов // Портал «Православие и мир». — 23 июля 2012. — Режим доступа: http://www.pravmir.ru/park-kladbishhe-i-tancy-na-kostyax-predkov/.

Чуковский, К. Дневник (1930—1969) / К. Чуковский. — М.: Современный писатель, 1994. — 560 с.

Чуковский, К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901-1921 / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. — М.: ПРОЗАиК, 2011. — 592 с.

Чураков, Н. Рождение хороших традиций / Н. Чураков // Известия. — 1959. — 8 Июля. — П. 3

Шаламов, В.Т. Четвертая Вологда / В.Т. Шаламов. — Вологда: Грифон, 1994. — 192 с.

Шапорина, Л.В. Дневник: в 2 т. / вступ. ст. В.Н. Сажина, подгот. текста, коммент. В.Ф. Петровой и В.Н. Сажина. — Т. 1. — М.: НЛО, 2011. — 592 с.

Шереметева, О.Г. Дневник и воспоминания / вступ. ст. Г.И. Вздорнова. — М.: Индрик, 2005. — 206 с.

Шитц, И.И. Дневник «Великого перелома» (март 1928 — август 1931) / И.И. Шитц. — Paris: YMCA-press, 1991. — 326 с.

Шундалов И., Кошельков А., Петухова А. Реновация кладбищ: хоронить нельзя сносить // Эксперт. Северо-запад. 25.09.2013 (http://www.old.expertnw.ru/news/2013-09-25/renovatsiya-kladbishch—khoronit-nelzya-snosit).

Эрисман, Ф.Ф. Сожигание и обезвреживание мусора (домового и уличного сора) / [соч.] проф. Ф.Ф. Эрисмана. — СПб.: К.Л. Риккер, 1900. — 34 с.

Якушин, С. Обряд «Похороны» в СССР [Электронный ресурс] // Журнал «Похоронный дом». — Режим доступа: http://www.funeralportal.ru/magazine/1021/4830.html?sphrase_id=29228 (дата обращения: 09.09.2012).

Ярославский, Е.М. Как вести антирелигиозную пропаганду: доклад, прочитанный 20-го апреля на 1-м всесоюзном съезде корреспондентов газеты «Безбожник» и Общества друзей газеты «Безбожник». — М.: Издательство «Безбожник», 1925. — 36 с.

Яцмирский, А.И. Святые горы — место вечного упокоения Пушкина / А.И. Яцмирский // Пушкин: в 6 т. — СПб.: Издание Брокгауз-Ефрон, 1915. — Т. 6. Письма… 1825-1837. Дополнения к письмам. — С. 325-344.

Архивные материалы

Государственный архив Владимирской области (ГАВО)

Фонд Р-19 — Исполнительный комитет Владимирского городского Совета народных депутатов.

Оп. 1. Д. 1714. 1964 г. Протоколы № 6-8 заседаний исполкома горсовета, решения № 204-315 за апрель 1964 г.

Оп. 1. Д. 1740. 1965 г. Протоколы № 17-20 заседаний исполкома горсовета, решения № 1049-1252 за октябрь — ноябрь 1965 г.

Государственный архив Московской области (ГАМО)

Фонд 4557 — Отдел коммунального хозяйства Моссовета (Московское коммунальное хозяйство. МКХ) г. Москва 1917 — 1929 гг.

Оп. 1. Д. 50. 1919 г. Протоколы совещания коллегии отдела погребально-санитарных мероприятий

Оп. 1. Д. 51. 1919 г. Протоколы комиссии по практическому осуществлению кремации в Москве.

Оп. 1. Д. 52. 1919 г. Материалы по обследованию кладбищ, конных дворов, складов (рапорты, доклады)

Оп. 1. Д. 53. 1919 г. Доклад о состоянии похоронного дела в Москве в связи с национализацией кладбищ и похоронных бюро.

Оп. 1. Д. 54. 1919 г. Доклад и рапорт инспекторов-ревизоров Ивенсона К. К. и Дмитриева А. И. о результатах обследования кладбищ г. Москвы.

Оп. 1. Д. 55. 1919 г. Информационный бюллетень и отчет о деятельности подотдела погребально-санитарных мероприятий.

Оп. 1. Д. 56. 1919 г. План Пятницкого кладбища.

Оп. 3. Д. 436. 1919 г. Личные дела рабочих и служащих на буквы "А" и "Б".

Оп. 8. Д. 40. 1925 г. Положение об отделах Благоустройства при районных Советах и протоколы заседаний инженерно-технического персонала, заведующих подотделами планировочной и инвентаризационной комиссий.

Оп. 8. Д. 622. 1921-1919 г. Материалы о постройке кремационной печи профессора Липина.

Оп. 8. Д. 624. 1920 г. Протоколы заседаний коллегии отдела погребально-санитарных мероприятий.

Оп. 8. Д. 625. 1920 г. Отчет о деятельности похоронного п/о за 1920 г. и о необходимых работах в 1921 г. (из россыпи).

Оп. 8. Д. 632. 1921 г. Отчет о деятельности похоронного отдела за январь-май 1921 г. (из россыпи).

Оп. 8. Д. 633. 1923 г. Годовой отчет похоронного п/о за 1922/1923 г.

Оп. 8. Д. 634. 1923 г. Материалы о похоронах Воровского.

Оп. 8. Д. 637. 1924 г. Материалы по обследованию "Коммунистического квартала" Ваганьковского кладбища Похоронного п/о.

Оп. 8. Д. 638. 1924 г. План работы на 1924 г., отчет о деятельности похоронного п/о за октябрь 1923 г. — июнь 1924 г.

Оп. 8. Д. 640. 1925 г. Протоколы производственных совещаний похоронного п/отдела.

Оп. 8. Д. 641. 1925-1926 г. Материалы о постройке крематория (протоколы, технические условия, сметы, докладные записки, переписка с германскими фирмами и др.).

Оп. 8. Д. 643. 1926 г. Материалы о постройке и испытании Крематории (протоколы, докладные записки, акты и др.)

Оп. 8. Д. 644. 1927-1928 г. Материалы общества по распространению идей кремации (протоколы, инструкции, либретто кинофильмов, стенограммы радиобесед, замечания по сценариям и переписка).

Оп. 8. Д. 645. 1927 г. Смета доходов и расходов похоронного отдела на 1927/1928 гг. (из россыпи).

Оп. 8. Д. 646. 1927-1928 г. План работ похоронного п/о на 1927/1928 г. (из россыпи).

Оп. 8. Д. 649. 1928 г. Общество распространения и развития идей кремации (ОРРИК). Переписка и материалы по делу кремации в исходящих бумагах.

Оп. 8. Д. 652. 1928 г. Распоряжения, циркуляры и инструкции похоронного п/о.

Оп. 8. Д. 653. 1928 г. Материалы по благоустройству Лазаревского кладбища (протоколы, отчеты, сметы и планы).

Оп. 8. Д. 654. 1928 г. Материалы о работе похоронного отдела (планы, отчеты, статистические сведения, докладные записки).

Оп. 8. Д. 655. 1929 г. Протоколы заседаний при похоронном отделе и списки могил выдающихся деятелей.

Оп. 8. Д. 656. 1929 г. Протоколы заседаний и устав общества развития и распространения идей кремации в РСФСР (ОРРИК) (из россыпи).

Фонд 4570 — Комиссия по вопросам культа при Московском областном Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Москва 1929 — 1935 гг.

Оп. 1. Д. 56. 1933 г. Переписка с пролетарским райсоветом о немедленном прекращении разрушений и хищений на Рогожском кладбище.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Фонд А-259 — Совет Министров РСФСР (Совмин РСФСР).

Оп. 3. Д. 563. 1942 г. Дело об упорядочении работы похоронного бюро.

Оп. 4. Д. 1716. 1943 г. Дело об улучшении похоронного дела в городах РСФСР.

Фонд А-314 — Главное управление коммунального хозяйства при совете народных комиссаров РСФСР; Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР.

Оп. 1. Д. 4468. 1936 г. Материалы о состоянии и строительстве крематориев.

Оп. 1. Д. 4630. 1938 г. Материалы (пояснительная записка, протоколы, переписка) о достройке крематория в Ростове-на-Дону и оснащении его печами нового типа.

Оп. 1. Д. 4860. 1942 г. Докладные записки инженеров главного управления благоустройства и треста "Оргкоммунэнерго“ о состоянии Московского крематория.

Оп. 2. Д. 3083. 1948 г. План организационно-технических мероприятий МКХ РСФСР на 1948 год по борьбе с текучестью и закреплению рабочей силы в трестах и конторах очистки, зеленого хозяйства и похоронных бюро городов СССР.

Оп. 2. Д. 3218. 1948 г. Материалы по проектированию крематория в городе Горьком.

Оп. 2. Д. 9573. 1953 г. Основные показатели производственной программы трестов похоронного обслуживания городов РСФСР на 1953 год.

Оп. 3. Д. 382. 1954 г. Основные показатели планов трестов похоронного обслуживания городов РСФСР на 1954 год.

Фонд А-339 — Министерство государственного контроля РСФСР.

Оп. 1. Д. 1226. 1944 г. 1. Проверка хозяйственно-финансовой деятельности московского треста похоронного обслуживания и его бюро магазинов в Пролетарском и Советском районах г. Москвы за период январь-сентябрь 1944 г. 2. Проверка выполнения постановления СНК РСФСР от 18.3.43 об улучшении похоронного дела и его магазинов г. Киров и области.

Оп. 1. Д. 4428. 1948-1949 гг. Ревизия финансово-хозяйственной деятельности треста похоронного обслуживания г. Москвы, его отделов и предприятий за 1948 г. (трест похоронного обслуживания).

Оп. 4. Д. 184. 1945 г. Материалы проверки треста похоронного обслуживания.

Оп. 4. Д. 222. 1947 г. Материалы (копии приказов, акты, копии писем с обязательными указаниями и ответов на них) проверки состояния похоронного дела и деятельности городских трестов похоронного обслуживания и их предприятий в городах Куйбышева и Уфе.

Фонд Р-3316 — Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК СССР).

Оп. 25. Д. 247. 1932 г. О реорганизации общества развития и распространения идей кремации во Всесоюзное кремационное общество.

Фонд Р-5407 — Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР (Редакция газеты «Безбожник»).

Оп. 2. Д. 11. 1927 г. Статьи, заметки и пр. корреспонденция с отметкой "возвр" (возвратить).

Фонд 539 — Водовозов Василий Васильевич, публицист, сотрудник журналов «Неделя» и «Русское богатство», газеты «Северный вестник», народник, член партии «Трудовая группа».

Оп. 1. Д. 443. 1907-1913 гг. Представление министра внутренних дел в Гос. Думу об утверждении штата и Положение Томской окружной лечебницы для душевнобольных, об устройстве кладбищ и крематориев, о погребении и регистрации умерших.

Фонд 579 — Милюков Павел Николаевич, историк, лидер Конституционно-демократической партии, депутат III и IV Государственных Дум, министр иностранных дел временного правительства.

Оп. 1. Д. 302. 1914 г. Копия докладной записки митрополиту Московскому от уполномоченных собранием торговцев памятниками о незаконных поборах кладбищенских причтов и письмо челну Думы Челнокову по этому вопросу.

Фонд Р-393 — Народный комиссариат внутренних дел РСФР (НКВД РСФСР) .

Оп. 81. Д. 22. 1928-1929 гг. Постановления (копии), инструкции и правила НКВД и переписка с губернскими административными отделами о порядке регулирования деятельности, регистрации и перерегистрации религиозных объединений, об устройстве кладбищ и порядке погребения.

Оп. 43а. Д. 1838. 1923-1929 гг. Дело по утверждению и регистрации уставов: 1. Объединения молодежи работников новых видов художественного труда "Молодежь Октября"; 2. Московского общества любителей гимнастики и спорта; 3. Медико-педагогического общества при Государственном Медико-педагогическом институте; 4. Белорусского научного общества в г. Москве; 5. Российского общества деятелей по прикладной энтомологии; 6. Российского общества сооружений крематориев в СССР "Рокрематор"; 7. Всероссийского общества слепых; 8. Универсальной Лиги социалистов-универсальеров.

Фонд 5451 — Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС).

Оп. 2. Д. 120. 1918 г. Материалы Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов (анкеты НКТ, ВЦСПС и МСПС по обследованию деятельности московских профсоюзов служащих в банях, рабочих и служащих кладбищ, городских предприятий и парикмахеров за 1917-1918 гг.)

Фонд А-482 — Министерство здравоохранения РСФСР (Минздрав РСФСР).

Оп. 1. Д. 343. 1917-1940 г. Обзор деятельности санитарно-технического совета Наркомздрава, переписка с отделами здравоохранения об устройстве крематориев, об организации санаторий, о включении в бесплатную лечебно-лекарственную помощь амбулатории Наркомздрава студентов медико-педологического института, о назначении врачей на должность, о мерах борьбы с эпидемическими болезнями и по другим вопросам.

Фонд 112 — Особое присутствие Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах.

Оп. 2. Д. 2040. 1874 г. Брошюра неустановленного автора, изданная в Цюрихе, о целесообразности кремации (переписанная /Рогачевой В.П./).

Фонд Р-1235 — Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК).

Оп. 121. Д. 236. 1926-1927 г. Дело об использовании кладбищенского участка в г. Краснококшайске Марийской автономной области на общественные надобности

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Фонд 2266 — Управление городского и сельского строительства Главного комитета Государственных сооружений ВСНХ РСФСР /Архитстрой/.

Оп. 3. Д. 2. 1921. Протоколы (копии) заседания президиума ВСНХ и технического совещания при ПКГС; сметы на строительство 1-го Государственного крематориума в Петрограде и Лужской городской электростанции в Петроградском Совнархозе.

Центральный городской архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПБ)

Фонд Р-2815 — Комиссариат здравоохранения союза коммун северной области. Петроград. 1918-1919.

Оп. 1. Д. 320. 1919 г. Дело по устройству крематория в Петрограде (постановление комиссариата здравоохранения, санитарные правила).

Фонд Р-3183 — Подотдел хозяйственных предприятий Петроградского губернского отдела коммунального хозяйства. Петроград. 1921-1924 г.

Оп. 1. Д. 7. 1921 г. Материалы по постройке крематориума.

Оп. 1. Д. 26. 1919-1923гг. Переписка о постройке крематория.

Оп. 1. Д. 75. 1923-1924 гг. Переписка жителей, живущих вблизи кладбищ с похоронным бюро, о сдаче в аренду земли под покосы и огороды.

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА МСК)

Фонд Р-2512 — Общество распространения и развития идей кремации (ОРРИК)

Оп. 1. Д. 3. 1927-1928 гг. Протоколы заседания президиума правления общества «ОРРИК».